ТИМ ПАУЭРС

ВРАТА АНУБИСА

Премия Филипа К. Дика

fanzon

Врата Анубиса
Тим Пауэрс

Аннотация
Тим Пауэрс. Врата Анубиса
Книга первая. Лицо под шерстью
Пролог. 2 февраля 1802 г.
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Книга вторая. Двенадцать часов тьмы
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
Глава 8
Эпилог. 12 апреля 1846 г.

Аннотация

Специалист по литературе XIX века Брендан Дойль отправляется назад во времени – в 1810 год. Он хочет послушать лекцию поэта Сэмюэля Тэйлора Кольриджа. В Лондоне ему придется столкнуться с изуродованными клоунами, подпольной организацией нищих, безумным гомункулом и магией. Дойля похищают цыгане, и ему не удается вернуться обратно в 1983 год. Филолог превращается в уличного авериста, учит новые трюки и становится фехтовальщиком, только чтобы выжить в темном и предательском мире лондонского дна. Он бросает вызов ядам, пулям, черной магии, убийцам-нищим, заключению в подземелья, наполненные мутантами, и прыжкам во времени. Дойлю придется встретить Лорда Байрона, создателя чудовищ, и волка-оборотня, меняющего тела.

Тим Пауэрс
Врата Анубиса

Tim Powers
THE ANUBIS GATES

Copyright © 1983 by Tim Powers

Серия «Большая фантастика»

© Н. Кудряшев, Е. Барзова, перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Моей жене Серене посвящается

Нельзя войти дважды в одну и ту же реку…

Гераклит

…Плыли они сквозь тьму – и сквозь древность мира…
Так моряки, некогда полные жизни,
Видя, что гибнет корабль,
Ими ведомый,
Не верят, что неизбежно бегут мгновенья.
Так морякам
Больше по вкусу править
Своим долгожданным, желанным паденьем во тьму,
Утопленьем неполным.
Так морякам по душе продлевать стремленье,
Биться упрямо с потоком
Полночной глуби.
Движутся к бездне – от бездны,
Видят утес бессветный,
Ищут – уже без надежды – к нему восхожденья.
Путь их неспешный распался на сотни осколков.

Так моряками
Утрачена воля к свету – к живому дыханью.
Отныне
Станут искать они лишь глубины могил,
Лежащих вдали почти что забытого солнца…

Вильям Эшблес. «Двенадцать Часов Тьмы»

Книга первая
Лицо под шерстью

Пролог
2 февраля 1802 г.

Хоть много отнято, но многое сбылось,
И нет уже той силы, что в былые дни
Землею двигала и небом…

Альфред, лорд Теннисон

На гребне холма, меж двух деревьев, стоял древний старик и смотрел вниз. Там, внизу, у подножия холма собирались в обратный путь последние из приехавших в тот день на пикник. Они складывали корзины, седлали коней и один за другим удалялись к югу. Всадники заметно спешили — до Лондона шесть миль, а солнце уже клонится к закату, четко рисуя черные силуэты на фоне предвечернего неба.

Старик дождался, пока скроется из виду последний всадник, и повернулся лицом к заходящему солнцу. Ладья Вечности, думал он, неотрывно глядя на медленно заходящее светило, — ладья, несущая по небосклону умирающего божественного Ра-Гелиоса. Ладья Солнца — ты движешься от начала времен по Небесному Нилу, с востока

на запад, вечно и неизменно — к верховьям реки тьмы. И там, в подземном мире, проходишь свой путь с запада на восток — через двенадцать часов тьмы, к дальнему восточному пределу, дабы явиться вновь и, как было определено, от начала времен до последнего дня перевозить через реку времен обновленное и вечно юное царственное Солнце.

Или, подумал он горько, бесконечно удаленный от нас Космос не может вместить необъятное и неподвижное небесное тело из раскаленного газа, вокруг которого бессмысленно вращается этот маленький шарик планеты, подобно шарику из навоза, который толкает куда-то жук-скарабей.

Он осознал, что утратил прежний дар. Ну же, возьми себя в руки, приказал он себе и начал медленно спускаться с холма, — и да будут даны тебе силы принять смерть по собственной воле, ибо время пришло и выбор сделан — так пусть же свершится то, чему должно свершиться.

Ему пришлось идти осторожно, старательно выбирая, куда поставить ногу: японские сандалии на деревянной подошве — не самая подходящая обувь для спуска с холма по кочкам и скользкой траве.

Среди шатров и повозок уже горели костры.

Прохладный вечерний ветерок доносил едкий первобытный запах табора: привычный запах пасущихся ослов, запах дыма, запах жарящихся ежей — блюда, к которому его народ имел особое пристрастие. У него перехватило дыхание, когда он почувствовал едва уловимый запах, исходивший от ящика, доставленного в полдень, — зловоние, как от извращенных приправ, призванных вызывать скорее отвращение, нежели аппетит, — запах тем более неуместный, когда его приносит чистый и свежий ветерок с холмов. У шатров его встретили две собаки. Они подбежали, обнюхали его и успокоились. Потом одна бросилась вприпрыжку к ближайшему шатру — сообщить хозяину, другая с явной неохотой побрела вслед за Аменофисом Фике в табор.

На лай из шатра вышел смуглый человек в полосатом пальто и решительно направился к Фике. Он, как и собаки, хорошо знал старика.

— Добрый вечер, руа, будешь какой обед? У них на огонь есть хочевичи, пахнут очень кусно.

— Так кусно, как всегда пахнут хочевичи, надо думать, — отсутствующе пробормотал Фике. — Но нет, благодарю. Вы все берите сами.

— Я — нет, руа. Моя Бесси готовила кусно хочевичи. С тех пор как она умирать, я их никогда

не кушать.

Фике кивнул, хотя совершенно очевидно, что ничего не слышал.

— Очень хорошо, Ричард… — Он помедлил, словно надеясь, что его прервут, но этого не произошло. — Когда солнце зайдет совсем, возьми несколько чели. Снесите ящик вниз, по берегу, к шатру доктора Ромени.

Цыган подергал себя за усы и начал хитрить и изворачиваться.

— Та самый ящик, что моряк принести сегодня?

— А какой еще ящик, по-твоему? Разумеется, тот самый.

— Чели сказали, этот ящик — плохой. Там что-то мертвый, много-много лет.

Аменофис Фике нахмурился, посмотрел неодобрительно и поплотнее закутался в плащ. Последние лучи солнца остались там, на вершине холма, и сейчас, среди сумеречных теней, лицо его казалось не более живым, чем дерево или камень.

— Ну ладно, — произнес он наконец, — в ящике — прах. И безусловно, уже много-много лет.

Он одарил оробевшего цыгана улыбкой, которая производила примерно такое же впечатление, как если бы обрушилась часть холма и

обнажила древний известняк.

— Но не мертвый. Я… я надеюсь. Во всяком случае, не совсем.

Это объяснение не произвело должного впечатления на цыгана, который отнюдь не выглядел успокоенным. Он собрался было открыть рот и произнести очередную почтительную тираду, но Фике повернулся и величаво удалился в сторону реки. Его плащ развевался по ветру, как надкрылья гигантского жука.

Цыган вздохнул и, неуклюже переваливаясь, пошел к шатру — он старательно изображал хромоту, которая, как он надеялся, позволит избежать участия в переноске такого гадкого и страшного ящика.

Фике неторопливо шел вдоль по берегу к шатру доктора Ромени.

Шатер доктора Ромени стоял на отшибе, растянутый на веревках меж деревьев. Во всей этой оснастке он походил на огромный корабль.

Ко множеству распорок крепились канаты. Сооружение было многослойным и беспорядочным. Этот шатер, подумал Фике, напоминает молящуюся монахиню в зимнем облачении, в страхе припавшую к земле близ реки. Ныряя под бесчисленные веревки, Фике пробрался ко входу.

Он откинул полог и ступил в шатер, щурясь от яркого света. Мерцающие светильники озаряли роскошное убранство, пестрые восточные ковры, расшитые золотом драпировки.

Доктор Ромени встал из-за стола, и Фике испытал безнадежную зависть. «Почему я? — мысленно вопрошал Фике. — Почему не Романелли?» Он вспомнил встречу в Каире в сентябре прошлого года.

Фике стянул с себя плащ и шляпу и отшвырнул их в угол. Голова Ромени, лысая, как бильярдный шар из слоновой кости, отражала мерцание светильников. Доктор Ромени, нелепо подскакивая на пружинящих подошвах, направился к вошедшему и изобразил дружеское рукопожатие.

— То, что мы… то, что вы намерены предпринять сегодня ночью… Это будет великое свершение, — сказал он приглушенным басом. — Единственное, чего бы я хотел — присутствовать здесь лично.

Фике слегка нетерпеливо пожал плечами.

— Мы оба — слуги. Мой пост — в Англии, ваш — в Турции. Я полностью отдаю себе в этом отчет и понимаю, почему вы можете присутствовать здесь не лично, а как «реплика».

— Не говоря уже о… — Ромени заговорил на-

распев, пытаясь вызвать эхо в задрапированном мягкими тканями шатре. — Если вы сегодня умрете, можете мне поверить, ваше тело будет набальзамировано и погребено с исполнением всех надлежащих обрядов и пением молитв.

— Если меня постигнет неудача, — ответил Фике, — то молиться будет некому.

— Я не сказал «неудача». Может случиться так, что вы добьетесь успеха и откроете врата, но умрете, так и не завершив начатого, — невозмутимо уточнил Ромени. — В таком случае вы должны бы желать исполнения надлежащих обрядов.

— Очень хорошо, — устало кивнул Фике. — Хорошо, — добавил он.

У входа послышались шаркающие шаги.

— Руа, — раздался взволнованный голос, — куда лучше поставить эти врата? Поспеши. По-моему, духи уже выходят из реки, чтобы посмотреть.

— Очень может быть, — пробормотал доктор Ромени, глядя на то, как Фике дает указания цыганам.

Те торопливо внесли предмет в шатер, опустили его на пол и быстро попятились к выходу, не забывая, однако, о почтительности.

Два очень старых человека стояли и в мол-

чании смотрели на ящик. Молчание длилось. Наконец Фике стряхнул оцепенение и заговорил:

— Я велел цыганам, чтобы в случае моего… отсутствия они почитали вас, как руа.

Ромени кивнул, склонился над ящиком и начал отдирать доски.

Отшвырнув мятую бумагу, он осторожно извлек маленький деревянный ящик, перевязанный бечевкой, и поставил его на стол. Затем отодрал от упаковочного ящика оставшиеся доски и, кряхтя, выудил бумажный сверток, который тоже положил на стол. Сверток был почти квадратным — три фута с каждой стороны, шесть дюймов толщиной. Ромени поднял глаза.

— Книга, — сказал он.

Явно ненужное замечание: Аменофис Фике и без того знал, что это такое.

— Если только он смог это сделать там, в Каире, — прошептал Фике.

— Сердце Британского Королевства, — напомнил доктор Ромени. — Или, может быть, вы вообразили, что он способен перемещаться?

Фике кивнул и вытащил из-под стола стеклянный шар с выдвижной секцией, который положил рядом со свертком. Он начал развязывать бечевку на ящичке. Тем временем Ромени

раскрыл сверток, и взору его предстала шкатулка черного дерева, инкрустированная слоновой костью. Поверхность шкатулки покрывали древние иероглифы. Крышку придерживал кожаный ремешок, такой ветхий, что от одного прикосновения рассыпался в прах. Ромени открыл шкатулку. Внутри находился потемневший от времени серебряный ларец с такими же иероглифами. Он откинул крышку ларца и увидел золотой ящичек филигранной работы; поверхность засверкала в свете светильников. Фике открыл деревянный ящичек и показал закупоренный стеклянный сосуд, бережно завернутый в бархатистую ткань. Фиал содержал в себе унцию густой темной жидкости, в которой виднелся осадок.

Доктор Ромени сделал глубокий вдох и откинул крышку золотого ящичка…

* * *

И свет померк… Ромени почудилось, будто в шатре разом погасли все светильники. Он оглянулся — светильники горели все так же, но почти весь свет ушел из шатра, и очертания предметов утратили четкость линий. Ромени видел все, но как сквозь закопченное стекло. Он зябко поежился и поплотнее запахнул пальто. И тепло ушло,

безнадежно отметил он.

И впервые за весь этот вечер ему стало по-настоящему страшно. Ромени заставил себя посмотреть на книгу, которая покоилась в ящичке. Книгу, вобравшую в себя и свет, и тепло. На древнем папирусе сияли иероглифы — сияли не светом, но непроглядностью тьмы, которая высасывала из глаз его душу. И значения иероглифов ясно и действенно отпечатывались в его мозгу, словно они были созданы так, чтобы быть понятными любому, даже тому, кто не может прочесть древнеегипетский манускрипт. Их начертал бог Тот — отец и дух языка — в те далекие времена, когда мир был юным.

Ромени отвел благоговейный взгляд, но чувствовал, что слова эти навеки запечатлелись в его душе, как огненные знаки, как крещение кровью.

— Кровь, — с трудом выдавил он. И даже способность воздуха передавать звук, казалось, ослабла. — Кровь нашего Мастера, — повторил он, обращаясь к туманной фигуре, которая была Аменофисом Фике. — Помести это в сферу.

Словно в тумане он увидел, как Фике открывает стеклянную сферу, берет фиал, подносит его к отверстию и вынимает пробку. Темная жидкость

забурлила, поднялась и окрасила верхушку стеклянного шара. Луна уже должна взойти, осознал внезапно Ромени. Капля упала на ладонь Фике, зашипела и обожгла кожу.

— Вы… вы сами… — отрывисто бросил доктор Ромени и неверной походкой направился к выходу. Ночной воздух показался теплым в сравнении с могильным холодом шатра. Ромени начал отступать к берегу реки. Он по-прежнему двигался ощупью, пошатываясь и подпрыгивая. Он в ужасе залег за пригорком ярдах в пятидесяти вверх по течению и оглянулся на шатер.

Ромени отдышался, сердце перестало как бешеное колотиться о ребра. Он вспомнил о Книге Тота и содрогнулся. На протяжении последних восемнадцати веков если что-либо и давало возможность изменения привычного порядка вещей, так только эта Книга. Ромени никогда ранее не видел ее, но знал, что когда Сетнау-эм-Васт тысячи лет назад спустился в гробницу Птах-неферка в Мемфисе с тем, чтобы вновь обрести Книгу, погребальную камеру заливало сияние, исходившее от Книги.

И это заклинание, печально думал он, этот великий шаг, который попытаются сделать сегодня вечером… Ведь это было смертельно опасным

еще тогда, в те времена, когда магия не давалась таким трудом и не назначала столь высокую цену. Ведь даже если четко выполнять все указания, результат все равно остается непредсказуемым. Даже в те дни, думал он, никто, кроме наихрабрейших и наиболее искушенных жрецов, не осмелился бы обратиться к этому заклинанию и произнести «хекау» — слова, дающие власть и могущество. Слова, которые Фике собирается произнести сегодня. Слова, являющиеся заклинанием и приглашением к обладанию. Слова, обращенные к псоглавому богу Анубису — или к тому, что от него осталось ныне, чем бы оно ни было. К Анубису, который во времена могущества Египта владел подземным миром и вратами из его мира в мир иной.

Доктор Ромени оторвал пристальный взгляд от шатра и посмотрел на противоположный берег реки. Там простиралась череда холмов, поросших вереском. Северный пейзаж, подумал он. Ночной ветер донес странный имбирный запах.

Чужой ветер. Чужие холмы. И он вспомнил путешествие в Каир. Четыре месяца назад Мастер призвал их — его и Аменофиса Фике. Мастер никогда не путешествовал: его пугали неудобства. Он предпочитал пользоваться услугами

тайных посредников. Он поставил перед собой цель — очистить Египет от порчи, как мусульманской, так и христианской. И у него были возможности сделать это. Он обладал огромным могуществом и готов был использовать любой удобный случай. Кроме того, Мастер хотел избавить страну от турецкого паши и иностранных наемников и возродить великий Египет. Битва при Пирамидах четыре года назад — тогда казалось, что это поражение. Но вышло так, что это был первый реальный прорыв к осуществлению задуманного. Итак, французы в Египте. Ромени прищурился, словно глядя в то далекое время, и вновь услышал треск французских мушкетов, эхом отражавшийся от глади Нила в тот жаркий июльский полдень. Услышал грохот барабанов перед кавалерийской атакой мамелюков… С наступлением ночи армии египетских правителей Ибрагима и Мурад-бея были разбиты. Французы под предводительством молодого тогда генерала Наполеона овладели страной.

Доктор Ромени вскочил на ноги — дикий, рвущий душу вой заполнил все пространство, эхом отдаваясь от речной глади. Вой длился и длился. Прошло, должно быть, всего несколько коротких мгновений, но они показались доктору Роме-

ни вечностью. И когда звук наконец затих, он услышал, как цыгане испуганно бормочут охраняющие заклинания. Из шатра не доносилось ни звука. Ромени перевел дыхание и опять залег за пригорком. «Удачи тебе, Аменофис, — подумал он. — Я хотел бы сказать сейчас: «Да пребудут с тобой наши боги», но я не могу сказать этого. Пока. Ибо это и есть то, что ты делаешь».

Когда французы обрели господство над Египтом, это выглядело как конец всякой надежды на возрождение старого порядка в стране. И тогда их Мастер использовал заклинания, которые управляют ветром и морскими течениями. И тогда адмирал Нельсон выиграл сражение и уничтожил французский флот менее чем через две недели после того, как французы заняли Египет. Но затем оказалось, что французская оккупация — Египет все равно остался французским — пошла на пользу планам Мастера. Французы укротили надменную власть мамелюкских беев и в 1800 году выдворили душивших страну турецких наемников. И генерал, который принял командование войсками в Каире, — это случилось, когда Наполеон уже вернулся во Францию, — генерал Клебер не вмешивался в политические интриги Мастера и не препятство-

вал его попыткам обратить мусульманское и коптское население в истинную веру и возродить культ Озириса, Изиды, Гора и Ра.

Французская оккупация фактически сделала для Египта то, что прививка коровьей оспы делает для человеческого тела, — внесла инфекцию управляемую, которую легко устранить, вместо смертельной, от которой может избавить только смерть организма.

Потом, конечно, как всегда, все пошло не так. Сумасшедшие сторонники какого-то движения из Алеппо убили Клебера на улице Каира ударом кинжала. Смятение и замешательство длились несколько месяцев. Тем временем Британии удалось собраться с силами, и в сентябре 1801 года незадачливый преемник Клебера капитулировал в Каире и Александрии. Английские войска вступили в страну и менее чем за неделю арестовали добрую дюжину посредников Мастера. Новый британский губернатор нашел повод, чтобы закрыть храмы, посвященные древним богам, — те самые храмы, которые Мастер воздвиг в окрестностях города.

Охваченный отчаянием, Мастер послал за двумя самыми старыми и самыми могущественными помощниками — Аменофисом Фике из

Англии и доктором Романелли из Турции. Мастер посвятил их в свой план. На первый взгляд могло показаться, что это не более чем бредни выжившего из ума старика. Но Мастер утверждал, что не видит иного способа стереть Британию с политической карты мира и восстановить мощь Египта.

Они нашли Мастера в огромной сводчатой зале, где тот пребывал в обществе «ушабти» — четырех восковых фигур, заменявших ему слуг и собеседников. Мастер, возлежа на своем необычном ложе, напоминавшем скорее выступ в стене, начал речь с замечания о том, что христианство — безжалостно палящее солнце, чьи лучи выпарили самую суть реальности и оставили лишь сухую оболочку магии. Но ныне это солнце затмила пелена облаков сомнения, поднимающихся от писаний людей, подобных Вольтеру, Дидро и Годвину.

Романелли, нетерпеливый к пространным метафорам древнего мага — так же, впрочем, как и ко всему остальному, — прервал Мастера, прямо спросив, каким образом все вышеизложенное может помочь изгнать британцев из Египта.

— Это процесс магический… — начал было Мастер.

— Хм, магия! — тут же прервал его Романелли

так презрительно и насмешливо, как только посмел. — Ныне это солнце затмила… ну и так далее. Позволю себе заметить, что «ныне», как вы изволите выражаться, у нас разваливается голова и двоится в глазах — не говоря уже о потере пяти фунтов веса, — если мы пытаемся напустить чары на свору уличных собак и прогнать их с дороги. Но при всем при этом собаки попросту дохнут на месте. А отнюдь не убегают. Куда как проще кричать и размахивать палкой. Я полагаю, вы не забыли своих страданий после того, как поиграли три года назад с погодой у мыса Абукир[1]. Ваши глаза слезились и болели, а ваши ноги…

— Как вы говорите, я не забыл, — холодно сказал Мастер, глянув из-под полуприкрытых век на Романелли. Тот привычно затрепетал под ненавидящим взором. — Если это случится… Заклинание должен произнести не я, а один из вас. Место следует выбрать вблизи сердца Британской империи, то есть в окрестностях Лондона. Мое состояние не позволяет мне путешествовать. Но я защищу вас самыми сильными

---

[1] Примечания: 1

1 августа 1798 года адмирал Нельсон уничтожил французский флот у мыса Абукир, в Абукирской бухте на средиземноморском побережье Египта. В 1799 году у мыса Абукир французы разбили турецкую армию. В 1801 году мыс был занят англичанами, вскоре полностью вытеснившими французов из Египта.

заклинаниями из тех, что остались, и обеспечу вас охраняющими амулетами. Работа сопряжена с определенным риском — она может изменить самого мага. Сейчас каждый из вас вытянет по соломинке из циновки на том столе, и тот, кому достанется короткая, и совершит эту работу.

Фике и Романелли посмотрели на две соломинки, торчавшие из неровного края циновки, потом — друг на друга.

— И что это за заклинание? — осведомился Фике.

— Вы ведь знаете, наши боги ушли. Они пребывают ныне в подземном мире, врата которого не открывались вот уже восемнадцать веков. Их и нельзя было открыть — их удерживала некая сила. Я сам не понимаю, каким образом, но уверен, что это связано с христианством. Анубис — бог того мира, бог врат — уже не имеет воплощения, чтобы явиться здесь. — Ложе Мастера покачнулось, и он на мгновение прикрыл глаза от боли. — Это заклинание, — с трудом проговорил он наконец, — из Книги Тота. Призыв к Анубису вступить в обладание чародеем. Оно позволит богу обрести тело — ваше тело. И еще, когда вы произнесете это заклинание, вы одновременно будете писать другое, составленное мною. Чтобы

открыть новые врата между двумя мирами. Врата, которые разрушат не только стену смерти, но и стену времени. Если заклинание сработает, они откроются из подземного мира сорок три века назад, когда боги — и я — стояли у истоков мира.

Наступило молчание, достаточно продолжительное для того, чтобы ложе Мастера сдвинулось еще на пару дюймов. Наконец Фике заговорил:

— И дальше что?

— А дальше, — еле слышно прошептал Мастер, и эхо подхватило и усилило его голос, — боги Египта ворвутся в современную Англию. Живой Озирис и Ра утреннего неба, Гор и Хонсу обратят в прах христианские храмы и изменят своей божественной силой ход событий. И чудовища Сет и Себек пожрут всех, кто посмеет противиться! Египет возродится к высшей власти, и мир вновь станет чистым и юным.

«И каковы же наши роли в этом чистом и юном мире?» — с горечью подумал Романелли.

— Да?.. — с сомнением протянул Фике. — Вы что, правда думаете, что такое возможно? В конце концов, мир уже был однажды юным. Старик не сможет вновь стать жизнерадостным юношей. Никогда. И вино никогда не станет виноградным соком. — Мастер начал проявлять признаки

недовольства. — Может, нам лучше попробовать приспособиться к новым богам? Или нам вообще не позволено об этом заговаривать? Может, мы цепляемся за тонущий корабль?

Мастера охватил такой припадок гнева и бессильной ярости, что он даже не смог произнести ничего вразумительного, но лишь издавал нечленораздельные звуки. Поэтому восковой ушабти задергался и задвигал челюстями.

— Приспособиться? — вскричал ушабти голосом Мастера. — А может, еще и окреститься желаете? А вы знаете, что с вами сделает христианское крещение? Оно уничтожит вас. Вы просто перестанете существовать. Идиоты! Вы тут же погибнете, как мотылек в пламени свечи. — От неистовых воплей Мастера губы ушабти треснули. — Тонущий корабль? Вы, вши смердящие! А что, если он должен утонуть… Сейчас идет ко дну… Уже утонул! Да я лучше буду кормчим затонувшего корабля, чем… в загоне для скота на новом корабле! Неужели я должен… к… к… к-ха… — Губы восковой фигуры раскололись. Несколько мгновений Мастер и ушабти невнятно бормотали хором. Наконец Мастеру удалось взять себя в руки, и статуя замолчала. — Мне освободить тебя, Аменофис? — спросил Мастер.

Романелли вспомнил, слишком отчетливо, что однажды уже видел очень старого слугу Мастера, внезапно освобожденного от магических уз. Этот человек на глазах поблек, усох, умер, развалился на части и, наконец, обратился во прах. Но куда хуже, чем картина смерти и распада, было воспоминание о том, что человек этот все время находился в сознании, и его мучения были ужаснее, чем смерть в пламени.

Молчание длилось, не прерываемое ничем.

— Нет, — сказал наконец Фике, — нет.

— Ты один из корабельной команды и должен повиноваться. — Мастер махнул искалеченной рукой в направлении стола. — Выбирай соломинку.

Фике посмотрел на Романелли. Тот вежливо поклонился и отступил: «После вас». Фике покорно подошел к циновке и вытянул соломинку. Разумеется, короткую.

* * *

Мастер отправил их к развалинам Мемфиса скопировать с тайного камня иероглифы — его подлинное имя. И здесь-то они испытали сильнейшее потрясение. Фике и Романелли уже видели однажды, много веков назад, камень

с именем Мастера. Два иероглифа — огонь на блюде и сова в круге, перечеркнутые крест-накрест, — Тохача-эм-Анкх, что означало «власть над жизнью». Но сейчас на древнем камне были высечены другие письмена. Три иероглифа в форме зонтика, маленькая птичка, сова, нога, опять птица и над строкой — рыба. «Кхаибиту-эм-Бету-Таф», — прочитали они и мысленно произнесли: «Тени мерзости».

И, несмотря на зной раскаленной пустыни, Романелли внезапно ощутил леденящий холод. Он захотел произнести это вслух, но, вспомнив того, кто на его глазах обратился во прах, усилием воли заставил себя сомкнуть уста и не назвал тайного имени. «Кхаибиту-эм-Бету-Таф», — покорно повторил он.

Фике и Романелли возвратились в Каир. Мастер не сразу отпустил Романелли в Турцию — ему требовалось время, чтобы сделать копию Романелли или, как они предпочитали говорить, «реплику». Мастер создал из магической субстанции двойника и вдохнул в него жизнь. Оживший дубликат, «ка», был отправлен вместе с Фике в Англию, чтобы ассистировать в таинстве призывания Анубиса. Но только трое знали, что его основная задача состоит совсем в другом.

На него возлагалась обязанность проследить за неукоснительным выполнением всех инструкций Мастера. В противном случае он должен был принять соответствующие меры. С этого часа двойник должен жить с цыганами Фике, ожидая прибытия Книги и фиала с кровью Мастера. Фике назвал «ка» доктором Ромени. Ромени — слово, которое используют цыгане, когда говорят о своем языке, обрядах и обычаях.

* * *

Из шатра донеслось очередное завывание. На сей раз звуки напоминали скрежет металла о стекло — невероятно, чтобы такое могло исходить из горла живого существа. Вой нарастал, заполняя собой все. Воздух вибрировал, как натянутая струна. В следующее мгновение Ромени с изумлением обнаружил, что вода в реке неподвижна, как стекло. Все застыло. Невыносимый звенящий звук достиг верхней точки и тоже застыл, наполняя собой окрестности. Наконец — словно что-то разбилось — Ромени явственно ощутил, как лопнула окружавшая его тонкая оболочка. Страшный вой оборвался. Отдельные звуки, подобно осколкам стеклянного шара, падали в пустоту, отдаваясь в ушах безумными,

безнадежными стонами. Ромени почувствовал, что воздух разжимается, как пружина. И в этот момент шатер загорелся ярким желтым пламенем. Ромени опрометью бросился вниз по берегу — бежать было легко, все вокруг заливало ослепительное сияние. Он подбежал к шатру. Обжигая пальцы, Ромени откинул полог и прыгнул внутрь. Дым разъедал глаза. Стоны и жалобные всхлипывания… Какая-то груда старого тряпья в углу… и тут Ромени понял, что это Фике. Или то, что от него осталось.

Ромени захлопнул Книгу Тота, убрал ее в золотой ящичек, прижал к себе, укрывая от огня, и, спотыкаясь, стал пробираться к выходу. Удалившись на безопасное расстояние, он услышал позади тявканье и подвывание. Ромени обернулся.

Около шатра, пытаясь потушить тлеющую одежду, каталось по земле нечто.

— Аменофис! — заорал Ромени, перекрывая шум пожара.

Фике встал и обратил на Ромени бессмысленный отсутствующий взгляд, затем запрокинул голову и завыл на луну, как шакал.

Ромени не раздумывая выхватил из карманов пальто два кремневых пистолета, прицелился…

Раздался выстрел. Фике подскочил, тяжело осел на землю и стал быстро улепетывать на четвереньках. Он удалялся в темноту, опираясь на руки и колени — на двух ногах… на всех четырех ногах…

Ромени прицелился из второго пистолета со всей возможной тщательностью и выстрелил опять. Но бегущее вприпрыжку «воплощение» Анубиса — или того, что от него осталось, — отнюдь не собиралось падать замертво. Оно стремительно удирало и вскоре скрылось из виду.

— Проклятие! — прошептал Ромени. — Но это ничего не меняет. Ты умрешь, Аменофис. Только умрешь не здесь.

Он посмотрел вверх, на небо, и не нашел знаков присутствия богов. Никаких. Он посмотрел на запад и увидел, что солнце не собирается возвращаться. Ход событий остался неизменным. Ромени устало и безнадежно покачал головой.

Как большинство нынешних магов, он с горечью думал о том, что опять все проделано, но это не осуществилось.

Не обрело должного завершения. Он убрал пистолеты, поднял с земли Книгу и, пошатываясь, медленно побрел назад, в табор. Попрятались все.

Даже собаки. Ромени никого не встретил на пути к шатру Фике. Войдя внутрь, он положил золотой ящичек и зажег светильники. Затем удалился в ночь, прихватив маятник, нивелир, подзорную трубу и камертон. Для выполнения расчетов геометрических и алхимических. Ему нужно было поработать и определить, что произошло — если произошло, и как распространилось действие заклинания — если распространилось.

Глава 1

В текущем потоке нет постоянства и невозможно сохранить верность. Чем является на самом деле все то, что человек столь высоко ценит? То же самое, если кто-то влюбился в пролетающего воробья, а тот уже скрылся из виду.

Марк Аврелий

Машина плавно свернула к обочине и остановилась. Брендан Дойль, до этого момента спокойно сидевший на заднем сиденье, стал выказывать первые признаки беспокойства — он несколько суетливо заерзал, пытаясь выглянуть из-за спины водителя и разглядеть, что там впереди. То, что он увидел, усилило недоверие и тревогу, но вопреки очевидности Дойль понадеялся, что это лишь временная остановка, а вовсе не пункт назначения. Робкие надежды не оправдались — водитель выключил фары и явно не собирался двигаться дальше. Со всевозрастающим удивлением он разглядывал участок утрамбованной земли за довольно внушительным ограждением. Огороженное пространство заливал яркий

свет прожекторов, установленных на столбах по всему периметру. Где-то совсем рядом слышался мощный гул работающей техники — судя по звуку, бульдозер, но, может быть, и трактор или экскаватор, в общем, нечто строительное.

Да, подумал Дойль, больше всего это напоминает строительную площадку, но какого черта меня сюда притащили?

— Почему мы остановились здесь? — спросил он безнадежно.

Водитель проворно выскочил из машины. Дойль зябко поежился — то ли от холодного ночного воздуха, то ли от нарастающего беспокойства.

— Мистер Дерроу сейчас здесь, — объяснил водитель. — Проходите сюда, я возьму багаж, — добавил он и взял чемодан Дойля.

Дойль хранил молчание те десять минут, пока они добирались от аэропорта Хитроу до этого странного места, но сейчас его нервозность из-за неопределенности ситуации превысила нежелание задавать вопросы.

— Насколько я понял, те двое, что связались со мной в Фуллертоне, в Калифорнии, вроде говорили, что эта работа как-то связана с Сэмюэлем Тейлором Кольриджем, — начал он неуверенно,

пока они шли к воротам. — Вы не знаете… что это конкретно?

— Я уверен, что мистер Дерроу вам все объяснит. Наверное, это связано с лекцией.

Сейчас водитель был склонен поболтать — он расслабился и испытывал видимое удовольствие, что его участие в эстафете уже почти закончилось. Дойль остановился — он не поверил своим ушам.

— С лекцией? Меня заставили мчаться в Лондон, за шесть тысяч миль, с запада на восток, через двенадцать часов тьмы… — «и предложили двадцать тысяч долларов», — добавил он мысленно, — …чтобы я прочитал лекцию?

— Я действительно не знаю, мистер Дойль. Как я вам уже сказал, Дерроу вам все объяснит.

— А не связано ли это с тем местом, на которое он недавно принял Стирфорта Беннера? — продолжал настаивать Дойль.

— Я не знаю мистера Беннера, — беззаботно сказал водитель, — нам пора идти, ведь вы знаете, что график довольно плотный.

Дойль вздохнул и последовал за водителем. И тогда он заметил, что по верху забора протянута колючая проволока… Да, конечно, это как-то настораживает, но, с другой стороны, можно

рассматривать и как нечто естественное — Дойль предпринял попытку успокоиться, и ему даже почти удалось, но, еще раз искоса глянув на угрожающую изгородь, он заметил нечто уж совсем ни с чем не сообразное. Представьте себе: на изгороди, через равные промежутки, были привязаны клочки бумаги, исписанные загадочными иероглифами, и какие-то веточки, возможно, омелы. Да уж! Похоже на то, что странные сведения, появляющиеся в прессе о деятельности знаменитой международной научной корпорации Дерроу, так называемой ДИРЕ, вовсе даже не пустые сплетни и байки журналистов, вечно гоняющихся за сенсацией.

— Возможно, мне следовало сказать об этом раньше, — окликнул он водителя, пытаясь скрыть дрожь в голосе за делано шутливым тоном, — но я не могу работать с планшетками, вертящимися столами и прочими спиритическими штучками.

Водитель поставил чемодан на землю и нажал кнопку на столбе ворот.

— Я не думаю, что это понадобится, сэр, — произнес он спокойно.

С другой стороны ворот к ним поспешил охранник в униформе. Ну что же, вот ты и внутри,

сказал себе Дойль. По крайней мере у тебя останется чек на пять тысяч долларов, даже если ты и отклонишь это предложение, чем бы оно ни обернулось.

* * *

Час тому назад Дойль даже обрадовался, когда стюардесса разбудила его, чтобы попросить пристегнуть ремни, — ему опять снился сон о смерти Ребекки. Всегда в первой части этого сна он — как будто и не он, а кто-то другой с даром предвидения. И каждый раз он делал безуспешные попытки найти Брендана и Ребекку Дойль до того, как они сели на мотоцикл. Или хотя бы до того, как старая «Хонда» выйдет на серпантин от Бич-бульвар к шоссе Санта-Ана, — и всегда безуспешно. Визг тормозов, его машину закручивает в последнем повороте — и опять слишком поздно… старый мотоцикл несется на полной скорости к обрыву и исчезает за поворотом. Вообще-то обычно ему на этом месте удавалось проснуться, но он уже выпил немного виски и на сей раз не смог. Он сел и, продирая глаза, огляделся — кабина пилотов, мирно дремлющие пассажиры. В салоне горел свет, и в иллюминатор он увидел лишь темноту — опять ночь, — хотя

еще совсем недавно внизу простирались безбрежные ледяные равнины. Путешествия на реактивном самолете были достаточно дезориентирующими и сами по себе. Дойль полагал, что устраивать такие прыжки с шестом, когда в результате ты даже не в силах догадаться, какое сегодня число, — уже явно перебор. Когда он в последний раз летал в Англию, он смог позволить себе ненадолго остановиться в Нью-Йорке, но, конечно же, ДИРЕ слишком спешила, чтобы разрешить ему путешествовать по транзитному билету с правом остановки.

Он попробовал устроиться поудобнее, случайно задел откидной столик, и стопка бумаг шмякнулась на пол. Леди, сидевшая через проход, подпрыгнула от неожиданности, и Дойль улыбнулся с дипломатической вежливостью, подбирая бумаги с пола. Он сортировал рассыпавшиеся страницы и замечал пробелы и пометки с вопросами, небрежно записанные каракулями.

Дойль уныло размышлял, что же ему делать дальше, если даже в Англии — так как он действительно собирался продвинуться в своем творческом свободном исследовании — не удастся раскопать недостающие данные к биографии поэта, которая никак не складывалась вот уже

два года. Кольридж был прост, обиженно подвел он итог своим невеселым думам, продолжая запихивать бумаги в портфель, а вот Вильям Эшблес… какая-то чертова головоломка!

* * *

Упавшая книга называлась «Жизнь Вильяма Эшблеса» Бейли. Она лежала открытой, и несколько пожелтевших от времени страниц выпали. Дойль бережно вложил их на место, любовно закрыл книгу, стряхнул с пальцев прах и уставился на бесполезный том.

Пожалуй, сказать, что жизнь Эшблеса недостаточно документирована — это еще очень сдержанное высказывание. Вильям Хезлит написал в 1885 году краткий очерк его творчества и мимоходом упомянул некоего Джеймса Бейли, близкого друга Эшблеса, написавшего очень осторожную биографию, которую и сочли образцом за отсутствием других источников. Дойлю удалось дополнить эту биографию письмами, дневниками и полицейскими отчетами, проливающими слабый свет на жизнь поэта, но пробелы все-таки оставались.

В каком именно городе Виргинии, например, Эшблес жил с момента рождения до 1810 года?

Сам Эшблес иногда называл Ричмонд, иногда Норфолк, но не существует документов, относящихся к американскому периоду жизни поэта.

Дойль пришел к заключению, что у Эшблеса была, возможно, какая-нибудь затруднительная ситуация и он изменил имя по приезде в Лондон. Дойль раскопал имена нескольких виргинцев, исчезнувших при загадочных обстоятельствах летом 1810 года в возрасте около двадцати пяти. Годы Эшблеса в Лондоне проследить уже было достаточно просто — по биографии Бейли, которая, правда, имела сомнительную ценность, так как давала скорее собственную версию Эшблеса своей жизни, а отнюдь не являлась строго документированным исследованием. А короткое путешествие Эшблеса в Каир в 1811-м? Ведь оно так и не получило никакого приемлемого объяснения! Но, по крайней мере, Бейли следовало хотя бы просто упомянуть этот факт в книге. А вот что действительно пропущено в биографии — так это все подробности, и некоторые периоды жизни поэта раздразнили его любопытство. К примеру, возможная связь с тем, что Шеридан так поэтически назвал «танцем обезьяньего безумия»: неопределенное число, по трезвой оценке — шесть, по фантастической версии — три сотни

покрытых шерстью существ, которые появлялись по одному в данном месте и в данный момент времени, и что интересно — только в окрестностях Лондона в течение десяти лет между 1800 и 1810 годами. Представляется очевидным, что это были человеческие существа. Они появлялись всегда внезапно, приводя свидетелей происшествия в состояние шока, потом падали на землю и умирали в сильных конвульсиях. Мадам де Сталь записала, что Эшблес однажды, когда был пьян, рассказывал ей, что знает об этом необычайном нашествии больше, чем когда-либо осмелится сказать, и несомненным является тот факт, что он убил одно из этих существ в кафе близ Треднидл-стрит неделю спустя после приезда в Лондон…

Но на этом, к великому огорчению Дойля, нить обрывается. По-видимому, Эшблес никогда больше не напивался настолько, чтобы досказать сию повесть мадам де Сталь, ибо она-то уж несомненно бы записала для потомков столь сенсационную информацию и уж постаралась бы повыгоднее сбыть в какой-нибудь журнал — если бы он досказал. И, разумеется, в написанной Бейли биографии нет вовсе никаких упоминаний этого дела.

И каковы точные обстоятельства его смерти?

Бог знает, думал Дойль, человек приобретает много врагов на жизненном пути, но кто именно покончил с ним предположительно 12 апреля 1846 года? Тело нашли в болотах, в мае, уже разложившееся, но безусловно — его. Эшблес был заколот ударом меча в живот.

«О черт, — удрученно размышлял Дойль, — о жизни Шекспира известно больше. И подумать только — ведь Эшблес был современником таких людей, как лорд Байрон, чьи хроники жизни столь удручающе тщательно и подробно составлены! Допустим, я не отрицаю, что он второстепенный поэт, чье трудное и скудное творчество было бы совершенно забыто, если бы не несколько уничижительных заметок Хезлита и Вордсворта. И подумать только, какая несправедливость! И это вместо того, чтобы переиздаваться, не часто, но регулярно, в солидных академических антологиях поэтов-романтиков первой половины XIX века! Все же человеческая жизнь должна оставлять больше следов».

В иллюминатор он увидел, как приближаются мерцающие огни Лондона, — лайнер пошел на посадку. Дойль решил, что стюардесса уже не принесет виски. Он удрученно вздохнул, огляделся, оценивая обстановку, тайком вытащил

фляжку из кармана пиджака, отвинтил крышку и плеснул немного виски в пластмассовую чашку, оставшуюся от последней выпивки. Фляжка была завинчена и аккуратно убрана обратно в карман. Дойль позволил себе расслабиться и теперь мог мечтать только об одном — о том, как было бы здорово закурить упманскую сигару, ждущую своей очереди в другом кармане.

Он отхлебнул глоток теплого виски и блаженно улыбнулся — виски был отменного качества. В этот момент все его размышления сводились к тому, что на Канарах упманские сигары сворачивали куда как лучше, чем сейчас — в Доминиканской Республике.

И ни одна из молодых особ, с которыми он имел дела со времени Ребекки, не представляла никакого интереса.

Он раскрыл старую книгу и стал внимательно рассматривать гравюру на фронтисписе, выполненную с бюста работы Торвальдсена. С портрета на него взирал неправдоподобно бородатый поэт — его характерные запавшие глаза, массивность торса, ширина плеч были мастерски переданы резцом скульптора. «Интересно, а как все это было в твое время, Вильям? — подумал Дойль. — Лучше тогда были сигары, виски и девушки?»

Губы портрета искривила легкая усмешка, явно обращенная к нему… У него закружилась голова, да так сильно, что он вцепился обеими руками в кресло — портрет действительно смотрел на него через полтора столетия с нескрываемым ехидством.

Он резко дернул головой и захлопнул книгу. Ты же знаешь — ты просто устал, сказал он себе. Да, конечно, ведь это просто усталость, когда тебе подмигивает с гравюры человек, умерший лет сто назад. Вот Кольридж никогда бы себе не позволил подобной выходки!

Почти успокоившись, он поскорее засунул книгу в портфель рядом с другой книгой, которую он взял с собой, так как она служила ему рекомендацией — «Незваный Гость», биография Сэмюэля Тейлора Кольриджа, автор Брендан Дойль. Он хотел продолжить ее исследованием поэтов «Озерной школы», но рецензии на «Гостя» и то, как он раскупался, заставили его издателя из Деврисского университета дать ему совет выбрать для дальнейших исследований «если уж не белые пятна на карте, то хотя бы менее исхоженные вдоль и поперек территории». Издатель выразил свое неудовольствие достаточно изысканно и цветисто, после чего заметил:

«Вам следует продолжить ту тему, которую вы затронули в двух статьях о Вильяме Эшблесе, и попытаться придать некий смысл его загадочной и мрачной поэзии. Вполне возможно, что биография этого полузабытого поэта потрясет критиков — и университетских библиотекарей! — как произведение, прокладывающее новые пути и вспахивающее неосвоенные земли в литературоведении».

«Ну хорошо, все это, допустим, и так, — думал Дойль, закрывая портфель, — но если мне не удастся прибавить в Англии ничего к своим выпискам по биографии Эшблеса, это будет чертовски маленький клочок «неосвоенной земли».

Самолет пошел на посадку. Дойль устало зевнул, уши заложило. А сейчас забудь Эшблеса. Чем бы ни оказалось то, за что Дерроу собрался заплатить тебе двадцать тысяч долларов, это связано с Кольриджем.

Он отхлебнул еще глоточек виски. Надо сказать, что Дойль испытывал некоторые опасения относительно сути предстоящей работы, и каждый выпитый глоток виски подкреплял в нем слабеющую надежду, что, может быть, это не связано ни с планшетками, ни со столоверчением, ни с вызыванием духов. Ему уже однажды

пришлось видеть книгу поэм, продиктованных призраком Шелли — через медиума, разумеется. И сейчас он подозревал, что предложение Дерроу — нечто в этом роде.

Дойль размышлял, отхлебнув очередной глоток виски, во сколько он оценивает свою профессиональную честь и достоинство ученого: двадцать тысяч долларов — это достаточно или все-таки его честь стоит дороже? Предаваясь подобным приятным размышлениям, он незаметно осушил чашку.

По случайному стечению обстоятельств Дойль как раз в последнее время очень много слышал о ДИРЕ. Не далее как месяц назад эта компания предложила работу его самому блестящему выпускнику по курсу английской литературы — Стирфорту Беннеру. Сейчас Дойль вспомнил свое легкое удивление, когда услышал от Беннера, что ДИРЕ все еще существует. Конечно, Дойль знал о ДИРЕ — с незначительных начинаний в 1930-х она превратилась под мудрым руководством такой яркой и неординарной личности, как Дерроу, в мирового лидера в области научной индустрии и успешно соперничала с такими компаниями, как Ай-би-эм и «Ханивэлл». Именно ДИРЕ занимала лидирующее положение в разработке и

проведении космических программ и в области подводных исследований. Дойль вспомнил также, что в 60-е ДИРЕ всегда была спонсором шекспировских постановок на телевидении без рекламных пауз. Но компания исчезла из поля зрения общественности в 70-х, и Дойль читал где-то, что у Дерроу обнаружили рак и он, исчерпав все возможности науки в поисках лекарства, бросил все финансовые и научные ресурсы ДИРЕ в область эзотерических изысканий. Очевидно, он надеялся найти спасительное средство в сомнительных анналах магии. В «Ньюсуик» появилась заметка, что ДИРЕ уволила большую часть персонала и закрыла производственные центры. Дойль припомнил также статью в «Форбс» под заголовком что-то вроде «Затруднительные обстоятельства фирмы ДИРЕ».

И после всех этих туманных слухов они вдруг обратились к Беннеру и предложили очень высокооплачиваемую, хотя и неопределенную должность. Однажды ночью после пинты пива Беннер рассказал Дойлю, какие тесты он проходил при приеме на работу: тест на скорость реакции, внимательность, физическую выносливость, быстроту решения запутанных логических задач… Все это вполне обычно, но далее последо-

вало несколько тестов такого рода, что Дойль не знал, что и думать, — крайне неприятные тесты, целью которых, казалось, было определить способность Беннера к жестокости. Беннер прошел их все и получил работу, это Дойль знал. Но все расспросы о работе как таковой ничего не дали — Беннер добродушно уходил от ответа.

Шасси наконец коснулись земли, и самолет побежал по взлетно-посадочной полосе. «Может быть, как раз сейчас я очень близок к тому, — думал Дойль, — чтобы узнать, что же скрывал Беннер».

* * *

Охранник открыл ворота и взял у шофера чемодан Дойля. Тот вежливо кивнул и поспешил назад к урчащему «БМВ». Дойль сделал глубокий вдох, как перед прыжком в слишком холодную воду, и вошел. Охранник запер за ним ворота.

— Хорошо, что вы с нами, сэр, — продекламировал охранник, он возвысил голос, чтобы быть услышанным сквозь рев дизельных двигателей. — Прошу вас, следуйте за мной.

Участок был более обширным, чем казался с улицы. Следуя за охранником, Дойль увидел скаковой круг с устрашающими барьерами в стороне

от дороги. Большие желтые бульдозеры деловито перемещались с места на место, разбивая камни своими дробилками. Стоял дьявольский шум. Бульдозеры сгребали валуны в большие кучи и толкали их куда-то в темноту. Дойль заметил, что камень свежий — по разлому все еще белый, с острым едким запахом известняка. Куда-то спешили очень занятые люди и тянули за собой электрические кабели. Они деловито вглядывались в показания геодезических приборов и выкрикивали номера по уоки-токи. Каждый предмет из-за освещения прожекторов отбрасывал добрую полудюжину теней.

Охранник был шести футов роста и делал слишком большие шаги, и Дойль, со своим весьма средним ростом и отсутствием навыков быстрой ходьбы, скоро запыхался и стал отставать. Что за проклятая спешка, подумал он сердито и дал клятвенное обещание, что обязательно будет каждое утро делать зарядку.

Потрепанный алюминиевый трейлер стоял в центре освещенного круга, как старый корабль, пришвартованный к пирсу кабелями и телефонными линиями. Охранник поднялся на три ступеньки и постучал в дверь. Изнутри раздался голос: «Войдите». Охранник сошел вниз со сту-

пенек и кивком указал Дойлю следовать вперед: «Мистер Дерроу будет говорить с вами там».

Дойль поднялся по ступенькам, открыл дверь и вошел. Внутри валялись стопки книг и карты. Он обратил внимание, что здесь есть книги достаточно старые, чтобы послужить украшением приличному музею, впрочем, он заметил и несколько новых. По состоянию книжек и карт можно было сразу понять, что ими постоянно пользуются — карты были испещрены карандашными пометками, а книги, даже наиболее древние и ветхие, валялись как попало и были испещрены чернильными пометками.

Очень старый человек стоял меж двух высоких книжных стопок. Дойль сразу же узнал его и поразился: на него смотрело то же лицо, что он видел все эти годы на сотнях фотографий в газетах и журналах — Уильям Кокран Дерроу. Думая об этой встрече, Дойль был готов увидеть больного и, конечно, дряхлого старика, но все подобные мысли мгновенно исчезли под пронзительным и насмешливо-холодным взглядом этого человека.

Хотя волосы и поредели, а щеки ввалились, Дойлю было нетрудно поверить, что перед ним тот самый человек, который стал первооткрывателем многих областей научных исследований.

Дойлю было трудно припомнить даже названия этих областей. Безусловно, это был тот самый человек, который прошел путь от листопрокатного заводика в маленьком городке до создания финансовой империи, по сравнению с финансовой мощью которой Дж. Пирпонт Морган был не более чем преуспевающим бизнесменом.

— Вы — Дойль, я надеюсь? — спросил он совсем не изменившимся голосом.

— Да, сэр.

— Хорошо, — сказал Дерроу, зевая и потягиваясь, — извините, время позднее. Садитесь, если найдете куда. Бренди?

— Звучит заманчиво.

Дойль уселся на пол около небольшой стопки книг. Дерроу тут же поставил на эту стопку два бумажных стаканчика и бутылку грушевидной формы. Дерроу сел, скрестив ноги, по другую сторону стопки книг, и Дойль сделал вид, что не заметил невольного болезненного стона, с которым тот уселся на пол. Каждое утро зарядка, подтягивания и приседания, поклялся себе Дойль.

— Полагаю, вы размышляли о том, какого рода работа вам предстоит, — сказал Дерроу, разливая коньяк, — и я бы очень хотел, чтобы вы забыли

все выводы, к которым могли прийти. Эта работа не имеет ничего общего с любым из ваших умозаключений. Так-то вот. — Он протянул Дойлю стаканчик. — Надеюсь, имя «Кольридж» вам знакомо?

— Да… — неуверенно протянул Дойль.

— И вы знаете его время? Что происходило в Лондоне, в Англии, в мире?

— Более или менее сносно, как мне кажется.

— Я хотел пояснить слово «знать». Видишь ли, сынок, я не имел в виду, что у тебя есть дома книги обо всем этом или ты знаешь, в какой библиотеке их можно взять. Под словом «знать» я подразумеваю — держать в голове. Это более портативный способ хранения. Ты не находишь? Ну так что, ответ по-прежнему «да»?

Дойль кивнул.

— Ну-с, расскажите-ка мне о Мэри Уоллстонкрафт. О матери, а не о той, которая написала «Франкенштейна».

— Ну что тут можно сказать… Она была ранней феминисткой и написала книгу под названием что-то вроде «Защита прав женщин»… Да, вроде так. И…

— За кого она вышла замуж?

— За Годвина, отчима Шелли. Она умерла при

родах…

— Кольридж действительно занимался плагиатом Шлегеля?

Дойль прищурился:

— Хм, да, пожалуй. Но, с другой стороны, я думаю, что Вальтер Джексон Бейт прав, порицая его более за…

— Когда он начал употреблять опиум?

— Пожалуй, это произошло, когда он был в Кембридже — ранние 1790-е.

— Кем был… — начал Дерроу, но его прервал телефонный звонок.

Старик выругался, нехотя встал и подошел к телефону. Чтобы занять себя чем-нибудь, пока Дерроу говорит по телефону, Дойль изобразил вежливый интерес к стопке книг рядом с ним, но при ближайшем знакомстве с первой же попавшейся книгой его интерес стал неподдельным. Он очень бережно поднял верхний том.

Все еще боясь поверить, но надеясь, что предположение подтвердится, он раскрыл книгу — да, это действительно был дневник лорда Робба. Дойль уже год как тщетно выпрашивал ксерокопию в Британском музее. Но как Дерроу удалось заполучить оригинал? Непостижимо. Дойль никогда не видел этот том, но читал его

подробное описание и был уверен, что это — та самая книга. Лорд Робб был сыщик-любитель, и его дневник — единственный источник некоторых наиболее колоритных и невероятных криминальных историй 1810-1820-х годов. В этом документе встречаются потрясающие истории о дрессированных крысах-убийцах, мстителях, выходящих из могилы, тайном братстве воров и грабителей. В дневнике содержалось также единственное подробное описание поимки и казни полулегендарного лондонского убийцы, известного как Джо — Песья Морда. В народе он считался оборотнем. Поговаривали, что он способен обмениваться телами с тем, с кем захочет, но бедняге так и не удалось избавиться от проклятия ликантропии. В свое время Дойль хотел как-то связать эту историю с «Танцем обезьяньего безумия». По крайней мере, он хотел дать это как примечание к своей работе, посвященной Эшблесу. Тут Дерроу повесил трубку, и Дойлю пришлось закрыть книгу и нехотя положить ее на место, но он решил обязательно при случае попросить старика сделать для него копию.

Дерроу опять уселся на пол и продолжил беседу с того самого места, на котором их прервал телефонный звонок. И следующие двадцать минут

старик обстреливал Дойля вопросами, внезапно перескакивая с предмета на предмет и редко давая ему время распространяться, хотя изредка и требовал привести подробности. Дойль более или менее неплохо разбирался в причинах и следствиях Великой французской революции и в любовных похождениях британского принца-регента. С деталями архитектуры и костюма, а также с различиями местных диалектов он был знаком несколько более детально. Благодаря хорошей памяти и тому, что последнее время он занимался Эшблесом, Дойль ухитрился ответить почти на все вопросы.

Наконец Дерроу откинулся назад и привычным жестом выудил из кармана пачку сигарет без фильтра.

— Ну-с, теперь… — неторопливо начал Дерроу. Он зажег сигарету и глубокомысленно воззрился на нее. — Я бы хотел, чтобы вы сфабриковали ответ.

— Сфабриковал?

— Да, именно так. Ну, допустим, мы находимся в комнате. И в этой комнате много людей. И некоторые, возможно, разбираются в литературе получше вашего. Но вас представили как главного эксперта, и поэтому всем должно хотя бы

казаться, что вы знаете о литературе все. Итак, представьте, некто спрашивает вас… ну, допустим: «Мистер Дойль, в какой степени, по вашему мнению, повлияла на Вордсворта философия, выраженная в поэтических творениях…» — ну, я не знаю, к примеру, — «сэра Абрикадабри»? Ну, быстро.

Дойль недоуменно поднял брови.

— Н-да, я полагаю, что подобный подход к бессмертным произведениям сэра Абрикадабри является непростительно поверхностным. Скорее наоборот. Целая плеяда блестящих философов черпала свои глубокие идеи в его произведениях. Все эти всемирно известные философы стали его последователями и учениками. Можно сказать, что только очень поздние и незначительные достижения сэра Абрикадабри, возможно, и могли заинтересовать Вордсворта… С другой стороны, как показывают в Concordium Флетчер и Канингем, не существует заслуживающих доверия свидетельств того, что Вордсворт когда-либо читал сэра Абрикадабри. Я полагаю, что прежде чем пытаться определить философов, которые действительно повлияли на Вордсворта, разумнее было бы рассмотреть…

Дойль остановился и неуверенно улыбнулся

Дерроу.

— Далее я могу, перескакивая с пятого на десятое и как можно более неопределенно, говорить о том, как сильно повлияли на Вордсворта «Билль о правах человека» и прочие великие достижения Французской революции.

Дерроу кивнул, глядя сквозь клубы дыма.

— Не слишком плохо, — нехотя признал он, — сегодня днем здесь был один парень, Нострандиз Оксфорда, он редактирует новое издание писем Кольриджа. Так он был оскорблен до глубины души при одной только мысли, что возможно сфабриковать ответ.

— Очевидно, Нострандболее этичен. Может, у него другая мораль, — сказал Дойль слегка натянуто.

— Очевидно. Как по-вашему, вы циничны?

— Нет. — Дойля все это уже начинало здорово раздражать. — Ну посудите сами, сначала вы спрашиваете меня, смогу ли я блефовать при ответе на ваш вопрос. И именно поэтому я попробовал сделать это. Видите ли, я не имею обыкновения так поступать. Никогда. В печати или в аудитории я всегда…

Дерроу радостно засмеялся и махнул рукой.

— Не бери в голову, сынок, я вовсе не это имел в

виду. А Нострандм — напыщенный дурак. Мне понравился твой блеф. Я хотел спросить именно то, что спросил, — ты циник? То есть имеешь ли ты обыкновение отвергать новые идеи в том случае, если они похожи на те, в отношении которых у тебя сложилось твердое представление, что это — полная чушь?

Ну вот, опять планшетки, безнадежно подумал Дойль.

— Я так не считаю, — медленно произнес он.

— Допустим, некто утверждает, что располагает неопровержимыми доказательствами того, что астрологические труды — истинная правда, или что существует потерянный мир внутри Земли, или еще что-нибудь в этом роде, словом, то, что с точки зрения здравомыслящего человека совершеннейшая чушь. Так вот, некто утверждает, что такое возможно и вполне реально… Ты слушаешь?

Дойль нахмурился, на лице его появилось неопределенное выражение — он не знал, как на это реагировать.

— Пожалуй, это зависит от того, кто это утверждает. Возможно, нет, хотя… но…

«Ладно, — подумал он, — ну и пусть. А у меня все равно остались пять тысяч и обратный билет».

Дерроу важно кивнул, казалось, удовлетворенный ответом.

— Вы сказали то, что думали. Это хорошо. Один старый мошенник, с которым я говорил вчера вечером, был близок к тому, чтобы считать Луну шаром для гольфа, если только я скажу, что это так. Ну мало ли на свете дураков. Что ж, постараюсь быть краток. У нас мало времени. Мы намерены использовать вас как знатока Кольриджа. — Он запустил пальцы в поредевшую шевелюру, задумался и устремил на Дойля тяжелый взгляд. — Время, — торжественно произнес он, — как река, несущая свои воды подо льдом. Река протягивает нас своим течением, как водоросли, от корня до верхушки, от рождения до смерти, река кружит вокруг камней и коряг, лежащих на нашем пути; и никто не может выбраться из этой реки, так как река эта покрыта льдом; и никто не может повернуть против течения, даже на мгновение… — Он сделал паузу и потушил окурок о древний марокканский переплет.

Дойль совсем потерял надежду хоть как-то сориентироваться в потоке банальностей, обрушившемся на него.

Он очень хотел найти хоть какую-то зацепку, чтобы поверить собеседнику и не удивляться

этим бурным откровениям. Но, увы, не оставалось ни тени сомнения, что у старика зашли шарики за ролики.

— Хм… — это было все, что смог произнести Дойль, почувствовав, что дальше молчать неприлично и что от него ждут реакции, — забавное мнение, сэр.

— Мнение? — Пришла очередь Дерроу выйти из себя. — Я никогда не имею дела с мнениями, мой мальчик. — Он зажег новую сигарету и заговорил спокойно, но сердито, словно обращаясь к самому себе. — О боже, сначала я обратился к последним достижениям современной науки и исчерпал все ее возможности — постарайся понять это! — после чего я потратил годы, извлекая крупицы истины из… ну, скажем, некоторых древних текстов, проверяя и систематизируя результаты, затем запугал (а в двух случаях мне пришлось обратиться даже к шантажу) и заставил моих мальчиков в Денверских хронолабораториях — этих профи по квантовой теории — о боже мой! — они считались самыми блестящими учеными современности, — я заставил их рассмотреть сверхъестественные экспериментальные свидетельства, заставил их придать этому некоторую реализуемую форму… они таки сделали это в кон-

це концов, для этого потребовалось полностью синтезировать новый язык — частично неевклидова геометрия, частично тензорное исчисление, частично алхимические символы. И я получил экспериментальные данные, черт побери! Это явилось самым значительным открытием в моей деятельности или в чьей-либо еще начиная с 1916 года! Я сконцентрировал все, чего достиг, в одной фразе на простейшем английском… для того чтобы сделать доступным пониманию школьного учителишки… И что я услышал в ответ? Он сидит здесь и думает, что я сказал: «жизнь — всего лишь сон» или «любовь преодолевает все»! — Он остервенело выдохнул целое облако табачного дыма и издал долгое негодующее шипение. Дойль почувствовал, что краснеет.

— Но я всего лишь старался быть вежливым, мистер Дерроу, и…

— Да, вы правы, Дойль, вы не циничны. Вы просто глупы.

— А не пойти ли вам ко всем чертям, сэр? — сказал Дойль, всеми силами стараясь придать голосу тон светской любезности. — И катись ты… туда… к твоей чертовой ледяной реке, договорились? — Дойль вскочил на ноги и отшвырнул стаканчик с остатками бренди. — Можете оставить себе свои

пять тысяч, но я таки возьму обратный билет и поеду в аэропорт. Прямо сейчас.

Дерроу все еще смотрел хмуро и неодобрительно, но пергаментная кожа вокруг глаз уже начинала собираться в морщинки. Тем не менее Дойль был слишком рассержен, чтобы опять сесть.

— Верните своего Нострандa и расскажите ему о водорослях и прочую чепуху.

Дерроу поднял глаза.

— Нострандр решит, что я душевнобольной.

— Ну тем более верните его. Ведь он впервые в жизни окажется прав.

Старик усмехнулся:

— Кстати, он не советовал мне приглашать вас, аргументируя это тем, что все ваши исследования — просто компиляции.

Дойль, закипая от ярости, открыл было рот для ответного выпада, но передумал.

— О черт, — сказал он, — таким образом получается, что, если он назовет вас чокнутым — это будет второе правильное утверждение.

Дерроу с восторгом рассмеялся:

— Я знал, что не ошибся в вас, Дойль. Пожалуйста, садитесь.

Было бы слишком невежливо уйти сейчас. Дер-

роу как ни в чем не бывало долил в бумажный стаканчик бренди, и Дойль сказал с неуверенной улыбкой:

— Вам действительно мастерски удается вывести человека из равновесия.

— Я старик, который не спал трое суток. Вам бы следовало познакомиться со мной тридцать лет назад.

Он закурил еще одну сигарету.

— Давайте вернемся к картинке, которую я вам нарисовал. Представьте, что произойдет, если вы сможете стоять за пределами реки времени, как бы на берегу, и видеть сквозь лед. Вы можете пойти вверх по течению и увидеть Рим или Ниневию в пору расцвета. Или вниз по течению и увидеть будущее.

Дойль кивнул:

— Таким образом, десять миль вверх по реке — и вы увидите, как Цезаря закалывают кинжалом, а одиннадцать миль вверх — и вы увидите, как он появляется на свет.

— Правильно! Именно так, как если бы вы плыли вверх по реке: вы достигнете верхушек протаскиваемых течением водорослей до того, как достигнете корней. А сейчас — внимание! — очень важная часть, сосредоточьтесь. Однажды

что-то произошло и проделало проруби в этом метафорическом ледяном покрове. Как это произошло — не спрашивайте, но воздействие распространилось приблизительно на шесть столетий… Это можно изобразить, как ряд дырочек, оставленных в ткани после выстрела дробью. В этих местах не идут нормальные химические реакции и не действуют никакие механизмы… Но старые системы, которые мы условно называем магическими, — действуют. — Он устремил на Дойля воинственный взгляд. — Попытайтесь, Дойль, только попытайтесь.

Дойль кивнул:

— Продолжайте.

— Например, в подобном разрыве ткани времени может не работать телевидение, но приворотное зелье, состряпанное по всем правилам, сработает непременно. Улавливаете суть?

— О да. Я внимательно слежу за рассказом. Я только хотел спросить, можно ли заметить эти… разрывы?

— Конечно. Видите те папки, наваленные у окна? Они все забиты газетными вырезками и журнальными заметками, уходящими аж к 1624 году. В них-то как раз и упоминаются случаи, когда действие магии было документально

подтверждено. А с начала века появляются некоторые заметки, описывающие такие случаи, как, например, внезапное и необъяснимое отключение в каком-нибудь районе электроэнергии или помехи, заглушающие радиопередачи, в том же самом районе. Там есть описания улицы в Сохо, которую некоторые люди до сих пор все еще называют автокладбищем, в память о событиях, происходивших здесь в течение шести дней в 1954 году. Каждая машина, которая въезжала на эту улицу, тут же ломалась, у нее просто переставал работать двигатель. Машину приходилось вытягивать оттуда — лошадьми! — а на соседней улице мотор заводился как ни в чем не бывало. Или, например, следующий эпизод. Некая дама, третьеразрядный медиум, жила как раз на этой улице. И как-то раз в субботу на обычном полуденном чаепитии, одновременно спиритическом сеансе — никто никогда так и не узнал, что произошло, но все присутствовавшие дамы были найдены мертвыми… Лед… Ледяной холод стоял в комнате. После того как они умерли. И комната, заметьте, хорошо отапливалась. Лед… Ледяной ужас запечатлелся на каждом лице.

Эта история всячески обыгрывалась в прессе. И естественно, в том, что машины застревали,

обвинили: начало цитаты — накопление статического электричества — конец цитаты. И заметьте, существуют сотни подобных примеров. К настоящему моменту я проработал весь этот материал. И когда я сделал… ну хорошо, когда я попытался сделать нечто, то, в чем современная наука оказалась бессильна… Прежде всего я попытался выявить вот что: если это происходит, то когда и где магия может сработать. Я обнаружил, что все области «магия — да, техника — нет» находятся в черте Лондона или в ближайшей окрестности радиусом несколько миль. В истории же, то есть собственно во времени, разброс этих событий подчиняется распределению, похожему на распределение Стьюдента, чтобы вам было понятнее, — кривая этого распределения по форме напоминает колокол. Обычно оно применяется для описания и обработки экспериментальных данных. Итак, максимальная частота событий приходится примерно на интервал с 1800 по 1805 год. Очевидно, в эти годы происходило множество подобных событий. Хотя все они были сильно локализованы по пространству и по времени. Вне этого временного интервала подобные события захватывали большие участки пространства и становились все менее частыми по мере удале-

ния от пика. Вы слушаете?

— Да, — сказал Дойль рассудительно. — Вы, кажется, сказали, что эти события простираются на шесть столетий? Таким образом, эти разрывы или аномалии затем становятся реже, но длиннее. И они убыстряются и укорачиваются, пока не становятся как щелчки на счетчике Гейгера в 1802 году, если так можно сказать, затем опять замедляются и расширяются. Интересно, они совсем пропадают на другом конце кривой?

— Хороший вопрос. Да. Из решения системы уравнений следует, что самое раннее произошло в 1504 году.

Таким образом, кривая охватывает около трех столетий в каждом направлении, и, следовательно, можно говорить о шести столетиях. Во всяком случае, когда я начал просматривать эту закономерность, я почти забыл о своей первоначальной цели и был очарован тем, что мне открылось. Я пытался добиться от своих мальчиков, чтобы они продолжали работать над этой проблемой. Ха! Они проявили стариковскую осмотрительность, когда увидели это, и была сделана парочка попыток связать меня обещанием… Но я увернулся из расставленной сети и заставил их продолжать, запрограммировав на компьютерах законы

Бессоню, Мидориенса и Эрнеста Бэлгравиуса. В результате я действительно узнал, что такое эти несплошности. Это были — есть — разрывы в стене времени.

— Проруби во льду, покрывающем реку, — кивнул Дойль.

— Да. Итак, представь себе дыры в этом ледяном покрове. Теперь, если часть вашего времени жизни, некоторый участок семидесятилетнего протягивания водорослей — того, чем вы и являетесь, — окажется под одной из таких дыр, то вполне возможно выбраться из потока времени в этой точке.

— Куда? — Дойль задал вопрос осторожно, стараясь, чтобы в его тоне не чувствовалось ни малейшего намека на жалость или насмешку. Ну что же, можно, конечно, попасть в Страну Оз, например, или в Небесный Иерусалим, или в Королевство Невинных Растений.

— А никуда, — нетерпеливо ответил Дерроу. — И никогда. Все, что вы можете, — выйти опять через другую дыру.

— И оказаться в римском сенате, наблюдая, как Цезарь падает, предательски убиваемый ударами кинжала. Нет уж, я и забыл, дырки простираются только до 1500 года. Что ж, ладно, тогда можно

наблюдать пожар Лондона в 1666 году.

— Да, вполне возможно, если только там окажется разрыв в это время. И именно там. Невозможно войти обратно в поток в произвольной точке, можно только использовать уже существующие разрывы. И еще, — в его тоне послышалась гордость первооткрывателя, — возможно, нацелиться достичь одной дыры предпочтительнее, чем другой, — это зависит от составляющей… движения, использованного при выходе из вашей собственной дыры. И вполне возможно определить местонахождение несплошности во времени и пространстве. Они излучают математически предсказуемое излучение от их источника — чем бы это ни являлось, — источника в начале 1802 года.

Дойль был в замешательстве и почувствовал, что его ладони стали влажными.

— Эта движущая сила, о которой вы упомянули, — сказал он задумчиво, — является ли это чем-то таким, что вы сможете произвести?

Дерроу усмехнулся с холодной жестокостью:

— Да.

Дойль начинал понимать, с какой разрушительной целью собирались все эти книги… И, возможно, даже начал догадываться о цели свое-

го собственного присутствия здесь.

— Итак, вы действительно можете совершать путешествия через историю. — Он натянуто улыбнулся старику, попытавшись представить Дерроу, даже старого и больного, на просторе в каком-нибудь из предшествующих веков. — И взором молнию метнул и молвил Мореход… Да, я действительно опасаюсь тебя, Старый Моряк…

— Да, это приведет нас к Кольриджу — и вы. Знаете ли вы, где находился Кольридж в субботу вечером, первого сентября, в 1810 году?

— Боже милосердный, нет. Вильям Эшблес приехал в Лондон только… что-то около недели спустя. Но Кольридж? Мне известно, он проживал в Лондоне…

— Да. Ну хорошо, в тот субботний вечер, о котором я упомянул, Кольридж читал лекцию по «Ареопагитике»[2] Мильтона в таверне «Корона и якорь» на Стрэнде.

— О, да, так. Но это был «Люсидас», не так ли?

— Нет. Монтегю не присутствовал на лекции и дал название неверно.

— Но ведь письмо Монтегю — единственное упоминание где бы то ни было об этой лекции. —

---

[2] Примечания: 2
Трактат «Ареопагитика, или Речь о свободе слова» (1644 г.).

Дойль вскинул голову. — Ух… разве не так?

Старик улыбнулся:

— Когда ДИРЕ берется проводить исследования, сынок, мы выполняем их очень тщательно. Нет, двое из присутствовавших оставили записи в дневниках, которые прошли через мои руки, — клерк в издательстве и школьный учитель. Это была «Ареопагитика». Школьный учитель ухитрился даже сделать прекрасный конспект лекции, записанный стенографически.

— Когда вы нашли это? — быстро спросил Дойль. «Неопубликованная лекция Кольриджа! О мой бог, — подумал он, задохнувшись от накатившей волны горькой зависти. — Да если бы у меня было это два года назад, мой «Незваный Гость» получил бы другого рода рецензии».

— Месяц назад или что-то около того. Я только в феврале получил конкретные результаты от своей команды в Денвере, и с этого момента ДИРЕ добывает каждую стоящую книгу или журнал, имеющие отношение к Лондону 1810 года.

Дойль мог только в удивлении развести руками.

— Но почему?

— Потому, что одна из этих несплошностей потока времени как раз в Кенсингтоне, в пяти

милях от остальных дыр, которые находятся близко к источнику в 1802 году, — эта имеет длительность четыре часа.

Дойль наклонился и налил себе еще бренди. Волнение, растущее в нем, было таким сильным, что он попытался успокоиться, напоминая себе, что то, что здесь обсуждается, хотя и очаровательно, но невозможно. Ну свяжись с этим за двадцать тысяч, советовал он себе, и может быть, появится возможность заполучить дневник лорда Робба и эту записную книжку школьного учителя. Но ему не удалось себя обмануть — ему действительно хотелось участвовать в этом.

— И, конечно, есть другая дыра — здесь и сейчас.

— Здесь — да, все в порядке, но не прямо сейчас. Мы находимся, — Дерроу посмотрел на часы, — в нескольких часах выше по течению от дыры. Она имеет типичный размер для такой дыры далеко от источника: верхний край — сегодня вечером, нижний край — где-то послезавтра. Как только в Денвере определили эту дыру, я приобрел в собственность все внутреннее пространство дыры и эти дни занимался его выравниванием. Мы ведь не хотим утащить в прошлое какие-либо здания, не так ли?

Дойль осознал, что его собственная ухмылка должна выглядеть такой же заговорщической, как и у Дерроу.

— Нет, не хотим.

Дерроу вздохнул облегченно и удовлетворенно. Он поднял трубку телефона, как только он начал звонить.

— Да? Соедините меня с Ламо. Быстро. — Он допил бренди и подлил себе еще. — Поживите трое суток на кофе и бренди, оно, может, и неплохо, если здоровье позволяет… Тим? Можешь не отлавливать Ньюмена и Сенджейвела. Хорошо, свяжись с Делмотом и скажи ему поворачивать назад. Да, и доставьте его прямо в аэропорт. Мы уже заполучили нашего знатока Кольриджа.

Он переставил телефон.

— Я продал десять билетов на посещение лекции Кольриджа. Мы совершим прыжок завтра вечером в восемь. В шесть тридцать — брифинг для наших гостей. И естественно, для этого нам нужно иметь в своем распоряжении признанный авторитет по Кольриджу.

— Меня?

— Вас. Вы скажете краткую речь о Кольридже и ответите на любые вопросы, которые возникнут у гостей в связи с ним, или его современниками,

или его временем. Затем вы отправитесь вместе со всей компанией через прыжок к таверне «Корона и якорь» в сопровождении весьма квалифицированных охранников — дабы никто из гостей не имел возможности последовать романтическому порыву души и не стал бы делать записи на лекции, горя желанием облагодетельствовать своих современников, контрабандно протащив эти записи назад, в 1983-й. И чтобы избавить гостей от борьбы с подобного рода искушениями, вы перед прыжком дадите им подробную информацию о Кольридже и ответите на все интересующие их вопросы. — Он сурово нахмурился и добавил: — Вам заплатят двадцать тысяч долларов за возможность увидеть и услышать то, за что десять остальных сами заплатят по миллиону долларов с головы. Вы должны быть благодарны судьбе, что все наши попытки заполучить более известного специалиста по Кольриджу провалились.

Не слишком лестно выражено, подумал Дойль.

— Да, — ответил он. Затем его ударила мысль. — Но что с вашей… подлинной целью, с тем, что наука не смогла сделать, причины, по которым вы взялись за эти исследования? Вы оставили это?

— О! — Казалось, что Дерроу не хочет обсуждать это. — Нет, я не оставил это. Я работаю над этим и по сей день. Но моя цель не имеет ничего общего с этим проектом.

Дойль задумчиво кивнул.

— А существуют ли дыры, хм, ниже по течению от нас?

Дойль отметил, что без всякой видимой причины несносный старик опять начинал сердиться.

— Дойль, я не понимаю… о черт! Да, есть одна. Ее продолжительность сорок семь часов, и находится она в 2116 году, и хронологически это — последняя.

— Хорошо. — Дойль не хотел раздражать старика, но он хотел знать, почему Дерроу не намерен сделать то, что казалось Дойлю очевидным. — А не может ли это… то, что вы хотите сделать… быть сделано очень просто, возможно, в этом году? Я имею в виду, если наука уже почти может сделать это в 1983 году, то почему к 2116-му…

— Это очень скучно, Дойль, — даешь кому-нибудь поверхностную информацию, рассчитанную на дилетанта, о проблеме, над которой ты долгое время упорно работал, и в результате слышишь столь блестящее предложение. Кстати, я рассматривал эту возможность и отбросил как

невыполнимую давным-давно. — Он выпустил дым меж стиснутых зубов. — Каким образом могу я знать — до того, как окажусь там, — будет или нет мир в 2116 году лежать жалкой грудой радиоактивного пепла? Ну? Ответьте мне! Или какого рода ужасающее полицейское государство может тогда существовать? — Утомление и бренди, должно быть, совсем подорвали запас сил Дерроу, хотя в его глазах появился странный блеск, когда он добавил: — И даже если они смогут и захотят сделать это, что они подумают о человеке из позапрошлого века? — Он скомкал бумажный стаканчик, и струйка бренди побежала вниз по руке. — Что, если они будут обращаться со мной, как с ребенком?

Дойль смутился и тотчас поспешил вернуться к Кольриджу. Но это так, конечно, думал он. Дерроу так долго был капитаном своего собственного корабля, что он скорее предпочтет пойти ко дну вместе с ним, чем согласится стерпеть снисходительную жалость тех, кто бросит ему спасательный круг, случайно оказавшись рядом. А особенно для него нестерпимо, если корабль этих добрых самаритян во всем превосходит его собственный.

Дерроу тоже, как видно, хотел вернуться к де-

ловой части разговора.

* * *

Уже близился рассвет, когда другой шофер доставил Дойля в отель, расположенный поблизости. И он провалился в сон, отбросив беспокоящие мысли. После полудня третий шофер привез его назад на участок.

Участок земли сейчас был плоским, как сковорода, и все тракторы убрались восвояси. Несколько рабочих возились с лопатами и метлами, убирая лошадиный навоз. Трейлер был все еще здесь. Он казался брошенным на произвол судьбы, потому что телефонные и электрические кабели уже убрали. Другой трейлер, достаточно большой, чтобы назвать его передвижным домом, был установлен бок о бок с первым. Вылезая из машины, Дойль заметил шкивы и линии связи в промежутках по верху ограды, а сверху натянули брезентовый тент. Стариковская пугливость, подумал Дойль с нескрываемым ехидством.

Охранник открыл ворота и проводил Дойля к новому трейлеру. Дверь была открыта. Дойль вошел внутрь.

В дальнем конце комнаты, покрытой панелями орехового дерева и коврами, Дерроу, выглядев-

ший не более усталым, чем прошлой ночью, разговаривал с высоким блондином. Оба они были одеты в стиле до эпохи Регентства: сюртуки, плотно облегающие брюки и ботинки. Они чувствовали себя в старинной одежде столь естественно, что Дойль на какое-то мгновение почувствовал себя смешным в стандартном костюме из полиэстера.

— А-а, Дойль, — сказал Дерроу, — я думаю, вы уже узнали нашего шефа безопасности.

Блондин обернулся, и через мгновение Дойль узнал Стирфорта Беннера. Волосы молодого человека были коротко пострижены и завиты, а тоненькие усики, никогда особенно не бросающиеся в глаза, сейчас отсутствовали.

— Беннер! — радостно воскликнул Дойль, направляясь к нему. — Я подозревал, что ты должен быть как-то связан с этой затеей.

Его дружба с молодым человеком несколько поостыла за последний месяц или два — с тех пор как Беннер был завербован ДИРЕ, но Дойль был рад видеть здесь знакомое лицо.

— Да, ведь мы некоторым образом коллеги, Брендан, — сказал Беннер, приветливо улыбаясь.

— Мы прыгнем чуть-чуть раньше, чем через четыре часа, — подытожил Дерроу, — и еще очень

много всего предстоит сделать. Дойль, мы достали костюм того времени для вас. В том конце комнаты дверь в гардеробную. Сожалею, но за вами будут следить — очень важно, чтобы никто не прихватил с собой ничего лишнего из нашего времени, ничего, кроме собственной кожи, брать не положено.

— Мы ведь собираемся пробыть там всего четыре часа?

— Всегда существует вероятность, Дойль, что один из наших гостей сбежит, несмотря на усилия Беннера и его ребят. Если этот кто-то сбежит, мы не хотим, чтобы он принес какое-нибудь свидетельство, что он из другого века. — Дерроу так энергично поднял руку, словно отбивал крикетную подачу, прерывая этим жестом все дальнейшие вопросы Дойля. — Нет уж, сынок, наша предполагаемая эскапада не сможет поведать людям, как прекратить войну или как построить «Кадиллак» и что-нибудь там еще в таком роде. Каждый гость проглотит капсулу, я думаю назвать это антихрононическими пилюлями, то есть пилюлями для предотвращения трансхрононической травмы, — да, пожалуй, хорошее название — Антитрансхрононические Антитравматические Таблетки — ААТ. Чем оно на самом

деле и является, и пожалуйста, не начинайте пока вопить, выражая одобрение, Дойль, — это смертельная доза стрихнина в капсуле, которая должна раствориться через шесть часов. Итак, когда мы прибудем назад, они получат противоядие — их желудок как следует промоют раствором активированного угля. — На его лице появилась леденящая душу улыбка. — Обслуживающий персонал освобожден от этого, разумеется, или я бы не сообщил вам правду. Каждый гость согласился на эти условия, и я предполагаю, что большинство из них догадываются, что все это означает на самом деле.

А может быть, и нет, подумал Дойль. Вдруг весь проект в целом стал выглядеть как плод больного воображения, и Дойль представил себя на суде, очень скоро, в один из ближайших дней. Вот стоит он перед почтенными судьями и, запинаясь, пытается объяснить, почему он не информировал полицию о преступных намерениях Дерроу.

— А вот и речь, которую вы сможете произнести на брифинге. — Дерроу подошел, протягивая ему лист бумаги. — Вы вправе изменить некоторые детали или переписать все полностью, а если вы можете запомнить ее наизусть, буду очень вам признателен. Сейчас я полагаю, что вы двое

захотите пообщаться, поэтому я займусь делами в трейлере. Персоналу запрещено пить во время брифинга, но я не вижу особого вреда, если вы это сделаете прямо сейчас.

Дерроу улыбнулся и удалился размашистым шагом. В архаичном костюме Дерроу — просто вылитый пират, подумал Дойль.

— Ага, — сказал он, — а вот и выпивка для нас.

Он вытащил бутылку виски. Несмотря на растущее беспокойство, Дойль не преминул отметить, что виски отменного качества.

— Ух! Налей мне немного. Неразбавленного.

Беннер протянул ему стакан виски, а себе смешал коктейль. Он потягивал коктейль маленькими глотками и улыбался Дойлю.

— Я полагаю, немножко спирта так же необходимо, как свинцовый футляр. Я никогда не лезу под это чертово излучение, не припрятав за поясом фляжку с виски.

Дойль был близок к тому, чтобы потребовать телефон и позвонить в полицию, но то, что он сейчас услышал…

— Что-о?

— Процесс перехода тахионов, тахиоконверсия. Он разве не объяснял, как работает временной перескок, или «прыжок», как мы здесь привыкли

это называть?

— Нет… — Дойль почувствовал, что земля ушла из-под ног.

— Ты что-нибудь знаешь о квантовой теории? Или, может быть, о физике элементарных частиц?

Бессознательным движением рука Дойля подняла стакан и влила в Дойля немного виски.

— Нет.

— Ну хорошо. Я сам никогда толком не понимал. Но в общих чертах то, что произойдет, выглядит следующим образом: мы построимся на линии действия потока умопомрачительно высокочастотного излучения, намного выше частот гамма-лучей. У фотонов нет массы, как известно, поэтому можно послать одну фалангу фотонов сразу после другой, без того, чтобы они наступали друг другу на пятки, — и когда это ударит нас, дополнительные свойства поля этой временной дыры предохранят нас от обычных последствий подобного процесса. — Он медленно потягивал коктейль. — В любом случае после того, как мы окажемся в этой дыре, единственно возможный для нас компромисс с природой состоит в том, что в результате нам придется стать почетными тахионами.

— Иисусе Христе, — прохрипел Дойль, — мы станем призраками. Да. Мы увидим Кольриджа. Прекрасно, охотно верю, — мы встретимся с ним в Царствии Небесном.

Он услышал с улицы гудок автомобиля. Звуки раздавались как-то приглушенно, издалека — автомагистраль проходила значительно ближе. «Должно быть, какая-нибудь невинная душа, — отстраненно подумал Дойль. — И непредвиденное затруднение заставило это небесное создание протрубить в свою трубу. Ну разумеется, я уже близок к тому, чтобы услышать звуки трубы архангела, все к тому и идет».

— Беннер, послушай меня, мы сейчас выйдем отсюда и пойдем в полицию. О мой бог…

— Это абсолютно безопасно, — прервал Беннер, продолжая улыбаться.

— Тебе-то откуда это известно? Этот Дерроу, вероятно, просто клинический псих и…

— Успокойся, Брендан, и слушай. Как я выгляжу? Тебе кажется, со мной все в порядке, да? Мы все еще друзья? Тогда перестань волноваться, потому что я совершил скачок соло в маленькую дыру в 1805 год два часа назад.

Дойль подозрительно уставился на него:

— Неужели ты это сделал?

— Перекрестясь и ожидая неминуемой смерти. Они одели меня как куклуксклановца, который вдобавок предпочитает металлические облачения и не нуждается в прорезях для глаз, а затем заставили встать на платформу около ограды, пока они выстраивали свою адскую машину по другую сторону ограды. И затем — ух! — только что я был здесь и сейчас, а в следующую секунду я уже в шатре, в июле, близ Излингтона в 1805 году.

— В шатре?

— Эх, вот было забавно! Я приземлился и оказался в цыганском таборе. Первое, что я увидел, когда разорвал капюшон, — это внутренность того шатра, он был весь задымлен ладаном и битком набит древним хламом, мне показалось — египетским. И там был какой-то человек, весьма напоминавший труп, — старый, лысый. Уставился на меня в совершенном ошалении и молчит. Я испугался и выбежал вон. А это не так-то просто — в моем-то балахоне. Огляделся я по сторонам и вижу: обычный английский сельский пейзаж. Так, ничего особенного. Не стоило ради этого никуда прыгать. Там не было ни высоковольтных линий, ни телефонных проводов — я думаю, это действительно 1805 год. И вот стою я посередь

табора — лошади пасутся, шатры кругом и цыган полно. Цыгане уставились на меня, мне аж жутко стало. Но тут дыра как раз подошла к концу (благодарение богу, я не выбежал за пределы поля действия дыры), и мобильный крючок схватил меня и вытащил обратно — сюда и сейчас. — Он нервно захихикал. — Интересно, что подумали цыгане, когда я внезапно исчез, а мой балахон остался на земле?..

Дойль внимательно разглядывал Беннера несколько нескончаемо долгих секунд. Беннер проявлял неизменное дружелюбие, но вряд ли ему можно верить на слово. Хотя весь рассказ не похож на вымысел. Дойль знал — Беннер плохой актер. Некоторые детали, особенно тот старик в шатре, застывший в недоумении… Да, Беннер передал обстановку с непринужденной уверенностью человека, который не лжет. Дойль вдруг понял, что поверил каждому слову.

— О господи, — завистливо прошептал он, — а какой там воздух? На что было похоже ощущение земли под ногами?

Беннер пожал плечами:

— Свежий воздух и земля, покрытая травой. И лошади выглядели, как лошади. Цыгане были довольно маленького роста, но, может быть,

цыгане всегда такие. — Он похлопал Дойля по спине. — Поэтому перестань беспокоиться. Клизмы с активированным углем сохранят здоровье наших гостей, и я не собираюсь позволять кому-нибудь уйти в самоволку. Так ты все еще хочешь позвонить копам?

— Нет. Конечно, нет, — горячо шептал Дойль. — Я хочу увидеть Кольриджа. Извини, Беннер, я должен заняться этой речью.

Дерроу разрешил ему воспользоваться маленькой служебной комнаткой для подготовки к выступлению. В шесть двадцать Дойль решил, что запомнил речь наизусть, решительно поднялся, вздохнул и открыл дверь в главную комнату.

Несколько хорошо одетых людей прогуливались в дальнем конце комнаты, между ними и Дойлем стояли стулья и большой круглый стол. Горели сотни свечей в канделябрах, и отсветы мерцающих огоньков отражались в полированных панелях стен и вычурно дробились в хрустале бокалов. В воздухе витал запах пряностей и жарящегося мяса.

— Беннер, — позвал он тихо, увидев высокого молодого человека, устало прислонившегося к стене рядом со столом. И в полном соответствии с костюмом прошлого века молодой человек

открыл изящным жестом табакерку с изысканной перламутровой инкрустацией и несколько жеманно поднес к носу щепотку коричневого порошка. Беннер поднял глаза.

— Проклятие, Брендан — апч-хи-и! — проклятие. Персонал должен уже переодеться. Ничего страшного, гости сейчас в гардеробной, ты успеешь переодеться за несколько минут.

Беннер убрал табакерку и посмотрел неодобрительно на одежду Дойля.

— Но, я надеюсь, ты хотя бы нацепил мобильный крюк?

— Разумеется. — Дойль засучил рукав и показал ему кожаный ремешок, затянутый на выбритом предплечье. — Дерроу собственноручно надел мне это час назад. Приходи послушать лекцию. Ты ведь знаешь достаточно о…

— У меня нет времени, Брендан, но я уверен, твоя лекция будет просто великолепна. Все эти люди! Да ты только на них посмотри! Вышагивают… И ведь каждый уверен, что он император китайский по меньшей мере.

К нему поспешно подошел человек, тоже одетый в стиле начала девятнадцатого века.

— Опять этот Трефф, шеф, — сказал он спокойно. — Нам наконец удалось заставить его все с

себя снять, но он надел бандаж на ногу и не снимает, и ведь совершенно ясно, что у него что-то под ним спрятано.

— Черт, я знал, кто-нибудь из них отколет нечто подобное. Ох уж эти богачи!

Внушительная фигура Дерроу появилась через главную дверь. В то же мгновение из двери гардеробной, как дикий кабан, вырвался совершенно голый человек и застыл, озираясь. Их пути сошлись в одной точке.

— Мистер Трефф, — сказал Дерроу, удивленно подняв седые брови, и его властный голос заставил остальных замолчать, — вы, очевидно, не поняли наших требований к одежде.

Присутствующие засмеялись. Трефф побагровел, и казалось, он сейчас лопнет от злости.

— Дерроу, этот бандаж останется на месте, понимаете? Это прописано моим врачом, и я плачу этот чертов миллион долларов, и никакой беглый экспонат бродячего зверинца из тех, кого надо держать за решеткой, не будет мне указывать…

Только потому, что Беннер обернулся к Дойлю и нервно улыбнулся, Дойль успел заметить, как тот выхватил стилет из рукава. Но все остальные поняли, что происходит, только когда Беннер сделал плавный фехтовальный выпад и лезвие

ножа скользнуло под бандаж, ставший причиной столь бурной дискуссии. Беннер выдержал театральную паузу, по-прежнему оставаясь в эффектной позе опытного фехтовальщика, а затем быстро разрезал слои ткани.

На ковер со звоном высыпалась солидная куча тяжелых металлических предметов. При поверхностном осмотре Дойль успел заметить: зажигалку, кварцевые часы «Сейко», крошечную записную книжку, автоматический пистолет 25-го калибра и по крайней мере три пластинки золота, в унцию каждая.

— Собираетесь подкупить туземцев стеклянными бусами? — поинтересовался Дерроу. Он благодарно кивнул Беннеру, который уже спрятал стилет и стоял рядом с Дойлем. — Вам известно, что это — грубое нарушение условий нашего соглашения? Вам вернут пятьдесят процентов. И охранник немедленно сопроводит вас к трейлеру за пределами участка. Там вы пребудете в роскошном плену до рассвета. Да, кстати, исключительно из дружеских чувств, — добавил он с самой ледяной улыбкой, какую доводилось видеть Дойлю на своем долгом веку, — я настоятельно советую вам не сопротивляться.

— Ну вот, Брендан, положительный результат

налицо, — беспечно заметил Беннер, глядя, как выволакивают на улицу голого Треффа, — гардеробная освободилась.

Дойль отправился искать освободившуюся гардеробную. Правда, сначала он ошибся и, наткнувшись на переодевавшихся гостей, пробормотал: «Извините». Наконец Дойль достиг желанной цели. Он открыл дверь — на табуретке сидел скучающий охранник. Охранник настороженно приподнял голову и уставился на Дойля, но, убедившись, что перед ним не Трефф, облегченно вздохнул.

— Вы Дойль? — спросил охранник, вежливо отрывая зад от табуретки.

— Да.

— Замечательно! А теперь быстро снимайте одежду.

У Дойля засосало под ложечкой, но он подавил возникшее было беспокойство и послушно разделся. Потом аккуратно повесил свой лучший костюм на вешалку, услужливо протянутую охранником. Охранник поспешно удалился, прихватив с собой все вещи Дойля.

Дойль уныло прислонился к стене, надеясь, что рано или поздно про него вспомнят. Он попытался почесать предплечье под кожаным ремешком.

Но ремешок затянули настолько туго, что под него невозможно было просунуть палец. Дойлю не удалось избавиться от раздражающего зуда под повязкой, и тогда он принял решение вообще не обращать внимания на зеленый камень, послуживший причиной стольких неудобств. Мобильный крюк, как обозвал эту штуковину Дерроу. Он даже позволил Дойлю осмотреть зеленый камешек и повертеть его в руках — там были выгравированы символы: странное сочетание египетских иероглифов с астрологическими знаками, — а потом накрепко привязал к предплечью и объяснил, что эта штука должна плотно прилегать к коже.

— Да не смотрите вы так недоверчиво, Дойль, — сказал тогда Дерроу. — Именно эта штуковина и вернет вас обратно, в 1983 год. Когда дыра в 1810 году вот-вот должна будет захлопнуться, крючок выдернет вас в дыру здесь и сейчас. Пока крючок находится в контакте с вашим телом, он способен утянуть вас за собой. Если же вы потеряете его, то увидите, как все мы исчезнем, а сами застрянете в 1810-м. Поэтому помните, что крючок следует получше закрепить надежной застежкой.

— Насколько я понял, мы все просто исчезнем из 1810-го, когда истекут четыре часа? — спросил

Дойль, наблюдая, как Дерроу намыливает и бреет ему предплечье. — А что, если вы ошиблись в вычислениях? Вдруг мы все исчезнем в середине лекции?

— Нет, не исчезнем, — сказал Дерроу. — Чтобы исчезнуть, недостаточно находиться в контакте с мобильным крючком. Необходимо оказаться в определенной точке пространства. А дыра откроется в пяти милях от той таверны, куда мы направляемся. — Он приложил камень к руке Дойля и накрепко обвязал вокруг широкой кожаной повязкой. — Но мы не ошиблись в вычислениях. У нас достаточно времени, чтобы спокойно послушать лекцию и вернуться на то поле, где открылась дыра. Кстати, мы берем с собой два экипажа, и поэтому, — он продолжал говорить, плотно затягивая ремешок и защелкивая замочек, — вам не стоит беспокоиться.

И вот сейчас голый Дойль стоял, прислонившись к стене, в пустой гардеробной. Ситуация показалась ему забавной, и он улыбнулся своему отражению в зеркале. Ну что, волнуешься?

Охранник вернулся и вручил Дойлю полный комплект принадлежностей костюма начала девятнадцатого века, в котором были предусмотрены все мелочи, характерные для того времени.

Охранник также дал ему указания, в какой последовательности все это надевать, и в завершение сам помог завязать маленький бант на галстуке.

— Пожалуй, вам не требуется стрижка, сэр. Тогда носили почти такую же длину, я только зачешу вам волосы на лоб. Да вы не волнуйтесь, сэр, мужчине не стоит стыдиться такой маленькой лысинки. Ну вот, просто замечательно — фасон под Брута. Взгляните-ка на себя.

Дойль повернулся к зеркалу, взъерошил волосы и рассмеялся. Не так уж плохо. Его обрядили в коричневый сюртук с двумя рядами пуговиц. Спереди сюртук едва доходил до талии, зато сзади болтались длиннющие фалды ниже колен. Костюм дополняли лосины неповторимого рыжевато-бурого оттенка и высокие, до колен, ботфорты с кисточками. Из-под отворотов сюртука выглядывал белый шелковый галстук. Дойлю пришло в голову, что такой костюм придает ему если и не значительность денди, то хотя бы некоторое достоинство.

Одежда была чистая, но явно уже ношенная. Дойль сразу почувствовал себя в ней легко и свободно, совсем не так, как в маскарадном костюме. Он вернулся в главную комнату. Гости продефилировали к столу. Пока он переодевался, на

столе появилось живописное изобилие тарелок, тарелочек, подносов и бутылок. Дойль наполнил тарелку и, напомнив себе, что он — «персонал», с видимым усилием оторвал взгляд от коллекционных вин и пива и быстро схватился за чашку кофе.

— А, Дойль, идите сюда, — позвал его Дерроу, показывая на пустой стул рядом с собой. — Дойль, — объяснил он соседям по столу, — наш знаток Кольриджа.

Они кивали и улыбались, а один седой старик с насмешливыми глазами сказал:

— Мне понравился ваш «Незваный Гость», мистер Дойль.

— Благодарю вас. — Дойль улыбнулся, очень довольный тем, что его узнали, и тут он осознал, что этот человек — Джим Тибодю, автор многотомной «Истории человечества», которую он написал совместно с женой, — теперь Дойль заметил и жену, она сидела по другую сторону от него, — в их труде, в одной только главе об английских поэтах-романтиках продемонстрирована такая глубина исследования и столь свободный стиль изложения, что Дойлю оставалось только восхищаться и завидовать. Но их присутствие здесь подкрепило то исполненное надежд радостное

волнение, которое он испытывал с того момента, как Беннер описал свой прыжок в 1805 год. Если супруги Тибодю принимают всю эту авантюру всерьез, думал он, есть хороший шанс, что все сработает.

* * *

Угощение убрали, стол унесли. Сейчас десять стульев расставили в кружок перед подиумом. Дойль смущенно попросил Беннера убрать подиум, и тот заменил подиум стулом Треффа. Дойль сел и обвел взглядом поочередно всех гостей, встречая ответный пристальный взгляд. Из девяти он узнал пятерых: трое, включая чету Тибодю, были выдающимися историками, еще один — популярный английский театральный актер, а еще один, вернее, одна — не наверняка, но Дойль был почти уверен в этом, — знаменитая спиритуалка и медиум. Ей лучше проделывать свои трюки в той дыре, которая здесь и сейчас, подумал он тревожно, припоминая рассказ Дерроу о сеансе в 1954 году на улице под названием «автокладбище».

Он сделал глубокий вдох и начал:

— Вы, возможно, знакомы с жизнью и творчеством того, кто считается отцом романтического

движения в английской поэзии. Но наше путешествие призывает нас сделать краткий обзор. Родившись в Девоншире 21 октября 1772 года, Кольридж продемонстрировал раннее развитие и широкий круг чтения, которые и сохранил на всю свою долгую жизнь, что, безусловно, и сделало его наряду со многими другими факторами самым обворожительным собеседником своего времени, причем следует учесть, что его современниками были такие люди, как Байрон и Шеридан.

Кратко упомянув о его преподавательской деятельности, пагубном пристрастии к опиуму в виде опийной настойки, коснувшись темы его неудачной женитьбы, дружбы с Вильямом и Дороти Вордсворт, продолжительных заграничных путешествий, вызванных его ужасом перед женой, — Дойль незаметно отслеживал ответную реакцию аудитории. В целом, казалось, все были довольны — изредка с сомнением хмурились или согласно кивали. Он внезапно понял, что его присутствие здесь — изящная деталь обстановки, как блюда китайского фарфора, на которых подавалась еда, — простые бумажные тарелки прекрасно сгодились бы для обеда на скорую руку в трейлере. Дерроу, возможно, мог провести

беседу о Кольридже по меньшей мере столь же успешно, но старик хотел быть абсолютно уверенным, что это сделает признанный специалист.

Проговорив о том о сем минут пятнадцать, Дойль решил закруглиться. Последовали вопросы, с которыми Дойль уверенно справился. Наконец, Дерроу поднялся с места, подошел к Дойлю и встал около его стула, с привычным профессионализмом переключив внимание аудитории на себя. В руке он держал фонарь и театральным жестом махнул им, указывая на дверь.

— Леди и джентльмены! Сейчас без пяти минут восемь. Кареты ждут.

В напряженном молчании все встали, надели шляпы, шляпки и пальто. «Сто семьдесят лет, — подумал Дойль, — расстояние до 1810 года. Смогу ли я перенестись туда светом свечи? Да и вернуться назад?» Он отстраненно заметил, что сердце бухает и он не может глубоко вздохнуть.

Они вереницей вышли из трейлера на утрамбованную землю участка. Две кареты остановились буквально в нескольких ярдах от трейлера. При свете мерцающих каретных фонарей Дойлю удалось рассмотреть, что кареты, так же как и одежда, уже не новые.

— Здесь места для пятерых в каждой карете. Правда, придется потесниться, — сказал Дерроу, — и так как Трефф по ряду причин не счел возможным почтить нас своим присутствием, я займу его место в карете. Персонал устроится снаружи.

Беннер взял Дойля за локоть и отвел в сторону. Гости подняли суматоху: они снимали шляпы, распутывали шали и бестолково суетились у дверцы кареты, но наконец все забрались внутрь и расселись по местам.

— Пойдем ко второй карете, — сказал Беннер.

Они обогнули с тылу дальнюю карету и вскарабкались на два маленьких сиденья, устроенных сзади кареты на той же высоте, что и скамейка кучера.

Холодный вечерний воздух заставил Дойля зябко поежиться, и он был рад теплу от каретного фонаря, который как раз приятно пригревал его бок. Со своего насеста Дойль заметил, что с северного конца участка зачем-то привели еще несколько лошадей.

Экипаж запрыгал на рессорах, когда два дюжих охранника вскарабкались на скамейку кучера. Дойль услышал над ухом звон металла, посмотрел на Беннера и увидел приклады двух

пистолетов, торчащие из кожаной сумы, перекинутой через плечо.

Он услышал щелканье поводьев и цокот копыт — первая карета тронулась с места.

— Куда мы сейчас направляемся, в подробностях, я имею в виду?

— Туда, к изгороди, между двумя столбами завеса не поднята. Видишь низкий деревянный помост? Открытая платформа подтянута прямо к краю изгороди.

— Ага, — сказал Дойль, стараясь скрыть волнение. Оглянувшись назад, он увидел, что лошадей запрягли в два трейлера и сейчас оттаскивают трейлеры к северному концу участка.

Беннер проследил за его взглядом.

— Участок, или, точнее, поле дыры, должен быть полностью расчищен для каждого прыжка, — объяснил он. — Любой предмет в пределах пространства дыры отправится в прошлое с нами.

— Если это так, то почему же тогда твои шатры и цыгане не пришли сюда к нам?

— При возвращении из прошлого нельзя утащить с собой целое поле с цыганами и шатрами. Вернуться в «здесь и сейчас» могут только крючки и все, что с ними непосредственно соприкасается.

Как бы тебе объяснить... Действие крючков подобно мячику на резинке. Требуется приложить определенную энергию, чтобы отбросить мячик, и если на пути его движения окажется какая-нибудь мошка, то мячик увлечет ее за собой, но когда растянувшаяся резинка опять сожмется — она притянет назад только мячик, и ничего, кроме мячика, не сможет вернуться назад. Даже эти кареты останутся там. Это действительно так, поверь.

При свете фонаря Дойль разглядел, что Беннер как-то странно усмехается.

— Я заметил этот эффект во время моей собственной увеселительной прогулки в табор. Представь себе — даже одежда остается там, хотя волосы и ногти все-таки удается взять с собой. Так что Трефф получил по крайней мере часть запланированного развлечения. — Беннер засмеялся. — Возможно, именно поэтому ему возместили только пятьдесят процентов.

Дойль разглядывал брезентовый занавес вокруг площадки.

Кареты приблизились к загородке, и Дойль мог лучше разглядеть платформу. Деревянный помост, около фута в высоту, но больше чем дюжина футов в длину и ширину, был установлен

за платформой, но только уже внутри загородки. Копыта лошадей загрохотали, как дюжина барабанов, когда лошади втягивали кареты на платформу по пологому деревянному помосту. Несколько человек, выглядевших неуместно в 1983-м, тоже в костюмах для прыжка, быстро устанавливали алюминиевые стойки и натягивали плотное и, очевидно, тяжелое покрытие. И вот кареты оказались в огромном, кубической формы шатре. Ткань шатра тускло поблескивала в свете фонарей.

— Сеть, сплетенная из стального троса, заключенная в свинцовую оболочку, — сказал Беннер. Его голос звучал громче в замкнутом пространстве. — Платформа тоже закрыта с трех сторон.

Дойль старался сдержать дрожь в руках — не хотелось, чтобы Беннер заметил.

— А это действительно будет взрыв? — спросил он, стараясь придать голосу твердость. — Мы почувствуем сильное сотрясение?

— Нет, в действительности ты не почувствуешь ровным счетом ничего. Только… дислокацию.

Дойль слышал, как перешептывались гости в карете под ним, а из другой кареты доносился громкий смех Дерроу. Лошадь громко била копытом по деревянному настилу.

— Чего мы ждем? — прошептал Дойль.

— Надо дать время тем людям все подготовить и убраться отсюда за пределы участка.

Кареты стояли неподвижно, но Дойль все равно продолжал чувствовать тошноту. Смешанный запах бензина и металла в шатре становился невыносимым.

— Мне не хотелось бы говорить, но этот запах…

Внезапно что-то изменилось — стремительно, но без движения. Он перестал ощущать глубину пространства — осталась только плоская поверхность, тускло поблескивающая прямо перед его глазами. Он судорожно вцепился в поручень рядом с сиденьем — не было ни севера, ни юга, ни верха, ни низа, и Дойля опять отбросило в привычный кошмар. Прошлой ночью его разбудила стюардесса, но сейчас он снова оказался на той дороге, чувствуя, как старая «Хонда» боком скользит по мокрой дороге, — удар, и он куда-то летит и слышит страшный вопль Ребекки, оборвавшийся при ударе об асфальт…

Ему показалось, что деревянная платформа под ними развалилась. Земля закачалась, стойки угрожающе накренились и обрушились, погребая все под тяжелыми складками свинцовой ткани.

Дойль даже обрадовался, когда падающая стойка отскочила от крыши кареты и больно ударила его по плечу. Он почувствовал боль, значит, он по-прежнему в реальном мире — здесь и сейчас. И Дойль стряхнул с себя наваждение той аварии на мокрой дороге. Отвратительный запах стал еще сильнее, так как обрушившийся шатер прижал его голову к крыше кареты. И он подумал, что, возможно, ничто не объединяет нас с окружающей реальностью более основательно, чем скручивающий приступ тошноты.

Но вот свинцовый покров снят, Дойль понял, что ужасный запах исчез, и вдохнул свежий ночной воздух. Он увидел поле в лунном свете, вдали прорисовывались темные силуэты деревьев.

— Ты в порядке, Брендан? — Это говорил Беннер и повторял вопрос уже дважды.

— А, да… конечно. Господи Иисусе, вот это прыжок! Как остальные? Как лошади? — Дойль гордился собой, задавая столь спокойные, деловые вопросы. Хотя, конечно, он мог бы говорить более тихо и не трясти так головой.

— Да не переживай ты так, договорились? — сказал Беннер. — Все просто замечательно. На вот, выпей глоток.

Он открутил колпачок походной фляжки и

протянул ее Дойлю.

И уже в следующее мгновение Дойль размышлял о том, что, возможно, выпивка даже более эффективное средство для связи с реальностью, чем боль.

— Благодарю, — сказал он уже более спокойно, передавая фляжку обратно.

Беннер кивнул, сунул фляжку в карман и спустился вниз. Он перепрыгнул обломки платформы и присоединился к остальным охранникам. Они выкопали небольшую яму и теперь сворачивали свинцовый шатер — Дойль заметил, что они работают в перчатках. Затем они закопали тюк ткани и вскарабкались на свои места. Охранники проделали все за столь короткое время и столь слаженно, что оставалось только удивляться. Дойль предположил, что все отрепетировано заранее.

— Тебе удалось рассмотреть обломки платформы? Добрых три дюйма снизу напрочь срезано во время прыжка. Если бы мы не были приподняты над уровнем земли, то лошади остались бы без копыт.

Возницы зацокали, и кареты тронулись как ни в чем не бывало. Лошади переступили через обломки досок и неторопливо отправились

по траве через луг. Через несколько минут они подъехали к полосе ивовых кустов вдоль дороги. Охранник спрыгнул на землю и побежал посмотреть, что впереди. Припав к земле у обочины, он посмотрел направо, потом налево, подал условный сигнал — и через несколько мгновений по дороге прогромыхала повозка, направляясь в город. Дойль завороженно уставился вослед, думая с благоговейным трепетом, что веселая пара в повозке, мельком увиденная им сквозь придорожные кусты ивняка, была мертва уже за сто лет до его рождения. Лошади с усилием преодолевали придорожную канаву, они то тянули вперед, то делали шаг назад, пытаясь вытянуть кареты на дорогу. Но вот кареты выбрались на дорогу, и лошади бодрой рысью направились к востоку — в Лондон.

Глава 2

Я – порожденье тьмы, пришел издалека…

Перси Биши Шелли

Над тротуарами нарядно сияли окна Оксфорд-стрит. В этот ранний субботний вечер улицу заливал яркий свет газовых фонарей. Элегантно одетая публика неторопливо прогуливалась. Силуэты прохожих четко прорисовывались, освещенные нарядными витринами магазинов. Праздно фланирующие люди взбирались или спускались со ступенек кебов, теснившихся у края тротуара. В воздухе стоял шум и гам от криков кебменов, жужжащего грохота сотни каретных колес по булыжной мостовой. Несколько более приятно для слуха звучали ритмичные выкрики уличных продавцов, бредущих с ярмарки на Тоттенхэм-Корт-роуд. Дойль с удивлением принюхивался к непривычному запаху Лондона — запаху лошадей и сигарного дыма, горячих сосисок и духов. Эту сложную гамму запахов доносил легкий прохладный ветерок.

Когда они повернули на Броуд-стрит, Беннер

вытащил из кожаной сумки кремневый пистолет, чем-то напоминающий паука. Это была четырехствольная штуковина устрашающего вида, с тускло поблескивающими металлическими частями. Он устроил локоть на крыше кареты, направив дуло пистолета в небо. Посмотрев вперед, Дойль заметил, что остальные охранники сделали то же самое.

— Мы въезжаем на территорию притона Сент-Джайлс, — объяснил Беннер. — Тут очень грубые местные жители, но, надеюсь, они не станут с нами связываться.

Дойль настороженно заглядывал в узкие темные переулки и дворы, куда едва доходили отблески дымного марева, нависшего над всем районом. Они проезжали мимо уличных распродаж, мимо кофейных палаток, лотков со старой одеждой и корзин с овощами под присмотром страшных старух, которые курили глиняные трубки и следили за толпой, полуприкрыв глаза. Кое-кто выкрикивал ругательства вслед проезжавшим каретам, но на таком жаргоне и со столь странным акцентом, что Дойлю удалось только уловить иногда проскальзывавшие «проклятый» и «чертов». Но в этом не чувствовалось никакой угрозы, скорее это походило на чересчур грубый

юмор.

Он посмотрел назад и тронул Беннера за руку.

— Я не хотел пугать вас, — сказал он быстро. — Этот фургон, там, сзади — за тележкой с картофелем… Он держится за нами с тех самых пор, как мы выехали на Бейсуотер-роуд.

— Ради бога, Брендан, мы все время ехали прямо, ведь был всего один поворот, — прошипел Беннер раздраженно, но все-таки обернулся. — Черт, да это всего-навсего… — Он помолчал в задумчивости. — Наверное, это цыганский фургон.

— Ну вот, опять цыгане. Что-то на них не похоже — я имею в виду, они обычно избегают показываться в больших городах.

— Я не знаю, — сказал Беннер медленно, — я не уверен даже, что это цыганский фургон, но я доложу об этом Дерроу.

Улица становилась у́же, они ехали дальше по Сент-Мартин-лейн и миновали высокую старую церковь; сюда свет уже совсем не проникал. За ними наблюдали местные жители бандитского вида, и Дойль порадовался, что Беннер вооружен. Дальше улица расширялась и опять становилась светлой и праздничной. Они выехали на широкий бульвар, по-видимому, Стрэнд.

Беннер уложил свое сложное оружие обратно в кожаную сумку.

— «Корона и якорь» — как раз за углом, — сказал он. — И я не видел ваш цыганский фургон уже несколько кварталов.

Между двумя зданиями Дойлю удалось разглядеть Темзу, сверкающую в лунном свете. Ему показалось, что мост не там, где он видел его в 1979 году, когда был в Лондоне, но, прежде чем ему удалось как следует сориентироваться, они свернули на маленькую улочку и доскрипели к остановке перед двухэтажным деревянным зданием с вывеской над открытой дверью. «Корона и якорь», — прочитал Дойль.

Начинал накрапывать дождик. Гости выбрались из кареты и остановились в ожидании. Дерроу направился к двери, спрятав руки в меховой муфте.

— Вы, — сказал он, кивая человеку, который управлял передней каретой, — паркуйте машины. Остальные идут в таверну. Ну, все за мной.

Он повел компанию из семнадцати человек в тепло таверны.

— Боже милостивый! — воскликнул мальчик, подбегая к ним. — Вы все на обед? Вам следовало бы предупредить заранее, мы бы тогда приготови-

ли комнату для банкетов. Подождите, я попробую что-нибудь сделать… если найдется достаточно стульев, можно установить их в пивной, и…

— Мы не обедать пришли, — нетерпеливо сказал Дерроу. — Мы пришли послушать речь мистера Кольриджа.

— Да-а? — Мальчик повернулся и прокричал вниз, в зал: — Мистер Лоуренс! Здесь целая толпа! Они думают, что в эту субботу поэт должен говорить здесь!

Дерроу побледнел — только что это был великий Дерроу, и вдруг он стал просто дряхлым стариком в нелепых одеждах. Муфта выпала из рук, ударилась о деревянный пол. И тут-то Дойль, несмотря на разочарование, почувствовал, как в глубине души зарождается и начинает шевелиться безудержный хохот, еще немного, и он достигнет критической массы.

К ним поспешил обеспокоенный Лоуренс в сопровождении толстого старика с длинными седыми волосами.

— Я Лоуренс, управляющий, — сказал он. — Мистер Монтегю назначил лекцию на следующую субботу, восьмого октября, и я ничем не могу помочь. Мистера Монтегю здесь нет, и он будет очень расстроен, если…

Дойль справился с приступом хохота и явно получал удовольствие от происходящего. Он оглядел присутствующих, и тут человек, который стоял рядом с Лоуренсом и вежливо молчал, привлек его внимание. Странно, как будто он уже где-то его видел… Дойль смотрел и не верил своим глазам: круглолицый, болезненного вида… тихий и незаметный… Нет, не может быть! А все-таки… С возрастающим волнением Дойль поднял руку так быстро, что управляющий остановился на середине фразы. Дойль сделал вежливый полупоклон и срывающимся голосом обратился к этому человеку, который все так же молчаливо стоял рядом с управляющим:

— Мистер Кольридж, полагаю?

— Да, — ответил тот. — И я приношу свои извинения всем вам.

— Извините. — Дойль повернулся к Лоуренсу. — Мальчик упомянул, что здесь есть незанятая комната для банкетов.

— О, да, это так, но там не подметено и не разведен огонь… и кроме того, мистер Монтегю…

— Монтегю не будет возражать, — сказал Дойль. Он повернулся к Дерроу, лицо которого постепенно приобретало нормальный цвет. — Я уверен, что вы внесете приемлемую сумму, что-

бы покрыть непредвиденные расходы, мистер Дерроу. И я думаю, что, если вы дадите этому парню достаточно, он разведет огонь и принесет провизию в комнату для банкетов. В конце концов, мистер Кольридж думал, что лекция состоится сегодня вечером. И мы планировали на сегодня, так почему мы должны слушать его лекцию на улице, когда существуют таверны с подходящими комнатами? Я уверен, — сказал он Лоуренсу, — даже мистер Монтегю не сможет найти в этом отступление от логики.

— Хорошо, — сказал управляющий неохотно, — это значит, что потребуется оторвать несколько моих людей от их прямых обязанностей… Нам только лишняя работа с этой вашей лекцией.

— Сотня золотых соверенов! — дико вскричал Дерроу.

— Идет, — выдавил Лоуренс. — Но, пожалуйста, не надо так кричать.

Кольридж, казалось, был слегка шокирован.

— Сэр, я не могу допустить, чтобы вы…

— Я возмутительно богатый человек, — сказал Дерроу. К нему вернулась былая уравновешенность. — Деньги для меня ничто. Беннер, сходите и принесите деньги из кареты, пока мистер Лоуренс показывает нам комнату.

Одной рукой он обнял за плечи Дойля, другой — Кольриджа и последовал за суетливым управляющим.

— Судя по вашему акценту, смею предположить, что вы американцы? — сказал Кольридж немного смущенно.

Дойль отметил, как он произносит звук «р» — должно быть, это девонширский акцент, не исчезнувший за все эти годы. Почему-то из-за этого Кольридж показался ему беззащитным и ранимым.

— Да, — ответил Дерроу. — Мы из Виргинии, Ричмонд.

— А, я всегда хотел посетить Соединенные Штаты. Мои друзья и я думали туда отправиться когда-нибудь.

Комната для банкетов в дальнем конце здания была темная и очень холодная.

— Не стоит подметать, — сказал Дерроу, энергично снимая стулья с длинного стола и расставляя их вокруг стола. — Принесите свечи, растопите камин… да, и побольше вина и бренди, тогда все будет замечательно.

— Будет сделано, мистер Дерроу, — сказал Лоуренс и стремительно выбежал из комнаты.

* * *

Кольридж сделал еще глоток бренди и встал. Он окинул взглядом собравшихся. Сейчас их было двадцать один — трое обедавших в соседней комнате услышали о том, что происходит, и решили присоединиться к компании. Один из присоединившихся открыл тетрадь и выжидающе держал карандаш.

— Как вы все, несомненно, знаете, по крайней мере, так же хорошо, как и я, — начал поэт, — внутренний тон английской литературы изменился, зазвучав в минорном и мрачном ключе, когда к власти пришла парламентская партия Кромвеля, когда вошел в моду стиль Круглоголовых, которые уверенно отринули «божественное право королей» и обезглавили Карла I. Афинское великолепие царствования Елизаветы, или скорее ее века, объемлющее славу всех наук и искусств — подобного расцвета нация не видела ни в какое другое время, — проложило дорогу суровости пуритан, которые равно избегали и излишеств, и того духа веселой ясности сознания — интуитивного проникновения в суть вещей, — который был столь свойственен их историческим предшественникам. Джону Мильтону было уже

тридцать четыре года, когда Кромвель пришел к власти, и поэтому, хотя он поддерживал парламентскую партию и приветствовал строгий, неумолимый порядок и самодисциплину, — его способ мышления сформировался в сумеречном свете предыдущего периода…

* * *

Сейчас Кольридж уже расстался с извиняющейся интонацией, он развивал эту тему с заметным и все возрастающим воодушевлением, и голос его звучал все увереннее. Дойль искоса поглядывал на собравшихся. Незнакомец с блокнотом деловито записывал какие-то знаки — очевидно, стенографировал. И Дойль понял, что он-то и должен оказаться тем самым школьным учителем, о котором упоминал Дерроу прошлой ночью. Он завистливо уставился на блокнот. Если мне повезет, думал он, может быть, и удастся заполучить записи. Человек поднял глаза, поймал взгляд Дойля и улыбнулся. Дойль кивнул и быстро отвел взгляд. Не смотри по сторонам, подумал он неистово, продолжай писать.

Супруги Тибодю пристально смотрели на Кольриджа сквозь полуприкрытые веки, и на мгновение Дойль испугался, что старая пара

задремала, потом он распознал характерное отсутствующее выражение интенсивной концентрации внимания. И он понял, что они записывают лекцию — записывают в собственной голове, так же точно, как любое видеозаписывающее устройство.

Дерроу смотрел на поэта со спокойной, довольной улыбкой, и Дойль догадался, что он даже не слушал лекцию, но просто радовался, что аудитории, похоже, нравится это шоу.

Беннер смотрел вниз на свои руки, как если бы это было только отдыхом перед неким огромным усилием, которое воспоследует. Может, он волнуется, как мы будем возвращаться через район трущоб? Странно, когда мы ехали сюда, Беннер не слишком-то беспокоился.

— Таким образом, Мильтон очищает и совершенствует сам вопрос о сущности веры, — сказал Кольридж, подводя лекцию к завершению, — и такого рода вера более независима — более действенна, чем вера пуритан. Он говорит нам, что вера — это не экзотический цветок, который старательно охраняют от воздействия повседневного мира, не полезная иллюзия, поддерживаемая софистикой и полуправдами, подобно детской вере в Санта-Клауса, не благоразумная привер-

женность строгому соблюдению религиозных правил и установлений, — но можно сказать, что вера если и должна быть чем-либо, то только ясным распознаванием прообразов и тенденций, которые должно искать — и находить — в каждой частице мирового устройства и которые-то и являются образом Господа. Именно поэтому религия может только быть советом и очищением и не может нести какое-либо принуждение, а только убеждение, которое достигается независимо и затем избирается, и не может быть восхваляемо или осуждаемо. В таком случае это можно рассматривать как преступное ограничение прав личности, преднамеренное удерживание человека в отвержении любых фактов или мнений — недопустимо судить по одному фрагменту мозаики о всей картине в целом. Множество камешков, как светлых, так и темных, которые добавляются к мозаике, вносят свой вклад в прояснение образа Бога.

Он остановился и обвел взглядом аудиторию.

— Спасибо, — сказал он и сел. — Есть ли какие-либо вопросы, добавления или возражения?

Дойль заметил, что, как только огонь красноречия оставил его, он стал тем скромным пожилым человеком, которого они встретили у входа в

таверну, — во время лекции он был более впечатляющей фигурой.

Перси Тибодю сердечно предъявила Кольриджу обвинение в приписывании Мильтону собственного сознания греховности, ссылаясь, в поддержку своей точки зрения, на некоторые из его собственных эссе, и явно польщенный поэт ответил довольно подробно, обращая внимание на многие пункты, по которым он отличается от Мильтона.

— Но когда имеешь дело с человеком мильтоновского роста, — сказал он с улыбкой, — суетность побуждений толкает меня подробно останавливаться на взглядах, которые я с ним разделяю.

Дерроу выудил часы из жилетного кармана, посмотрел на них и поднялся на ноги.

— К сожалению, наша компания должна сейчас отправляться, — сказал он. — Время и прилив никого не ждут, и впереди у нас долгий путь.

Все шумно отодвинули стулья от стола и стали одеваться. Почти каждый, включая Дойля, непременно хотел пожать руку Кольриджу, а Перси Тибодю даже поцеловала его в щеку.

— Ваша Сара вряд ли будет возражать против поцелуя женщины моего возраста, — сказала

она.

Та женщина, в которой Дойль заподозрил знаменитую спиритуалку, вдруг стала достаточно уверенно впадать в транс. Беннер поспешил подойти и, улыбаясь, прошептал ей что-то.

Она мгновенно вышла из транса и позволила увести себя из комнаты.

— Беннер, — сказал Дерроу. — О, извините, продолжайте. Э-э… Мистер Дойль, не будете ли вы так любезны сказать Клатэроу подать кареты поближе к фасаду?

— Разумеется. — Дойль остановился в дверях, чтобы бросить последний взгляд на Кольриджа, — ему казалось, что он не был достаточно внимателен и не извлек из этого вечера так много, как, скажем, Тибодю. Он сокрушенно вздохнул и направился к выходу.

Везде тьма кромешная, пол в каких-то рытвинах… а Беннер и медиум куда-то запропастились. Дойль пробирался на ощупь, но вместо того, чтобы выйти в холл, вдруг наткнулся на какую-то лестницу. Хм, ступеньки… Тусклый газовый рожок на стене. Должно быть, это другая дорога, подумал он и повернул обратно.

Дойль вздрогнул от неожиданности: у него за спиной стоял очень высокий человек — лицо

угловатое, изрезанное глубокими морщинами, словно он прожил долгую жизнь, преизобилующую несчастьями, а голова, как у грифа — такая же лысая.

— О боже, вы испугали меня! — воскликнул Дойль.

— Извините меня, я, кажется…

С удивительной силой человек схватил руку Дойля и, заломив за спину, дернул вверх. Дойль задохнулся от внезапно нахлынувшей боли и ощутил на лице влажную ткань — судорожно вдохнул, но вместо воздуха в нос ударил резкий запах эфира. Он совершенно растерялся, стал вырываться и лягнул лысого ногой так сильно, что явственно услышал, как каблук башмака стукнул по кости. Сжимающие его сильные руки дрогнули, но не ослабили хватки. Брыкаясь, Дойль уже успел наглотаться паров эфира, как ни старался задержать дыхание. Он почувствовал, что теряет сознание, и вяло удивился: почему бы Дерроу, Беннеру или хотя бы Кольриджу не повернуть за угол и не позвать на помощь.

При последних проблесках обескураженного сознания он вдруг понял, что это и есть «похожий на покойника лысый старик», которого Беннер испугался в шатре, в Излингтоне в 1805 году, пять

лет или несколько часов назад.

* * *

Вечерняя прогулка, которой Окаянный Ричард наслаждался как временной передышкой от потогонного труда по расплавлению бесконечного запаса ложек из британского металла[3], была сейчас порядком испорчена рассказом Уилбура о том, как их добыча появилась на этом поле.

— Я улизнул оттуда и незаметно так крался за стариком, — тихонько шепнул ему Уилбур, пока они дожидались возвращения Ромени, — а тот неспешно, как бы прогуливаясь, петлял между деревьями. То остановится, то опять несколько шагов сделает. А в руках он нес свои дьявольские игрушки, ну ты знаешь — глиняный горшок. Тот самый, в нем, говорят, кислота и свинец, и он очень больно кусает, если коснуться двух блестящих пуговиц на крышке. И он останавливался и нажимал на эти пуговицы. Черт его знает, зачем он все это проделывал! Я сам видел — он каждый раз отдергивал руку от боли, но продолжал нажимать и отдергивать руку, когда эта дьявольская штука жалила его пальцы, и еще он нес с собой

---

[3] Примечания: 3
Сплав олова, сурьмы, иногда цинка.

такую трубу, чтобы в нее смотреть, — ту самую, с непристойными картинками.

Ричард знал, что Уилбур говорит о секстанте. Уилбуру было совершенно невозможно растолковать, что устройство, вызывающее его негодование, вовсе не называется «секс-тент». Уилбур упорно продолжал считать, что их главарь смотрит в «секс-тент» и смакует непристойные картинки с голыми бабами, которые якобы спрятаны в трубе.

— И он останавливался много-много раз. И каждый раз смотрел в нее, в эту штуку. Наверняка он проделывает такое, чтобы подогреть свою стариковскую кровь. Ему помогает, я думаю. Так вот, я следил из-за деревьев, как он двинулся через поле, то и дело останавливаясь и рассматривая картинки. А затем он нажимал на пуговицы и причинял себе боль, мне даже стало жалко старика. Он шел так и шел по полю, но вдруг что-то изменилось — он коснулся горшка, а руку не отдернул. Он посмотрел удивленно на руку, потряс ею и снова коснулся горшка. И опять не дернулся от боли. Я понял, что дьявольская штуковина сломалась. И он побежал к деревьям, быстро-быстро побежал и совсем не останавливался и не смотрел в трубу с картинками. И тут я весь сжался от

ужаса, что старикашка видит меня. Нет, он меня не видел. Я осторожно выглянул из-за дерева — он стоял совсем рядом, ярдах в пятидесяти, и угрюмо смотрел на поле. Я боялся пошевелиться: вдруг старик меня заметит? Я совсем не знал, что мне дальше делать — удрать или остаться за деревом.

Уилбур остановился и перевел дыхание — он очень нервничал. Ричард воспользовался паузой и засунул руку под рубашку. Он нащупал голову маленькой деревянной обезьянки и заткнул ей пальцами уши. Ричард полагал, что подобные жуткие рассказы вовсе не для ее ушей — пусть лучше не слушает, это может ее расстроить.

— Ну вот, — продолжал Уилбур, — так мы и оставались еще несколько минут в полной неподвижности. Старик уставился на поле и стоял столбом, уж не знаю, что такого интересного он там углядел — никого и ничего там не было, поле как поле. А я боялся шелохнуться — вдруг он услышит шорох, обернется и увидит меня. Не думаю, чтобы он обрадовался тому, что я за ним подсматривал. И вдруг я услышал громкий звук, похожий на взрыв, и сильный порыв ветра закачал верхушки деревьев. Я выглянул из-за дерева как раз вовремя — посреди поля стоял

большой-большой черный шатер.

Уилбуру опять стало страшно, и он стиснул плечо Окаянного Ричарда в этом месте своего повествования, как бы прося поддержки.

— Ведь черного шатра не было на поле! Ты понял, он появился прямо на моих глазах! Я сразу же стал бормотать охраняющие заклинания и чертить в воздухе знаки, отгоняющие наваждения, но шатер никуда не делся. Тут уж каждый бы понял, что это работа Бенга. А затем я увидел, как из-под шатра выбрались двое не по-нашему одетых людей. Эти чели оттащили шатер в сторону. И что ты думаешь? Внутри оказались две кареты! И фонари зажжены, и все прочее! И люди в каретах, запряженные лошади перебирали копытами — вот-вот сорвутся с места. И один из бенго чели говорит, так громко, что мне все прекрасно слышно: «Вот так прыжок! Все в порядке? Как там лошади?» А другой зашикал на него, замахал руками — наверное, не хотел, чтобы их кто-нибудь услышал. А потом двое чели сложили шатер и закопали его в землю. А две кареты тронулись с места и направились к дороге, как настоящие! И тут-то наш старик сорвался с места и помчался в табор. Я припустился бегом за ним, стараясь держаться незаметно. А в таборе он посадил нас

в фургон и приказал следовать за каретами.

Теперь Уилбур сказал все, что хотел. Он прислонился к стенке фургона и, если судить по его громкому, размеренному дыханию, намеревался немного вздремнуть. Окаянный Ричард мог только позавидовать его способности просто перестать думать о столь волнующих событиях. Старый цыган поерзал на жестком сиденье кучера, устраиваясь поудобнее, и стал следить за черным ходом в «Корону и якорь». Достаточно было одного только пребывания в городе для того, чтобы вывести его из равновесия, — все эти джорджо глазеют на тебя, и полисмены только и ждут, чтобы упрятать тебя в каталажку, они всегда норовят схватить кого-нибудь из людей Ромени. Но сейчас, когда еще в придачу и колдовство затевается… Это уж слишком. Слишком опасно.

У Ричарда была способность, обычно не свойственная цыганам, — он мог сравнивать ситуации из прошлого с сегодняшним положением вещей и делать выводы. Ему не с кем было поделиться своими размышлениями, и он часто предавался в одиночестве сожалениям о внезапном исчезновении старого Аменофиса Фике — тогда, восемь лет назад. Ведь он помнил, что

воровство приносило весьма хороший доход во времена Фике, а вот жизнь тогда была гораздо спокойнее. Ричард опять запустил руку под рубашку и приласкал деревянную обезьянку, тихонько погладив ее голову большим пальцем.

Задняя дверь таверны распахнулась, и появился Ромени. Он перекинул через плечо безвольно обмякшее тело своей добычи и двигался по направлению к фургону, нелепо подскакивая.

— Эй, Уилбур, проснись, — испуганно зашипел Ричард. Ему удалось разбудить Уилбура за мгновение до того, как Ромени появился у входа в фургон.

— Помоги мне запихнуть этого парня внутрь, Уилбур, — тихо сказал Ромени.

— Аво, руа, — отозвался Уилбур, мгновенно придя в состояние полной боевой готовности.

— Да поосторожнее, ты, идиот! Не стукни его головой обо что-нибудь ненароком. Мне вскоре понадобится ее содержимое в полной сохранности. Так, хорошо. Подложи под него попоны. Так, осторожно, болван. Вроде все в порядке. Свяжите-ка его покрепче и не забудьте всунуть кляп.

Старик закрыл откинутое полотнище на задней стенке фургона и зашнуровал парусину. Затем он удивительно проворно запрыгал вокруг фургона,

подскакивая и раскачиваясь на своих пружинах, приделанных к подошвам башмаков, и уселся на козлы рядом с Ричардом.

— Ну теперь они вряд ли отсюда уедут. Я изловил одного, но давайте все-таки последим за остальными.

— Аво, руа, — поспешил согласиться Ричард. Он зацокал на лошадей, и фургон сорвался с места и ринулся вперед во весь опор. Шаткое сооружение раскачивалось и скрипело, железные обручи ходили ходуном, парусина хлопала на ветру, фургон, казалось, вот-вот развалится.

Они проехали два квартала и повернули к Стрэнду. Здесь фургон остановился у края тротуара.

Ожидание длилось уже около получаса. Место для стоянки похитители выбрали не самое удачное. Время от времени их беспокоили любопытствующие прохожие, которые подходили к фургону, привлеченные причудливо украшенной надписью «СТРАНСТВУЮЩАЯ ЕГИПЕТСКАЯ ЯРМАРКА ДОКТОРА РОМЕНИ». Буквы, когда-то написанные яркой краской на парусине боковой стенки фургона, теперь с трудом поддавались прочтению.

Но вот ожидание подошло к концу — Ромени насторожился и хищно прищурился.

— Ричард! Вон там, видишь — едут! Быстрее за ними!

Ричард суетливо подхватил поводья, фургон качнулся и нехотя стронулся с места. Им не повезло — в этот час улицу загромождали повозки и экипажи. Кареты быстро удалялись от преследователей, и старому цыгану понадобился весь его опыт для того, чтобы держать добычу в пределах видимости. Он встал на подножку и управлял фургоном, подхлестывая лошадей и пытаясь лавировать в потоке транспорта. Вслед им неслась отборная ругань вперемешку с испуганными возгласами — видимо, не все возницы одобряли такую манеру езды по переполненной улице.

Похитители резко свернули на Сент-Мартин-лейн. Фургон на повороте угрожающе накренился вправо, и в этот момент Ромени вытащил из кармана часы и стал пристально следить за движением стрелок.

— Они все-таки намерены попасть туда до того, как врата закроются, — еле слышно пробормотал Ромени.

Три экипажа — два вместе и один повис на хвосте — повторяли в обратном направлении путь к «Короне и якорю». После поворота на Оксфорд-стрит Ричард понял, что во второй ка-

рете заметили погоню и прибавили скорость. Гайд-парк остался слева, и теперь вокруг тянулись темнеющие поля окраин. В этот момент из второй кареты послышался хлопок, они увидели вспышку, и пистолетная пуля попала прямо в железный обруч фургона над головой Ричарда.

— О душа моего предка, молись о нас! — воскликнул старый цыган, непроизвольно натягивая поводья. — Бандит стреляет в нас.

— К черту твоего мертвого папеньку! Прибавь ходу! — прокричал Ромени. — Я привел в действие заклятия, отражающие пули.

Ричард стиснул зубы и, сжимая одной рукой бедную деревянную обезьянку, другой подгонял лошадей. Вечерняя сырость и холод пробирали до мозга костей. Ричарду стало жалко себя, и потянуло обратно в шатер — там хотя бы не холодно. Он очень хотел опять трудиться над отливками и плавильными чанами. Все лучше, чем ужасы этой погони.

— Да, теперь я уверен — они двигаются к тому полю сбоку от дороги, — сказал ему Ромени. — Мы можем выиграть время. Давай поворачивай в объезд к нашему табору, мы окажемся там раньше.

— Так поэтому табор именно на том месте,

руа? — спросил Ричард. — Ты знал, что эти люди должны появиться?

Он с благодарностью натянул поводья, и лошади перешли на шаг. Кареты быстро удалялись по дороге.

— Я знал, что кто-нибудь может появиться, — невнятно пробормотал Ромени.

Фургон раскачивался и подскакивал на ухабах и рытвинах проселочной дороги, ведущей в другую сторону от Бейсуотер-роуд и дальше на юг, огибая полосу леса у поля. В таборе никто не стоял у шатров и не зажигал костры. Фургон встречали только собаки. Они подскочили к пришельцам, обнюхали и кинулись к шатрам — оповестить хозяев на собачьем языке, виляя хвостом, кружась и подпрыгивая: явились свои, цыгане, беспокоиться нечего. Вскоре появились двое цыган и не спеша подошли к фургону.

Ромени соскочил на землю и некоторое время стоял, содрогаясь всем телом, — пружины на башмаках сжались при ударе о землю и теперь вибрировали.

— Ты, Ричард, заберешь пленника в свой шатер, — сказал Ромени. — Сделай так, чтобы ему не причинили вреда, но надо исключить малейшую возможность бегства.

— Аво, руа, — покорно отозвался старый цыган. Ромени уже чудно запрыгал, направляясь к полосе леса, отделяющей это поле от следующего — того самого, если верить Уилбуру, где материализовались смертельно опасные незнакомцы.

Ричард вспомнил, как Уилбур дерзко следил за Ромени, и внезапно принял решение последовать его примеру.

— Забери его в мой шатер, Уилбур, — сказал он, — и зашнуруй покрепче, как старый башмак. Я скоро вернусь.

Он многозначительно подмигнул Уилбуру, призывая сохранить тайну, и последовал за шефом.

Ричард взял немного левее — он хотел подойти к деревьям на несколько сотен футов западнее Ромени. Он слышал, как старик пробирается между деревьями справа от него. Ромени тоже двигался осторожно, стараясь производить как можно меньше шума, хотя это у него получалось хуже, чем у цыгана. Когда Ромени наконец нашел место за толстым стволом дерева на самом конце поля, Ричард уже давно притаился за небольшим пригорком и приготовился наблюдать.

Кареты проследовали на середину поля, все пассажиры вышли и толпились неподалеку от карет. Ричард насчитал всего семнадцать, среди

них несколько женщин.

— Вы слушаете меня? — Очень старый человек произнес эти слова громко и отчетливо. — Мы не можем больше его искать. О черт! Мы только что оказались здесь. В нашем распоряжении всего несколько секунд. Еще чуть-чуть, и дыра закроется. Дойль, очевидно, решил…

Раздался глухой удар, и все они безвольно упали на землю. Затем Ричард заметил, что бесформенные предметы на земле — всего лишь одежда: люди, ее носившие, ушли. Лошади и кареты остались в поле, залитом холодным лунным светом.

— Они мертвые чели, — прошептал Ричард, охваченный ужасом. — Привидения! — И он привычно забормотал охраняющие заклятия. Он увидел, как Ромени поспешно идет по полю. Прятаться уже не имело смысла. Ричард встал с земли и вытащил из-под рубашки обезьянку. — Ты никогда мне даже не рассказывала, — прошептал он ей.

Он поспешил назад, к табору.

* * *

Дойль почувствовал резкий запах эфира. У него не хватало сил открыть глаза. Тяжесть сдавила голову, во рту — знакомый вкус антисептика…

Да, он в кабинете дантиста. Или в комнате для отдыха, где можно прийти в себя после наркоза, когда выдрали зуб. Дойль ощупал языком зубы, пытаясь определить, какой зуб ему выдрали на этот раз. Смутно припоминалась карета с зажженными фонарями, его куда-то везли… И он жалобно недоумевал: куда же подевалась няня с горячим шоколадом?

Дойлю удалось-таки неимоверным усилием воли разлепить отяжелевшие веки… Что это? Он не в кабинете дантиста… Дойль попытался размышлять, но дикая головная боль и страшная тяжесть, в которой он барахтался, все еще не отпускали его. Но он не оставлял попыток восстановить ускользающую цепь событий. Его следующее умозаключение было вполне логично и позволяло надеяться, что он не окончательно утратил разум: если я не в кабинете дантиста, следовательно, мне не дадут горячего шоколада.

Да, он отнюдь не в кабинете дантиста — он в палатке, большой палатке — вернее это назвать шатром… В шатре горит фонарь, рядом стол. Около стола — два смуглых человека. Оба с усами и большими серьгами в ушах. Ну вот, уставились… Чего им от меня надо? Вид у них порядком испуганный. Один, тот, который постарше, почти

седой, почему-то тяжело дышал. Он что, пробежал марафонскую дистанцию? Странный у него костюм для соревнований по бегу.

Дойлю показалось, что руки его не слушаются — он попытался пошевелить рукой, но без всякого результата. Тут-то он внезапно вспомнил, что это Англия. Он должен был прочесть лекцию о Кольридже для чокнутого старика Дерроу. Да… вроде все правильно. А ведь он меня уверял, что предоставит мне номер в отеле. Дойль не на шутку рассердился. Отель! Он называет отелем эту чертову палатку? И кто эти люди?

— Где он? — проворчал Дойль. — Где Дерроу?

Эти двое только испуганно попятились, продолжая пялиться на него самым беззастенчивым образом, как на заморскую диковину в балагане.

Странно, однако, ведут себя эти двое. Ну и бандитский же вид у них. Дойль предположил, что, возможно, они вовсе и не работают на Дерроу.

— Где тот старый человек? Мы были вместе. — Дойль уже начал терять терпение. — Где он?

— Ушел, — отозвался один, тот, который тяжело дышал.

— Прекрасно. Ну так вызовите его! Номер, возможно, есть в телефонной книге.

Они аж рты пооткрывали от изумления и без-

молвно уставились на него. Тот, который никак не мог отдышаться, выхватил из-под рубашки маленькую деревянную обезьянку и зажал ее голову между большим и указательным пальцами.

— Мы не будем для тебя вызывать никаких призраков джорджо. Ты пришел из бездны, ты — порождение Бенга! — прошипел он. — Так-то вот, а что касается номера… Число Зверя[4], конечно, есть в этой… в Книге джорджо.

В этот момент в шатер вбежала собака, сделала круг и, поджавши хвост, торопливо убралась вон.

— Руа возвращается, — сказал тот, с обезьянкой. — Сматываемся, Уилбур.

— Аво, — охотно согласился Уилбур.

И они незамедлительно выбрались наружу. Поднырнув под свешивающееся полотнище ткани, Дойль уставился на вход, полузавешанный каким-то ветхим ковром. Собака, когда вбегала в шатер, немного отодвинула в сторону полог на входе, и он мельком увидел деревья в лунном свете, почувствовал холодное дуновение ночного воздуха за стенами шатра. Его память наконец-то сбросила одуряющие пары эфира, и

---

[4] Примечания: 4
Число Зверя (Антихриста) 666. [Апокалипсис 13.13.]

механизм мозга включился. И Дойль мысленно прокрутил все подробности этого вечера… Да, прыжок удался, все сработало как надо. И затем город, район трущоб… И да, конечно, самое главное — Кольридж! И миссис Тибодю поцеловала его… Внезапно у него внутри что-то оборвалось от леденящего ужаса, накатившего волной. Лоб покрылся каплями холодного пота — Дойль вспомнил того лысого в таверне. Вспомнил, как лысый схватил его. «О мой бог, я пропустил прыжок возвращения, я же был за пределами поля в тот момент, когда дыра захлопнулась», — думал он в ужасе.

Полог откинулся, и в шатер вошел тот самый страшный лысый старик, который похитил его из «Короны и якоря».

Лысый достал из кармана сигару, подошел к столу и прикурил от лампы. Постоял некоторое время, попыхивая сигарой. Направился к койке, схватил за волосы голову Дойля и потянул вниз. Дойль дернул головой, пытаясь высвободиться, но мощная рука зажала голову, как в тисках. В другой руке старик держал зажженную сигару. Он медленно поднес горящий конец сигары к левому глазу Дойля. В панике Дойль выгнулся дугой, сгибал и разгибал крепко стянутые веревкой

ноги, делая нечеловеческие усилия вырваться. Он беспомощно барахтался — веревки крепко держались, и старик продолжал прижимать его голову к койке. Дойль напрягал все силы в бесплодной борьбе, но ему не удалось ни на дюйм сдвинуть голову. Он зажмурил глаза и тут же почувствовал жар горящей сигары. Наверное, сигара не дальше чем в нескольких миллиметрах от его глаза.

— О боже мой, прекратите! — еле слышно выдохнул Дойль. Отчаяние придало ему сил, и он дико заорал: — Помогите! Прекратите это! Эй, кто-нибудь, уберите его от меня!

И с облегчением понял, что горящая сигара отодвинулась и голову отпустили. Он замотал головой, из левого глаза текли слезы. Он заморгал и постепенно сквозь пелену слез смог достаточно отчетливо разглядеть окружающие предметы. И он увидел лысого. Тот задумчиво стоял рядом с койкой и попыхивал сигарой.

— Я хочу знать все, — неторопливо произнес лысый. — Ты мне все расскажешь: откуда пришли твои люди, как вы используете врата для перемещения, как вы открыли врата? Я узнаю все это. Ты понял меня?

— Да, — с трудом выдавил Дойль.

«Боже, покарай Дерроу, — в ярости подумал он, — и пусть рак съест его живьем! И да будет так! Аминь. А ведь это вовсе не было моей обязанностью — пойти вызывать кареты!»

— Да, я расскажу вам все. Фактически я могу сделать вас сказочно богатым, если вы в свою очередь сделаете мне одолжение и…

— Одолжение? — повторил старик, не скрывая изумления.

— Да. — По щеке Дойля бежали слезы, и щека чесалась. Его уже сводила с ума невозможность поскрести щеку и избавиться от невыносимого зуда. — Да, это правда. Я не пытаюсь обвести вас вокруг пальца. Поверьте, я не обманщик, я действительно могу сделать вас богатым. Я могу сказать, какую собственность выгодно приобрести, куда выгодно вкладывать деньги… Возможно, я даже скажу, где найти спрятанное сокровище, если у меня будет время подумать… золото в Калифорнии… гробница Тутанхамона…

Ромени захватил пару колец веревки, обмотанной вокруг грудной клетки Дойля, и мощной рукой приподнял его с койки. Он нагнулся к лицу Дойля почти вплотную.

— Твои люди знают это? — прошипел он. — Где? Говори!

Дойль повис на веревках, и они болезненно врезались в тело. Он почувствовал такую сильную боль, что стал терять сознание. Он только успел понять, что каким-то образом вызвал недовольство своего мучителя.

— Что сказать? — попытался уточнить Дойль. — Где гробница фараона Тутанхамона? Да отпустите же меня, я не могу дышать!

Ромени разжал руку, и Дойль хлопнулся на койку. Его голова безвольно отскочила от натянутой парусины.

— Итак, где это? — спросил Ромени угрожающе-спокойным голосом.

Дойль дико оглянулся кругом. В шатре опять появился тот, с обезьянкой, и опять испуганно уставился на Дойля, невнятно бормоча какое-то незнакомое слово, повторяя его снова и снова.

— Хорошо, — начал неуверенно Дойль, — давайте заключим сделку. Я полагаю, мы сторгуемся…

И только спустя некоторое время Дойль осознал, почему у него стоит звон в ушах, а щека горит огнем, — старик зверски ударил его кулаком по голове.

— Ну где это? — тихо повторил Ромени.

— Иисусе Христе! Ну зачем все так воспринимать?

Внезапно Дойль понял, что его мучитель уже знает местонахождение гробницы и, в сущности, просто пытается его запугать. Он увидел, что Ромени опять отвел руку для удара.

— В Долине Царей, — выпалил он, — под захоронением мастера, который построил гробницу какого-то другого фараона! Рамзеса или что-то вроде этого.

Старик нахмурился и несколько нескончаемо долгих мгновений никак не реагировал на слова Дойля, только дымил сигарой.

— Ты мне расскажешь все, — вымолвил он наконец. Старик подтащил стул и уселся, собираясь продолжить допрос, но в это мгновение в шатер вбежала собака, сделала круг и, негромко ворча, направилась к выходу.

— Джорджо, — испуганно прошептал тот, с обезьянкой. Он пристально вглядывался во тьму за приоткрытым пологом шатра. — Да помогут нам боги! Руа, это джорджо!

Дойль сделал глубокий вдох, набирая как можно больше воздуха, как перед прыжком в воду с трамплина, и что есть силы заорал:

— На помощь!

Реакция последовала незамедлительно: тот, с обезьянкой, размахнулся и метким ударом ноги

сшиб фонарь. Фонарь разлетелся вдребезги, разбрызгивая капли горящего масла по стене шатра. Одновременно Ромени зажал рукой рот Дойля и развернул его голову так, что он мог теперь видеть только грязный пол. Дойль успел услышать вопль «Помогите! Пожар!» за мгновение до того, как кулак Ромени обрушился на его голову и тьма опять поглотила его.

* * *

Он видел пламя двух горящих шатров. Попытавшись сфокусировать взгляд, Дойль с досадой убедился, что у него это плохо получается: все расплывалось, глаза застилал туман. Он решил пока не думать о кляпе, имеющем на редкость неприятный вкус шерсти, и о веревках, больно врезающихся в тело. Если попытаться забыть о том, что запястья туго стянуты, да и ногами тоже не шевельнешь, то можно попытаться насладиться зрелищем пожара, вот только в глазах все плывет и он не может в полной мере насладиться столь эффектной картиной. Он смутно припомнил, что его усадили, прислонив спиной к дереву. Кажется, тот самый страшный лысый старик. Он сбросил Дойля у дерева, как мешок, прислонил к стволу и пощупал пульс, а затем приоткрыл

пальцем веки и настойчиво заглянул в глаза, проверяя реакцию зрачков. Видимо, результаты медицинского осмотра его успокоили, и старик поспешил обратно к шатру. Оттуда слышались крики сбежавшихся к месту происшествия цыган. Дойль понял, что привело его в сознание — боль от заскорузлого пальца старика на обожженном веке.

Дойль откинул голову назад и увидел две луны. Он не на шутку перепугался. Мозг работал кое-как и с перебоями, как машина, нуждающаяся в отладке, но Дойль все-таки понял, что это значит — видеть две луны на небе. А это значит, просветленно подумал он, что он видит сейчас все удвоенным! А следовательно, горит только один шатер, а не два! С видимым усилием ему удалось заставить две луны объединиться и стать одной привычной луной. Дойль привел голову в первоначальное положение и увидел одно зарево пожара. Волна прохладного ночного воздуха, казалось, проходила, как сквозь шлюз, через его разгоряченный и помутившийся рассудок, омывая его и принося ясность и успокоение. Он внезапно отчетливо осознал все — траву, мелкие камешки, белевшие в лунном свете, шершавую кору дерева за спиной, веревки, врезающиеся

в тело.

Без всякого предупреждения на него накатила волна тошноты, поднимая к горлу изысканные закуски, которыми его потчевал Дерроу. Но Дойль остался непреклонен и громадным усилием воли заставил закуски опуститься обратно. Ночной ветерок приятно холодил лоб, покрывшийся испариной от такого невероятного усилия. Дойль старательно отгонял мысли о том, что могло случиться, если бы его вырвало чуть-чуть раньше, когда он валялся без сознания с кляпом во рту. И он решил, что пора попытаться избавиться от кляпа. Работа предстояла тяжелая и кропотливая — протолкнуть кляп языком немного вперед, зажать зубами, придерживая кляп так, чтобы язык мог отодвинуться назад, и толкать опять… И так раз за разом, пока ему не удалось ценой неимоверных усилий протолкнуть кляп под кожаной петлей, удерживающей его на месте, и выплюнуть кляп изо рта. Затем он долго тряс головой до тех пор, пока кожаный ремень не свалился на траву у его ног. Теперь Дойль мог открыть рот и вдохнуть полные легкие свежего воздуха. Он немного успокоился и попытался собраться с мыслями. Вроде туман в голове рассеялся, но все равно не удавалось припомнить, в

результате каких именно событий он очутился здесь, у дерева. Зачем его бросили здесь смотреть на горящий шатер? Но он мог вспомнить только сигару старика и сильный удар по лицу. Дальше — пустота. Почти бессознательно он оттолкнулся спиной от дерева, повалился плашмя и покатился по земле, стараясь оказаться как можно дальше от этого места.

Очень скоро у Дойля закружилась голова, и он потерял завоеванную с таким трудом ясность мышления, но упорно продолжал перекатываться по траве. Для человека со связанными руками и ногами кататься по траве — не простая задача. Дойль проделывал этот акробатический трюк в несколько этапов: сначала переместить центр тяжести и приподнять одну сторону тела, напрягая мышцы ноги и приподнимая плечо, крутануться всем телом вперед и затем расслабиться, предоставляя телу сделать следующие пол-оборота по инерции, под действием момента вращения, который и позволяет начать следующий оборот… И так далее. Дважды Дойль вынужден был останавливаться, так как его опять начинало сильно подташнивать, и он чувствовал глубокую благодарность судьбе, что удалось избавиться от кляпа. Спустя некоторое время он, по правде го-

воря, уже не чувствовал глубокой благодарности и вообще не чувствовал ничего определенного, а только слегка удивлялся, почему он занят столь специфической формой передвижения. Полностью сбитый с толку рассудок тут же услужливо подсказал логически обоснованный ответ: он карандаш и просто катится к краю стола, хотя не исключено, что он горящая сигара и скатывается с ручки кресла… Но нет, что угодно, только не сигара. Он не хотел даже думать ни о каких сигарах.

* * *

Совершенно неожиданно земля ушла, он судорожно сжался и почти сразу же плюхнулся в обжигающе-ледяной поток. Он отчаянно рванулся вверх, но не мог заставить скованные холодом легкие сделать хоть один глоток воздуха и, не удержавшись на плаву, камнем пошел ко дну. Он тщетно пытался ослабить веревки. Здесь-то я и умру, подумал он, но продолжал брыкаться и барахтаться, медля принять неизбежное. И когда ему удалось еще раз высунуть голову из воды, он все-таки сделал глубокий вдох.

Ему удалось немного успокоиться, и, когда первоначальная паника приутихла, он с удивле-

нием обнаружил, что вовсе не так уж и трудно плыть ногами вперед и каждые тридцать секунд высовывать голову и делать вдох. Вполне возможно, что эта речушка проходит через отмели, прежде чем влиться в Темзу. А если меня вынесет течением на отмель, думал он, я уж как-нибудь доберусь до берега.

Тут его пятка наткнулась на какое-то препятствие, его развернуло, и он стукнулся плечом о камень, вскрикнув от боли. В следующий камень он врезался животом и еле-еле восстановил дыхание. Течением его прижимало к камню — он вполне бы мог удержаться, но, когда он попытался вскарабкаться на камень, это ему не удалось: он беспомощно скреб ногтями по мокрому камню. В этот момент вся его самонадеянность исчезла, и стало совершенно ясно, что без посторонней помощи на берег ему не выбраться.

— На по-о-омощь! — дико завопил он, и этот крик и попытка ухватиться за камень тут же вызвали в памяти события этой ночи. Он вспомнил, что уже звал на помощь.

Да помогут нам боги, руа, подумал он, пытаясь высунуться из воды из последних сил.

Он взывал о помощи еще дважды. Его несло течением, кружило, как бревно, и он то плыл вперед

ногами, то разворачивался головой по течению. И в этот момент, когда он с отчаянием понял, что у него достанет сил еще только на один призыв о помощи, что-то холодное и острое зацепило его за пальто и рвануло против течения.

Он вытолкнул воздух в завывающем изумленном вопле.

— О господи, да никак человек! — услышал он испуганный голос. — Давай сюда, его надо вытащить!

— Ой, ты сломал ему хребет, отец! — Дойлю показалось, что это сказала девочка.

— Сядь, Шейла. Ничего такого я не делал. Вот сюда, с этой стороны, а то лодка перевернется, когда я буду его втаскивать сюда.

Дойля куда-то волокли. Он извернулся, посмотрел через плечо и увидел лодку, а в лодке людей. Один из них держал в руках длинный багор с крючком на конце, которым он Дойля и подцепил. Дойль расслабленно повис на крюке. Он закинул голову, смотрел на луну и жадно вдыхал холодный ночной воздух.

— Боже ты мой, Мэг, ты только посмотри! — Опять мужской голос. Багор стукнулся о планшир, чьи-то руки схватили Дойля за плечи. — Ну надо же, он связан!

Женщина что-то пробурчала, но что именно, Дойль не расслышал.

— Да ладно, что же теперь делать, — продолжил мужчина. — Ведь не могли же мы просто смотреть, как его несет течением мимо нас? Да и кроме того, не сомневаюсь, что он оценит то, что мы для него сделали. Мы ведь люди бедные, простые торговцы, и нам вообще-то надо спешить. А мы тут попусту теряем время, изображая добрых самаритян. — В этот момент Дойль почувствовал, что его спаситель разрезал веревки. — Вот так, а теперь поднимайся. Так, хорошо. Черт побери, Шейла, разве я тебе не говорил сесть там!

— Я только хотела посмотреть, что с ним сделали. Его что, пытали?!

— Ну еще бы! Не приставай, Шейла. Ему и так досталось. Подумать только — связали по рукам и ногам, бросили в речку Челси, потом выудили — и все только затем, чтобы теперь слушать какую-то идиотку. Сядь немедленно!

Мужчина поднял Дойля за воротник, откинул намокшие полы пальто, ухватился за пояс брюк и перетащил его через планшир. Дойль старался помочь, но он слишком ослабел, и ему удалось только перекинуть руки через планшир, когда его проносили над ним. Он бездвижно лежал на

банке, впитывая удовольствие от того, что может расслабиться и дышать.

— Спасибо, — ухитрился он выдавить. — Я не смог бы… продержаться на плаву… больше минуты.

— Мой муж спас вам жизнь, — сурово сказала картофелелицая старуха и наклонилась, чтобы он мог ее видеть.

— Ну, ну, Мэг, уверяю тебя — это ему прекрасно известно. Полагаю, он щедро выразит нам свою благодарность. А теперь, если ты не возражаешь, я двинусь дальше, а то нас относит к берегу. — Он сел в центр банки, и Дойль услышал, как скрипнули уключины, когда он взялся за весла. — Мне придется сейчас здорово потрудиться, чтобы нагнать то время, которое мы потеряли, Мэг, — сказал он нарочито громко. — И все-таки я боюсь, что мы доберемся до места слишком поздно и не сможем занять наше обычное место на Биллингсгетском рынке. — Он остановился на мгновение, потом лодка дернулась и ринулась вперед.

Девочка Шейла с любопытством склонилась над Дойлем.

— Какая хорошая одежда, прямо как у джентльмена. Эх, жалко, что такую одежду попортили, — заметила она. Дойль кивнул.

— Сегодня вечером я это надел в первый раз, — сказал он хрипло.

— Кто вас связал и бросил в речку?

Уже отдышавшись и немного придя в себя, Дойль сел, но тут же понял, что поторопился — закружилась голова.

— Цыгане, — ответил он. — Они вдобавок еще меня и ограбили. Не оставили мне ни цента… то есть я хотел сказать — ни пенса.

— О боже, Крис, — воскликнула старуха, — он говорит, что у него совсем нет денег! И говорит-то он не по-нашему — никак иностранец?

Ритмичные всплески весел прекратились.

— Откуда вы родом, сэр? — спросил Крис.

— Из Калиф… то есть я хотел сказать — из Америки.

На холодном ветру в мокрой одежде его стала пробирать дрожь, и он покрепче стиснул челюсти, чтобы не клацать зубами.

— Ну тогда, Мэг, у него наверняка есть деньги на путешествие. Где вы остановились, сэр?

— На самом деле я… о черт! Холодно, не найдется ли у вас, во что можно завернуться? На самом деле я только что приехал. Они забрали все: все деньги, мой багаж, мой — ох! — мой паспорт…

— Другими словами, он нищий, — подытожи-

ла Мэг, обратив на Дойля взор оскорбленной добродетели. — Ну и как же вы собираетесь расплатиться с нами за все, что мы для вас сделали?

Дойлю все это уже порядком надоело.

— Почему вы не сообщили мне ваши условия предварительно, до того как понапрасну тащить меня из реки? Я бы так прямо и сказал, что такие условия для меня неприемлемы, и вы могли бы отправиться восвояси и поискать кого-нибудь более достойного быть спасенным вами. Позволю, впрочем, заметить, что мне никогда не доводилось читать последнюю часть этой притчи — ту часть, где бережливый самаритянин подает бедняге счет за оказанные услуги.

— Мэг, — сказал Крис, — а ведь этот парень прав, и нам не следует принимать от него деньги, даже если бы они у него и были. Я знаю, он будет счастлив отработать долг — да, да, именно так, сэр, по законам божеским и человеческим, — помогая нам на рынке. Например, вы можете таскать корзины, сэр. — Он глянул на ботинки и пальто Дойля. — А сейчас принесите ему одеяло, чтобы он смог снять мокрую одежду. Мы ему разрешим, пожалуй, взять рабочую одежду Патрика в обмен на его вконец испорченное тряпье — мы попробуем продать это старьевщику как

ветошь, сэр.

Дойлю бросили одеяло, которое воняло луком, и Мэг раскопала в рундуке на носу лодки пальто и панталоны — все бывшее в употреблении, а еще немного порывшись, вытащила латаные-перелатаные плисовые штаны, некогда белую рубашку и пару башмаков, которые выглядели так, будто они украшали ноги старого Криса еще в те далекие времена, когда он был в возрасте Дойля.

— Ах! — воскликнула Мэг, достав напоследок грязный белый шарф. — Патрик так его любил.

Холод заставил Дойля не только без отвращения, но и с видимым удовольствием переодеться в эти жалкие, но сухие обноски. Он выпихнул свои мокрые вещи из-под одеяла, Мэг собрала их и сложила столь бережно, что Дойль теперь не сомневался — они рассчитывают получить хорошую цену.

Он почти досуха вытер одеялом волосы и, уже немного согревшись и придя в себя, решил отодвинуться подальше от лужи, в которой все это время сидел. Эх, жаль, что сейчас нет трубки, или сигары, или хотя бы сигареты! Он заметил, что в лодке свалены какие-то бочонки и мешки.

— Судя по запаху — это лук, а в бочонках?..

— Гороховый суп, — сказала юная Шейла. —

Рыбаки и торговцы рыбой так мерзнут на Биллингсгетском рынке, что с радостью выложат два пенса за тарелку супа. А зимой — три пенса.

— Лук… это, э-э, главное предприятие, — пропыхтел Крис. — Суп — это только… хм, ну из вежливости, что ли. Мы едва ли получаем за него то, что тратим на его приготовление.

«Ну еще бы, так я и поверил», — уныло подумал Дойль.

Луна стояла низко над горизонтом — огромный золотой, затуманенный шар, и таинственный лунный свет на полях, на деревьях, на ряби реки. Мэг потянулась, отцепила фонарь на носу лодки, чиркнула кремнем и повесила фонарь на крюк.

Русло стало шире, и Крис развернул лодку налево.

— Вот и Темза, — спокойно отметил он. На широком пространстве реки виднелись две лодки, связанные вместе, — тяжело груженные, низко сидящие в воде, и на каждой что-то огромное, накрытое парусиной.

— Барки с сеном, — сказала Шейла, пристроившись рядом с Дойлем. — Мы видели, как одна такая лодка загорелась, и горящий человек сиганул в воду с верхушки тюка с сеном. Вот это было здорово! Куда лучше, чем в мюзик-холле!

И бесплатно.

— Надеюсь… э-э… актеры тоже получили удовольствие, — сказал Дойль. Он подумал, что маленькое путешествие — довольно забавная история, вполне можно будет когда-нибудь рассказать за рюмкой бренди в клубе — в «Будлс» или «Уайт»… когда-нибудь, когда он разбогатеет.

А в том, что так и будет, он нисколько не сомневался. Первые несколько дней, конечно, придется трудно, но преимущество его знаний из двадцатого века непременно склонит чашу весов в его пользу. Черт подери, конечно, он сможет найти работу в газете, ну или будет делать потрясающие предсказания — когда будет война, например, или относительно литературных направлений… и Эшблес приедет в Лондон через недельку, наверняка нетрудно будет с ним подружиться… и Байрон через два года вернется в Англию, — у него будет время завязать знакомство до того, как «Чайльд-Гарольд» сделает его суперзвездой. «А почему бы мне, — думал Дойль, не изобрести что-нибудь эдакое — электрическую лампочку или двигатель внутреннего сгорания… или ватерклозет? Нет, лучше уж ничего не менять в истории — любое подобное вмешательство может аннулировать рейс, которым я сюда прибыл, или даже

обстоятельства встречи моих родителей. Надо быть очень, очень осторожным… но, пожалуй, я все-таки могу дать, к примеру, Фарадею, или Пастеру, или кому-нибудь еще парочку контрабандных советов. — Он вспомнил, как спрашивал у портрета Вильяма Эшблеса, были ли девочки, виски и сигары лучше в его время. — Ладно, теперь уж я и сам как-нибудь выясню это». Он зевнул и растянулся на мешке с луком.

— Разбудите меня, когда прибудем в город, — сказал он и отдался убаюкивающему ритму движения лодки.

Глава 3

Несмело он вступил в сей Град,
Но только Клоуна там встретил…

Старая баллада

Здание крытого Биллингсгетского рыбного рынка уже существовало, но шумное торжище по-прежнему выплескивалось на соседние кварталы. Тележки с турнепсом, капустой, луком и морковью и прочими плодами земли нескончаемой вереницей тянулись по всей длине Темз-стрит — мимо Белого Тауэра с флагами на башнях, мимо дорического портика здания Таможни, мимо восьми причалов у реки и дальше — к Лондонскому мосту.

Пестрая рыночная толпа запрудила всю улицу — от переулков у северной оконечности Темз-стрит до крутого спуска к реке. Лодки продавцов устриц, пришвартованные к деревянной набережной, образовали узкий и извилистый проход — Устричную улицу, как обычно называли это место торговцы овощами.

Дойль уныло стоял, прислонившись к углу рыбного сарая. Не было сил сделать ни шагу — он

уже успел изучить здесь каждый камень, пока бегал все утро по проклятому рыбному рынку.

Он с отвращением посмотрел на корзину с тощим луком и порадовался, что, несмотря на жуткий голод, все-таки не соблазнился этой сомнительной пищей. Дойль похлопал по карману, проверяя, на месте ли четыре пенса, честно заработанные тяжким трудом. «Все, что ты выручишь сверх шиллинга, можешь оставить себе, — милостиво разрешил Крис, когда Дойль и Шейла забегали к нему на лодку, — теперь ты дорогу знаешь и сам сможешь обойти весь рынок по обычному маршруту». С этими словами он всучил Дойлю корзину самого никудышного лука и велел им с Шейлой отправляться в разные стороны. Безусловно, находиться в обществе Шейлы, создания на редкость отвратительного, — удовольствие сомнительное, но сейчас, одинокий, измученный и беспомощный, он был бы рад и такой попутчице.

«В шиллинге — двенадцать пенсов, — безнадежно размышлял он. — С этим убогим луком я никогда не заработаю столько! Ни полстолька… ни шиша!» — как сказали бы его новые знакомые.

Призвав на помощь всю свою волю, Дойль ото-

рвался-таки от стены сарая и горестно побрел к Тауэру.

— Лук! — робко прокричал он. — Кому лук? Отличный лук!

Шейла научила его выкрикивать именно это.

Мимо прогрохотала повозка с овощами. На козлах восседал румяный толстяк на редкость цветущего вида. «У него-то наверняка торговля идет прекрасно!» — с горечью подумал Дойль.

Толстяк снисходительно смерил взглядом унылую фигуру Дойля и почему-то расхохотался.

— Эй, парень! И это ты называешь луком? По-моему, это крысиный яд!

Толпа уличных зевак ответила улюлюканьем — шутка явно пришлась им по вкусу. Они заинтересованно подошли поближе. Парень бандитского вида неожиданно пнул корзину ногой. Лук рассыпался по мостовой, а одна луковица сильно ударила Дойля по носу. Толпа шумно выразила одобрение. Толстяк в повозке брезгливо поморщился — видимо, он хотел просто подшутить, но шутка зашла слишком далеко.

— Ну и козел же ты! — ласково сказал он Дойлю. Тот стоял в полном ошалении, отстраненно созерцая, как уличные мальчишки играют в футбол его луком.

— Эй! На, возьми! Здесь вдвое больше того, что стоил твой жалкий лук. Черт тебя подери, да проснись же ты!

Дойль машинально протянул руку за подачкой и поймал две монетки. Всего два пенса, подумал он. Жалкая плата за унижение.

Процветающий торговец счел инцидент исчерпанным и двинулся дальше.

Дойль положил монеты в карман и оглянулся вокруг. Толпа потеряла к нему интерес. Нигде не было видно ни лука, ни даже корзины. Никакого смысла идти дальше, подумал он. Совершенно разбитый, Дойль потащился обратно к реке.

— А, вот один из скорбных собратьев! — пропищал странный, высокий, как у Микки-Мауса, голос. — Посмотрите, он только что отправил весь свой лук в уличную похлебку. Эй, сударь!

Пораженный и смущенный, Дойль осмотрелся и увидел, что к нему обращается ярко размалеванная кукла. Кукла высовывалась из уличного балагана, разрисованного разноцветными изображениями драконов. Перед балаганом собралась немногочисленная публика — оборванные мальчишки и старые бездельники.

— Скорее сюда! Старина Панч тебя утешит, — пропищала кукла. Дойль почувствовал, что

краснеет. Он покачал головой и собрался было идти своей дорогой, но кукла добавила: — Быть может, я смогу подсказать тебе, как заработать деньги, ну?

Дойль остановился.

Бессмысленно-стеклянные глаза куклы пристально смотрели на него. Кукла снова закивала.

— Что вам терять, ваша светлость? — спросила она свистящим, птичьим голосом. — Вас уже высмеяли, а Панч никогда не сделает того, что до него сделали другие.

Дойль подошел поближе, старательно сохраняя скептическое выражение лица. А вдруг невидимый кукловод действительно предложит ему работу? Теперь ему все равно уже нечего терять, так почему бы и не выяснить, чего хочет кукла. Дойль остановился в нескольких ярдах от балагана, скрестив руки на груди.

— О чем это ты, Панч? — спросил он.

— О! — воскликнула кукла, хлопая в деревянные ладоши. — Ты иностранец! Прекрасно! Но ты не сможешь поговорить с Панчем раньше, чем окончится представление. Садитесь, пожалуйста, ваша светлость. — Кукла радушно указала на мостовую: — Ложа для вас и вашей спутницы!

Дойль растерянно посмотрел по сторонам.

— Моей спутницы? — спросил он, чувствуя себя партнером клоуна в цирковой репризе.

— О да, — прочирикала кукла, — мне кажется, я узнал Леди Нищету. Так ведь?

Дойль пожал плечами и сел, надвинув на глаза шапку. «Какого черта, — подумал он, — я все равно не собирался возвращаться к лодке раньше одиннадцати, значит, у меня в запасе минимум полчаса».

— Прекрасно! — воскликнула кукла, пристально изучая немногочисленное сборище оборванцев перед балаганом. — Теперь, когда ваша светлость почтили нас своим присутствием, мы начинаем представление Тайного Волшебства, или Новое Представление Панча.

Послышались унылые звуки старой шарманки — хрипя и громыхая, шарманка неуверенно выводила нечто, возможно, некогда и бывшее бодрой танцевальной мелодией. Дойль подумал, что в балагане, должно быть, не один человек, а больше — ведь на сцене сейчас уже две куклы, а кто-то еще играет на шарманке.

Ну разумеется, как всегда, вторая кукла — это Джуди. Дойль, отупевший от голода и усталости, смотрел, как куклы то объясняются в любви, то бьют друг друга палкой.

Все одно и то же. Интересно, почему эта заезженная дурацкая пьеса — Новое Представление Панча? Сначала Панч, напевая, успокаивал плачущего младенца, а затем швырял его головой о стенку и выбрасывал в окошко. Далее Панч сообщает об этом Джуди, та лупит Панча чем ни попадя, и Панч ее убивает.

Дойль зевал от скуки и надеялся только на то, что представление не слишком затянется. Солнце пробилось сквозь тучи, начало припекать, и старое засаленное пальто на солнцепеке тошнотворно завоняло рыбой.

На подмостках появилась еще одна кукла — клоун Джон. Но в данной версии этой вечной истории имя клоуна звучало как-то иначе — Дойль не смог разобрать, — нечто вроде Хорребин. Кукла вышла на ходулях.

Действительно, актуальная сатира, подумал Дойль. Во время своих утренних скитаний по рынку он часто видел клоуна на ходулях, а эта кукла была его точной копией, и в ней тоже было нечто кошмарное. Клоун с наигранной суровостью расспрашивал Панча, что тот собирается делать дальше.

— Ну как же, я собираюсь пойти к констеблю и попросить его упрятать меня под замок, — пе-

чально отвечал Панч. — Такому подлому убийце, как я, место на виселице.

Панч читает мораль? Это что-то новенькое, подумал Дойль.

— А кто надоумил тебя идти к констеблю? — спрашивал клоун, кое-как освобождая одну руку от ходули и тыча ею в Панча. — Кто сказал, что ты должен быть повешен? Полиция? Или тебе жить надоело?

Панч покачал головой.

— Судьи? Да они просто стадо жирных, старых дураков, которые хотят помешать тебе развлекаться!

Подумав, Панч не нашел, что возразить.

— Тогда, может быть, Господь Бог? Некий усатый великан, живущий на облаках? А ты когда-нибудь видел Его, или, может быть, Он сказал тебе, что ты не должен делать то, что тебе нравится?

— Нет.

— Тогда пойдем со мной.

Обе куклы зашагали на месте, и вскоре появился судебный пристав.

— Я пришел арестовать вас, мистер Панч.

Панч выглядел смущенным, но клоун вытащил из рукава крошечный блестящий нож и воткнул

его приставу в глаз. Когда пристав упал, мальчишки, сидевшие вокруг Дойля, зааплодировали.

Довольный Панч отплясывал джигу.

— Мистер Хорребин, — обратился он к клоуну, — не раздобыть ли нам чего-нибудь на обед?

Представление вошло в привычное русло: Панч и клоун украли у трактирщика связку сосисок и сковороду.

Пребывая в игривом настроении, Панч кружился в танце в обнимку со связкой сосисок. На сцене появилась кукла без головы и тоже пустилась в пляс, обрубок шеи болтался из стороны в сторону в такт разухабистым завываниям шарманки. Панч было испугался, но Хорребин объяснил, что это всего лишь его приятель Скарамуш.

— Ведь весело быть приятелем того, кого все боятся?

Панч призадумался, подперев кулаком щеку, потом засмеялся, кивнул и возобновил свой танец. Даже Хорребин отплясывал на своих ходулях, и Дойль испытывал благоговейный трепет при мысли о том, как кукловоду удается заставить их всех синхронно двигаться в такт мелодии.

И тут появилась четвертая кукла — женщина с карикатурно пышными формами, нечто похожее на то, что любят рисовать на стенах подростки.

Хотя ее белое лицо, темные глаза и длинное белое покрывало ясно давали понять, что это призрак.

— Джуди, дорогая моя! — воскликнул Панч, по-прежнему отплясывая. — Тебя просто не узнать! Красавица, да и только!

Панч доскакал до края сцены. Неожиданно музыка смолкла, и занавес опустился, скрыв остальных кукол. Панч сделал еще несколько неуверенных шагов и остановился. На сцене возникла новая кукла — мрачная фигура в черном капюшоне толкала перед собой виселицу.

— Палач Джек! — воскликнул Панч.

— Да, Палач Джек, — ответил вновь прибывший, — или Мистер Гребл, или Грайлиз Рипэ. Не важно, как ты назовешь меня, Панч. Я пришел, чтобы казнить тебя именем Закона.

Голова Хорребина высунулась на миг из-за кулис.

— Подумай, как ты можешь его убить, — сказал он и исчез.

Панч захлопал в ладоши. Затем, заговаривая ему зубы и придумывая разные ухищрения, заставил Палача Джека самого сунуть голову в петлю, якобы только затем, чтобы тот показал Панчу, как это делается. Панч затянул петлю, вздернув Джека в воздух — ноги куклы дергались

как-то особенно правдоподобно. Панч засмеялся и обернулся к публике, широко раскинув руки.

— Ура! — выкрикнул он. — Теперь Смерти нет, и все мы можем делать все, что захотим!

Занавес позади него снова распахнулся, и грянула бравурная музыка. Все куклы пустились в пляс вокруг виселицы — Панч рука об руку с призраком Джуди. Двое мальчишек и старый бродяга, недовольно бормоча, отправились восвояси.

Панч с призраком Джуди танцевали у самого края сцены. Занавес снова опустился, музыка смолкла — они остались одни.

— Леди и джентльмены, — пропищал Панч, — вы смотрели Новое, исправленное Представление Панча.

Панч медленно обвел взглядом публику, сократившуюся в числе до двоих старых бездельников, троих мальчишек и Дойля. Затем, исполнив несколько па, он непристойно ущипнул привидение.

— Хорребин — ваш покорный слуга, готовый оказать вам парочку добрых услуг, — сказал он. — И те из вас, кого это интересует, могут поговорить со мной за сценой.

Он бросил на Дойля пристальный взгляд, странно многозначительный, если учесть, что глаза

стеклянные. Тут как раз опустился внешний занавес. Представление закончилось.

Старик и мальчик обошли вместе с Дойлем вокруг тесного балагана. Панч появился над занавесом и призывно помахал рукой.

— Мои почитатели! — взвизгнул он. — Все в сборе — и лорд Иностранец тут как тут.

Чувствуя себя идиотом, Дойль стоял около явно слабоумного мальчика; тем временем старик протискивался в балаган. Очередь, как в конфессионал в Страстную пятницу, хмуро подумал он. Сходство усиливали приглушенные вопросы и ответы, доносившиеся изнутри.

Дойль скоро обнаружил, что некоторые прохожие странно на него посматривают. Хорошо одетый господин вел за руку ребенка — он посмотрел на Дойля, и во взгляде его читалась жалость пополам с брезгливостью. Бодрый старик уставился на него с откровенным сожалением. На это можно было не обращать внимания, но Дойля встревожило, что и полицейский так пристально его рассматривает, словно вот-вот арестует. Дойль представил, как выглядят потрескавшиеся жалкие туфли, которые Крис и Мэг дали ему в обмен на элегантные ботинки. «Как бы там ни было, — думал он, — если здесь можно заработать

деньги и дело не окажется слишком незаконным, я соглашусь — на время, до тех пор, пока мне не удастся встать на ноги в этом проклятом веке».

Старик отдернул занавеску в сторону и вышел, не взглянув на Дойля и мальчика, и Дойль, наблюдавший, как он затерялся в толпе, не мог понять, был ли старик огорчен или обрадован.

Мальчик вошел внутрь, и вскоре послышался радостный смех. Почти тотчас же мальчик вышел и убежал вприпрыжку, зажав в руке блестящий новый шиллинг. Дойль заметил на спине мальчишки нарисованный мелом крест, определенно отсутствовавший раньше.

Он заглянул в ящик и встретил пристальный стеклянный взгляд пышнотелой куклы Джуди, выглядывающей из-за занавеса.

— Заходи, побалуемся, — прошептала она и заморгала.

«Мальчишка получил шиллинг, — напомнил он себе, шагнув вперед, — потом я проверю, чтобы не было следов мела на моем пальто».

Кукла исчезла за минуту до того, как Дойль откинул занавеску и протиснулся внутрь. В полумраке он разглядел табуретку и опустился на нее.

Дойль едва различал очертания фигуры на

расстоянии вытянутой руки — голову в высокой остроконечной шапке и верхнюю часть туловища в костюме с гротескно подбитыми плечами. Фигура зашевелилась, наклоняясь вперед, и Дойль понял, что это и есть его благодетель.

— А теперь, разорившийся иностранец, — услышал он скрипучий голос, — попробуйте посмотреть на вещи проще… Откуда вы приехали?

— Гм… из Америки. И я совершенно без денег. Поэтому, если у вас найдется какая-нибудь работа, я согласен!

Задвижная крышка неяркой лампы с лязгом открылась, и темный силуэт оказался клоуном. Лицо его было нелепо размалевано красной, зеленой и белой краской. Горящие глаза широко открыты и косят, удивительно длинный язык не умещается во рту. Да ведь это тот самый клоун на ходулях, которого он уже видел на рынке, прототип куклы Хорребина.

Хотя клоун убрал язык и перестал корчить рожи, все равно не представлялось возможным понять выражение этого размалеванного лица. Клоун устроился, скрестив ноги, на табуретке.

— Вижу, что вы уже израсходовали все свои дрова, — сказал клоун. — И чуть было не начали

топить стульями, занавесками и книгами. Хорошо, что я встретил вас сегодня — завтра или послезавтра было бы уже поздно. От вас бы ничего не осталось.

Дойль закрыл глаза, и у него защемило сердце. Он встревожился, заметив, что даже столь скудное проявление сочувствия вызвало у него желание заплакать. Он глубоко вздохнул и открыл глаза.

— Если у вас есть что предложить, то я вас слушаю, — сказал он спокойно.

Клоун оскалился, показав ряд желтых зубов, торчащих в разные стороны, как могильные камни на старом кладбище.

— Что же, не стоит пока пускать на растопку паркет, — заметил он. — Хорошо. Лицо у вас умное и благородное. Видно, что вы хорошо воспитаны и не привыкли ходить в таких обносках. Вы когда-нибудь интересовались драматическим искусством?

— Да… нет, не особенно.

— Как вы думаете, смогли бы вы выучить роль, а потом, в зависимости от того, с какой публикой предстоит работать, — изменить вашу роль так, чтобы следовать ее вкусам, создавая характеры, наиболее ей импонирующие?

Дойль был озадачен, но все еще лелеял слабую надежду.

— Думаю, да. Если только я получу за это еду и постель. У меня нет страха сцены, потому что…

— Вопрос в том, — перебил его клоун, — способны ли вы стать уличным пугалом. Речь не о том, чтобы прыгать в драматическом театре.

— Ну? И это называется уличным представлением?

— Да, — терпеливо начал объяснять клоун, — искусство уличного представления — это умение просить милостыню. Мы напишем для вас роль. В зависимости от того, на сколь большие жертвы вы готовы пойти, столько и заработаете — иногда даже фунт в день.

Итак, то, что он принял за симпатию, не более чем хладнокровная оценка его способности вызвать жалость. Дойль дернулся, как от пощечины.

— Нищенствовать? — От гнева у него закружилась голова. — Нет. Благодарю вас, — сказал он твердо и поднялся, — у меня есть более достойное занятие — продажа лука.

— Да, я уже имел возможность оценить ваши достижения на этом поприще. Что же, продолжайте в том же духе. Желаю удачи. Если

передумаете, спросите у любого в Ист-Энде, где дает представления Хорребин.

— Я не передумаю, — сказал Дойль, выходя из балагана. Он побрел прочь и не оглядывался до тех пор, пока не оказался у края длинной пристани, идущей параллельно улице. Хорребин, снова на ходулях, прошагал мимо, толкая перед собой фургон — по-видимому, тот самый балаган в разобранном и сложенном виде. Дойль вздрогнул и отвернулся, глядя налево, в сторону набережных и выискивая шлюпку Криса и Мэг. Она уплыла. Теперь у причалов оставалось совсем мало лодок. Вот незадача, подумал озабоченно Дойль, не мог же рынок так рано закрыться, ведь до полудня еще далеко. По реке двигалась целая флотилия лодок, и одна из них могла оказаться как раз той, где он оставил Криса, Мэг и Шейлу. Только вот какая?

— Эй! — попробовал крикнуть Дойль, но тут же смущенно замолчал: если так кричать, едва ли его услышат даже на ближайшем причале.

— Что случилось?

Дойль обернулся и наткнулся на недружелюбный взгляд полицейского.

— Скажите, пожалуйста, сэр, который час? — спросил он, стараясь проглатывать гласные так

же, как все.

Полицейский выудил из кармана часы на цепочке, взглянул и снова спрятал.

— Около одиннадцати. А в чем дело?

— Почему все они уплывают? — Дойль указал на лодки.

— Но ведь уже почти одиннадцать часов, — ответил полицейский, отчетливо выговаривая слова, словно он говорил с пьяным. — К тому же, может быть, вам интересно будет узнать, что сегодня воскресенье.

— То есть вы хотите сказать, по воскресеньям рынок закрывается в одиннадцать?

— Вы правильно меня поняли. Откуда вы? Ваш акцент не похож на акцент Суррея или Суссекса.

Дойль вздохнул.

— Я из Америки, из штата Виргиния. И хотя я… — он медленно провел рукой по лбу, — хотя я не буду ни в чем нуждаться, как только один мой друг приедет в город, сейчас я очень нуждаюсь. Нет ли здесь благотворительного учреждения, где бы я мог получить пищу и кров, пока мои дела не наладятся?

Полицейский нахмурился.

— Есть работный дом при бойнях на Уайтчепел-стрит. Там вам дадут пищу и кров в обмен

на помощь в дублении кож и выносе помойных ведер с потрохами.

— Вы сказали, работный дом? — Дойль вспомнил, что он прочел у Диккенса. — Спасибо.

Он, ссутулившись, тяжело зашагал прочь.

— Минуточку, — окликнул его полицейский. — Если у вас есть с собой деньги — предъявите их.

Дойль порылся в кармане и выудил шесть пенсов.

— Прекрасно. Теперь я не могу задерживать вас за бродяжничество. Но, быть может, мы еще встретимся сегодня вечером. — Он коснулся своего шлема. — Всего хорошего.

Возвратившись на Темз-стрит, Дойль истратил половину своего достояния на тарелку овощного супа и ложку картофельного пюре. Это было очень вкусно, но он остался по меньшей мере таким же голодным, как раньше, поэтому он истратил остававшиеся у него три пенса на то, чтобы взять еще порцию. Продавец даже дал ему глоток холодной воды запить еду.

Полицейский расхаживал вдоль улицы, крича:

— Пора закрывать, выходной день! Уже одиннадцать часов, пора закрывать.

Теперь Дойль, как настоящий бродяга, избегал попадаться ему на глаза.

Человек примерно его лет шагал по улице. В руке он нес сумку с рыбой, а другой обнимал миловидную девушку. Дойль, пообещав, что это в первый и последний раз, несмело приблизился.

— Извините меня, сэр, — пробормотал он. — Я очень нуждаюсь…

— Короче, — нетерпеливо перебил его парень. — Ты — бродяга?

— Нет. Но прошлой ночью меня ограбили, и у меня не осталось ни пенни, и я американец, и мой багаж и бумаги пропали… Я хотел бы попросить у вас работу или немного денег.

Во взгляде девушки мелькнуло сочувствие.

— Дай что-нибудь этому бедняге, Чарльз, — сказала она. — Раз мы не собираемся идти в церковь.

— На каком корабле ты прибыл? — скептически спросил Чарльз. — Я никогда не слышал такого американского акцента.

— Э-э… на «Энтерпрайз», — ответил Дойль, в замешательстве промямлив первое, что пришло в голову. Он едва не сказал: звездный корабль «Энтерпрайз».

— Вот видишь, дорогая, он мошенник, — гордо сказал Чарльз. — Может быть, это и был «Энтерпрайз», но такой корабль не заходил в наш порт в

последнее время. Возможно, этот янки отстал на прошлой неделе от «Блейлока», но, — заметил он, с готовностью оборачиваясь к Дойлю, — ты ведь сказал не «Блейлок», не правда ли? Не поступай так с людьми, близкими к морской торговле. — Чарльз оглянулся на поредевшую толпу. — Здесь полно констеблей. Я был бы не прочь сдать тебя в полицию.

— Ах, оставь его! — вздохнула девушка. — В любом случае мы опаздываем, и к тому же ясно, что с ним действительно что-то случилось.

Дойль благодарно ей кивнул и поспешил удалиться. Он немного побродил и рискнул подойти к старику. Дойль предусмотрительно поведал ему, что он прибыл на «Блейлоке». Старик дал ему шиллинг и добавил в назидание, что Дойль должен будет сам подать нищему, когда окажется при деньгах. Дойль заверил его в том, что именно так и сделает. Немного погодя Дойль стоял, прислонившись к кирпичной стене пивной, и обдумывал, стоит ли ему заглушить смятение и страх, истратив некоторую часть своего достояния на кружку пива. Как вдруг почувствовал, что его схватили за штанину. Дойль перепугался и чуть было не заорал. Он посмотрел вниз и увидел безногого калеку, обросшего буйной бородищей.

— Чем ты промышляешь и с кем ты? — произнес тот голосом опереточного злодея.

Дойль попробовал уйти, но безногий мертвой хваткой вцепился в его плисовые штаны, и тележка покатилась вслед за Дойлем, как прицеп. Дойль остановился — на них и так уже оборачивались прохожие.

— Я ничем не промышляю, и я ни с кем, — свирепо прошипел Дойль, — и если вы не отпустите меня, я спрыгну с набережной в реку!

Бородач рассмеялся:

— Прыгай, держу пари, что я уплыву дальше тебя.

Оценив ширину его плеч, Дойль с отчаянием понял, что это правда.

— Я сейчас видел, как ты подходил к двоим и второй что-то тебе дал. Либо ты новенький из команды Капитана Джека, либо ты работаешь на Хорребина, или ты действуешь на свой страх и риск. Ну?

— Я не понимаю, о чем вы говорите. Отойдите от меня, или я крикну констебля. Я ни с кем!

Дойлю захотелось заплакать, когда он представил себе, что это создание никогда его не выпустит и так и будет сердито катиться вслед за ним до скончания века.

— Я так и думал, — кивнул безногий. — Ты, похоже, новичок в этом городе, поэтому я дам тебе совет — независимые нищие могут ловить удачу восточнее или севернее этого места. Биллингсгет, Темз-стрит и Чипсайд закреплены или за парнями Копенгагенского Джека, или за подонками Хорребина. Ты найдешь такую же организацию западнее Святого Павла. Теперь ты предупрежден Бенджамином Роликом, и если тебя снова увидят промышляющим в Ист-Энде на главных улицах, ты… честно тебе говорю, приятель, — сказал Ролик почти беззлобно, — ты потеряешь после этого способность промышлять чем-нибудь, кроме милостыни. Поэтому ступай, я видел у тебя серебро, и я отниму его у тебя, а если ты скажешь — я не смогу, мне придется тебе это доказать, но, мне кажется, ты в этом не нуждаешься. Ступай!

Дойль заспешил прочь в западном направлении, к Стрэнду, молясь, чтобы газетные киоски не закрылись так же рано, как Биллингсгетский рынок. Он попробует узнать адреса редакций и пойдет туда, и поэтому он должен справиться с головокружением и слабостью и убедить издателя в том, что он грамотный и образованный человек. Дойль потер подбородок: брился он меньше чем двадцать четыре часа назад — с этим все в

порядке, а вот расческа сейчас бы не помешала.

«Ну ничего, — говорил он себе, пребывая в несколько исступленном состоянии. — Я покорю его истинным красноречием и силой своей личности!» И он расправил плечи и придал упругость походке.

Глава 4

Плод Древа Зла будет поражать своим великолепием – ведь он выращен, чтобы украсить стол Люцифера как новое изысканное блюдо, и он, безусловно, превзойдет все остальные яства – они хоть и насыщают, но уже утратили прелесть новизны.

Томас Дэкер

Давным-давно, один бог знает, как давно это было, провалилось несколько уровней древних катакомб под Лондоном, и образовался подземный грот. Во времена описываемых здесь событий этот грот представлял собой нечто вроде огромного зала, вымощенного камнями, уложенными еще римлянами в те дни, когда Лондиниум был военным аванпостом во враждебной и дикой стране кельтов. Крышей гроту служили толстые балки, поддерживавшие камни мостовой на Бейнбридж-стрит. На стенах развешаны лампы, но эти коптилки, заправленные салом, дают ничтожно мало света, но зато неимоверно чадят, и в клубах зловонного дыма, поднимающегося от

коптилок, зловеще мерцают красные отблески еле тлеющих огоньков. В сумеречной полутьме покачиваются гамаки, прикрепленные канатами к балкам на разных уровнях, и, как пауки, ползают какие-то оборванцы, устраиваясь поудобнее. Сверху постоянно струится тоненький ручеек, исчезая в черном водоеме справа от стены.

На каменном полу стоит длинный стол, и жалкий седой карлик, поднявшись на цыпочки, расставляет на льняной скатерти серебро и чудесный фарфор. Он тихо ворчит, когда сверху падают обрывки сапожной кожи или когда обитатели гамаков прольют на стол несколько капель из карманной фляги. Вдоль стола в ряд расставлены стулья, и один большой высокий стул, предназначенный как будто бы для огромного ребенка — в конце ряда, но во главе стола стула не было. Вместо этого там имелось нечто вроде подвесного сиденья на высоте шести футов от пола, на которое карлик иногда пугливо поглядывал.

И вот в зал вошли представители воровской аристократии и заняли свои места за столом. От их вызывающе элегантных костюмов в чадном полумраке подземелья становилось жутко. Некий патриций, проходя мимо, дал карлику пинка и рассеянно сказал:

— Передай это кому-нибудь, кто может увидеть поверхность стола. Хватит накрывать, тащи еду, и побольше.

— Данги, вино не забудь! Да поживее! — крикнул карлику другой патриций.

Карлик, довольный, что можно покинуть зал хоть на несколько минут, поспешил прочь по туннелю. Лорды вынули из карманов глиняные трубки и трутницы, и в гроте заклубился опиумный и табачный дым, к радости аристократов верхних ярусов, которые в погоне за дымом стали раскачивать свои гамаки.

А вокруг стола уже толпилась воровская братия рангом пониже, повсюду шныряли мальчишки в лохмотьях; собравшиеся обменивались приветствиями и обсуждали текущие события. А в самом дальнем темном углу расположились те, кто находился на самой нижней ступеньке здешней иерархической лестницы, — те, что стояли поближе к столу, этих подчеркнуто игнорировали.

Эти изгои сидели на корточках на каменных плитах, в темных углах, каждый в одиночестве, не обращая внимания на соседей; они бормотали и жестикулировали скорее по привычке, нежели из желания что-либо сообщить.

Карлик снова появился, еще больше сгорблен-

ный и хромающий под тяжестью огромной сетки с бутылками. Он опустил ношу на пол и принялся открывать бутылки штопором.

Каждый хлопок пробки эхом отзывался от стен грота. Карлик работал все быстрее и быстрее — эхо отвечало все чаще и громче.

— Куда ты торопишься, Данги? — спросил воровской лорд. — Бросок перед встречей хозяина?

— Не тот курс, сэр, — выдохнул старик Данги, вытащив последнюю пробку и вытирая капли пота. — Просто люблю, чтобы работа шла в хорошем темпе.

Звук вынимаемых пробок теперь прекратился. У выхода туннеля показались руки в белых перчатках, потом появилась голова. Размалеванная маска Хорребина ухмылялась — и даже надменные воровские лорды в смущении потупили взоры.

— Опять опаздываешь, Данги? — весело пропищал клоун. — Все приготовления должны быть закончены к моему приходу.

— Д-да, сэр, — сказал старый Данги, едва не роняя бутылку. — Просто… просто сервировка стола требует постоянного внимания. Эх, старые мои кости…

— Твои старые кости в один прекрасный день

будут глодать уличные собаки, — закончил дискуссию Хорребин, искусно переступая на ходулях по каменному полу. Высокий колпак и пестрый наряд клоуна придавали всей сцене оттенок карнавала. — И да будет вам известно, что мои несколько более молодые кости тоже не в лучшей форме.

Он захромал, покачиваясь, прямо к подвесному сиденью.

— Эй, ты, подержи мои ходули, — приказал он. Данги поспешно перехватил ходули, а Хорребин просовывал руки в ремни и вдевал ноги в нижние петли подвесного сиденья.

Карлик прислонил ходули к стене.

— А, вот так-то лучше, — вздохнул Хорребин, устраиваясь поудобнее. Он зевнул. — Ага! Обед, похоже, запаздывает. Не хочешь ли ты спеть нам песенку, Данги?

Карлик встрепенулся:

— Как вам будет угодно, сэр. Мой костюм и парик внизу, в моей келье. Принести?

— Сегодня вечером не до реквизита! — воскликнул клоун. — К чему эдакие церемонии? Сегодня я разрешаю тебе петь без костюма. — Он посмотрел вверх. — Музыка!

Висевшие в гамаках представители аристокра-

тии вытащили из привязанных к гамакам сумок разнообразные музыкальные инструменты — чего тут только не было! Губные гармошки, флейта и даже одна или две скрипки. Поднялся дикий шум и гам; если эта какофония и не заслуживала названия музыки, то по крайней мере какой-то ритм присутствовал.

Эхо обеспечивало контрапункт, и сборище оборванцев самого разного возраста пустилось в пляс вокруг стола, притопывая и хлопая в ладоши.

— Прекратите это безобразие, — произнес некто, только что вошедший в Залу Собраний. Мощный бас пришельца перекрыл все звуки ужасной какофонии. Музыка замолкла, пляски прекратились. Лысый старик огромного роста теперь молча стоял у входа, завернувшись в черный плащ. Видимо, его тут знали. Старик вступил в зал странной подпрыгивающей походкой, словно он отталкивался от трамплина, а не от прочного каменного пола.

— А! — воскликнул Хорребин вроде бы радостно. Редко кому удавалось определить со всей определенностью, в каком настроении Хорребин, — он никогда не смывал клоунского грима, и размалеванная маска всегда смеялась. — Наш почетный гость! Хорошо, сегодня ваше почетное

кресло не будет пустовать!

Вновь прибывший кивнул и направился к высокому креслу, возвышавшемуся на целый фут над столом; он снял плащ и бросил его Данги, который тут же выбежал из залы. Теперь, когда почетный гость скинул плащ, стало понятно, почему он так странно подпрыгивал: на подошвах башмаков были приделаны пружины, и он не мог даже спокойно стоять на месте, а все время раскачивался вверх-вниз.

— Многоуважаемая публика! — выкрикнул Хорребин так, словно находился на цирковой арене. — Позвольте представить вам его превосходительство Цыганского Короля — доктора Ромени!

Последовало несколько вялых восклицаний, хлопков и свистков.

— Что привело вас в наше столь скромное общество, ваше величество?

Ромени не отвечал до тех пор, пока, усевшись в свое высокое кресло, не снял свои туфли на пружинах.

— Несколько дел привели меня в ваше Канализационное Царство, уважаемый Хорребин, — отвечал он. — Во-первых, я принес партию монет — золотые соверены в пятидесятифунтовых меш-

ках, там, в коридоре. Вероятно, еще теплые после отливки.

Эта новость вызвала некоторое оживление у публики, шум аплодисментов стал более искренним.

— А также нечто новое из области сыска. — Он взял стакан красного вина, протянутый ему сидевшим по соседству лордом. — Так или иначе, но вы до сих пор не нашли человека, которого вы зовете Джо — Песья Морда.

— Проклятый оборотень — опасная находка, — крикнул кто-то из публики, и по залу прокатился гул одобрения.

— Он не оборотень, — сказал доктор Ромени, не оборачиваясь, — но я согласен с тем, что он опасен. Поэтому я назначил такое высокое вознаграждение и предложил вам всем доставить его ко мне лучше мертвым, чем живым. Во всяком случае, вознаграждение увеличилось теперь до десяти тысяч фунтов наличными, которые на одном из моих торговых кораблей могут быть доставлены в любую точку земного шара. Но теперь, однако, мне нужно, чтобы вы нашли другого человека, и этот человек должен быть схвачен живым и невредимым. Вознаграждение за поимку этого человека составит двадцать ты-

сяч фунтов, и вы получите к тому же жену. Такую, какую пожелаете. И она будет настолько страстной, насколько вам этого захочется, и, конечно, последует за вами туда, куда вы пожелаете.

Публика заерзала и невнятно забормотала. А некий опустившийся тип, который едва мог ноги волочить, проявил самый живой интерес.

— Я не знаю его имени, — продолжал доктор Ромени, — но ему около тридцати пяти лет, волосы темные, уже начал лысеть, бледный, небольшое брюшко. Да, самая характерная деталь — колониальный акцент. Он сбежал от меня прошлой ночью в районе Кенсингтона. Мои парни его крепко связали, но... — Ромени остановился, наблюдая, как Хорребин возбужденно раскачивается взад и вперед. — Да, Хорребин?

— Не был ли он одет как продавец овощей? — спросил клоун.

— Когда я его в последний раз видел — не был, но мог поменять одежду. Ты видел его? Где и когда?

— Я видел человека, очень похожего по описанию, в старых плисовых штанах. Он пытался торговать луком на Биллингсгет сегодня утром, перед самым закрытием рынка. Он остался смотреть мое Представление Панча. И я предложил

ему заняться ремеслом нищего. Но он обиделся и ушел. Этот тип говорил, что он американец. Я сказал, что у него всегда есть возможность вернуться, если передумает и решится принять мое предложение. Трудно даже представить человека, менее приспособленного к жизни. Я сказал, что он всегда может с легкостью меня отыскать — достаточно спросить у любого прохожего, где Хорребин дает Представление Панча.

— Возможно, это был он, — сказал доктор Ромени со сдержанным волнением. — Благодарение Анубису! Я боялся, что он утонул в речке Челси. Ты сказал, что видел его у Биллингсгет? Очень хорошо! Я хочу, чтобы ваши люди обыскали весь район восточнее Святого Павла и Блэкфрайерского моста до птичьего базара над Лондонским Доком и от реки на север, до Приюта Христа, Лондонской Стены и Длинного переулка. Человек, который приведет его ко мне живым, проведет остаток своих дней в блистательной роскоши. — Теперь Ромени обернулся и обвел все сообщество холодным взглядом. — Но если кто-нибудь его убьет, то участь его будет… — казалось, он задумался, подбирая подходящее выражение, — такой, что он горько позавидует старому Данги.

Из толпы раздалось бормотание, свидетельствовавшее о том, что такая перспектива казалась им худшей, чем сидеть у стола или отплясывать идиотские танцы, зарабатывая себе на жизнь. Сидевшие за столом, а некоторые из них сидели здесь еще в те времена, когда их вожаком был Данги, с сомнением нахмурились, подозревая, что поимка американца сопряжена с еще большим риском.

— Наши международные дела, — продолжал Ромени, — развиваются благополучно, и они могут привести примерно через месяц к некоторым весьма драматическим результатам, если все по-прежнему пойдет хорошо. — Он позволил себе слегка улыбнуться. — Если бы я не знал, что это утверждение будет воспринято скептически, скорее как гипербола, я бы добавил, что этот, в данный момент Подземный Парламент еще до наступления зимы может стать правящим Парламентом на этом острове.

Внезапно взрыв сумасшедшего смеха раздался в толпе оборванцев, и на свет с паучьей легкостью выпрыгнул древний старик. Его лицо в прежние времена пострадало от ужасного удара, так что один глаз, нос и половина нижней челюсти провалились. Обрывки лохмотьев свободно

развевались, как на огородном пугале, — едва ли под ними было нечто телесное.

— Не много осталось, — он задыхался, стараясь сдержать приступы хохота, сотрясавшие его щуплое тело, — не много осталось от меня, хи-хи! Но вполне достаточно, чтобы сказать тебе — самодовольный дурак! — чего стоит твоя хи-пербола, болван!

Доктор Ромени гневно и пристально рассматривал назойливую развалину.

— Не можете ли вы, Хорребин, избавить этого несчастного от страданий? — спросил он спокойно.

— Не можете, раз не избавили! — хихикнул древний старик.

— С вашего разрешения, сэр, — ответил Хорребин, — я сейчас выставлю его вон. Он живет здесь вечно, и нищие Суррейсайда зовут его своей Удачей. Он иногда хамит, но право же, ваше величество, не стоит обращать внимание. В его словах не больше смысла, чем в болтовне попугая.

— Ладно, выведите его вон, — раздраженно сказал Ромени.

Хорребин повелительно кивнул, и стоявший неподалеку оборванец поднял изувеченного старичка на руки и понес, поражаясь, каким

невесомым тот оказался.

Пока его живо выносили вон, старик успел обернуться и подмигнуть своим единственным глазом доктору Ромени.

— Найди меня после, при других обстоятельствах, — произнес он сценическим шепотом и снова закатился сумасшедшим смехом, который затихал, отзываясь причудливым эхом в туннеле, куда поспешно удалялся его носильщик.

— Любопытных гостей вы кормите обедом, — сказал все еще рассерженный доктор Ромени.

Клоун пожал своими высоко подбитыми плечами.

— Никому и никогда не возбранялось приходить в Хорребин-Холл, — ответил он. — Некоторым никогда не удалось из него выйти, или они вышли в реку, но пожаловать сюда может каждый. Вы уже уходите, до обеда?

— Да, по лестнице, если она у вас в порядке. У меня много дел. Мне надо обратиться в полицию и предложить также и им большое вознаграждение за поимку этого человека. И мне никогда не нравились эти свиньи, которые вам служат.

Гримаса на лице клоуна могла при желании сойти за выражение предупредительности. Ромени снисходительно улыбнулся. Он слез на пол

с почетного стула и слегка поморщился, когда ботинки коснулись каменных плит. Данги поспешил ему навстречу с плащом, который Ромени развернул и надел.

Прежде чем уйти в туннель, он обернулся и окинул взглядом непривычно притихшую компанию. Все, включая висевших в гамаках лордов, молча на него смотрели.

— Найдите мне Американца, — сказал он спокойно. — Забудьте пока о Джо — Песьей Морде. Достаньте мне Американца живым.

* * *

Низкое солнце освещало силуэт собора Святого Павла позади Дойля, когда он устало тащился по Темз-стрит назад к Биллингсгет. Пинта пива, которую он выпил десять минут назад, почти избавила его от неприятного привкуса во рту и от некоторой доли смущения.

Толпа народа на улице уже была не столь многочисленной, как утром. Дети играли в мяч, случайная карета прогромыхала мимо, пешеходы обходили фургон, откуда рабочий выгружал бочки. Дойль изучал прохожих.

Через несколько минут он увидел насвистывающего человека, который шел ему навстречу.

Прежде чем тот успел пройти мимо, Дойль обратился к нему усталым голосом, ибо это был уже четвертый человек, которого он останавливал.

— Извините, сэр, не могли бы вы мне сказать, где сегодня вечером Хорребин дает Представление Панча?

Человек осмотрел Дойля с ног до головы.

— Что за беда? Да я, приятель, никогда не видел этого представления ночью, но любой нищий сможет проводить тебя к Хорребину. Здесь ты не встретишь много нищих в воскресенье вечером, но, мне кажется, я видел одного или двоих ниже по Биллингсгет.

— Спасибо.

«Хищная стая Хорребина, — припомнил он по дороге, прибавляя шагу. — Но, с другой стороны, — «Фунт в день, если вы готовы пойти на определенные жертвы». Что это за жертвы, хотел бы я знать?» Он вспомнил о своем разговоре с издателем «Морнинг пост» и тут же заставил себя не думать об этом.

Нищий старик сидел у стены на углу Сент-Мэри-хилл. Дойль остановился, увидев на его груди табличку с надписью. «Некогда я был усердным портным, — прочитал он, — теперь я неспособен к этому ремеслу, так как слеп, и вынужден

продавать мятные леденцы, чтобы прокормить жену и больного ребенка. Христиане, будьте милосердны».

Старик держал поднос с грязными леденцами. Дойль замешкался перед ним, и нищий выдвинул поднос вперед. Если бы Дойль не остановился, то непременно толкнул бы нечаянно поднос и рассыпал леденцы.

Казалось, старика несколько разочаровало то, что Дойль все-таки не рассыпал леденцы. Посмотрев по сторонам, Дойль догадался, почему старик расстроился. Мимо прогуливались прилично одетые люди. Несомненно, они бы прониклись жалостью к старику, увидев, как рассыпались леденцы.

— Не купит ли господин несколько прекрасных мятных леденцов у бедного слепого? — прохныкал он, жалобно подняв глаза к небу.

— Нет, благодарю вас, — сказал Дойль, — мне нужно найти Хорребина. Хорребина, — повторил он, когда нищий поднял голову с искренним недоумением. — Я думаю, он что-то вроде старшины нищих.

— Я продаю мятные леденцы, сэр, — заметил нищий. — Я не могу отвлекаться от торговли и припоминать что-либо без соответствующего

вознаграждения. С вас пенни.

Дойль нехотя опустил один пенс в руку старика. Уже наступала ночь, и он отчаянно нуждался в ночлеге.

— Хорребин? — спросил нищий уже спокойнее. — Да, я его знаю. И так как сейчас воскресный вечер, то он должен быть в Парламенте.

— В Парламенте? Что вы имеете в виду?

— Я мог бы проводить вас туда и показать, сэр, но это значило бы потерять по крайней мере шиллинг из возможного заработка от продажи леденцов.

— Шиллинг? — с отчаянием спросил Дойль. — У меня есть только десять пенсов!

Рука нищего взметнулась с протянутой ладонью вверх.

— Вы останетесь мне должны два пенса, сэр.

Дойль сомневался.

— Сможет ли Хорребин дать мне кров и пищу?

— О, конечно, из Хорребин-Холла никого и никогда не прогоняли.

Он продолжал протягивать Дойлю дрожащую ладонь. Дойль, вздохнув, порылся в кармане и осторожно положил шестипенсовую монетку и четыре пенни старику на ладонь.

— Ну, показывай дорогу.

Старик смел в карман монеты и леденцы, засунул поднос под пальто, поднял палку с мостовой и встал.

— Ну, пошли, — сказал он и проворно зашагал на запад, туда, откуда Дойль только что пришел.

Дойль должен был прибавить шагу, чтобы поспеть за ним. Пошатываясь от голода, после того как он даром потратил на посещение конторы «Морнинг пост» весь свой суп и картофельное пюре, Дойль, щурясь от лучей заходящего солнца и стараясь не отстать от нищего, совершенно не обращал внимания на человека, следующего рядом с ним, до тех пор, пока хорошо знакомые руки не схватили его за штанину. Он потерял равновесие и упал на мостовую, больно ударившись руками и коленями.

Он гневно обернулся и увидел заросшее лицо Бенджамина Ролика. Тележка безногого остановилась, сильно ударившись о щиколотку Дойля.

— Проклятие, — воскликнул Дойль, с трудом переводя дыхание, — отпустите! Я не просил милостыню, и мне надо идти за…

— Тебе не по пути с Хорребином, парень, — сказал Ролик, и серьезная настойчивость прозвучала в его шепоте. — Ты недостаточно плох для того, чтобы преуспеть в этой команде. Пошли.

Старый нищий обернулся и поспешил назад, так пристально посмотрев на Ролика, что Дойль с опозданием сообразил, что слепота его была притворной.

— Для чего ты вмешиваешься, Бенджамин? — прошипел старик. — Капитану Джеку понадобились рекруты?

— Оставь его, Клоп, — сказал Ролик. — Ему с вами не по пути. И нечего ерепениться, вот твоя плата за находку, в знак учтивости, от Копенгагенского Джека.

Он извлек две шестипенсовые монеты из кармана жилета и кинул слепому. Клоп одной рукой поймал на лету обе монеты.

— Ну ладно, — сказал он, пряча монетки вместе с леденцами. — Так вмешиваться ты можешь всегда.

Он гаденько захихикал и повернул обратно к Биллингсгет. Резво пробежав сотню футов, он вдруг спохватился и вспомнил свою роль слепого.

Дойль поднялся, с опаской наступая на ушибленную ногу.

— Прежде чем он уйдет, — сказал Дойль, — ответьте мне, действительно ли ваш Копенгагенский Джек может дать мне пищу и кров?

— Да, и притом эта пища куда лучше того, что ты мог бы получить у Хорребина. Э, да ты, похоже, совсем беспомощный? Ну ничего, ничего… Пошли со мной.

* * *

Столовая в доме нищих на Пай-стрит была длинной и узкой, восемь окон вдоль длинной стены смотрели на улицу квадратиками непрозрачных стекол в свинцовых рамах. Тусклые отблески уличных фонарей растворялись в мутных окнах, но комната освещалась яркими лампами, свисавшими с потолка на цепях, и свечами — на каждом из восьми длинных столов стояло по два подсвечника. Узкая часть зала была приподнята на четыре фута над уровнем пола, и туда вели четыре ступеньки. Перила, тянувшиеся к стене с двух сторон от ступеней, придавали комнате сходство с палубой корабля.

Нищие у длинных деревянных столов являли пародию на современное платье: здесь были официальные сюртуки и белые перчатки, заштопанные, но безупречно чистые, принадлежавшие Гнилым Джентльменам — нищим, которые выклянчивали подаяние, выдавая себя (впрочем, иногда оно так и было) за высокородных аристо-

кратов с прекрасной родословной, потерпевших финансовый крах из-за происков родни или пьянства. Синие блузы и брюки, веревочный пояс и черная непромокаемая фуражка с полустертыми золотыми буквами — это униформа Мореходов, Потерпевших Кораблекрушение, которые даже здесь приправляли свою речь морской терминологией, почерпнутой из представлений мюзик-холла и народных песен. Здесь были также тюрбаны, серьги и сандалии Бедствующих Индусов; почерневшие лица шахтеров, предположительно покалеченных подземными взрывами… И конечно же, неказистые лохмотья обыкновенных нищих. Дойль нашел свободное место с краю на скамье и, присмотревшись к пестрому сборищу, обнаружил несколько человек, одетых так же, как он, — в костюм продавца овощей.

Но самой колоритной фигурой здесь был здоровенный рыжий тип с огромными усищами — он сидел за отдельным столом на той приподнятой площадке, в конце зала, и меланхолично покачивался на стуле с высокой спинкой. Но вот он встал и, подойдя к перилам, оглядел всю компанию. Одет он был весьма экстравагантно, но нельзя сказать, что уж совсем нелепо: зеленый атласный

сюртук, неимоверно много тончайших кружев, свисавших с запястий и шеи, белые атласные панталоны до колен и белые шелковые чулки. На ногах — белые туфли, которые, если убрать золотые пряжки, могли сойти за бальные. Болтовня стихла, как только он встал.

— Это сам Копенгагенский Джек, — гордо прошептал Ролик, который устроился на своей тележке на полу позади Дойля, — капитан нищих с Пай-стрит.

Дойль рассеянно кивнул, но тут он встрепенулся, почувствовав запах жареной индейки.

— Добрый вечер, друзья мои, — сказал капитан, подняв высокий бокал.

— Добрый вечер, капитан, — хором ответили присутствующие.

Капитан протянул бокал, и мальчик в красном мундире подбежал к нему и плеснул в бокал красного вина из графина. Капитан попробовал, затем кивнул.

— Сухое вино «Медок» с ростбифом, — объявил он, когда мальчик убежал, — а с птицей мы, вероятно, допьем «Сотерн», который привезли на прошлой неделе.

Все зааплодировали, и Дойль громче всех.

— Доклады, обсуждение дисциплинарных во-

просов и прием новых членов состоятся после обеда.

Это объявление также понравилось нищим, и как только капитан сел за стол, двери кухни распахнулись, и оттуда вышли девять человек — каждый держал на вытянутых руках поднос с жареной индейкой. На каждый стол поставили по индейке, и сидевшие во главе стола взяли длинные ножи и вилки и приготовились разделить индейку между всеми присутствующими.

Дойлю посчастливилось оказаться во главе стола, и он постарался с блеском решить эту задачу, призвав на помощь весь свой опыт рождественских обедов и празднований в честь первых колонистов Массачусетса. Затем он положил в каждую тарелку, в том числе и в тарелку Ролика, по куску индейки. В последнюю очередь взял порцию себе и с жадностью накинулся на еду, запивая индейку охлажденным «Сотерном», который небольшая армия кухонных мальчиков все время подливала во все стаканы, опустевшие хотя бы наполовину. За индейкой последовал ростбиф, жесткий и обуглившийся по краям, но полусырой внутри, а также бесконечный поток горячих булочек с маслом… И бутылки, бутылки… в которых Дойль признал восхитительное

сухое, крепкое бордо. На десерт подали сливочный пудинг и херес.

Когда тарелки опустели и сотрапезники откинулись на спинки стульев, многие из них, к зависти Дойля, набили глиняные трубки и умело раскурили их от пламени свечей. Копенгагенский Джек подвинул свой стул к краю подиума и хлопнул в ладоши, привлекая внимание публики.

— Ну, — сказал он, — где Красавчик?

Дверь отворилась, и вошел юноша. Дойль подумал, что это и есть Красавчик, но из-за стола поднялся угрюмый небритый человек и ответил:

— Здесь, сэр.

Юноша, который только что вошел, снял шарф и, пройдя через зал, опустился на ступени подиума.

Капитан кивнул вновь пришедшему и посмотрел на Красавчика, который нервно мял в руках старую кепку.

— Вы были замечены сегодня утром за крайне неблаговидным занятием. Вы прятали пять шиллингов в сточной трубе, Красавчик.

— Замечен кем, сэр?

— Не важно кем. Вы отрицаете, что спрятали деньги?

Красавчик задумался.

— Хм… нет, сэр, — произнес он наконец. — Только я их не прятал от Марко, видите ли. Я опасался, что меня ограбят.

— Тогда почему вы сказали Марко, когда он зашел после обеда, что вы выручили только несколько пенсов?

— Я забыл… об этих шиллингах.

Юноша, присевший на ступеньки, осматривал толпу, словно искал кого-то.

Дойль гадал, кто он такой. Молодой, моложе двадцати, пальто явно с чужого плеча, наверное, бывший владелец пальто умер лет двадцать назад и был несколько крупнее нынешнего.

— Вы не единственный здесь забывчивый человек, Красавчик, — мягко сказал капитан, — кажется, я согласился забыть два подобных проступка за последние несколько месяцев.

Молодой человек на ступеньках пристально смотрел на Дойля, во взгляде его читались сомнение и тревога. Дойля обеспокоило такое назойливое разглядывание, но тут как раз юноша отвернулся.

— Боюсь, — продолжал Копенгагенский Джек, — что нам придется позабыть еще кое-что: мы забудем, что вы когда-то были членом нашей конгрегации, а вы, конечно, должны будете за-

быть дорогу к моему дому.

— Но, капитан… — испуганно пробормотал Красавчик, — я не нарочно. Возьмите пять шиллингов.

— Оставьте их себе. Они вам пригодятся. А теперь уходите.

Красавчик вышел так быстро, что Дойль понял — капитан способен применить самые решительные меры для выпроваживания неугодных.

— А теперь, — сказал капитан Джек улыбаясь, — перейдем к более приятным делам. Есть ли здесь просители, желающие поступить в конгрегацию?

Ролик поднял руку так высоко, как только мог, что оказалось не выше уровня подсвечника на столе.

— Я привел одного, капитан, — прорычал он. Его мощный бас, от которого задрожали все чашки на столе, восполнил недостаточность жеста.

Капитан с любопытством посмотрел вниз, на стол.

— Тогда пусть он встанет.

Дойль поднялся на ноги и встал лицом к Копенгагенскому Джеку.

— Хорошо, Ролик. Вид у него действительно достаточно жалобный. Как вас зовут?

— Брендан Дойль, сэр!

Когда Дойль произнес лишь первые две гласные своей реплики, юноша вскочил, быстро перепрыгнув через перила на площадку, где сидел за столом капитан, и что-то настойчиво зашептал ему на ухо.

Капитан Джек внимательно выслушал юношу, оценивающе посмотрел на Дойля, с сомнением покачал головой и что-то прошептал, наверное, что-то вроде: «А вы уверены?» Молодой человек усиленно закивал и что-то добавил.

Дойль наблюдал происходящее со всевозраставшей тревогой, спрашивая себя, не работает ли этот усатый юнец на лысоголового шефа цыган.

Он взглянул на дверь и отметил, что все это время ее никто и не думал запирать. «Если они попытаются схватить меня, я буду за дверью раньше, чем эти ребята успеют встать из-за стола», — подумал Дойль, несколько успокоившись.

Капитан пожал плечами и обернулся к сотрапезникам, которые заинтригованно ждали результатов тайных переговоров.

— Молодой Джеки сказал мне, что наш новый товарищ Брендан Дойль только что прибыл в наш город из Бристоля, где он весьма преуспевал, выдавая себя за глухонемого. Под именем… э-э…

Немого Тома он эксплуатировал сочувствие жителей Бристоля в течение последних пяти лет, однако был вынужден уехать оттуда, потому что — в чем там было дело, Джеки? А, я вспомнил, он увидел друга, выходившего из борделя, и девушка, с которой парень провел ночь, наклонилась из окна второго этажа, в руках у нее был… тяжелый мраморный ночной горшок, который она собиралась сбросить на голову бедному малому, а он уже почти выходил из дверей. Быть может, они не сошлись в цене, и девушка сочла себя обиженной. А может, была какая другая причина, не знаю. Это все не важно, но, увидев такое, Дойль закричал на всю улицу: «Осторожно! Назад, дружище, эта шлюха собирается размозжить тебе голову!» Итак, жизнь друга была спасена, но бедный Дойль выдал себя с головой — ведь прохожие слышали, как он вопил, и скоро все уже знали, что он может говорить не хуже любого другого. В результате ему пришлось покинуть город.

Нищие, сидевшие рядом с Дойлем за столом, заявили ему, что он хороший товарищ. Ролик же добавил:

— Ты должен был рассказать мне свою историю утром, парень.

Дойль, проглотив удивление, открыл было

рот, чтобы ответить Ролику, но капитан властно поднял руку, все глаза снова обратились к нему, и Дойль так ничего и не сказал.

— И Джеки особенно настаивает на том, что, поскольку Дойль надеется возобновить занятия ремеслом нищего здесь, в Лондоне, и поскольку он может преуспеть, только если совсем не будет говорить, а если он произнесет хотя бы слово, ему грозит повторное изгнание, он должен снова привыкнуть объясняться только жестами. Ведь вам необходимо потренироваться, чтобы снова стать Немым Томом, не так ли, мистер Дойль?

Все обернулись к Дойлю, и он увидел, что капитан слегка подмигнул ему.

«Возможно, все это для того, чтобы скрыть мой акцент, — догадался Дойль. — Но почему и откуда этому мальчику известно, что у меня должен быть акцент?» Он неуверенно улыбнулся и кивнул.

— Вы умный человек, Немой Том, — сказал Копенгагенский Джек. — Джеки сказал мне, что вы были с ним большими приятелями и в Бристоле частенько встречались, поэтому я позволю ему похитить вас на время у нашей компании с тем, чтобы он объяснил вам наши обычаи. А теперь выслушаем остальных кандидатов. Следующий,

встаньте!

Пока старик с мутным взглядом пытался подняться из-за стола, Джеки спрыгнул с платформы и бросился к Дойлю. Полы его несоразмерного пальто развевались, как крылья птицы. Ошарашенный Дойль сделал шаг назад и глянул на дверь.

— Брендан, — сказал Джеки, — послушайте, я все понимаю, я не держу на вас зла, да к тому же она все равно через неделю променяла вас на другого.

* * *

Красавчик потрогал закрытую дверь и некоторое время в задумчивости стоял перед столовой. Уже стемнело, и его пробирала дрожь от холода.

Он нахмурился, потом повеселел, вспомнив о припрятанных пяти шиллингах. На эти деньги он сможет купить пару дней беззаботной жизни, скрашенной пивом, пирожками с мясом и игрой в кегли.

Но он снова нахмурился, вдруг осознав, что будет потом, когда пять шиллингов кончатся. Что он будет тогда делать? Он мог бы спросить капитана. Но ведь капитан его выгнал, и теперь придется самому заботиться о снискании хлеба

насущного. Хныча от жалости к себе, он поспешил вниз по Пай-стрит, похлопывая время от времени по щекам, видимо, надеясь столь странным способом пробудить хоть одну конструктивную мысль.

* * *

— Вы знали, что у меня акцент?

Дойль плотнее запахнул пальто — в маленькой комнатке было холодно, несмотря на тлеющий в камине уголь.

— Конечно, — ответил Джеки, подкладывая поленья к тлеющим углям и стараясь устроить хорошую тягу. — Я сказал капитану, что не надо давать вам говорить, и он придумал для этого историю. Вы не могли бы закрыть окно? А теперь, пожалуйста, садитесь.

Дойль закрыл окно.

— Так как вы узнали и почему меня не должны слышать?

В комнате было два стула — по одному с каждой стороны маленького стола, и Дойль предпочел тот, который стоял ближе к двери.

Убедившись, что огонь разгорается, Джеки распрямился и подошел к шкафу.

— Я скажу вам, когда вы ответите на несколько

вопросов.

Дойль аж задохнулся от такой наглости. Да что этот сопляк себе позволяет! Да как он смеет! Нахальный щенок. Его студенты и то старше, а этот паршивец… тут Дойль несколько смягчился, увидев в руках юноши бутылку.

Сюда доносился приглушенный шум аплодисментов и свистки, но они не обращали на это внимания. Джеки сел, взглянул на Дойля как-то загадочно и сурово, налил бренди в два бокала и протянул один Дойлю.

— Благодарю, — сказал Дойль, поднял бокал, поболтал бренди, поднес к носу и понюхал. Судя по запаху, это лучшее из всего, что ему когда-либо доводилось пить. — Хорошо живете, — нехотя признал он.

Джеки пожал плечами.

— Милостыня — ремесло не хуже любого другого, — сказал он слегка раздраженно, — и Копенгагенский Джек — лучший организатор этого дела. — Он отхлебнул бренди и решил перейти прямо к делу: — Скажите мне правду, Дойль. Что вы натворили? Почему доктор Ромени за вами охотится?

Дойль заморгал в полном недоумении.

— Кто такой доктор Ромени?

— Он главарь самой могущественной цыганской банды в Англии.

Дойль похолодел от ужаса.

— Высокий лысый старик? В ботинках на пружинах?

— Он самый. Им наняты все нищие и воры в садке Хорребина, чтобы искать человека, похожего на вас по описанию, с иностранным, вероятно, американским акцентом. И он предложил большое вознаграждение за вашу поимку.

— Хорребин? Этот клоун? Боже, я видел его сегодня утром, когда смотрел его проклятый кукольный спектакль. Он не производил впечатления…

— Доктор Ромени велел всем искать вас только сегодня вечером. Хорребин упомянул о том, что видел вас на Биллингсгет.

Дойль колебался, стараясь разобраться в сплетении разнообразных интересов. Если бы перемирие могло быть установлено, он бы не возражал против того, чтобы поговорить с доктором Ромени, — только так он мог узнать время и место появления дыры. У Дойля сохранился мобильный крюк, и если бы ему удалось выяснить, где и когда откроется дыра и оказаться внутри этого пространства в тот момент, когда оно захлоп-

нется, — он бы снова появился в том же месте в Лондоне в 1983 году. Дойль почувствовал приступ ностальгии, когда подумал о Калифорнии, — занятия со студентами, биография Эшблеса…

С другой стороны, этот доктор Ромени не производит впечатления человека услужливого, судя по его сигаре и прочему. И что интересует этого мальчика? Может быть, большое вознаграждение.

Должно быть, Дойль с тревогой посмотрел на Джеки, так как юноша с отвращением покачал головой и сказал:

— О нет, я не собираюсь выдать вас ему. Я бы не отдал и дохлой собаки в руки этой твари… даже если бы он сдержал слово о вознаграждении, что, впрочем, маловероятно. На самом деле вряд ли стоит рассчитывать на вознаграждение, — если, разумеется, не считать вознаграждением милостиво предоставленную возможность поискать обещанные деньги на дне Темзы.

— Простите, — сказал Дойль, отпивая глоток бренди, — но, кажется, вы присутствовали на собрании этих людей?

— Присутствовал. Капитан Джек платит мне за то, чтобы я следил за… конкурентами. Хорребин устраивает собрания в той дыре под Бейнбридж-

стрит, и я частый их посетитель. Но довольно вопросов… Чего он от вас хочет?

— Хорошо, — начал Дойль, с отсутствующим видом любуясь на отсветы пламени сквозь темный топаз коньяка. — Я не совсем уверен, но думаю, что он хочет кое-что от меня узнать… — Он начинал пьянеть. — Лысый старик хочет узнать, как я прибыл на поле вблизи Кенсингтона.

— Ну а дальше? Как вы туда прибыли? И почему это его беспокоит?

— Я скажу тебе правду, Джеки, мой мальчик. Я путешествовал посредством магии.

— Да, здесь должно быть что-то в этом роде. Посредством какой магии? И откуда вы прибыли?

Дойль был смущен.

— Вам это не покажется невероятным?

— Мне бы показалось невероятным, если бы доктор Ромени так беспокоился о чем-нибудь, что не имело бы отношения к магии. И я, конечно, не настолько наивен, чтобы утверждать, что магии не существует.

В его улыбке было столько горечи, что Дойль изумился: что такое мог видеть этот мальчик?

— Посредством какой магии? — повторил Джеки.

— Я действительно не знаю. Я только входил

в группу, а магическим двигателем всего предприятия был другой. Но какое-то заклинание, видимо, все-таки было, наверное, это заклинание и позволило нам перенестись из одного… места в другое, э-э… пространство.

— А откуда вы перенеслись? Из Америки?

Почему бы нет, подумал Дойль.

— Ага, из Америки. И этот доктор Ромени, должно быть, видел, как мы появились на том поле, — я думаю, он наблюдал за тем местом, так как невозможно вдруг перенестись в любое произвольное место, просто куда захочется, понимаете? Надо уединиться и ждать в определенном месте, которое знающие люди называют «дырой». Я думаю, Ромени знает, где находятся все такие «дыры», и он, возможно, следил за нами в этом месте, поскольку он внезапно схватил меня, когда я ненадолго отстал от группы, и притащил в цыганский табор.

Дойль отпил еще немного бренди, чтобы продолжить рассказ, который вновь пробудил в нем страх перед лысым стариком.

— А что случилось с теми людьми, с которыми вы прибыли?

— Я не знаю. Полагаю, что они вернулись в дыру и перенеслись обратно в… э-э… в Америку.

— Зачем вы прибыли?

Дойль замялся.

— О, это длинная история… Мы прибыли послушать лекцию.

Джеки нахмурился.

— Лекцию? Что вы имеете в виду?

— Вы когда-нибудь слышали о Сэмюэле Тейлоре Кольридже?

— Конечно. Он должен говорить о Мильтоне в «Короне и якоре» в ближайшую субботу.

Дойль поднял брови. Нищий юноша начинал его удивлять.

— Правильно. Но он перепутал дату и пришел, чтобы прочесть лекцию, вчера вечером, и мы все там были. Так что лекция состоялась. В самом деле, очень интересное выступление.

— Вот как? — Джеки допил свой бренди и задумчиво налил себе еще немного. — А как вы узнали, что он перепутал дату?

Дойль развел руками.

— Руководитель знал.

В течение нескольких минут Джеки хранил молчание, осторожно теребя свои усы, затем поднял глаза и широко улыбнулся.

— А вас наняли, чтобы смотреть за лошадьми или что-то в этом роде, или вас интересовала

лекция?

Дойль почувствовал искушение сообщить этому самонадеянному юнцу, что он опубликовал биографию Кольриджа. Он удовлетворился тем, что сказал с очень важным видом:

— Я прибыл, чтобы объяснить гостям, кто такой Кольридж, и ответить впоследствии, по возвращении домой, на вопросы о нем.

Джеки явно позабавило это сообщение.

— Так вы интересуетесь современной поэзией? Вот уж никогда бы не подумал, судя по вашему виду!

* * *

Дверь за спиной Дойля открылась, и вошел Копенгагенский Джек. В маленькой комнатке он показался слишком громоздким.

— Мы приняли двух новеньких, — сказал он, садясь у края стола и пододвинув к себе бутылку бренди. — Хороший Гнилой Джентльмен и лучший в году сочинитель — вы должны были оценить способ, которым он продемонстрировал вам свой стиль. Удивительно. А как поживает Немой Том?

Дойль вздрогнул.

— Я что, и вправду должен теперь все время

молчать?

— Придется, если вы останетесь. Что у вас за история с Хорребином?

Капитан глотнул бренди прямо из горлышка. Джеки заговорил:

— Это хозяин Хорребина, доктор Ромени. Он подумал, что Немой Том разбирается в колдовстве, но он ошибся, хотя и назначил огромное вознаграждение, и теперь каждая дворняжка из крысиного погреба Хорребина будет разыскивать Брендана Дойля. — Он обернулся к Дойлю. — Имейте в виду, приятель, ваша роль Немого Тома — это единственный шанс остаться в живых.

Капитан засмеялся.

— Будьте благодарны за то, что я не устраиваю свои дела подобно тому, как это делал батюшка Хорребина.

Джеки тоже засмеялся и, поймав вопросительный взгляд Дойля, объяснил:

— Отец клоуна, Теобальдо, тоже был старшиной нищих. Он не любил притворства — все его слепые действительно были слепы, все его дети-калеки пользовались костылями не только ради эффекта. Очень похвально, сказали бы вы, если бы не узнали, что он рекрутировал здоровых людей и калечил их, делая пригодными для ремесла

нищего. У него было что-то вроде резервного госпиталя в окрестностях Лондона и разработана техника превращения здоровых мужчин, женщин и детей в существа, способные вызывать ужас и жалость.

Улыбка постепенно исчезла с лица Джеки, пока он говорил.

— Так что, если бы Теобальдо Хорребин решил, что вы должны стать Немым Томом, — сказал капитан, — вдобавок к тому, что он отрезал бы вам язык, он постарался бы сделать вас непритворно бесхитростным, проломив вам висок или придушив вас достаточно для того, чтобы мозг ваш успел погибнуть. Как сказал Джеки, он был мастером своего дела.

Капитан отхлебнул еще бренди из горлышка.

— Говорят, он потрудился даже над собственным сыном, и Хорребин носит клоунскую одежду и раскрашивает лицо для того, чтобы скрыть, как отец его изуродовал.

Дойль вздрогнул, вспомнив наводящее жуть лицо клоуна тогда, в балагане.

— Так что же сталось с батюшкой Хорребина?

Джеки пожал плечами:

— Это старая история. Меня в ту пору и на свете-то еще не было.

— Говорят, он умер, и его место занял Хорребин-сын, — сказал капитан. — Впрочем, поговаривают и другое… Возможно, сын убил Теобальдо и занял его место. Я даже слышал, что старый Теобальдо еще жив там, внизу… и я не уверен, что он не предпочел бы лучше умереть.

Он поймал вопросительный взгляд Дойля.

— Старый Хорребин был очень высокого роста. Он не мог находиться в замкнутом пространстве, даже толпа в коридоре обычно его стесняла.

— У этого парня есть один недостаток. Я боюсь, как бы это нам не помешало сделать из него немого, — сказал Джеки, перехватив у капитана бутылку и наполнив два бокала. — Видите ли, капитан, он умеет читать.

Капитан посмотрел на Дойля с интересом.

— Правда можете? Свободно?

Дойль энергично закивал в подтверждение того, что он может свободно.

— Прекрасно! Вы сможете мне читать. Литература — это, может быть, главный интерес моей жизни! Но мне никогда не удавалось извлечь смысл из страницы печатного текста. Вы знаете какие-нибудь стихи? Наизусть?

— О, конечно.

— Прочтите нам.

— Гм… хорошо. — Он прочистил горло и начал:

Уже бледнеет день, скрываясь за горою;
Шумящие стада толпятся над рекой;
Усталый селянин медлительной стопою
Идет, задумавшись, в шалаш спокойный свой.
В туманном сумраке окрестность исчезает…

Капитан и Джеки, оба сидели в восхищении, слушая, как Дойль декламировал полностью «Элегию» Грея. Когда он закончил, капитан зааплодировал и сам начал читать стихи — отрывок из «Самсона-борца» Мильтона.

Вслед за ним Джеки спросил:

— Скажите, а что вы думаете об этом, — и прочел:

Холодом улицы дышат,
Бесплотна их тишина.
Веселье вина – тише,
Погасли светлые окна.
А я пробреду – около,
И эхо шагам ответит.

Пыль опустевших комнат
Уносит ночной ветер —
Легкое – порошком —
Дыхание жизни прошлой.
Пусто в прошедшем.
Мысли пустые льются
По опустевшим улицам.

Джеки остановился, и Дойль автоматически закончил:

Тяжко, натужно
Не станет хранить их юноша —
Ему не нужно.
Холод устал дышать —
За опустевшее прошлое ответит душа.

Прочтя эти строки, Дойль задумался, стараясь вспомнить, где он их встречал. Это было в книге об Эшблесе, но это не его стихи… Понятно, подумал он, это одно из немногих произведений Колина Лепувра, который был помолвлен с Элизабет Тичи до того, как она стала женой Вильяма Эшблеса. Лепувр исчез, кажется, в 1809 году, за несколько месяцев до свадьбы, ему было двадцать лет, и он оставил лишь тоненькую книжку

стихов, заслужившую несколько отрицательных отзывов. Он взглянул на Джеки и увидел, что молодой человек смотрит на него с удивлением и — впервые — с некоторым уважением.

— Боже мой, Дойль, вы читали Лепувра?

— О да, — непринужденно ответил Дойль. — Он исчез, э-э, в прошлом году, не так ли?

Джеки посуровел:

— Это официальная версия. В действительности он был убит. Я был с ним знаком, видите ли.

— Правда?

Дойль подумал, что, если он когда-нибудь вернется назад, в 1983 год, эта история станет интересной деталью биографии Эшблеса.

— Как он был убит?

Молодой человек опять опустошил бокал и беспечно налил себе еще.

— Может быть, когда-нибудь я узнаю вас достаточно хорошо, чтобы рассказать об этом.

В надежде узнать у юноши что-нибудь пригодное для публикации Дойль спросил:

— Не знали ли вы его невесту — Элизабет Тичи?

Джеки, казалось, был сражен наповал.

— Если вы прибыли из Америки, как вы можете знать все это?

Дойль открыл было рот, чтобы ответить что-нибудь правдоподобное, но не мог придумать ничего лучше, чем сказать:

— Когда-нибудь, Джеки, когда я буду знать вас достаточно хорошо, я, возможно, и скажу вам.

Джеки нахмурился, словно почувствовав себя оскорбленным, но потом улыбнулся.

— Как я уже говорил, Дойль, вы, несомненно, оказались интереснее, чем могло показаться на первый взгляд. Да, я был знаком с Бэт Тичи очень хорошо. Я знал ее задолго до того, как она встретила Лепувра. Мы и теперь с ней видимся.

— Очевидно, я был почти прав, когда утверждал, что вы — старые знакомые, — сказал Копенгагенский Джек. — Дойль, вы пойдете со мной. Старый Стайклиф наполовину прочел мне «Обри» Далласа, однако, читая таким способом, он закончит не раньше чем через год. Посмотрим, быть может, вы способны читать немного быстрее.

* * *

Пивная «Нищий в таверне» была битком набита, но почти все столпились вокруг стола, где шла карточная игра. Красавчик трепетно обхватил стакан джина, забравшись в самый темный угол.

Там было достаточно места, чтобы откинуться назад и упереться ногами в кирпичную стену. Он давно привык не играть в азартные игры, тем более что он никогда и не мог толком понять правила, независимо от того, в какую бы игру ему ни приходилось играть. Поэтому партнеры всегда отбирали у него деньги, утверждая, что он проиграл.

Он достал только один шиллинг из тайника на Флит-стрит, так как у него возник план: он присоединится к армии нищих Хорребина, а шиллинги сохранит для особых надобностей. Например, купит мясо, и джин, и пиво, и… он проглотил немного джина, подумав об этом, — девушка время от времени.

Он допил свой джин и решил не пить больше, чтобы успеть наняться к клоуну на ходулях сегодня же вечером. Иначе ему предстояло потратить часть своих денег единственно только на ночлег, а это не входило в его планы.

Он поднялся и стал пробираться через гомонящую толпу к выходу.

Мерцающий свет фонарей нехотя скользил по нависающим фронтонам домов на Бьюкеридж-стрит, небрежно касаясь, словно сухой щеткой, черной ткани ночи, — высоко на стене робко

светилось одинокое окно, но на крыши домов уже спустилась тьма. Там — переулок, где-то в глубине, должно быть, горит фонарь, о котором можно было догадаться по желтому отблеску на булыжнике, напоминавшем процессию жаб, застывших на миг в своем медленном движении через улицу. Неровный ряд крыш и заплаты бегущих вверх стен были иногда видны, когда залетевший ветерок сильнее раздувал пламя лампы.

Красавчик на ощупь переходил улицу, направляясь к противоположному углу. Он обогнул угол следующей улицы и услышал храп, доносящийся из-за досок, которыми были забиты окна пансиона матушки Даулинг. Он усмехнулся, подумав о спящих там, которые, как он знал по собственному опыту, заплатили каждый по три пенса всего лишь за то, чтобы разделить постель с двумя или тремя такими же несчастными, а комнату — еще с двенадцатью соночлежниками. «Платить деньги за то, чтобы тесниться, как свиньи в загоне! — думал он, самодовольно ухмыляясь. — Нет уж, спасибо, у меня другие планы».

Но спустя мгновение он уже с тревогой спрашивал себя о том, какой ночлег он сможет обрести у Хорребина. Этот клоун производил ужасное

впечатление, он, возможно, заставляет всех спать в гробах или что-нибудь в этом роде. Эта мысль заставила Красавчика остановиться, вращая глазами и крестясь. Потом он вспомнил, что уже поздно и что надо торопиться, если он намерен что-либо предпринять. В конце концов, люди Хорребина свободны, думал он, и там каждый — желанный гость.

Заседание Парламента к этому времени должно было быть перенесено в другое помещение, поэтому, вместо того чтобы повернуть направо по Мейнард к Бейнбридж-стрит, он пошел вдоль стены, которая касалась его левого плеча, обогнул угол, чтобы повернуть на север, где в дальнем углу Айви-лейн располагалось темное, похожее на склад помещение, известное в районе как Хорребин-отель или Крысиный Замок.

Теперь он опасался, что его не примут. В конце концов, он не сметлив. Успокаивало только то, что он считался хорошим нищим, а это главное. К тому же, внезапно подумал он, может, Хорребину будет интересно узнать, что новый глухонемой Капитана Джека притворяется и что его можно заставить заговорить.

«Да, — решил Красавчик, — я могу быть уверен в том, что меня примут у клоуна наилучшим

образом, если расскажу об этом».

* * *

Джеки постоял некоторое время у окна, глядя на неясные очертания крыш, испещренных тут и там красноватыми отблесками чадящих ламп и янтарными ромбиками открытых окон. «Хотелось бы мне знать, что он сейчас делает, — думал Джеки, — каким темным делом он молчаливо занят, в каком притоне он покупает вино для очередной жертвы. Или он спит где-нибудь на чердаке — какие сны ему снятся? Их он тоже украл, хотелось бы мне знать?»

Джеки обернулся и сел за стол, где ожидали бумага, перо и чернила. Тонкие пальцы взяли перо, обмакнули в чернила и после некоторого колебания начали писать:

2 сентября 1810 года

Дорогая матушка! Хотя я по-прежнему не могу сообщить вам свой адрес, я могу уверить вас в том, что со мной все благополучно, еды у меня достаточно и есть крыша над головой. Я знаю, что вам это кажется опасным и буйным помешательством, однако мне удалось достичь

некоторого успеха в поисках человека, если его можно назвать человеком, который убил Колина. И хотя вы все время повторяли мне, что это задача полиции, я хочу попросить вас еще раз понять, что полиция не готова не только иметь дело, но даже признать существование людей, подобных этому. Я намереваюсь убить его с наименьшим для себя риском, как только это станет возможным. Потом я вернусь домой, где, я смею надеяться, мне по-прежнему будут рады. Сейчас я среди друзей и мне угрожает меньше опасностей, чем вы, быть может, думаете. И если, несмотря на мое теперешнее прискорбное непослушание вашей воле, вы согласитесь сохранить ко мне теплые чувства и любовь, которыми вы так щедро одаривали меня прежде, я и в дальнейшем останусь вашей глубоко благодарной и любящей дочерью

Элизабет Тичи.

Джеки помахала письмом в воздухе, чтобы высохли чернила, потом сложила письмо, написала адрес и запечатала письмо свечным воском.

После этого она заперла дверь, сняла свой костюм нищего и, перед тем как опустить откидную кровать, отклеила усы, энергично почесала верхнюю губу и затем прилепила клейкую полоску волос к стене.

Глава 5

Большинство людей разбивают яичную скорлупу, после того как съедят яйцо. Видимо, когда-то это делалось для того, чтобы помешать гномам делать лодочки из скорлупы.

Фрэнсис Гроуз

Ковент-Гарден в субботу вечером совсем иной, чем на рассвете, — впрочем, вечером здесь не менее людно и, конечно, не менее шумно, но там, где двадцать часов назад повозки с товарами выстраивались в шеренгу у края тротуара, там сейчас элегантно катили фаэтоны, запряженные пони, тщательно подобранными под пару, — это аристократия Вест-Энда выехала из своих домов на Джермин-стрит и Сент-Джеймс, чтобы посетить театр. Угрюмые оборванцы остервенело подметали тротуар. Каждый ревниво оберегал отвоеванный с боем участок тротуара впереди каждой идущей пешком леди или джентльмена, вид которых позволял надеяться на чаевые. Вот и дорический портик Театра Ковент-Гарден, заново отстроенного только в прошлом году, после того

как он сгорел до основания в 1808-м, — какая великолепная архитектура, и сколь много она выигрывает от яркого света фонарей и золотистого мерцания люстр внутри… О, эти люстры — просто чудо, они сверкают ярче, чем солнце!

Если метельщики хотя бы ждали разрешения услужить за тот пенс и шиллинг, которые они получали, то просто попрошайки нагло приставали к прохожим. Впрочем, один несчастный оборванец, похожий на туберкулезника в последней стадии, избрал другую тактику и весьма преуспел. Он никогда не приставал к прохожим, выпрашивая милостыню, но только с покорностью человека, дошедшего до предела отчаяния, сосредоточенно глодал заплесневелую корку хлеба, слоняясь туда-сюда по площади. И если пораженная порывом жалости леди побуждала сопровождающих спросить эту несчастную заблудшую душу, что причиняет ему страдания, изгой с запавшими глазами только касался рта и уха и что-то невнятно мычал, со всей возможной очевидностью давая понять сердобольной леди, имевшей неосторожность остановиться, что он не может ни слышать, ни говорить. А затем отстраненно вгрызался в заплесневелую корку.

Его состояние казалось вполне подлинным,

всегда производило должное впечатление и, что самое главное, — говорило само за себя и не требовало никаких разъяснений. Он собирал так много монеток (иногда ему давали даже кроны, а один раз — беспрецедентный случай — золотой соверен), что вынужден был вытряхивать содержимое карманов в суму Марко каждые десять или двадцать минут.

— А, Немой Том, — ласково приветствовал его Марко, когда Дойль в очередной раз тайком проскользнул в переулок, где тот поджидал. Марко вытащил свой мешок, и Дойль набрал полные пригоршни мелочи из карманов и высыпал в мешок. — Неплохо, мой мальчик! А теперь слушай — я буду двигаться по этому переулку к Бедфорт-стрит и останусь там еще полчаса. Улавливаешь?

Дойль кивнул.

— Что ж, хорошо работаешь. Продолжай в том же духе. Да, и не забывай иногда кашлять. У тебя это потрясающе выходит, как настоящий чахоточный.

Дойль опять кивнул, подмигнул и двинулся назад из переулка на улицу.

Это был шестой день нищенствования, и он все еще поражался тому, насколько хорошо у него

все получается. Дойль даже пришел к мысли вставать на рассвете и проходить пешком дюжину миль в день — например, можно гулять по берегу реки западнее Лондонского моста — для аппетита, ведь для того, чтобы съедать такой обед, каким кормят в доме Копенгагенского Джека на Пай-стрит, надо иметь хороший аппетит. Капитан не имел возражений, если его нищие останавливались по случаю в пабах пропустить пинту-другую, или норовили вздремнуть на безлюдных мостиках между крышами, или забиться где-нибудь среди угольных барок на берегу у Блэкфрайерского моста.

Это Джеки придумал нарисовать Дойлю черные круги под глазами, он же заставил его обмотаться белой тряпкой, как будто у него болят зубы, костюм чахоточного дополняли черная шапка и красный шарф вокруг шеи — все это для того, чтобы лицо казалось смертельно бледным, и последний штрих — немного красной краски — обвести глаза, теперь глаза кажутся воспаленными и больными.

— Надо сделать так, чтобы ты выглядел полной развалиной, — сказал Джеки, когда мазал какой-то гадостью вокруг глаз, — и если Хорребин случайно тебя увидит, будем надеяться, что он

при всем желании не сможет тебя узнать.

Дойль не мог разгадать, кто такой Джеки. Он не мог не заметить, что мальчик иногда выглядит женоподобным, слишком изнеженным в некоторых ситуациях и в выборе слов. Джеки слишком явно не интересовался молодыми особами, но в среду после обеда, когда расфуфыренный красавчик из числа Гнилых Джентльменов в шутку зажал Джеки в углу, называя его при этом своей маленькой горячей булочкой, и потянулся поцеловать его, Джеки ответил не просто твердым отказом, но выразил столь явное отвращение, как будто считал подобного сорта заигрывания неприемлемыми и просто гнусными. И Дойль не мог понять, почему юноша с таким умом, как у Джеки, выбрал нищенствование как средство зарабатывания на жизнь, даже под таким относительно приятным управлением Копенгагенского Джека.

Сам Дойль, само собой разумеется, вовсе не собирался оставаться на положении попрошайки длительное время. Через три дня, во вторник, одиннадцатого сентября, Вильям Эшблес собирается приехать в Лондон, и Дойль твердо решил встретить его, завязать знакомство и при случае попросить Эшблеса — который вроде бы

считался человеком состоятельным, во всяком случае, никто из современников не заметил, что его терзают заботы о хлебе насущном, — помочь ему приискать какое-нибудь более достойное занятие. Он знал, что этот человек прибудет в Лондонский порт на фрегате «Сандован» в девять утра и в десять тридцать будет писать первый отрывок своей самой известной поэмы «Двенадцать Часов Тьмы» в передней комнате кофейни «Джамайка». Дойль намеревался припрятать некоторую сумму денег, добытых тяжким трудом попрошайки, и купить пристойный костюм, в котором не стыдно было бы показаться на люди и встретить Эшблеса в кофейне. Изучая этого человека столь тщательно, Дойль уже чувствовал, что знает его достаточно хорошо.

Дойль не позволил себе даже на миг подумать, что Эшблес не сможет или, что еще хуже, не захочет помочь ему.

— Мой бог, Стэнли, да ты только посмотри на это несчастное создание! — сказала дородная дама, сойдя на тротуар из кеба. — Дай ему шиллинг.

Действуя так, как будто он не слышит, Дойль принялся с большим рвением вгрызаться в ту самую корку, которой его снабдил Капитан Джек

шесть дней назад. Стэнли возразил, что если он даст Дойлю шиллинг, то у него не останется денег на выпивку перед представлением.

— Тебе твоя выпивка дороже, чем спасение души! Не расстраивай меня, милый. Ну вот, я уже чувствую, как начинается мигрень. Эй, ты, с хлебом — или как там называется то, что у тебя в руке, — подойди сюда! На вот тебе, купи себе сытный обед.

Дойль всегда очень тщательно разыгрывал роль глухонемого — он и ухом не повел, продолжая стоять на месте и глодать корку. Дама подошла почти вплотную. И только в этот момент Дойль испуганно вздрогнул, как человек, которого застали врасплох, поднял на даму умоляющий взгляд затравленного животного и с невнятным мычанием показал на ухо, а затем коснулся губ, помотав головой с извиняющимся и несчастным видом. Дама держала на вытянутой руке тяжеленный браслет и протягивала ему.

— О, ты только на это посмотри, Стэнли! Мало того что этот несчастный еле стоит на ногах — так он еще вдобавок и глухонемой! Бедненький! Как же все-таки несправедливо устроен мир…

В продолжение бурной тирады чувствительная дама размахивала браслетом перед носом Дойля.

Наконец он счел, что душещипательная сцена длится достаточно долго и не надо раздражать добрую даму, столь обеспокоенную спасением своей души, — он боязливо протянул руку с робкой улыбкой идиота. За шесть дней Дойль вполне вошел в роль и делал явные успехи.

Дама продолжила торжественное шествие к театру, явно довольная совершенным добрым поступком, — Стэнли плелся сзади, продолжая брюзжать и возмущаться. Дойль засунул добычу поглубже в карман. Он побрел дальше, размышляя, что однажды Эшблес уже помог ему встать на ноги в этом проклятом веке.

«…если я решу — предполагаю, я это сделаю, — что мне лучше вернуться домой, в то время, когда существуют парамедики и антисептики, профилактические медицинские осмотры, туалеты и телефон… Итак, если я решу вернуться, а это единственный разумный выход из создавшейся ситуации, то мне все равно придется войти в контакт с устрашающим доктором Ромени. Мне надо обдумать, каким образом сделать так, чтобы он сказал мне координаты ближайшей временной дыры. О черт! Мне надо бы его перехитрить и оказаться в поле действия дыры, когда она захлопнется! Я должен быть уверен, что он не ста-

нет искать и не отберет у меня мобильный крюк хотя бы. А интересно — эта штуковина слишком большая, чтобы ее проглотить?»

Щекочущий зуд поднимался в его горле уже несколько минут, и элегантно одетая пара приближалась неторопливой походкой. Поэтому он не стал сдерживать приступ кашля и дал ему волю. Приступ был просто ужасающий, но он старался не давать себе воли часто, потому что стоило ему начать покашливать, как это имело тенденцию быстро переходить от симуляции в подлинный, выворачивающий легкие пароксизм, и в последние дни это становилось все хуже. Дойль подумал мрачно, что он подхватил простуду после ночного погружения в речку Челси неделю назад.

— Пресвятая Матерь Божья, ты только посмотри на этот ходячий труп, Джеймс! Он близок к тому, чтобы выкашлять легкие прямо на тротуар! Дай ему что-нибудь, чтобы он смог купить себе выпивку.

— Хм, да это значило бы впустую потратить деньги на этого доходягу! Он сдохнет еще до рассвета.

— Ладно… Возможно, ты и прав… Да, конечно, ты прав.

* * *

Два человека прислонились к железным прутьям ограды у театра. Один стряхнул пепел с сигары и затянулся, пуская обильные клубы дыма.

— Мне кто-то говорил… — тихо сказал он своему партнеру, — этот парень, глухонемой… Здесь его называют Немым Томом. Ты уверен, что это он?

— Шеф уверен, — ответил тот и уставился через улицу на Дойля, который, собравшись с силами, опять понуро поплелся, пошатываясь из стороны в сторону, и, похоже, намеревался глодать неизменную корку.

— По нему не скажешь, что он может представлять опасность.

— Тем не менее он опасен, Кегс.

— Ему нельзя здесь находиться.

— Полагаю, что все дело только в этом.

Кегс незаметным скользящим движением вытащил из рукава стилет, задумчиво попробовал пальцем остроту лезвия и затем убрал обратно.

— Как ты хочешь это сделать?

Напарник на мгновение задумался.

— Не составит особого труда — я толкну его, собью с ног, и ты сможешь действовать, как будто

помогаешь ему подняться. Когда ты наклонишься над ним, загородив его так, чтобы никто ничего не увидел, вытащи нож и приставь прямо к ключице. Держи лезвие перпендикулярно кости, потом немного подай назад и воткни под ключицу — там есть большая артерия, в которую ты обязательно попадешь. Через несколько секунд он уже будет мертв.

— Договорились. А теперь пора. Пошли.

Он бросил сигару на тротуар, и они оба отошли от ограды и последовали за Дойлем.

* * *

Красные глаза вперились с размалеванной рожи — Хорребин сделал два стучащих шага вперед.

— Они следили за ним, и сейчас они следуют за ним, — сказал он свистящим шепотом. — Вы уверены, они не из наших?

— Я их никогда раньше в глаза не видел, ваша честь, — сказал один из людей, стоящих на мостовой.

— Нечего ждать, надо действовать, пока эта толпа внутри, — прошипел клоун. — Сейчас же добудьте мне Немого Тома.

Когда эти трое бросились за Дойлем и его двумя

преследователями, Хорребин приставил большой палец в белой перчатке к кирпичной стене и прошептал:

— Черт тебя побери, Красавчик! И почему только ты не вспомнил это вчера?

* * *

«Я должен попасть назад, в 1983-й, до того как этот кашель меня доконает, — подумал безнадежно Дойль. — Небольшая доза пенициллина или чего-нибудь в этом роде поставит меня на ноги за пару дней. Но если я пойду к врачу здесь, этот ублюдок наверняка пропишет мне дюжину пиявок!» Он чувствовал першение в горле, опять начинался кашель, но он решительно сопротивлялся начинающемуся приступу. Интересно, развилось ли это уже в настоящую пневмонию? О черт, этот кашель уже начинает мешать делу, никто не хочет подавать нищему, который выглядит так, что ему осталось жить не больше десяти минут… Может быть, Капитан мог бы…

Некто поставил ногу на его пути, и до того как он сообразил, что надо делать, его толкнули, и он растянулся на булыжной мостовой, обдирая в кровь ладони. Личность, которая подставила ему ногу и из-за которой он упал, убежала, но кто-то

другой склонился над ним.

— Вы в порядке? — спросил этот другой. Ошеломленный Дойль начал было делать свой излюбленный глухонемой жест, но в это мгновение человек одной рукой зажал рот Дойля, а другой вонзил лезвие ему в плечо. Дойль успел поймать промелькнувший перед глазами отблеск ножа и дернулся в сторону, поэтому нож пропорол пальто и кожу, но, наткнувшись на ключицу, соскользнул. Он попробовал кричать, но смог только сдавленно мычать с зажатым ртом. Его противник придавил коленом свободную руку Дойля и занес нож для следующего удара.

Внезапно что-то его толкнуло сзади, и он кувырнулся вперед — нож со звоном отлетел на камни мостовой. Три человека сейчас стояли перед Дойлем, и двое из них взяли его под руки и помогли встать.

— Твоя жизнь спасена, Томми, — проговорил один. — Сейчас ты пойдешь с нами.

Дойль позволил себя увести назад той же самой дорогой, по которой он сюда и пришел. И он сделал вывод, что его спасители — нищие Копенгагенского Джека. Затем он увидел высокую фигуру на ходулях впереди в переулке и понял, что доктор Ромени нашел его.

Ему удалось высвободить одну руку и двинуть локтем в живот тому конвоиру, который слева. И пока тот тяжело оседал на мостовую, вмазал кулаком по шее тому, что справа. И этот стал оседать. Не дожидаясь дальнейшего развития событий, Дойль бросился наутек, держа направление на юг. Он драпал в дикой панике и с неожиданной для него скоростью, потому что он вспомнил сигару доктора Ромени, и вспомнил настолько хорошо, что даже почувствовал обжигающий жар на левом веке.

За спиной он услышал топот третьего, совсем близко. Дойль свернул с главной улицы в переулок. Топот ног бегущих гулким эхом отдавался в тишине переулка. Такая гонка явно долго не продлится — преследователь ужасающе близко, вот-вот догонит. И тут Дойль заметил у стены штабель ящиков с овощами. Ящики стояли не вплотную к стене, и он, протиснувшись между стеной и ящиками, уперся в стену, резко нажал — ящики рухнули на дорогу, Дойль успел отскочить, но не удержал равновесие и упал, ударившись раненым плечом. Но зато груда ящиков угодила как раз под ноги преследователю — тот не успел притормозить, ноги запутались, он попытался вырваться и с размаху грохнулся животом на

круглые камни тротуара да так и остался лежать лицом вниз в нокауте. Дойль поднялся на ноги, хныча и постанывая, и, прихрамывая, — так быстро, насколько мог, — побежал по переулку.

Он пересек две узкие улочки и следовал по тому же переулку еще один квартал, а затем оказался на ярко освещенном тротуаре Стрэнда, только в нескольких кварталах восточнее «Короны и якоря». От всей этой беготни на него опять напал кашель, и он получил шиллинг и четырехпенсовик от устрашенного этой сценой прохожего. Когда он наконец смог опять свободно вздохнуть, он направился на запад от Стрэнда, так как ему внезапно пришло в голову, что как раз в этот-то субботний вечер Кольридж и должен был говорить речь по расписанию и что хотя Кольридж сейчас вряд ли в том состоянии, чтобы субсидировать кого бы то ни было, может быть, он по крайней мере сможет ему помочь незаметно вернуться в дом Капитана Джека. Черт возьми, думал Дойль, вполне возможно, что он меня вспомнит, ведь прошла всего неделя!

Дойль рассеянно скользил взглядом по яркому изобилию витрин и окнам ресторанов — сейчас все это его явно не интересовало. Надо спешить, а он уже едва ли мог передвигаться нормально —

пришлось идти согнувшись, чтобы утихомирить боль в боку, к тому же он прихрамывал и дышал с резкими астматическими хрипами. Он заметил, как какая-то женщина шарахнулась от него. И только сейчас он понял, насколько гротескно он выглядит: мало того что в лохмотьях, да еще и этот его тараканий аллюр. Вдруг ему стало неловко, он выпрямился и пошел медленнее.

Толпа поспешно расступалась перед ним, вдруг все вокруг показалось Дойлю каким-то бутафорским, и как раз тут-то из переулка вышла высокая фигура и встала на его пути — белый овал лица и белый колпак на макушке, совсем как украшенное пасхальное яйцо… У Дойля перехватило дыхание. Он резко крутанулся и побежал в другую сторону, слыша неотступно следующий за ним, размеренный стук ходулей по тротуару.

Хорребин с легкостью перемещался на ходулях, перепрыгивая десять футов одним махом, и при этом он издавал последовательный ряд свистов: высокий — низкий — высокий — низкий. Для пораженного ужасом Дойля это звучало, как сирены нацистского гестапо в старых фильмах о Второй мировой войне.

Свист служил сигналом сбора для вполне определенных нищих. Они стали выползать из дверей

и переулков — молчаливые крутые парни, и двое из них тяжелой поступью направились к Дойлю, а остальные тем временем пытались преградить ему путь.

Посмотрев через плечо, Дойль поймал леденящий взгляд Хорребина всего лишь в одном гигантском шаге от него — кошмарное размалеванное лицо клоуна привычно ухмылялось.

Дойль, напрягая последние силы, внезапно скакнул на мостовую и покатился кубарем, только чудом избежав тяжелых подков лошади, везущей кеб, тут же поднялся на ноги и вскарабкался на подножку проезжающего экипажа, подтянулся, удерживаясь одной рукой за подоконник, а другой за выступ крыши. В экипаже было только двое пассажиров — старик и молоденькая девушка.

— Пожалуйста, прибавьте скорость, — задыхаясь, сказал Дойль, — за мной погоня…

Старик сердито поднял на изготовку свой стек и со всей силой первого удара в пуле толкнул Дойля в грудь тупым концом стека. Дойль слетел со своего насеста, как будто его подстрелили, и хотя он ухитрился приземлиться на ноги, тотчас же упал на руки и колени и пару раз перекувырнулся.

* * *

Обезображенное одноглазое дряхлое создание в дверном проеме хихикало и беззвучно аплодировало руками из папье-маше: «А, да, да! Теперь в реку, Дойль, там есть что-то, что я хотел показать тебе — на другом берегу», — отозвался Удача суррейсайдских нищих.

* * *

— Господи помилуй! Его застрелили! — закричал Хорребин. — Быстрее забирайте его, пока в нем еще теплится жизнь! Я кому говорю, а ну, пошевеливайтесь, вы, жуки навозные.

Дойль был уже на ногах, но боль в груди стала нестерпимой — каждый вдох просто разрывал легкие, и он подумал, что если начнет кашлять сейчас, то непременно умрет. Один из преследователей был всего лишь в нескольких шагах от него и неотвратимо приближался, гнусно ухмыляясь. Дойль нащупал в кармане тяжеленный браслет и, размахнувшись, запустил бандиту в морду, затем, не останавливаясь, чтобы посмотреть на произведенный эффект, торопливо заковылял на другую сторону улицы, пересек

тротуар и исчез в переулке.

— Завтра к ночной трапезе вы, ни на что не годные ублюдки, вы мне его притащите! — пронзительно завизжал Хорребин. На его ярких красных губах появилась пена, и он неистово выплясывал на тротуаре, топоча ходулями, танец бессильной ярости.

Один из его нищих ринулся было вслед за Дойлем через улицу, но, видимо, он составил неверное представление о скорости движения экипажей «Чаплин-компани», упал под копыта лошадей, и переднее колесо экипажа успело его переехать, до того как кучеру удалось удержать лошадей и экипаж остановился. Теперь все движение застопорилось на этом участке Стрэнда, и извозчики орали друг на друга, бранились и размахивали кнутами, а иногда дело доходило до драки.

Хорребин сошел с тротуара и тронулся сквозь всеобщую неразбериху на другую сторону улицы.

* * *

Дойль оказался меж двух зданий и загрохотал вниз по древним деревянным ступеням к дощатому настилу, который тянулся по кромке

берега сверкающей реки. Он поспешил вниз к концу ближнего пирса и спрятался за высокими деревянными ящиками, его дыхание постепенно замедлилось, и он смог наконец закрыть рот. С реки тянуло холодом, и Дойль порадовался, что Копенгагенский Джек не настаивал, чтобы его нищие бродили полураздетыми в холодную погоду — хотя это и эффектный прием. Он оттянул куртку и рубашку от ключицы — там, где нож прорезал кожу, рана была не глубокая, но все еще кровоточила, и довольно сильно.

«Интересно, — подумал он, — а что это все-таки было? Это не мог быть один из людей доктора Ромени или Хорребина — ведь Джеки утверждал, что они определенно хотят изловить меня живьем. Может, это конкурирующая фирма… или даже просто одиночка — ну, например, маньяк-убийца, нечто вроде Джека-Потрошителя». Дойль осторожно коснулся длинного пореза. Благодарение богу, подумал он, что люди Хорребина подоспели вовремя.

Он растер грудь и в порядке эксперимента попробовал набрать полные легкие воздуха. Хотя грудина сильно заныла, тем не менее боль все-таки не такая резкая и пронзающая, как при переломе, — чертова палка того старика, похоже,

ничего не сломала. Он выдохнул и устало прислонился к ящику, свесив ноги с причала.

Желтые точки фонарей на проплывающих лодках и их отражения прорисовывали пунктиром темноту реки, как на картинах Моне, и огни Лэмбет были ярко светящейся цепочкой на близком горизонте. Тонкий серпик луны, казалось, балансировал на перилах Блэкфрайерского моста в полумиле к востоку. За ним и над ним сияли огни Адельфи-террас — будто некий фантастический увеселительный корабль на воде; легкие дуновения бриза иногда доносили оттуда тихие звуки музыки.

Он почувствовал, что сейчас начнется очередной приступ, но страх придал ему силы подавить подступающий к горлу кашель — он услышал медленные тяжелые шаги, повторяющие его путь по пристани.

* * *

Джеки была рада, что течение в подземном канале довольно быстрое и можно обойтись без руля, если плывешь вниз по течению, а то ее вполне могли ударить рулем по голове, и если бы люди в лодке использовали более сложное управление, а не просто отталкивались шестами от

стен, когда поток слишком близко прибивал лодку к стене, то они бы почувствовали присутствие тайного пассажира. Вода становилась холоднее — видимо, река уже близко, и все, что она могла в данный момент сделать, это постараться не клацать зубами. Она старалась держать голову над водой, так как у нее был маленький кремневый пистолет, замотанный в чалму. Огонь факелов на носу и корме лодки трепетал от порывов ветра с запахом серы, он то еле теплился, отбрасывая слабые красные отсветы, то ярко вспыхивал, выхватывая из тьмы каждый камень полукруглого свода, низко нависающего над головой.

Еще пять минут назад она не была мокрой и замерзшей, она спокойно готовила полную кастрюлю сосисок на очаге в кухне Крысиного Замка Хорребина на Мейнард-стрит. Она была в своей экипировке Ахмеда Нищего Индуса — в чалме, сандалиях и балахоне, сделанном из ситцевого покрывала. Лицо и руки выкрашены соком грецкого ореха, в дополнение к уже привычным усам еще и накладная борода. Этот маскарад необходим, потому что она видела изгнанного Красавчика в Крысином Замке и не хотела, чтобы ее разоблачили как агента Копенгагенского Джека. Доктор Ромени приехал получасом ранее,

взгромоздился на подвесное сиденье, сбросил свои странные башмаки и углубился в выслушивание отчетов об отправке груза.

Затем в комнату ворвался, запыхавшись от бега, один из нищих Хорребина — крепкий краснолицый старик — и, не успев отдышаться, прямо с порога выпалил:

— Доктор Ромени… быстрее… Стрэнд… движется к югу, к реке… в него стреляли…

— Кто? В кого стрелял? — Ромени спрыгнул вниз, забыв надеть свои башмаки на пружинах, и его лицо исказилось от сильной боли, он тут же взобрался на сиденье и натянул башмаки.

— Кто, черт тебя возьми! — продребезжал он.

— Я не знаю… Симмонс видел и… и послал меня к вам, сообщить. Он сказал, это тот человек… тот, за кого вы предложили награду.

Ромени уже зашнуровал башмаки, опять спрыгнул вниз и стоял, раскачиваясь на пружинах.

— Который? Но это должен быть Джо — Песья Морда. Они бы никогда не осмелились стрелять в Американца. Ну ладно. Где он? Ты сказал, Стрэнд?

— Да, сэр. И двигается на юг, к Адельфи. Быстрее всего будет, ваша честь, если взять лодку и по подземному каналу прямо к Адельфи-арчес.

Сейчас все подземные потоки полноводны после дождей…

— Показывай дорогу и поторапливайся. Я знаю старину Джо долгие годы, и если они его не до конца прикончили, он уйдет от них.

Когда эти двое поспешили в подвал вниз по ступеням, Ахмед Нищий Индус отставал от них всего на несколько шагов, — сосиски были забыты. «Похоже, это то, что мне надо», — подумала Джеки. Ее сердце громко стучало, и она с трудом заставляла себя держаться от них на значительном расстоянии, так, чтобы не выдать своего присутствия. «Боже, пусть он будет все еще жив, и прошу тебя, сделай так, чтобы именно я смогла прострелить ему голову. А если я смогу как-нибудь улучить подходящий момент и успею шепнуть ему сначала, кто я такая и почему собираюсь убить его… А потом наконец-то я смогу вернуться домой…»

Подойдя к старой каменной пристани, двое нищих отвязали лодку и зажгли факелы. И когда доктор Ромени нетерпеливо стал спускаться вниз, в темный туннель, Джеки удалось быстро проскочить к причалу и бесшумно соскользнуть в холодную черную воду. Лодка, которую двое нищих тянули вдоль пристани, чтобы доктор Ромени смог в нее сесть, была обвязана вдоль

планшира просмоленной парусиной. Джеки незаметно просунула два пальца в веревочную петлю — теперь ее потащат на буксире, когда лодка выйдет в мощный поток.

* * *

— Ха, ха! — пронзительно, по-птичьи подал голос клоун. — Где здесь мой старый приятель Немой Том?

Раздался неторопливый стук дерева по дереву, когда Хорребин расхаживал туда-сюда по пирсу. Из других звуков — только шелест ветерка, заплутавшего в оснастке рыбачьих лодок, пришвартованных неподалеку, да еще плеск воды о сваи пирса.

Дойль, затаившись за ящиком в конце пирса, старался не дышать. Ему казалось, что он уже не может дольше это терпеть, его так и подмывало вскочить и закричать: «Прекрати! Ты прекрасно знаешь, что я здесь!» Слишком уж было очевидно, что Хорребин его просто дразнит этой игрой в прятки.

Он слышал более медленные шаги, когда клоун расхаживал неподалеку. «Боже мой, — думал Дойль, — если этот… если эти тяжелые шаги будут приближаться, я не выдержу, я брошусь в воду и

поплыву к Лэмбет, я не дам ему подойти ближе чем на три шага». Затем Дойль представил, как клоун преследует его в черной воде, представил, как он оборачивается и видит эту ухмыляющуюся размалеванную рожу, которая перемещается за ним с неимоверной скоростью, и вот она все ближе, ближе… а он делает отчаянные попытки плыть с больным плечом… Сердце так бухало, что казалось, вот-вот разорвет его на части, как чугунное ядро ветхую постройку.

— Хорребин! — закричали справа от Дойля. — Где он?

Дойль с ужасом осознал, что это голос доктора Ромени. Клоун захихикал, как будто застрекотала разом сотня сверчков, а затем отозвался:

— Здесь, правее.

Перестук ходулей уже ближе, на этом пирсе. С диким, пронзительным криком, который ужаснул даже его самого, Дойль спрыгнул с пирса, едва успев набрать воздуха, и плюхнулся в холодную воду. Вынырнув на поверхность, он в панике поплыл.

— Что это было? — Он ясно и четко услышал голос Ромени. — Что происходит?

— Он в воде. Я сейчас покажу где.

Хорребин засвистел более резко, и свист был

более сложный, чем тогда, на Стрэнде, когда он созывал нищих. Хорребин замолчал и подождал немного, осматривая берег.

* * *

Как только лодка выбралась из туннеля и даже раньше, чем она проследовала через Адельфи-арчес и наружу — в реку, Джеки отцепила от лодки занемевшие пальцы, и лодка поплыла дальше. Как раз вовремя, сказала она себе, секундой позже один из нищих шагнул назад и схватил румпель, а другой поднял пару весел со дна лодки и начал устанавливать их в уключинах. Доктор Ромени прокричал вопрос, и она услышала неотчетливый ответ, но она плыла наполовину под водой и не смогла разобрать слова.

Затем раздался крик. Кричали так громко, что его могли слышать все. Крик оборвался, и она неотчетливо услышала голос Хорребина: «Он в реке. Я покажу где». Дальше она услышала, как весла скрипнули в уключинах, и первый всплеск весел о воду — за это время она уже добралась до берега и с трудом выбралась из воды.

Дойль — теперь он уже был в сорока футах от пирса — немного успокоился и молча поплыл по-собачьи, изо всех сил шлепая руками по воде.

«Если что-нибудь, — думал Дойль, — какая-нибудь лодка или пловец окажется рядом со мной — я поднырну и буду плыть под водой, а затем постараюсь незаметно высунуть голову и быстро глотнуть воздуха. Черт, если мне хоть чуть-чуть повезет, я смогу ускользнуть от них… А если мне повезет немного больше, то не исключено, что мне все-таки удастся выбраться на берег до того, как силы оставят меня». Течением его относило влево, прочь от доктора Ромени. Тут он услышал новый звук — ритмичный скрип уключин справа за ним.

Хорребин улыбнулся — под вторым пирсом слева от него появились призрачные огоньки, они приближались, и уже можно было различить мерцающий узор крошечных светлячков — они словно исполняли какой-то сложный танец над темной гладью воды. Клоун указал то место, где Дойль спрыгнул в воду, и скопление огоньков спорхнуло в реку и стремительно понеслось по реке, как гонимые дуновением ветерка лепестки светящихся цветов.

— Следите за огнями, доктор Ромени! — весело крикнул Хорребин.

«Что это еще за огни?» — недоумевал Дойль. Ближайшие огни на той стороне. А, наверное, это

доктор Ромени ориентируется по ним, пока его относит течением восточнее.

Дойль быстро работал ногами и правой рукой, пробуя дать отдых левому плечу. Оставаться на плаву оказалось совсем нетрудно, и он сделал открытие, что если и дальше плыть по-собачьи, а иногда переворачиваться на спину и медленно подгребать под себя воду, то можно держать лицо над водой, не прилагая практически никаких усилий. Течением его относило к Блэкфрайерскому мосту, и он втайне надеялся, что, может быть, удастся незаметно вскарабкаться по одной из опор — ведь, судя по всему, преследователи решили, что он утонул, — или он сможет добраться до берега, перемещаясь от одной опоры до другой. И вдруг он понял, о каких огнях говорил Хорребин: прямо к нему, едва касаясь черной воды, скользили огоньки. Их было не очень много — примерно пара дюжин, и они были похожи на крохотные плавучие свечки.

Дойль, не раздумывая, нырнул и поплыл, он взял резко вправо от траектории движения огоньков. Его жалкая самонадеянность мгновенно испарилась. Все это смахивает на волшебство… Ведь Джеки говорил, что доктор Ромени маг! Очевидно, Хорребин — тоже. В этот момент

Дойль чувствовал себя, как человек, который, приготовившись к кулачному бою, видит, как его противник заряжает пистолет.

Он плыл, по-лягушачьи брыкаясь ногами под водой, и все это время ему удавалось не подниматься на поверхность, но сейчас уже стало необходимо набрать хоть один глоток воздуха, и он осторожно высунул голову из воды. Он медленно поднял руку и откинул с глаз налипшие волосы.

И то, что он увидел, его настолько ошеломило, что на миг он просто неподвижно завис в воде, даже забыв о том, что надо плыть. Ему не удалось обмануть огоньки, резко изменив курс, — они все это время неотступно следовали за ним и сейчас окружили его. Дойль в полном недоумении уставился на ближайшие огоньки. На этот раз ему удалось разглядеть, что это крохотные лодочки из яичной скорлупы и на них горят малюсенькие факелы. Но мало того — лодочки были оснащены мачтами из соломинок и бумажными парусами, и… и человечки… — нет, уж этого-то быть не может! «Мне, наверное, это просто привиделось из-за болезни, это лихорадочный бред», — пробовал успокоить себя Дойль, — крохотные человечки не больше его мизинца, по

одному на каждой лодочке… человечки проворно суетились, поворачивая мачты, чтобы держать паруса по ветру.

Дойль вскрикнул, резко вытянул вперед руку и провел рукой по дуге вокруг себя, опрокидывая скорлупки, и тут же, не дожидаясь, что будет дальше, судорожно втянул воздух и нырнул.

Когда легкие уже не выдерживали без воздуха, и ему показалось, что он сейчас врежется головой в опоры моста, он позволил себе выглянуть на поверхность. Крохотные моряки на скорлупках опять образовали кольцо вокруг него. Они не подходили ближе чем на две длины руки. Лодка доктора Ромени приближалась, но Дойль остановился, слабо болтыхаясь в воде и пытаясь восстановить дыхание.

Что-то тяжелое шлепнуло по воде в дюйме от его левой щеки, и брызги воды больно ужалили его в глаз. И через долю секунды он услышал звук выстрела, прокатившийся по воде с берега. Но до этого успел прогреметь выстрел из лодки Ромени, но так как лодка двигалась, невозможно было хорошо прицелиться, и выстрел только поднял фонтан брызг среди светящихся скорлупок.

«Боже, в меня стреляют со всех сторон, — подумал Дойль безнадежно, опять набрав воздуха

в легкие и нырнув. — Они уже больше не хотят оставить меня в живых».

Хорребин повернул голову влево — на звук выстрела среди рыбачьих лодок, затем его голова дернулась назад, когда раздался выстрел с лодки Ромени. Клоун видел, как крохотные огоньки подпрыгнули с поверхности воды и исчезли, когда преследуемый опять ушел под воду, и он понял, что шеф цыган стреляет в человека в воде.

Хорребин сложил ладони рупором и завопил:

— Я думал, ты хочешь взять его живьем!

Последовало мгновение тишины, а затем голос Ромени прокатился по воде:

— А разве это не Джо — Песья Морда?

— Это Американец.

— Пусть меня Апоп съест. Тогда почему же ты стрелял в него, ты, ублюдок?

Джеки уже собрала рыболовную сеть из ближайшей лодки, швырнула сеть в челнок и столкнула суденышко в воду, и в этот момент она услышала крик Хорребина — его голос почти перешел на визг от страха.

— Это не я, ваша милость! Не я, клянусь! Это кто-то там, вон там — среди лодок. Вон он сейчас садится в челнок и направляется к вам.

Джеки взяла одно весло и с изящной ловкостью

стала быстро толкать челнок к кольцу огоньков, которые переместились уже восточнее, к мосту. «О боже, — думала она, тяжело дыша от усилий. — Бедный Том, то есть Дойль. Я просто слишком хотела убить Джо — Песью Морду. Ну пожалуйста, пожалуйста, окажись живым!»

Она чувствовала пустоту и холод от ужаса. Это был хороший выстрел, она ведь целилась прямо в центр смутно видневшейся головы.

Ее челнок двигался быстрее, чем более громоздкая лодка доктора Ромени, да и стартовала она гораздо восточнее, и поэтому, когда голова Дойля вновь показалась из воды — опять прямо в центре неизбежного кольца огней, — она оказалась к нему почти на сотню ярдов ближе, чем доктор Ромени.

— Дойль! — закричала она с огромным облегчением, увидев, что он еще жив. — Это Джеки. Подожди меня.

Дойль был настолько измотан, что даже расстроился, услышав голос Джеки. Он уже почти примирился со своей участью и покорно ждал, пока его поймают, а эта попытка спасения, предпринятая Джеки, вынуждала его к дальнейшим усилиям, заставляла продолжить борьбу, и, похоже, это все равно ни к чему не приведет. Только

еще больше разъярит доктора Ромени.

— Погружайся в воду, и поглубже, потом выныривай, — услышал он голос Джеки, теперь уже ближе.

Дойль повернул голову, и в свете светильников его лилипутской свиты увидел бородатого человека в челноке.

Его глаза расширились от удивления, но до того как он смог опять нырнуть под воду, бородач в челноке сказал:

— Подожди! — и приблизившись, сорвал бороду. — Это я, Дойль. Теперь делай, что я говорю, и поживее!

Похоже, что пока расслабиться не удастся, сказал себе Дойль с безнадежной усталостью. Он скользнул под воду и покорно выпустил половину воздуха из легких, выдыхая понемногу через нос, и теперь мог без затруднений глубоко погрузиться в холодную черноту воды. Затем он остановил погружение, быстро заработав ногами, когда ему пришло в голову, что дно бассейна, от которого можно было бы оттолкнуться ногой, что-то не спешит появляться. «Что, если я погружусь так глубоко, — думал он, — что не смогу проделать путь к поверхности до того, как мои легкие откажут, и я утону в этой реке?» Он тотчас

же начал подниматься вверх, в какой-то момент почувствовал веревочную петлю, скользнувшую по воде, и поспешил выбраться на поверхность.

Рядом раздавалось дикое верещание — так может верещать полный садок встревоженных птиц, — и Джеки, перегнувшись через борт, увязывала мокрый груз рыбачьей сети, и в этом спутанном клубке все еще горело несколько огоньков.

— Влезай сюда, — огрызнулась Джеки, — цепляйся за борт спереди. Я для баланса отойду назад. Держись подальше от невода — у этих маленьких ублюдков ножи. И давай пошевеливайся.

Дойль улучил момент и посмотрел вверх по течению — лодка Ромени была ярдах в пятидесяти, и синхронный стук весел теперь был очень громким, — затем он подтянулся и перекатился в челнок. Джеки замерла, отступив поближе к корме челнока, и крепко сжимала весло, опустив его в воду.

Как только челнок перестал раскачиваться, Дойль, задыхаясь, выдохнул:

— Жми на газ.

Джеки принялась усердно налегать на весло, отчаянно пытаясь разогнать лодку. После полной остановки и с добавочным грузом челнок не хо-

тел трогаться с места.

— Я взял еще один пистолет! — кричал Ромени. — Брось весло, или я стреляю!

— Не посмеет, — сказала Джеки, задыхаясь, ее руки дрожали от напряжения, когда она из последних сил вытягивала весло из неподвижной воды, — ты нужен… живым.

— Уже нет, — пробормотал Дойль, осторожно приподнимаясь. — Минуту назад они все в меня палили.

— Думали, ты… другой. Они приняли тебя за другого.

Челнок сейчас двигался, но медленно. Дойль мог различить силуэты трех голов в лодке преследователей.

— Есть запасное весло? — спросил он с отчаянием.

— Когда-нибудь плавал на каноэ?

— Нет.

— Тогда помалкивай.

Дойль заметил дыру на штанах Джеки, на внешней стороне левого бедра была видна рана. Он открыл было рот, чтобы спросить, откуда она, но тут заметил дырку в челноке у кормы.

— Боже правый, Джеки, ты ранен!

— Я знаю.

Даже в неверном свете ущербной луны лицо Джеки заметно побледнело и блестело от пота, но челнок сейчас двигался примерно с той же скоростью, что и лодка Ромени. С минуту или две оба судна двигались, сохраняя неизменную дистанцию, лодка тяжело разрезала воду, уключины скрипели надрывно, как задыхающийся на бегу человек, потом челнок набрал скорость и стал удаляться от неповоротливой лодки.

Блэкфрайерский мост уже был виден совсем близко, и когда стало ясно, что они оторвались от преследователей, Джеки села и уставилась на огромные каменные арки, к которым они неуклонно приближались.

— Северная средняя арка, — выдохнула она и вонзила весло в воду по правому борту. Челнок послушно начал выполнять разворот по плавной дуге.

Когда они были почти на линии с той аркой, которую она указала, и так близко, что Дойль мог видеть, как волны бьются о каменные опоры, она выхватила весло из воды и погрузила его по другую сторону. Челнок ринулся напрямик, и настало мгновение темноты и шума воды, и ощущение давящего камня, проносящегося мимо со всех сторон. Их подкинуло вверх, бросило

вниз, Дойль чуть было опять не оказался в реке, — и вот они уже выскочили на простор реки с восточной стороны моста. Джеки бессильно откинулась назад, закрыла глаза и свесила руки с бортов челнока, сосредоточившись на том, чтобы успеть отдышаться, пока челнок не успел совсем остановиться.

Дойль оглянулся и понял, что доктор Ромени не сможет повторить этот резкий поворот к более широкой средней арке и не рискнет промчаться через узкую арку, которая сейчас как раз перед ними. Если он хочет продолжать преследование, он должен резко затормозить, развернуться на девяносто градусов, а потом грести туда же, где проскочил челнок.

— Мы оторвались, — удивленно сказал Дойль. — Ей-богу, ты утер им нос.

— Вырос… на реке. — Джеки часто и тяжело дышала и смогла ответить не сразу. — Знаю, как это делается. — Немного отдышавшись и откинув слипшиеся от пота волосы, Джеки продолжила: — Я думал, что мальчик-с-пальчик бывает только в сказке.

Должно быть, Джеки говорит о маленьких моряках в яичных скорлупках, и Дойль спросил:

— Ты слышал о них?

— Ну разумеется! Есть даже песенка о них. Что бы ни случилось, говорят, что виноваты такие, как они. Люди говорят, что Хорребин делает живые существа, и действительно, эти существа повиновались ему сегодня, ведь они указывали место, где ты в данный момент находишься. Говорят, он заключил сделку с дьяволом.

У Дойля вдруг мелькнула мысль столь поразительная, что он замер, дико тараща глаза.

— Ты когда-нибудь видел представление Панча?

— Конечно. Он чертовски… О-о! Да… да… Возможно, ты и прав. Боже мой… Но куклы Панча не такие маленькие, как эти.

— Карманные мальчики.

— А я восхищался его мастерством кукловода. — Джеки взяла весло и начала опять грести. — Лучше продолжить двигаться — похоже, он очень хочет тебя заполучить.

— Угу, так хочет, что каждый палит в меня… в нас… похоже, он здорово хочет моей смерти. Ты спас мне жизнь, Джеки. Как твоя нога?

— О, сильно болит, но это просто царапина. Они стреляли в меня три раза, пока ты был под водой, а я набрасывал сеть на твоих маленьких сопровождающих. Впервые в жизни в меня стреляли.

Мне не понравилось.

Дойль передернулся.

— Мне тоже не понравилось. Пуля Хорребина прошла в дюйме от моего глаза.

— Ну… ну так именно поэтому я и должен был приплыть и забрать тебя. Видишь ли, это не Хорребин… не он стрелял в тебя. Он-то знал, кто ты. Это я стрелял.

Первым побуждением Дойля было разозлиться, но тут его взгляд упал на рану Джеки, и гнев испарился.

— Так ты… и доктор Ромени… думали, что я… кто?

Джеки молча налегала на весло, потом нехотя ответила:

— Что ж, пожалуй, ты имеешь право знать. Я думал, что ты — тот, кто известен как Джо — Песья Морда. Он…

— Джо — Песья Морда? Тот убийца… говорят, он оборотень?

Джеки не смогла скрыть удивления:

— Кто рассказал тебе о нем?

— О, я просто умею слушать. Ну так что ты или доктор Ромени имеете против него?

— Он убил моего друга. То есть нет… а, черт… он перехитрил меня и сделал так, что я убил моего

друга. Он… я еще никогда не рассказывал кому бы то ни было об этом, Дойль. Не эту часть. Будь оно все проклято. Ты читал стихи Колина Лепувра? Так вот, Колин был… моим близким другом, и… ты знаешь, каким образом Джо — Песья Морда остается в живых?

— Я слышал, что он может обмениваться телами с другими.

— Ты знаешь слишком много, Дойль. Гораздо больше, чем следует. Не уверен, что в Лондоне наберется хоть полдюжины людей, кто знает то, что известно тебе. Да, ты прав. Именно так он и поступает. Я знаю, как он это делает, но он может обменяться телами с кем угодно, если ему только удастся некоторое время пообщаться с этим человеком. И ему приходится проделывать такое весьма часто, потому что, как только он попадает в новое тело, так сразу начинает обрастать шерстью… весь. Поэтому через несколько дней перед ним встает проблема выбора — бриться целиком или идти искать свежее тело. — Джеки сделала глубокий вдох. — В прошлом году он взял тело Колина. Я думаю, Джо — Песья Морда, должно быть, травит ядом старое тело непосредственно перед тем, как его покинуть. Колин пришел ко мне, очевидно, его мучила сильная боль. — Дже-

ки говорила с огромным усилием, и хотя Дойль пристально смотрел на купол Святого Павла, он все равно боковым зрением увидел следы слез на щеке. — И это было в полночь. Я был в доме моих родителей, читал, когда он открыл дверь и поспешил ко мне… Он стонал, нет — скулил… скулил, как, ну, не знаю, как большая собака, и он истекал кровью, у него изо рта сочилась кровь… Будь оно все проклято, Дойль! Он был в брошенном, покинутом теле — в том, которое Джо — Песья Морда только что освободил, и оно было покрыто шерстью, как обезьяна! Ты понимаешь? Посреди ночи, этой проклятой ночи! Почему я уверен… почти уверен, что это был Колин? О черт! Да пошло оно все к черту!

— Джеки, — сказал Дойль, совершенно сбитый с толку этой невероятной историей, но чувствуя, что в этом неподдельное страдание, — ты не можешь этого знать.

До Лондонского моста уже оставалось меньше полумили, и Дойль видел пришвартованные угольные баржи на Суррейском берегу. Джеки начала понемногу подворачивать в этом направлении.

— Там было оружие, — бесцветным голосом продолжила Джеки, — кремневый пистолет —

вот он здесь лежит, — и он был в футляре, и когда это покрытое шерстью существо ворвалось в дом, я вскочил, быстро схватил пистолет и выстрелил прямо ему в грудь. Оно упало, заливая кровью все вокруг. Я подбежал и встал над ним, не слишком близко, и оно… оно посмотрело на меня, недолго — всего какую-то долю секунды, потом несколько раз дернулось, и все. Там была суматоха, но, когда оно посмотрело на меня, я узнал… Я знаю — это был Колин. Цвет глаз другой, конечно, но я узнал его. И не выражение глаз, точнее, я узнал то, что было Колином в этом существе…

За самой восточной баржей был причал, а над ним светились окна дома. Вроде бы Джеки держит курс именно туда. Свет из узких окон бросал мерцающие отсветы на маслянистую черноту воды.

— После этого я две недели был как во сне. Никто не мог этого выносить — день и ночь я пронзительно кричал, глотал пищу и невнятно бормотал непристойности, я так грязно ругался, что моя мать почти ничего не понимала… После того как я вышел из этого состояния, я поклялся убить Джо — Песью Морду тем же самым оружием, которое убило… которым я убил Колина. — Джеки усмехнулась. — Ты слушаешь?

— Да.

Дойль пытался понять, что из этой лавкрафтовской фэнтези могло быть правдой. Вполне возможно, что одна из таинственных Танцующих Обезьян действительно ворвалась в дом Джеки приблизительно в то же самое время, когда Лепувр решил уйти из этого мира. А еще у Дойля возникло подозрение, что это нечто большее, чем сожаление о смерти близкого друга. Может, все-таки его первоначальные подозрения относительно Джеки верны?

— Это звучит банально, конечно, но все равно, Джеки, я хочу сказать — мне очень жаль.

— Благодарю.

Джеки замедлила ход челнока, волоча весло по воде, и теперь челнок скользил, едва ли двигаясь вообще, почти вплотную к причалу, и Джеки остановила челнок, схватив свисающую между сваями веревку и повиснув на ней, когда вес челнока пришелся ей на руку.

— Натягивай конец веревки и закрепи здесь, Дойль. Тут есть веревочная лестница, она начинается в четырех футах над твоей головой.

Когда они оба выкарабкались на узкий причал, Джеки сказала:

— А теперь как быть с тобой? Ты не можешь

вернуться обратно в дом Копенгагенского Джека — у Хорребина там полно шпионов.

Они медленно направлялись к строению, которое было чем-то вроде прибрежной гостиницы. Джеки шла босиком и ступала очень осторожно по старым доскам причала.

— Когда этот твой друг приезжает в город? Как его зовут — Эшвин?

— Эшблес. Я встречусь с ним во вторник.

— Так. Мы сделаем вот что. У хозяина этой гостиницы, старого Казиака, есть еще и конюшня. Ты умеешь убирать навоз?

— А разве есть люди, которые не умеют? Хочется думать, что я не принадлежу к их числу.

Джеки потянула ручку двери, и они оказались в небольшой комнате. В очаге горел огонь.

Появилась девочка, приветливо улыбаясь. Ее дежурная улыбка несколько поблекла, когда она заметила, что оба гостя, видимо, искупались в реке.

— Все в порядке, мисс, — успокоила ее Джеки. — Мы не будем садиться на стулья. Будь добра, скажи Казиаку, что это Джеки с того берега реки и его друг. Мы бы хотели получить две горячие ванны — в отдельных комнатах, разумеется…

Дойль усмехнулся — скромный парнишка этот

Джеки.

— И еще какую-нибудь сухую одежду, все равно какую, — добавила Джеки. — А после этого два котелка вашей превосходной наваристой ухи. Ах да, и горячего кофе с ромом прямо сейчас, пока мы ждем.

Девочка кивнула и поспешила обсудить все с хозяином. Джеки присела на корточки у очага рядом с Дойлем.

— Ты действительно уверен, что этот Эшблес поможет тебе выкарабкаться?

Дойль не был уверен, но постарался убедить в обратном скорее себя, чем Джеки, и поэтому стал защищаться:

— Насколько я знаю, он никогда не заботился о деньгах. И я действительно знаю его достаточно хорошо, черт побери!

«И он приобретет друзей и влияние, — добавил Дойль про себя, — и для него, может, будет вполне возможно устроить мне встречу — обеспечив мою безопасность! — со старым Ромени. И вот тут-то мы заключим сделку на моих условиях: я дам ему какую-нибудь безобидную информацию или даже вообще навру с три короба — да, так будет лучше всего — в обмен на координаты дыры. Если у меня будут друзья, которые покарау-

лят снаружи, пока я буду говорить с Ромени, он не рискнет откалывать подобные трюки и тыкать в глаз сигарой. Но если без посторонней помощи, с нуля попробовать приобрести влияние и найти такого рода друзей, — да на это уйдут месяцы, если даже не годы. А Дерроу говорит, что дыры появляются с меньшей частотой после 1802 года, но в любом случае я не уверен, что у меня есть в запасе эти самые месяцы: кашель уже почти добил меня, даже если не учитывать последствия сегодняшнего купания, — теперь-то у меня наверняка пневмония. Я не могу ждать, мне побыстрее надо попасть назад, туда, где есть больницы».

Кроме того, Дойлю очень хотелось расспросить Эшблеса о его ранних годах и выведать все подробности, а потом это где-нибудь припрятать, где-нибудь в надежном месте, где оно спокойно пролежит до того момента, пока он сможет «открыть» эти никому не известные данные, вернувшись в 1983 год. Шлиман и Троя, Джордж Смит и Гильгамеш, Дойль и документы Эшблеса — размечтался, как последний идиот.

— Ну хорошо. Может быть, — сказала Джеки, — в следующем месяце в это время у тебя будет работа на Бирже и апартаменты в Сент-Джеймс. И ты с трудом припомнишь, как был нищим и

конюхом. О да, и то утро — когда ты не очень-то преуспел, торгуя луком. Что еще ты делал?

Принесли кофе. И улыбка девочки, и ее уверения, что ванны уже вот-вот будут готовы, — все говорило о том, что Джеки здесь считают солидным клиентом.

— Больше ничего — и так слишком много, — ответил Дойль.

* * *

Сооружение, известное в трущобах Сент-Джайлс как Крысиный Замок, было построено на фундаменте и вокруг руин двенадцатого века. Колокольня сохранилась и по сей день, но за все эти века многочисленные владельцы участка использовали строение под склад и постоянно добавляли все новые перекрытия и стены вокруг, и теперь древние стрельчатые окна выходили не наружу, в город, а в узкие комнаты пристроек. Верхушка колокольни оказалась, пожалуй, единственной частью здания, выглядывающей во внешний мир, но и ее было трудно заметить среди такого нагромождения крыш, колпаков, дымовых труб, вентиляционных шахт, различных углов и выступов. Колокольные канаты прогнили много веков назад, но древние балки

сохранились, и через них перекинули новые канаты, чтобы можно было поднимать Хорребина и доктора Ромени примерно на пятьдесят футов от пола, на три четверти высоты колокольни. Это позволяло им вести беседу на удобном удалении от земли, и именно здесь была их излюбленная палата для совещаний. Масляные светильники были установлены в нишах древних окон на самой верхушке, и Окаянный Ричард присутствовал на этом вечернем совете, сидя в нише уровнем ниже светильников. Он помещался на фут или два выше голов его подвешенных на веревках шефов.

— Понятия не имею, кто были те двое, ваша честь, — говорил Хорребин, и его ужасный голос, эхом отражаясь от стен, переходил в кошмарные завывания. — Они точно не из моей команды.

— Они что, действительно хотели убить его?

— О да, Деннисен сказал, что, когда он отшвырнул второго из нападавших, тот уже успел ударить ножом нашего Американца и занес руку для повторного удара.

Доктор Ромени некоторое время медитативно раскачивался вперед-назад.

— Я не могу понять, кто это может быть. Кто-то работает против меня. Очевидно, все это значит,

что кто-то уже знает то, что Американец может сказать, и не хочет, чтобы я узнал это. Но это не те, с кем он прибыл вместе, — я сам видел, как они исчезли, когда врата захлопнулись. И я сам отследил все врата с того момента, и никто не проходил через них. Да и Братство Антея вот уже больше ста лет не представляет для нас угрозы.

— Ха, кучка безобидных старикашек, — согласился Хорребин, они давным-давно забыли первоначальную цель своей организации.

— Хорошо, скажи — этот твой человек, Деннисен, он сможет узнать того человека, который пытался убить Американца? Пусть доставит мне этого человека живым, и он получит столько же, как если бы убил Джо — Песью Морду. — Он взмахнул руками, чтобы перестать раскачиваться. — Тот бородатый, который стрелял в Американца, а потом подобрал его в лодку, — возможно, он из той же команды. Ты говоришь, что узнал его?

— Да, вроде так, ваша милость. На нем не было привычной чалмы, но в остальном он тот самый нищий, который здесь слоняется. Так называемый Ахмед. Индус липовый. Я отдал приказ и назначил награду за его поимку.

— Ладно, эти пташки у нас еще запоют. Они

у меня все расскажут, я с них шкуру сдеру живьем, от них ничего не останется, и они мне все расскажут…

Окаянный Ричард бережно дотянулся до своей деревянной обезьянки, которую он поставил на выступ окна — так, чтобы она могла увидеть чудо: двух волшебников, подвешенных, как окорока в коптильне, и зажал ей уши: такой кровожадный разговор мог ее расстроить. Да и самому Ричарду подобные разговоры не слишком по душе. Он уже провел в городе целую неделю — то в Крысином Замке, то в зале под Бейнбридж-стрит, пока доктор Ромени путешествовал, чтобы оказаться в каждых вратах, когда они появлялись, запутывая происходящее все больше и больше.

— Я все думаю, а не вызвано ли это вмешательство… усилиями моего партнера в Турции? — сказал доктор Ромени.

— Но никто не знает, кто они такие, — уточнил Хорребин и уже тише добавил: — Даже мне известно только то, что ваш брат-близнец нашел юного английского лорда, временно пребывающего за границей в одиночестве и которого вы оба думаете как-то использовать. Полагаю, можно было бы более подробно ознакомить меня с вашими планами.

Казалось, Ромени его не слышал. Он произнес задумчиво:

— Нет, вряд ли могла быть утечка информации. Хотя бы потому, что только я один знаю что-либо важное. Но мне неизвестно, как развиваются события в Турции, у доктора Романелли. Как я полагаю, этот юный лорд обожает писать письма. Остается только надеяться, что мой э-э… брат проследит, чтобы ни в одном из этих писем не оказалось какой-либо важной информации.

Хорребин изобразил удивление:

— Так где, вы говорите, находится этот беспокоящий вас лорд?

— В нескольких днях пути от Афин, послушно следует из Коринфского залива в Патры. По определенным причинам милорд очень физически уязвим, когда он находится в этом небольшом районе: Патры, залив Патры, Миссолонги. Поэтому, когда он был там в июле, Романелли заставил имперского консула, который на него работает, погрузить милорда в сон, заставив его сконцентрироваться на действии музыкальных часов, и пока он спал, мой брат послал команду в мозг милорда, на подсознательный уровень, — команду, что он должен вернуться в Патры в середине сентября. К этому времени ситуация на этом

острове подогреется до нужной температуры, и в один прекрасный момент все закипит. И его лордство даже сейчас находится под действием этого приказа, вздорно полагая, что решение вернуться в Патры — его собственное.

Хорребин нетерпеливо кивнул.

— Собственно говоря, я спросил, потому что… ну это письмо, — то, что вызвало ваше беспокойство… Когда оно могло быть послано… Ну, скажем, месяц назад. А ведь на пути оттуда сюда наберется с дюжину мест, где сейчас идет война. Поэтому, даже если он и написал кому-то тогда, в июле, то все равно — пока письмо сюда дошло, просто не осталось бы времени выяснить, кто вы и что хотите.

Ромени нахмурился и кивнул:

— Ты прав. Я не учел медлительность международной почты наших дней. Но кто же тогда, черт побери, те люди и почему они мне мешают?

— Понятия не имею, — ответил клоун, неспешно вытягиваясь и изгибая конечности, как гигантский раскрашенный паук.

Окаянный Ричард закрыл своей обезьянке глаза.

— Но, — добавил Хорребин, — они мешают и мне тоже. Четыре дюжины моих самых кро-

шечных гомункулусов были утоплены этим проклятым Индусом. Нужно, чтобы ваш Мастер в Каире выслал побольше этого вещества. Кстати, как оно называется?

— Да никак, просто пудра, и так всем понятно, о чем идет речь, — сказал доктор Ромени. — Это вещество дьявольски трудно производить в наши дни, когда магия настолько подавлена.

Он с сомнением покачал головой.

Размалеванное лицо Хорребина скривилось, изобразив нечто, что вполне могло означать недовольство. Впрочем, с таким же успехом это могло означать все что угодно, во всяком случае, он продолжил свои неторопливые упражнения.

— Мне оно нужно. Мне это нужно для работы на вас, чтобы сделать больше гомункулусов, — сказал он спокойно. — Карлики и тому подобное. Я могу взять за основу человеческую природу и уменьшить. Но для мальчиков, которые могут подслушивать разговоры, прячась в чайной чашке, следовать за человеком, затаившись в сгибе шляпы, — теперь клоун говорил с пафосом, вдохновляясь собственной речью, — пробраться в банк по канализационной трубе и заменить настоящие золотые соверены вашими цыганскими фальшивками, — тут он перевернулся так, что его

голова оказалась рядом с головой Ромени, и добавил шепотом, — или если вы желаете несколько пареньков, которые могут проникнуть в покои монарха, затаившись в складках платья сиделки, и незаметно подсыпать в суп яд или наркотики, а затем изобразить что-нибудь из безумных видений двенадцати апостолов или сплясать на крышке стола, давая дополнительную пищу его бреду — то для такой работы всем нужны мои мальчики-с-пальчик.

— Это не придется проделывать слишком долго, если все получится так, как планировалось в Патрах, — невозмутимо сказал Ромени. — Но я вполне допускаю, что твои создания могут быть использованы. Я объясню ситуацию моему Мастеру и передам тебе его ответ завтра.

— О, эта ваша связь посредством чего-то там быстрее, чем почта, — заметил Хорребин, и его оранжевые брови вопрошающе поползли вверх.

— О да, — с притворной скромностью сказал Ромени. — При помощи магических средств мои коллеги и я можем разговаривать напрямую в любое время и на любом расстоянии и даже мгновенно посылать предметы через пространство. И только такие средства связи могут гарантировать, что наш удар будет безупречно нацелен,

будет своевременным, скоординированным, неотразимым и безответным. — Он выжал некое подобие улыбки. — В этой партии у нас на руках Король Волшебников, а это бьет любую карту Джона Буля, что бы там у него ни было.

Окаянный Ричард посмотрел на свою обезьянку, повращал глазами и помотал головой. «Вот старая калоша! — думал он. — Обезьяна, ты только послушай, что он говорит! Да ведь и дураку ясно — он просто не хочет, чтобы этот жуткий клоун, этот шут гороховый понял, насколько он в нем нуждается. Сколько раз, обезьяна, ты и я видели, как он кричит на эту убогую свою свечу с египетскими писульками и после парочки часов такой работы получает в результате ответ: «А? Что?», едва доносящийся из пламени… А что ты скажешь о его попытках послать или получить предметы от своих приятелей-друидов в отдаленных землях? Да вспомнить хотя бы тот раз, когда его Мастер попытался послать ему статуэтку, и все, что появилось, — так это только кучка раскаленной гальки! Ха-ха! Вот уж волшебство так волшебство!»

Он плюнул от отвращения, заработав сердитый окрик доктора Ромени.

— Извините, руа, — поспешно откликнулся

Ричард. Он сердито посмотрел на обезьяну. — Это все ты виновата! Опять я с тобой заболтался, — сказал он ей. — Видишь, что ты наделала!

— Как бы то ни было, — продолжил доктор Ромени, вытирая лысую макушку, — Американца мы упустили. И я требую серьезнейших поисков немедленно, сегодняшней ночью. Сейчас трое из нас здесь — ты слушаешь, Ричард? Очень хорошо. Итак, трое из нас знают, как он выглядит, и каждый из нас возглавит одну из трех групп поиска. Хорребин, мобилизуй своих негодяев, и ищите в районе Сент-Мартин-лейн — собор Святого Павла. Проверяйте всех хозяев меблированных комнат; загляните во все пабы; внимательно осмотрите всех нищих. Ричард, ты возглавишь поиск на южном берегу — от Блэкфрайерского моста до амбаров ниже Уоппинга. Я возьму своих портовых ребят и обшарю район юго-восточнее Святого Павла — трущобы Клэр-маркет, Тауэр, доки и район Уайтчепел. Откровенно говоря, именно там я думаю его найти. Он завел друзей с северного берега и когда мы видели его в последний раз, он направлялся к востоку от твоего района, Хорребин.

* * *

Через два часа после того, как ему пришлось спуститься с колокольни и отправиться на задание, Окаянный Ричард с трудом поднимался по ступенькам наверх. Он ступал очень осторожно, так как полагал, что деревянная обезьянка в его кармане заснула. Когда он занял свое место в оконной нише, два волшебника уже подвесились на своих веревках.

— Полагаю, — сказал шеф цыган, обращая к нему изможденное лицо, — что тебе не больше повезло в Суррейсайде, чем нам в северной части города.

— Кек, руа.

— Означает «нет», — сказал Ромени Хорребину.

* * *

Огромный камень вывалился из свода башни, и пока пятно солнечного света медленно, пядь за пядью, скользило вниз по стене, уличные торговцы на Холборн-стрит могли неотчетливо слышать, выкликая достоинства своих товаров, как два волшебника обсуждали дальнейшую

стратегию. В это время обезьянка проснулась, и Окаянный Ричард бережно устроил ее за воротником рубашки и, как обычно, долго с ней о чем-то шептался.

Глава 6

На лестнице сада в ночной тишине
Тот, кого нет, повстречался мне…

Через два дня во вторник утром небо затянули хмурые тучи, и угрюмый моросящий дождь, казалось, никогда не перестанет. Но в кофейнях вокруг Королевской Биржи брокеры и аукционисты проворачивали сделки столь же энергично, как и всегда. Дойль, отупевший от голода и недосыпа, сидел в углу кофейни «Джамайка» и наблюдал, как дюжина дельцов, устроив торги, предлагали свою цену за груз табака, спасенного с какого-то корабля, умудрившегося затонуть на Темзе. Аукционные торги проводились по старинному правилу «дюйм свечи»: последнее предложение цены надо успеть сделать до того, как догорит огарок свечи. Сейчас свеча уже догорала, и участники торгов наперебой выкрикивали свою цену. Дойль сделал еще глоток тепловатого кофе, заставляя себя ограничиться только одним маленьким глотком — ведь если допить эту чашку, то придется заказать следующую, а иначе его выдворят из кофейни. На

данный момент приобретение приличной одежды: коричневые брюки, сюртук, белая рубашка и черные ботинки — все ношеное, но чистое и целое — уменьшило его финансы до размеров шиллинга, а он очень хотел предложить Эшблесу чашечку кофе, когда тот наконец появится.

Плечо нестерпимо болело. Дойль уже начинал опасаться, что бренди, вылитое на повязку, недостаточно продезинфицировало рану. Я должен был просто-напросто выпить это бренди — возможно, пользы было бы больше, подумал Дойль. Глаза слезились, нос пощипывало, но казалось, его тело забыло, как надо чихать. Поторопись, Вильям, думал он. Твой биограф уже при смерти. Он огляделся по сторонам и бросил нетерпеливый взгляд на часы на стене — десять двадцать. Ну вот, ждать осталось недолго — Эшблес будет здесь через десять минут.

«По крайней мере, я сейчас здесь и живой, — сказал себе Дойль, пытаясь сохранять бодрость духа. — А ведь были моменты, когда казалось, что пришел мой последний час. И с ножом-то на меня нападали, и стреляли все подряд… Ну и порядки в этом проклятущем веке, нашли себе забаву — охотиться на ни в чем не повинного человека! Не говоря уже о том, что в субботу вечером меня

просто чуть было не утопили в Темзе. А позже, ночью, этот старый цыган с обезьянкой гнался за мной…»

Дойль улыбнулся слегка обескураженно, уткнувшись в чашку с кофе, — он припомнил столкновение с цыганом. Тогда, в субботу, он поблагодарил Джеки и тепло с ним простился — они условились встретиться на середине Лондонского моста в пятницу, ровно в полдень. Дойль был представлен главному конюху Казиака и готовился со всей ответственностью приступить к выполнению обязанностей по выгребанию навоза… и вот тут-то все и случилось… В двери вломился старый цыган и стал требовать заменить ему трех замороженных лошадей на свежих. Конюх сначала отказал, но вид полной пригоршни золотых соверенов, которые цыган настойчиво совал ему под нос, заставил его изменить принятое решение без видимого сожаления. Дойль стоял, лениво привалившись к стене, и наблюдал колоритную жанровую сценку с праздным интересом, тут-то он и узнал цыгана. Внутри все похолодело, и душа ушла в пятки. Да, сомнений не оставалось, тот же самый цыган — старый, бандитского вида, с серьгой в ухе и с обезьянкой. Дойль содрогнулся, внезапно

вспомнив и пережив заново все случившееся в шатре неделю назад. Тогда мерзкий цыган стоял рядом и смотрел, как Ромени пытает его. Стараясь не привлечь к себе внимание резким движением, Дойль незаметно отступил в темноту из освещенного лампой круга и стал осторожно продвигаться к выходу. Но в тот момент, когда он уже почти добрался до входной двери, взгляд цыгана натолкнулся на Дойля, и узнавание стало взаимным. Не раздумывая ни секунды, Дойль опрометью бросился бежать по переулку и дальше к Лондонскому мосту. Но силы Дойля были уже на исходе, и он с ужасом осознал, что на этот раз ему не уйти от погони. Старый цыган оказался быстрее. Дойль слышал за спиной приближающийся топот бегущих ног — все громче и громче… Могучая рука сгребла его за воротник и швырнула на камни мостовой.

— Попробуй только произнести первое слово любого заклинания, ты, пес Бенга, и я размозжу твою дурацкую башку о мостовую, — проговорил цыган, склонясь над ним. Он был совершенно спокоен и даже почти не запыхался.

— Господи Иисусе, — прошептал Дойль, с трудом переводя дыхание, — и почему только твои люди не могут оставить меня в покое? О, если бы

я знал заклинания… Да неужели же ты думаешь, что я стал бы убегать от тебя, если б знал хотя бы одно малюсенькое заклинаньице! Черт возьми, конечно, нет! Я бы сразу наколдовал крылатую колесницу и преспокойно унесся на ней в небеса. Или сотворил бы что-нибудь другое в этом роде, столь же впечатляющее, и не выбивался бы из последних сил, играя тут с тобой в салочки! А, придумал! Знаешь, что бы я учинил, если бы умел колдовать? Я просто-напросто превратил бы тебя в катышек конского навоза, чтобы иметь удовольствие сгрести тебя в тележку с отбросами.

К немалому удивлению Дойля, цыган беззлобно усмехнулся:

— Ты только послушай, обезьяна! Этот парень хочет превратить нас в лошадиный навоз. Все остальные маги поступают как раз наоборот — пытаются превратить навоз в золото!

Он подхватил ослабевшего Дойля и поднял его на ноги.

— А теперь пошли, Бенго. Наш главный давно хочет потолковать с тобой.

На шум потасовки из задней двери вышли двое и стали что-то сердито кричать. Цыган поспешил утащить Дойля подальше от этого места, он пошел по улице, удаляясь от реки, свернул направо,

и таким образом оказалось, что они опять подходят к парадному входу в заведение Казиака. Дойль послушно шел впереди.

Они миновали открытую дверь паба через два строения дальше по улице, и Дойль остановился.

— Если уж ты непременно собрался доставить меня к тому полоумному лысому старику, который в прошлый раз собирался выжечь мне глаз, — начал Дойль слегка неуверенно, — то я хочу сначала выпить две кружки пива. По крайней мере две, но можно и больше. Кстати, приятель, у тебя ведь имеется куча золотых, так почему бы тебе не угостить меня пивом по случаю удачного окончания охоты?

За спиной царило гробовое молчание. Дойль уже начинал нервничать, но после секундной паузы цыган сказал:

— А неплохая мысль. Пошли.

Они вошли внутрь и прошли через комнату с высоким потолком, где находился бар, поднялись на две ступеньки и остановились в маленьком зальчике, где на чистом деревянном полу было расставлено множество столов. Цыган выкатил свои черные глазищи, указывая на столик в углу зала. Дойль кивнул, пересек зал и уселся. На столе уютно горела свеча. Озябший и измученный

Дойль протянул руки и долго держал их над пламенем свечи, пытаясь согреться и хоть немного успокоиться.

Вскоре появилась миловидная служаночка и приняла заказ: пиво для Дойля и вино для цыгана.

— Они называют меня Окаянный Ричард, — начал беседу удачливый охотник, только что поймавший очередную жертву и, по всей видимости, испытывающий некоторое удовлетворение от мастерски выполненного приказа.

— Очень прият… то есть нет, вовсе нет… Что же тут приятного? Уф, совсем запутался. Ну ладно, я — Брендан Дойль.

— А это мой друг, — сказал цыган, вытаскивая из кармана вырезанную из дерева обезьянку. В ту ночь, неделю назад, Дойль уже видел обезьянку. — Обезьяна, познакомься — это Дойль. Тот самый джорджо, из-за которого так волнуется наш руа и которого он так хочет изловить. И руа будет очень нами доволен, слышишь, обезьяна? Он обязательно нас похвалит за то, что мы раздобыли для него этого Дойля. — Он одарил Дойля беззаботной улыбкой. — На этот раз мы доставим тебя в такое место, откуда твои вопли никто не услышит.

— Послушай, Ричард, — начал Дойль спокойно, но проявляя некоторую настойчивость, — что, если ты притворишься, что не поймал меня? Я могу сделать тебя очень богатым человеком. Даю слово…

Дойль успел откинуться назад на спинку стула и, кажется, как раз вовремя — кулак цыгана с быстротой захлопывающейся мышеловки остановился в дюйме от его переносицы.

— Вы, джорджо, видимо, думаете, что все ромени просто идиоты, — спокойно откомментировал происходящее Ричард.

Очень кстати принесли пиво и вино. Дойль заставил служанку подождать, пока он прикончит свою порцию пива в два долгих обжигающих глотка. И сразу потребовал принести еще пинту.

Ричард уставился на него.

— Хм, неплохо. Полагаю, никому не будет вреда, если я притащу тебя к нашим в стельку пьяным. — Он проводил удаляющуюся служанку тоскливым взглядом. — Совсем даже неплохо выпить немного холодного пива после такой беготни.

Он потягивал вино без всякого воодушевления.

— Да, оно не так уж плохо. Налей немного себе.

— Нет. Пиво — любимый напиток моей Бесси.

И с тех самых пор, как она умерла, я не выпил ни капли.

Он решительно, одним глотком, разделался с содержимым стакана и передернулся. Когда служанка принесла Дойлю следующую пинту пива, он заказал еще стакан вина.

Дойль отхлебнул пива и обдумал, взвесил услышанное.

— Моя Ребекка, — сказал он бережно, — любила почти любой вид спиртного, и с тех самых пор, как она… умерла, я пью и за себя, и за нее. Да, я стараюсь пить за двоих. Как минимум за двоих.

Ричард обдумывал услышанное, сосредоточенно нахмурив брови. Некоторое время молчал, затем кивнул.

— Да, пожалуй, это то же самое, — наконец произнес он, — мы показываем, что не забыли их.

Подойдя к столу на этот раз, девушка потребовала заплатить и, получив деньги, оставила на столе кувшин и бутылку. Цыган и Дойль вдумчиво наполнили стаканы.

— За наших дорогих покойниц, — умиленно сказал Окаянный Ричард.

Дойль поднял стакан и кивнул. В наступившей тишине они, не произнося более ни слова, опустошили стаканы, словно боясь, что любое сказанное

слово прозвучит неуместно и нарушит торжественность минуты. Затем опустевшие стаканы одновременно с громким стуком поставили на стол. И с торжественной размеренностью движений, не прерывая молчания, наполнили опять.

— А как давно ты потерял Бесси? — спросил Дойль осторожно.

Ричард, не торопясь, выпил добрую половину стакана, прежде чем собрался с силами ответить.

— Семнадцать лет назад, — спокойно произнес он. — Она упала с лошади близ Крофтонского леса. Она всегда прекрасно умела обращаться с лошадьми… Но тогда, ночью… за нами гнались джорджо, мы мчались во весь опор в кромешной тьме… и лошадь угодила ногой в яму. Бесси вылетела из седла и упала… и только, понимаешь, она разбила голову…

Дойль долил себе, потянулся к бутылке с вином и наполнил стакан Ричарда.

— За наших любимых и незабвенных подруг, — проговорил Дойль тихонько, с нескрываемой нежностью в голосе; он с трудом подбирал слова — в горле стоял комок горечи, и на глаза наворачивались слезы.

Они опять осушили стаканы и опять наполнили… Дойль с удивлением обнаружил, что все

еще может отчетливо произносить слова, если только говорить медленно и тщательно готовиться к произнесению каждого слова — как в гольфе, тщательно примериваясь перед трудным ударом.

— Ребекка тоже разбила голову… — сообщил он цыгану, пытаясь справиться с вновь нахлынувшей горечью, — разбила голову, и шлем не помог. Шлем тоже разбился вдребезги. Она врезалась головой в столб на шоссе. Я вел, она сидела сзади. — Цыган понимающе кивнул. — Мы ехали на старенькой «Хонде», а улицы слишком мокрые, если везешь пассажира. Я ведь знал… да, знал, что может случиться, но мы спешили и ехали слишком быстро… Черт возьми! Ведь на ней же был этот проклятый шлем, и я уже много лет вожу мотоцикл. Я ехал узкими дорогами, и поэтому, когда ты выезжаешь на шоссе Санта-Ана от Бич-бульвар и мчишься по скоростной полосе, и я хотел попасть на более медленную полосу, и когда я отклонился вправо и поехал через разделяющие полосы столбики, я почувствовал, что мотоцикл… заскользил, потерял управление и… и вдруг удар, ужасное потрясение, как землетрясение, понимаешь? О-о… это было так неожиданно, я ничего не мог сделать.

И старая «Хонда» слишком тяжелая, и… просто опрокинулась. — Он отхлебнул большой глоток, в горле пересохло. — Ребекка вылетела из седла и упала. Я пролетел прямо вперед и проехался по асфальту, обдирая локти и колени… Машинам удалось затормозить и не переехать меня, и я поднялся и запрыгал на одной ноге назад — я сломал лодыжку, кроме всего прочего, — обратно к тому месту, где она упала. Ее голова…

Он раскручивал нить воспоминаний под аккомпанемент звяканья горлышка кувшина о край стакана.

— Не надо об этом, — прервал его Ричард, отодвигая кувшин, когда стакан наполнился до краев. — Я тоже видел то, что видел ты. — Он поднял стакан. — За Ребекку и Бесси.

— Да почиют в мире, — сказал Дойль. Когда стаканы со звяканьем опустились на стол, Ричард устремил тяжелый взгляд на Дойля:

— А ты ведь никакой не колдун. Да, я прав?

— О боже! Хотел бы я быть им.

— Кто-то из вашей компании наверняка колдун. Я видел, как два экипажа исчезли с поля. Раз — и нет их, как блохи.

Дойль угрюмо кивнул:

— Да. Они уехали без меня.

Цыган поднялся и бросил на стол соверен.

— На, возьми, — сказал он, — я скажу им, что преследовал чели, думал, что это ты и есть. Скажу, что, мол, мне пришлось его ударить и сбить с ног, но я понял, что ошибся. И мне пришлось купить этому парню выпивку, чтобы он не позвал копов и меня не упекли в каталажку.

Он повернулся и собрался уходить.

— Ты… — Дойль плохо соображал и не сразу понял смысл происходящего.

Цыган остановился и бросил на него неудобочитаемый взгляд.

— Ты меня отпускаешь? После того, как только выпил со мной? — Дойль чувствовал, что самое разумное в данной ситуации — просто заткнуться, но не мог заставить себя остановиться и вознамерился во что бы то ни стало выяснить все до конца. — Ты думаешь, что мое предложение… То, что я действительно могу сделать тебя богатым — блеф? Ты мне не веришь?

— Э-э, парень, я всегда думал, что вы, джорджо, настоящие идиоты! — с достоинством произнес Окаянный Ричард.

Он улыбнулся и направился к выходу.

* * *

Трепетный огонек свечи, мерцая, догорел в лужице растаявшего воска — аукцион закончился.

Победитель поднялся, чтобы заняться оформлением бумаг. Он казался скорее удивленным, чем довольным тем, что его предложение цены стало самым последним.

Дойль глянул на часы, и его пробрала дрожь — тридцать пять минут одиннадцатого. Он обвел взглядом помещение: никаких подходящих блондинов — ни с бородой, ни без оной. «Проклятие, — подумал Дойль, — этот сукин сын опаздывает. Мог ли я пропустить его за последние несколько минут? Нет, вряд ли. Он ведь не собирался просто войти и выйти. Насколько я понял, предполагалось, что он спокойно сядет и напишет эту свою треклятую поэму “Двенадцать Часов Тьмы”.

Лицо Дойля горело от возбуждения, во рту пересохло, его лихорадило. Ну что же, будем исходить из предположения, что Эшблес так или иначе не минует этого самого места. Подождем. И Дойль заказал пинту портера на два драгоценных пенни. Когда принесли заказ, часы показывали уже без двадцати одиннадцать. Хотя Дойль и старался

пить как можно медленнее — как, собственно, и приличествует пить укрепляющее лекарство, — очень скоро стакан был пуст, а часы отсчитали всего лишь третью четверть. Он почувствовал, что алкоголь ударил в голову, ведь у него не было во рту ни крошки вот уже почти сутки. Эшблес все еще не появился.

«А ну, соберись, нечего раскисать, — уговаривал себя Дойль. — Так, теперь кофе. Пива, пожалуй, хватит. Итак, нет никаких оснований для паники. Он просто немного запаздывает. Если подумать, в этом вовсе нет ничего столь уж удивительного, ведь подсчеты времени его приезда имеют более чем вековую давность, — в том виде, в каком ты читал их, — но мало того, они основаны на воспоминаниях Эшблеса, как их записал Бейли в 1830-е. В самом деле, небольшая неточность более чем возможна при таких обстоятельствах. Это вполне могло произойти и в одиннадцать тридцать. Это должно было быть в одиннадцать тридцать?» Дойль уселся и приготовился ждать.

Торги по поставкам и перепродаже грузов проходили столь же оживленно, и в один прекрасный момент представительный джентльмен, чрезвычайно выгодно продавший плантацию на Багамах, заказал для всех присутствующих по

стаканчику рома. Дойль поблагодарил случай и опрокинул выпивку в свое воспаленное горло.

Дойль начинал уже не на шутку сердиться. В самом деле, ему начинало казаться, что подобная беззаботность, чтобы не сказать хуже, показывает недостаток внимания и даже неуважение поэта к своим читателям. «Как это еще прикажете понимать? С высокомерной самонадеянностью заявлять, что он был, видите ли, в кофейне ровно в десять тридцать, и не позаботиться появиться аж до сих пор… Ну извольте видеть — время уже близится к полудню! О чем он вообще думает, если заставляет людей столько ждать? — размышлял Дойль достаточно озлобленно. — Еще бы, станет такой думать о других. Конечно, он ведь знаменитый поэт, друг Кольриджа и Байрона… А я кто такой? — Дойль мысленно попытался вызвать образ поэта, и благодаря усталости и лихорадке Эшблес предстал как живой, с пугающей ясностью галлюцинации — широкие плечи, резко очерченное львиное лицо и борода викинга. Раньше Дойлю казалось, что это лицо похоже на Хемингуэя, в основном благодаря выражению общительности и легкой насмешки, но сейчас поэт смотрел на него жестко и неприступно. «Наверное, он снаружи, стоит и ждет, чтобы меня

убить, до того как возникнет из воздуха и войдет, и напишет эту проклятущую поэму».

Эта мысль внезапно потрясла Дойля, и он остановил мальчика и попросил принести карандаш и несколько листов бумаги. И когда ему все принесли, начал записывать по памяти полный текст «Двенадцати Часов Тьмы». Сочиняя статьи о творчестве Эшблеса и потом, когда когда писал его биографию, Дойль читал поэму сотни раз и, несмотря на болезненное головокружение, теперь с легкостью мог воспроизвести каждое слово. К двенадцати тридцати он уже добрался до заключительной, невнятной и темной по смыслу строфы:

Он прошептал: «Бежали воды —
От сумерек и до восхода.
Поток
Бежал сквозь ночь.
Потом
Прошли часы его путем,
Его течение измерив,
Чрезмерное для страха мира.
А свет потоком тьму стремил,
И путники ночной страны

Поспешно отступали.
И свет мерцал под их стопами
Двенадцатью Часами Тьмы».

«Ну вот, — подумал он, и карандаш, выпав из руки, со стуком покатился по столу. — Теперь, когда этот сукин сын соблаговолит прийти, дабы в точности соблюсти исторические вехи собственной биографии, я просто-напросто суну ему в нос вот это и скажу: «Если вас заинтересуют эти записи, мистер Вильям Чертов-сын Эшблес, меня можно отыскать у Казиака, по такому-то адресу». Так-то вот».

Дойль аккуратно сложил листки и уселся поудобнее, приготовившись ждать хоть до второго пришествия.

* * *

Когда начались полоумные пронзительные вопли, Джеки бросилась по переулку к Кеньонскому Двору; старое кремневое ружье подскакивало, болезненно ударяло по лопатке. Она готова была поклясться, что не ошибается, потому что именно такие звуки она слышала тогда — и она опять прибежит слишком поздно. Она вырвалась из переулка в захламленный грязный двор и услышала

выстрел — звук выстрела отдавался эхом между полуразрушенными ветхими строениями.

— Проклятие, — тяжело дыша, пробормотала она. Под нечесаной завесой челки ее глаза метались, стараясь ухватить все — от младенца, только начинавшего ходить, до старухи, покидающей двор, — но все население квартала, казалось, спешило к дому, из которого раздался выстрел; слышались выкрики, вопросы; все толпились в ожидании, подняв лица к пыльным мутным окнам.

Джеки бежала стремглав, увертываясь и работая локтями, ловко прокладывая дорогу через шумную толпу к передней двери дома, и, ни на кого не обращая внимания, втиснулась внутрь. Она закрыла за собой дверь и задвинула засов.

— Кто ты такой, черт побери! А ну, отвечай! — раздался несколько истерический голос. Грузный человек в фартуке пивовара стоял на первой площадке лестницы в дальнем конце комнаты. Дымящееся ружье в правой руке казалось каким-то посторонним предметом, который он еще не заметил, как и пятнышки горчицы на усах, и ружье просто мешало ему размахивать правой рукой, но зато левая рука выделывала какие-то бессмысленные жесты.

— Я знаю, что именно вы только что убили, — тяжело выдохнула Джеки. — Я убил одного сам. Но сейчас это не важно. Кто-нибудь из ваших домашних находится сейчас вне дома? Кто-нибудь покидал дом за последние несколько минут?

— Что? Есть проклятая обезьяна наверху! Я только что пристрелил эту тварь. Боже мой! Никого из семьи нет в доме, благодарение всем святым! Моя жена сойдет с ума, когда узнает.

— Очень хорошо… Так что, вы говорите, эта обезьяна делала, когда вы пристрелили ее?

— Так ты хозяин этой твари? Ах ты, сукин сын, да я тебя в тюрьму упеку за такие штучки! Как ты мог позволить дикому зверю разгуливать на свободе и вламываться в дома честных граждан!

Он начал спускаться со ступеней.

— Нет, он не мой, — сказала Джеки громко, — но я видел другого, такого же, как этот. Что он делал?

Человек прислонил ружье к стене и теперь имел возможность размахивать двумя руками.

— Оно… Иисусе Христе! Эта тварь страшно вопила, как будто горит в огне, и изо рта сочилась кровь, и оно пыталось забраться в кровать моего сына Кенни. Проклятие, оно все еще там — матрац будет совсем…

— Где сейчас Кенни? — прервала Джеки.

— О, он не собирался скоро возвращаться домой. Может быть, придет через несколько часов. Я…

— Черт побери! Да ответьте же мне наконец, где Кенни? — заорала Джеки. — Он в ужасной опасности!

Человек уставился на нее:

— Обезьяны следуют за Кенни? Я так и знал, что случится что-нибудь в этом роде. Он в «Лающем Ахаве», там, за углом, в переулке Миноритов.

Джеки выскочила из дверей и побежала по переулку. «Ты, жалкий ублюдок, — думала она, — да будет благословенно твое неведение, надеюсь, ты никогда не узнаешь, что собственными руками застрелил своего Кенни, не узнав его в чужом и покрытом шерстью теле, и застрелил в тот самый момент, когда он пытался забраться в свою постель».

Переулок Миноритов был перекрыт шеренгой фургонов, везущих тюки старой одежды с Биржи Старьевщиков на Катлер-стрит к Лондонскому мосту, и Джеки подбежала к ближайшему фургону, вскарабкалась по доскам сбоку и с этой привилегированной позиции осмотрела улицу. Да, вот оно — качающаяся вывеска с нарисованным человечком ветхозаветного обличья, голова

откинута назад, и рот открыт в виде буквы «О». Она соскочила вниз с фургона под крики кучера о том, что его грабят, и взяла прямой курс к «Лающему Ахаву».

Хотя дверь была открыта и ветерок колыхал занавески на окнах, пожелтевшие от табачного дыма, таверна сильно пропахла дешевым джином и солодовым пивом. Хозяин раздраженно поднял глаза от стойки, когда Джеки с грохотом ввалилась внутрь, но тут же неуверенно улыбнулся, когда вновь пришедший, задыхаясь и выпучив глаза, бросил на стойку полсоверена.

— Здесь должен быть один парень, Кенни. Живет около Кеньонского Двора. Он пьет здесь? — выдохнула Джеки.

«Будь здесь, Джо, — подумала она, не уходи пока».

За ее спиной раздался голос:

— Эй, парень, что ты тут вынюхиваешь? Может, ты легавый?

Она обернулась и посмотрела на четверых бедно одетых парней за столиком в углу.

— Разве я похож на легавого, ребята! Вы не так поняли, просто у его отца неприятности, и он послал меня за Кенни.

— А, ладно. Возможно, Кенни уже слышал об

этом. Пять минут назад он вдруг вскочил и опрометью бросился бежать, как будто вспомнил, что забыл обед на плите.

— Да, он был явно не в себе, — вступил в разговор другой, — я только входил, а он отпихнул меня, даже не взглянув. А ведь старого приятеля, с которым дружишь уже десяток лет, принято приветствовать немного по-другому.

Джеки почувствовала внезапную слабость:

— Пять минут назад?

«Теперь Джо может быть в полумиле отсюда, — подумала она, — в любом направлении, и я никогда не получу достаточно хорошее описание Кенни, чтобы быть полностью уверенной, что это он, даже если я его и найду. И даже если бы я была уверена и нашла его, я не могу застрелить его просто потому, что я почти уверена, что Кенни был застрелен в своей собственной постели и что его тело в настоящий момент занято Джо — Песьей Мордой. Я должна сначала как-нибудь это выяснить, как-нибудь заставить его выдать себя. Возможно, однажды я смогу убить его почти наверняка, но только не сейчас — не сразу после того, как я почти продырявила бедного старину Дойля».

Ну что же, сейчас у нее хотя бы есть точное

описание Кенни — маленького роста, толстый, волосы рыжие. А теперь пора уходить отсюда. «Ладно, теперь я знаю, как будет выглядеть Джо — Песья Морда следующую неделю или две».

Если судить по тем местам, где «обезьяна» имеет тенденцию появляться, то, видимо, Джо — Песья Морда предпочитает Ист-Энд, возможно, потому, что там исчезновением людей никого не удивишь, и в этом районе проще уйти от преследования, затерявшись среди многочисленных переулков, дворов, тупиков и мостиков между крышами в трущобах. Да и любую неправдоподобную историю, случившуюся в Ист-Энде, вряд ли кто-нибудь воспримет всерьез, ведь почти все, что выходит за рамки обычного, здесь проще всего объяснить пьянством, употреблением опиума или сумасшествием. Как бы то ни было, следующие пару недель надо обследовать дешевые меблирашки в районе Уайтчепел и Гудмен-филдс и спрашивать низенького, толстого, рыжеватого молодого человека, у которого нет близких друзей. Он немного простоват и говорит о бессмертии с каждым, кто захочет его слушать. И скорей всего, ему регулярно приходится брить лоб и руки, ведь тело Кенни начало обрастать шерстью сразу же, как в него переселился Джо

— Песья Морда.

«А интересно все-таки, что он такое, — думала Джеки, — и откуда он пришел?» От этих мыслей ее пробрала дрожь, и она понуро побрела в восточном направлении к знакомому пабу, где она могла бы спокойно посидеть немного, заказав двойную порцию бренди. Это был ближайший паб, куда могла забрести ее добыча, и ей живо вспомнился рассказ отца Кенни. Она ведь точно так же, как и он, расправилась с покинутым телом Джо — Песьей Морды. И это тоже истекало кровью. Кровь сочилась изо рта. Это всегда так происходит с покинутыми телами? И если да, то почему?

Она остановилась, внезапно побледнев. Ну да, конечно же, всегда! Старина Джо не желает, чтобы новый постоялец его покинутого тела мог что-нибудь сказать, прежде чем яд убьет его. Перед тем как… выйти из тела, он должен вдобавок к смертельной дозе яда вырвать язык… ну или сделать что-то в этом роде, чтобы новый владелец точно не мог говорить.

Джеки, которая читала и восхищалась Мэри Уоллстонкрафт, а значит, презирала в женщинах любое проявление беспомощности, вдруг поняла, что вот-вот упадет в обморок.

* * *

Кофейня «Джамайка» закрывалась в пять часов, и Дойль очутился на тротуаре у входа, причем выпроводили его не слишком вежливо. Он бесцельно побрел по переулку и некоторое время постоял на тротуаре Треднидл-стрит, отсутствующе разглядывая фасад Английского Банка и толпу на улице. В руке он сжимал исписанные листки.

Эшблес так и не появился.

Сотни раз за этот длинный день Дойль мысленно просматривал исторические источники, на которых основывалась его уверенность, что Эшблес обязательно придет: в биографии Бейли совершенно однозначно говорилось, что это была кофейня «Джамайка», десять тридцать утра, вторник, одиннадцатое сентября 1810 года. Ну разумеется, биография Бейли основывалась на воспоминаниях самого Эшблеса через много лет. Но Эшблес представил поэму на рассмотрение в «Курьер» в первых числах сентября, и Дойль не только читал об этом, но на самом деле держал в руках сопроводительное письмо в «Курьер».

«Я написал «Двенадцать Часов Тьмы» во вторник, одиннадцатого прошлого месяца, — писал Эшблес, — в кофейне «Джамайка» близ Биржи,

и основная тема поэмы навеяна моим недавним долгим путешествием...» Да будь оно все проклято! Эшблес вполне мог перепутать дату через десять или двадцать лет, но едва ли мог ошибиться меньше чем через месяц! И особенно если он столь точно указывает день недели и число.

Низенький, толстый, рыжий парень уставился на него с угла у Королевской Биржи, и Дойль, уже наученный проявлять осторожность в отношении незнакомцев, целеустремленно направился к Лондонскому мосту и дальше — через реку к Казиаку.

Мог ли Эшблес намеренно лгать? Но зачем бы он стал это делать? Дойль украдкой посмотрел назад, но рыжий парень вроде бы за ним не увязался. «Тебе лучше расслабиться, — сказал он себе, — стоит кому-нибудь на тебя посмотреть, как ты уже думаешь, что это агенты Хорребина». Ну ладно, подытожил он свои размышления, остается только ждать, что будет дальше.

«Полагаю, что следующее достоверное событие в хронологии Эшблеса — это когда он видел, как застрелили одну из Танцующих Обезьян в Биржевом переулке, в кофейне, в субботу, двадцать первого этого месяца. Но я не могу ждать полторы недели. За это время моя пневмония зайдет

слишком далеко. Боюсь, что даже медицина двадцатого века уже ничего не сможет сделать.

Я должен — боже, помоги мне! — должен искать подход к доктору Ромени». От одной только мысли о докторе Ромени ему стало совсем плохо. «Может быть, если я… ну не знаю… если я подвешу на шею пистолет на ремне, и буду держать палец на спусковом крючке, и скажу ему: «Мы договоримся об условиях сделки, или я разнесу себе голову, и ты уже никогда не узнаешь то, что хочешь узнать…» Рискнет ли он проверить, блеф это или нет? И рискну ли я так блефовать?»

Он миновал узкую улочку Элдгейт и увидел, как кто-то, насвистывая, прошел по шаткому мостику между крышами. Дойль замедлил шаг и прислушался. Знакомый мотив, и такой грустный и ностальгический, словно специально выбран как музыкальное сопровождение его вечерней одинокой прогулке. Черт возьми, что же это за песня? Что-то очень знакомое, отсутствующе размышлял он, продолжая идти. Это не Green sleeves, и не Londonderry air…

Он застыл, вытаращив глаза от такого потрясения. Это Yesterday, песня «Битлз», Джона Леннона и Пола Маккартни.

Мгновение он просто стоял, не в силах сдви-

нуться с места, ошеломленный, как Робинзон Крузо, увидевший на песке человечьи следы.

Потом побежал назад.

— Эй! — вопил он, оказавшись под маленьким мостиком, хотя на мостике сейчас никого не было. — Эй, вернись! Я тоже из двадцатого века!

Прохожие смотрели на него как на сумасшедшего, но на уровне крыш никто не показался. Чертыхнувшись, Дойль отчаянно заорал:

— Кока-кола, Клинт Иствуд, «Кадиллак»!

Он вбежал в здание и, спотыкаясь, на ощупь стал подниматься по темной лестнице. Ему даже удалось найти открытую дверь на крышу, но там уже никого не было. Он прошел по мостику и дальше вниз по лестнице другого дома. Дойль запыхался, но упорно напевал Yesterday так громко, как только мог. Он выкрикивал строчки песни, заглядывая во все коридоры, но это не вызвало никакой ответной реакции, если не считать, конечно, вполне оправданного недовольства жильцов. Никто не знал, что это за песня.

— А ну, заткнись! — прокричал один очень удивленный старик, который, видимо, думал, что поведение Дойля имеет только одну цель — расстроить именно его. — Если ты немедленно отсюда не уберешься, я тебя сейчас так успо-

кою! — И старик погрозил Дойлю кулаком.

Дойль поспешил вниз, пробежал последний пролет лестницы и открыл дверь на улицу. Сейчас он уже сомневался, что действительно слышал именно этот мотив. «Возможно, я просто слышал что-нибудь похожее, — думал он, закрывая за собой дверь. — И я так сильно хотел поверить, что кто-нибудь еще нашел дорогу в 1810-й, что уверил себя в том, что слышу песню «Битлз».

Небо над крышами было пасмурным, сумерки сгущались, скоро совсем стемнеет. Дойль поспешил к Лондонскому мосту. «Я не хочу опоздать, моя смена в конюшне Казиака в шесть тридцать, — вяло размышлял он. — Мне нужна эта работа».

* * *

Необлетевшая листва на Блумсбери-сквер сверкала золотом и багрянцем в лучах осеннего солнца. В полдень, в четверг, Ахмед Нищий Индус вышел из пивной и с тоской посмотрел на солнце, на траву, на деревья, потом вытер пивную пену с приклеенной бороды и усов и решительно свернул налево — к Мейнард-стрит и Крысиному Замку.

Ветер из сердца трущоб Сент-Джайлс доносил

запахи сточных канав, запах дыма и отбросов, разрушая хрупкое очарование этого уголка Лондона.

Джеки не была в Крысином Замке с той самой ночи, пять дней назад, когда она последовала за доктором Ромени к подземной пристани, намереваясь убить Джо — Песью Морду. Сейчас ей захотелось проверить, удалось ли еще кому-нибудь преуспеть в поисках этого покрытого шерстью оборотня.

Когда Джеки свернула направо, в узкую темную расщелину, еще вдобавок сужающуюся кверху — на уровне крыш она была значительно уже, чем внизу у мостовой — именно такой была Мейнард-стрит, — маленький мальчик высунулся из сломанного дока для погрузки товаров на третьем этаже заброшенного пакгауза. Под пиратской треуголкой его рыбьи глаза следили за еле волочившим ноги Ахмедом Нищим Индусом, и почти безгубая щель рта раздвинулась в подобии улыбки.

— Ахмед, — прошептал мальчик, — теперь ты мой.

Веревка все еще свисала с ржавого блока под нависающей крышей тремя этажами выше. И осталась она там только потому, что висела

слишком далеко от стены — никак не зацепить, высунувшись из доков на каждом этаже, да и снизу с тротуара никак не дотянешься до свисающих концов веревки — слишком высоко. И, побуждаемый безмерностью награды, которую посулил Хорребин, ребенок вскочил на доску, на которую до этого опирался руками, прыгнул через два ярда пустоты и уцепился за старую веревку.

Блок проржавел почти полностью, но, к счастью, мальчик все-таки не переломал себе ноги, когда приземлился на мостовую тремя этажами ниже, хотя его здорово стукнуло о кирпичную стену по пути вниз. Он, сидя на мостовой, смотал кольцами негнущуюся задубевшую веревку, которая не хотела слушаться и вырывалась из рук, хлопая по булыжникам. Потом он надвинул шляпу на глаза, вскочил и ринулся за Ахмедом. В это самое время из подвала появилось трио старух и начало базарить, кто посмел стащить веревку. Ахмед шел вдоль низкой стены, и мальчик забрался на стену, побежал по гребню и спрыгнул на спину Нищего Индуса, вереща, как обезьяна.

— Я поймал Ахмеда, — вопил он. — Пошлите за Хорребином!

Привлеченные шумом, из дверей Крысиного Замка вышли несколько мужчин, и какое-то,

правда, весьма непродолжительное время они созерцали чудо шатающегося Индуса с визжащим ребенком, усевшимся ему на спину и вцепившимся ему в горло, затем они подбежали и схватили Индуса за руки.

— Ахмед, — проникновенно сказал один из них, — клоун очень хочет с тобой потолковать.

Они попытались отцепить мальчишку, но тот только сильнее вцепился ногтями в Ахмеда.

— Эй, Сэм, — наконец сказал один, — оставь это. Он никогда не даст вознаграждение ребенку.

Джеки старалась не паниковать. «Если удастся дотянуться до тюрбана, я смогу, возможно, вытащить пистолет и убить одного из этих людей и, может быть, даже сброшу этого кошмарного ребенка со спины», — думала она.

Вертящееся переплетение людей было теперь лишь в нескольких шагах от Замка, и она дотянулась до тюрбана, нащупала рукоять пистолета и рванула вниз — тюрбан тоже свалился, запутавшись вокруг дула — и она двинула им в ребра того, что справа, и нажала спусковой крючок.

Боек пошел вниз на ударник, сдетонировал, открывая полку, но искры не высек — помешала попавшая ткань чалмы. Она вырвала ткань и, пока человек кричал: «О господи, пистолет! Хва-

тай его!» — вскинула пистолет и опять потянула спусковой крючок. Посыпались искры, но весь порох высыпался, и пистолет не выстрелил, и почти сразу же тяжелый кулак впечатался в живот Джеки, и проворный башмак выбил пистолет из ее руки.

Пистолет клацнул о камни мостовой, и этот гаденыш на спине, очевидно, решивший взять, что само шло в руки, и плюнуть на остальное, спрыгнул на землю, схватил пистолет и удрал. Двое подняли сложившегося пополам, задыхающегося Нищего Индуса: «А ведь какой легкий, козел, ну надо же!» — и втолкнули его внутрь.

Хорребин всего несколько минут назад вернулся в Замок и только начал расслабляться, покачиваясь на своих качелях, а Данги еще даже не успел увезти сложенный балаган Панча, когда они втащили в комнату Ахмеда.

— Ах! — воскликнул клоун. — Хорошо работаете, мальчики! Ну вот и беглый Индус наконец-то.

Они опустили Джеки на пол напротив качелей, и Хорребин склонился к нему и ухмыльнулся:

— Куда ты дел Американца в субботу ночью?

Джеки пока могла только ловить ртом воздух.

— Он нам пистолетом угрожал, ваша честь, — объяснил тот, кто врезал Джеки под дых. — Я был

вынужден его заткнуть.

— Вижу. Ладно, ну так… Данги! Принеси мне ходули!.. ну так заприте его в подземелье. Это ведь у доктора Ромени много вопросов, и… — добавил клоун с гнусной ухмылкой, — средств, чтобы заставить на эти вопросы отвечать.

* * *

Это была довольно необычная процессия. Сначала они спустились на четыре пролета лестницы — каждый на век древнее предыдущего — и прошли сотню ярдов по подземному коридору. Во главе процессии хромал горбатый карлик Данги и нес над головой коптящий факел. За ним маршировали двое, конвоируя Ахмеда в одеянии из ситцевой занавески с неизменной фальшивой бородой и богатырскими усами. Его лицо было совершенно серым от страха, даже несмотря на коричневую краску из скорлупы грецкого ореха. Замыкал шествие Хорребин, которому пришлось идти, согнувшись на своих ходулях, чтобы не задевать колпаком своды подземелья.

В конце концов они проследовали через арку и оказались в необъятной пещере. Факел Данги освещал древние сырые камни свода и ближней стены, если, конечно, там таковая была, но все

остальное терялось в кромешной тьме. Судя по эху, помещение было очень большим. Процессия прошла несколько шагов и остановилась. Джеки слышала, как капает вода, и еще — она была уверена в этом — едва уловимый взволнованный шепот.

— Данги, — сказал Хорребин; здесь даже клоун говорил как-то напряженно, — ближайшая вакантная комната для гостей… Подними крышку. И поторапливайся.

Карлик заковылял дальше, по-прежнему во главе процессии, указывая дорогу остальным. Через двадцать футов он остановился и поднял маленькую чугунную крышку с дыры в полу. Он присел на корточки, стараясь устроиться так, чтобы и голова, и факел оказались как можно ближе к дыре, но в то же время опасаясь, как бы не поджечь свою засаленную шевелюру.

— Никого нет дома. — Он закрепил факел меж камней, схватился обеими руками за железную скобу в углублении пола, переставил ноги поудобнее и рванул вверх. Целая каменная плита поднялась, очевидно, на петлях, открывая круглую дыру трех футов в поперечнике. Плита зафиксировалась под углом чуть больше девяноста градусов, и карлик облегченно вытер пот

со лба.

— Твоя камера ждет, Ахмед, — сказал Хорребин. — Если ты повиснешь на руках и спрыгнешь вниз, то это будет всего лишь шесть футов до пола. Ты сам спустишься или тебе помочь?

Конвоиры подвели Джеки к яме, отпустили ее и отошли на несколько шагов. Она заставила себя улыбнуться:

— Когда обед? Кстати, здесь принято переодеваться к обеду?

— На ваше усмотрение, можете поступать, как вам будет угодно, — процедил сквозь зубы Хорребин. — Данги уронит обед на тебя ровно в шесть. Ну хватит болтать, забирайся туда.

Джеки глянула на тех двоих, которые конвоировали ее, прикидывая, сможет ли она прорваться между ними, но те поймали ее взгляд и отступили назад, расставив руки. Она уныло уставилась на яму и вдруг поняла, что сейчас расплачется.

— А там… — у нее перехватило дыхание, и она с трудом сдерживала слезы, — там есть крысы… там, внизу? Или змеи? — «Я всего лишь напуганная девчонка», — хотелось ей закричать, но она знала, что такое разоблачение только ухудшит дело и прибавит ей неприятностей.

— Нет, нет, — заверил ее Хорребин. — Все кры-

сы или змеи, которые могли туда пробраться, сожраны другого рода существами. Сэм, похоже, он не хочет сделать это сам, столкни-ка его туда.

— Подождите… — Джеки осторожно села на край ямы — ноги в сандалиях повисли в пустоте, не находя опоры. Она надеялась, что другие не заметят, как ужасно дрожат ее ноги под ситцевым балахоном. — Я сейчас, мне не требуется ваша… любезная помощь.

Она наклонилась вперед и ухватилась за противоположный край. Помедлив немного, она сделала глубокий вдох, затем соскользнула вниз и повисла на руках.

Она посмотрела вниз и не увидела ничего, кроме сплошной темноты, самой темной темноты, какая только может быть. Пол, вероятно, в трех дюймах под ее пальцами… или в трех сотнях футов.

— Сбрось его руки, — сказал Хорребин.

Она должна это сделать, прежде чем ее скинут туда…

…нескончаемый миг свободного падения — и она приземлилась на грязную землю, ухитрившись вдобавок стукнуться коленями о подбородок. Что-то зашуршало, разбегаясь во все стороны. Посмотрев вверх, она увидела каменную плиту,

на мгновение появившуюся в красном свете факела, но вот с ужасающим грохотом плита упала на прежнее место; еще несколько мгновений можно было видеть крошечный квадрат тусклого красного света наверху, но потом кто-то надвинул чугунную крышку на дырку-глазок, и Джеки оказалась в совершенно дезориентирующей темноте.

Какое-то время она сидела неподвижно, только дышала открытым ртом и слушала. Когда она упала в эту яму, близкое эхо падения указало, что камера не может быть больше чем пятнадцать футов в поперечнике. Но после тысячи бесшумных вдохов Джеки уже считала, что камера гораздо шире, что это и не камера вовсе, а безбрежная равнина. Казалось, она слышит шум ветра вдалеке, пробегающий по кронам деревьев, и отовсюду доносится едва уловимое пение, печальный хор, блуждающий где-то там по бескрайней равнине…

Она уже усомнилась, что действительно видела каменные своды над головой — разумеется, это не могло быть ничем иным, кроме извечного черного неба, в котором все видимые звезды — о боже, наверное, так и было всегда! — все звезды всего лишь блики на сетчатке…

Она даже не слишком удивилась такому открытию, решив, что это очень интересно. Впрочем, если пойти дальше в этом направлении, не менее интересен следующий вопрос: а как быть в таком случае с шумом прибоя? Наверное, шум прибоя всегда был всего лишь тихим шелестом ее собственного дыхания, спроецированным на определенный вид колебаний воды… Она уже поняла, что еще немного, и обнаружатся более фундаментальные сомнения в надежности привычных представлений, как вдруг реальный шум вырвал ее из затягивающей воронки самоанализа. Шум… Нет, не шум, всего лишь едва уловимое царапанье, но он прозвучал пугающе громко в этой безмолвной бездне, и это он вернул размер ее камеры к первоначальной оценке: пятнадцать футов в ширину.

Странный звук: как будто сдвигают крышку люка, но когда она посмотрела вверх, то не увидела ничего, даже квадрата менее темной темноты. Она замерла на мгновение и услышала чье-то дыхание, потом невнятный свистящий шепот.

— Кто там? — осторожно спросила Джеки. «Должно быть, это всего лишь Данги с моим обедом», — попыталась она себя убедить.

Опять перешептывание, и кто-то захихикал.

— Впусти нас, дорогая. — Шепот стал более отчетливым. — Впусти нас внутрь, сестру и меня.

Джеки почувствовала, как по щекам бегут слезы. Она добралась до стены и привалилась к ней спиной.

— Нет, — всхлипнула она. — Уходите.

— Мы принесли тебе дары, дорогая, — золото и брильянты, это все то, что люди потеряли в сточных трубах за долгие-долгие времена. Это все для тебя, в обмен на две вещи, которые тебе никогда больше не понадобятся так же, как и твои куклы стали не нужны тебе, когда ты выросла и превратилась в юную леди.

— Твои глаза, — прошептал второй голос.

— Да, да, конечно, — отозвался первый. — Только твои глаза, так, чтобы мы с сестрой могли каждая получить по одному глазу, и тогда мы поднимемся по всем этим ступеням, которые здесь есть, и возьмем корабль на Хай-маркет, и будем танцевать прямо под солнцем.

— Скоро, — прокаркал другой голос.

— О да, уже скоро, дорогая, потому что тьма твердеет, твердеет как толща ила, и мы хотим выбраться отсюда до того, как она обратится в камень, — нет, мы не хотим навеки остаться в ней.

— Нет, не в ней… — вмешалась вторая.

— Нет, не в ней, мы не хотим с моей прелестной сестрицей быть навеки закованы в камень, которым станет затвердевшая тьма! Открой дверь, дорогая!

Джеки забилась в угол. Она старалась не дышать, искренне надеясь, что каменная плита, когда падала обратно, заклинилась намертво и никто уже никогда не сможет ее поднять.

И тут-то она услышала приближающиеся шаркающие шаги, и два голоса залопотали в испуге.

— Один из твоих собратьев идет, — сказал первый голос. — Но мы скоро вернемся… скоро.

— Скоро… — эхом отозвался второй голос. Все стихло. Потом слабый звук — словно листья ветер гонит по мостовой, и Джеки увидела наверху в глазке открытого люка красное свечение — все ярче и ярче. И вот она уже слышит, как Данги насвистывает дурацкую песенку, ту самую, которую Хорребин всегда заставлял его петь.

Через несколько мгновений в отверстии люка появилось лицо Данги и факел.

— Как это тебе удалось сдвинуть крышку? — спросил карлик.

— Ох, Данги, — пролепетала Джеки, попытавшись встать и пошатываясь — ноги почему-то как ватные, совсем не слушаются. Она встала

прямо под отверстием, чтобы Данги мог ее лучше видеть — сейчас она была рада любому человеческому существу. — Это не я. Это какие-то две мерзкие твари, они сказали, что они сестры. Это они сдвинули крышку люка, и они предлагали мне сокровища в обмен на мои глаза.

Джеки видела, что карлик напряженно всматривается в темноту ямы, но, учитывая расстояние от люка до пола ее камеры, бесполезность такого осмотра вполне очевидна.

— Ох-хо-хонюшки… — сказал он наконец. — Здесь внизу водится всякая такая нечисть. Плоды неудачных экспериментов Хорребина… — о черт! — да здесь, пожалуй, еще ползают и те, кого я сам сотворил… — Он опять посмотрел вниз, в темноту ямы. — Доктор Ромени и Хорребин считают, что ты из команды, работающей против них. Это так?

— Нет.

— Я тоже думаю, что нет. Но вполне достаточно, что Хорребин так думает. — Карлик явно колебался, говорить дальше или не стоит. — Если я… выпущу тебя, ты мне поможешь убить его?

— Ну разумеется, Данги, буду очень рад, — искренне сказала Джеки.

— Обещаешь?

Карлик мог запросить практически любую цену, и Джеки бы заплатила.

— Я обещаю. Да.

— Хорошо. Но если мы собираемся работать вместе, ты должен перестать называть меня Данги. Меня зовут Теобальдо. Называй меня Тэй. — Лицо карлика исчезло, и Джеки услышала, как он мычит от натуги, пытаясь сдвинуть плиту, потом плита поддалась, и карлик заглянул вниз сквозь расширившееся отверстие, в руках у него была крепкая палка с намотанной посередине длинной веревкой, один конец веревки свободно болтался. — Надеюсь, ты сможешь подняться по веревке, — сказал Теобальдо.

— Конечно, — поспешила уверить его Джеки, но про себя подумала: «Вот мы скоро и выясним, смогу я или нет».

Карлик положил палку поперек отверстия и скинул веревку вниз. Быстро размотавшись, веревка упала кольцами у ног Джеки. Сделав глубокий вдох, она подошла к веревке, ухватилась покрепче, стараясь дотянуться как можно выше, и попробовала подтянуться на руках…

Еще несколько перехватов, и вот — не прошло и двух секунд, как одна рука, а еще через мгновение — уже обе руки ухватились за палку.

— Хватайся за край плиты, — сказал Теобальдо. Джеки с удивлением обнаружила, что ей каким-то образом удалось подтянуться на руках и выкарабкаться из ямы без опоры для ног. Выбравшись из ямы и встав на ноги, она мрачно уставилась на своего спасителя: она вдруг вспомнила, при каких обстоятельствах слышала имя Теобальдо.

— Раньше ты был здесь за главного, — спокойно сказала она.

Старый карлик оценивающе на нее глянул, продолжая сматывать веревку.

— Да, это так.

— Я слышал, что… что раньше ты был высоким.

Карлик уселся на бухту смотанной веревки и поставил ноги на противоположный край дыры. Он поднял руки и неохотно сказал:

— Подтолкни-ка эту штуку, а? Я попробую подхватить и тихонько опустить плиту на место. Предполагалось, что я принес тебе обед, а обед ведь можно опустить и через люк, верно? Незачем трогать плиту. Поэтому, если они услышат, как с грохотом падает плита, они все сбегутся.

Джеки встала поустойчивее, заклинив ноги в сандалиях в выемках между булыжниками, и,

поднатужившись, приподняла плиту.

Карлик принял вес плиты на протянутые ладони и под тяжестью плиты пригнулся к земле, потом сделал несколько глубоких вдохов, чуть-чуть приподнял и перехватил снизу край плиты. От страшного напряжения его губы побелели и на лбу выступил пот, руки дрожали. Он медленно опускал плиту, потом разжал руки и поспешно отскочил. Плита упала на место — с лязгом захлопнувшейся двери.

Тэй, тяжело дыша, опустился на пол.

— Так… ладно, — выдохнул он. — Они… не услышат. — Он с огромными усилиями, кряхтя и охая, поднялся на ноги. — Да, я был высоким когда-то. — Он поднял факел и посмотрел на Джеки. — Ты колдовать умеешь?

— Боюсь, что нет.

— Ладно, мы его перехитрим. Сейчас я вернусь туда, наверх, и скажу ему, что ты хочешь поговорить. Но только не с доктором Ромени — ты боишься, что Ромени все равно убьет тебя, даже если ты ему все расскажешь. Я скажу, что ты хочешь купить себе свободу. Ты можешь рассказать Хорребину так много, что он будет так же силен, — черт, нет, не так же! — гораздо сильнее, чем доктор Ромени. У тебя есть Слова Власти,

скажу я. Он стал неплохим чародеем — Хорребин, я имею в виду. Да, неплохим чародеем, целых восемь лет он был правой рукой Ромени, и все эти восемь лет он хотел, чтобы старик дал ему хотя бы одно Слово Власти или лучше — два. Ромени никогда этого не делал. Ну и мы скажем, что твоя команда знает все о планах Ромени в Турции. Да, да — в Турции, потому что это тоже не дает покоя Хорребину. Но Ромени не говорит Хорребину ничего, вернее — почти ничего, только то, что тому необходимо знать, чтобы покончить с Лондоном. Йо-хо-хо… — сказал старик уныло, — на это он обязательно клюнет. Конечно, Хорребин спросит, почему ты позволил себя схватить, если ты такой замечательный колдун, но тут-то я как раз имею что сказать. Я скажу ему, что ты сказал… ну не знаю… допустим, что звезды как раз сейчас не благоприятствуют таким вещам. Ведь правда, здорово!

— Да вроде бы… Но зачем так сложно? — немного нервно спросила Джеки, уже пожалев, что дала обещание помогать ему в этом рискованном предприятии.

— А затем, чтобы он оказался здесь внизу один, — прокудахтал Тэй, — один, без своих мордоворотов-охранников. Он не захочет, чтобы

они слышали Слова Власти или хотя бы только заподозрили, что он якшается с врагами Ромени.

— И что мы будем делать, когда он придет сюда? Убьем его? — Хотя Джеки и была рада, что выбралась из ямы, сейчас ей стало очень не по себе. — У тебя есть пистолет?

— Нет, но это не важно. Пистолет тут не поможет. Одно из заклинаний доктора Ромени дает ему магию, отражающую пули. Я видел, как в него стреляли в упор, но пуля так и не коснулась его, только окно поодаль вдребезги разлетелось. И я дважды видел, как занесенный нож остановился в дюйме от него и сломался, будто наткнулся на что-то, все выглядело так, словно на нем костюм из толстого прозрачного стекла. Единственный раз, когда видели, что его можно ранить, — это было пару лет назад. Он отправился на Хэмпстедскую пустошь объяснить городские дороги цыганам. В то время они думали, что цыгане могут быть полезны в организации ограблений. И цыган, которому не пришлась по душе эта идея, сказал Хорребину: «Бенг». Да, так он сказал, а это значит — дьявол, и этот цыган подскочил, вырвал из земли кол от шатра и вонзил этот кол в ногу клоуна. Так вот, этот кол не отразился и не остановился в считаных дюймах от его ноги

— нет, он проткнул ногу насквозь, и из клоуна хлынула кровь, так, будто бурдюк с вином проткнули, и он чуть было не упал с ходулей, и если бы цыган успел нанести еще один удар, он вывел бы клоуна из игры.

Джеки с сомнением кивнула:

— А что такого особенного было в той палке от шатра?

— Земля на ней, парень, вот что такого особенного в этой палке, — проворчал Тэй. — До того как доктор Ромени сделал Хорребина магом, этот клоун не разгуливал весь день на ходулях. Но, связав свою судьбу с магией, ты… ну как бы расплачиваешься за это. Вернее будет сказать — магия назначает цену… Словом, ты теряешь связь с землей — с почвой, с грязью. Прикосновение к земле ужасно болезненно для всех этих магических мальчиков, которые любят побаловаться магией. Именно поэтому Ромени носит такие башмаки на пружинах, а Хорребин ходит на ходулях. Их магия не работает на грунте, и поэтому грязный кол разорвал его чары, как паутину. — Карлик вытащил кинжал из-под своего бесформенного одеяния и протянул Джеки. — Здесь достаточно грязи между булыжниками. Вотри побольше в лезвие и спрячься подальше от этого места,

где-нибудь в углу. Когда он склонится над ямой, я собью его с ног, тем временем подоспеешь ты и зарежешь его — вот, собственно, и все. Подземный док — там, через арку, и мы убежим по подземной реке. Все понятно?

— Что нам мешает просто убежать? Прямо сейчас? — усмехнувшись, спросила Джеки. — Я хочу сказать, зачем нам идти на риск с этим покушением?

Тэй сердито нахмурился:

— Ладно, сейчас объясню. Во-первых — потому что ты обещал. Но у меня есть в запасе аргументы и получше. До Темзы по подземному каналу никак не меньше двадцати минут, и если я не вернусь наверх достаточно быстро, он пошлет вниз людей посмотреть, что происходит. А когда они выяснят, что мы удрали, он велит своим парням бежать нам наперерез, спуститься в коллектор и перехватить нас по дороге к Темзе. Но если мы убьем его, — особенно если, прежде чем спуститься сюда, он прикажет ни в коем случае ему не мешать, — и если мы спрячем тело, еще несколько часов его никто не хватится.

Джеки удрученно кивнула, присела на корточки, набрала пригоршню грязи и натерла лезвие с обеих сторон.

— Хорошо. Ты будешь стоять там. — С огромной неохотой Джеки, оскальзываясь на булыжниках, пробралась к тому месту, куда указал Данги — примерно в двадцати ярдах от карлика. — Нет, я все еще тебя вижу. Дальше! Да, так. Нет, пожалуй, еще немного дальше. Так сойдет.

Джеки дрожала, боязливо озираясь в непроглядной тьме, подступившей к ней вплотную. И когда карлик развернулся к арке, собравшись уходить, она не выдержала и пронзительно закричала, почти переходя на визг:

— Стой! Не уноси факел! Оставь его здесь.

Карлик покачал головой:

— Это вызовет подозрения. Мне, право же, жаль, но я не могу оставить факел, впрочем, это ерунда — я вернусь через несколько минут, а у тебя есть кинжал.

И он ушел. Парализованная страхом, Джеки слушала, как стихает, удаляясь, звук его шагов. Сейчас она еще видит очертания арки — всего лишь пятно света, медленно темнеющее и постепенно сливающееся с темнотой. И когда подземелье уже погрузилось в кромешную тьму где-то совсем рядом, она услышала свистящий шепот: «Пока она одна…»

А потом какие-то звуки, как будто длинные,

туго накрахмаленные юбки волочатся по полу. Подавив крик, Джеки побежала туда, где, как ей казалось, находился проход через арку. После десятка с трудом сделанных шагов она налетела на кирпичную стену — и хотя она ударилась сначала коленом и плечом, в следующий миг она умудрилась врезаться в стену головой и очнулась на полу, не сразу сообразив, что же, собственно, произошло. Сидя на полу, она потрясла головой, пытаясь избавиться от звона в ушах. Она поняла, что теперь уже не знает, куда надо идти, чтобы попасть в док. Как теперь определить, где он — слева или справа от нее? Когда она, налетев на стену, отскочила в полуотключке, насколько ее развернуло по отношению к первоначальному направлению? Интересно, она сделала пол-оборота, полный оборот или сколько? И как теперь определить, где эта стена? В паре ярдов перед ней, за ней или сбоку?

Вдруг что-то стукнулось ей в глаз, и с отчаянным всхлипом Джеки сделала выпад и нанесла удар кинжалом. Она почувствовала, как ее кинжал наткнулся на нечто упругое, как воздушный шар — хлопок, и ее рука попала в холодную вязкую жидкость… Пронзительный вопль, и сырой воздух подземелья завибрировал: какое-то жуж-

жание и приглушенный гул, как стрекотание надкрылий гигантского жука… Джеки вскочила на ноги и опрометью кинулась бежать, спотыкаясь — но все-таки не падая, всхлипывая от безысходности и тыкая кинжалом в темноту.

Она чувствовала под ногами отлогий спуск, но потом пол вдруг круто ушел вниз, и хотя ей удалось сохранить равновесие и сделать еще несколько шагов, она все-таки зацепилась за что-то и полетела кубарем, после нескольких кувырков приземлившись на четвереньки: у нее перехватило дыхание, она ничего не соображала, но по-прежнему крепко сжимала кинжал.

«Ладно, продолжим, — в отчаянии подумала она. — Теперь я хотя бы знаю, что тебя можно ранить. Предположим, я бежала прямо к выходу из подземелья и потом вниз в какой-то туннель, где никогда не было и никогда не будет даже малейшего проблеска света… А все-таки мне удалось отбиться от вас, чудовища, и удрать. Пока вам не удалось меня убить!»

Тут она услышала неподалеку осторожное шуршание и невнятный шепот. Джеки смогла расслышать только слова: «Убила ее…»

Другой голос тихо отозвался:

— Оно все еще имеет глаза — я чувствую, как

воздух струится от их мерцания.

— Можешь забрать глаза себе, — жалобно захныкал старушечий голос, — но моим детям нужна ее кровь.

Джеки вдруг осознала, что она чувствует запах речной воды и слышит едва уловимые всплески. Ей показалось, что река у нее за спиной. Она развернулась кругом и очень удивилась, обнаружив, что может видеть.

Нет, конечно, не в буквальном смысле — видеть, чтобы видеть, нужен свет. Но в темноте ее глаза распознали сгусток более глубокой тьмы, чернота которой сияла отсутствием и отрицанием света, и она знала, что это нечто приближается к реке, и что если оно когда-либо появится над землей, то даже ярчайший солнечный свет будет поглощен, и солнце затмится в черных лучах этого средоточия абсолютной тьмы. Оно все ближе и ближе, и Джеки поняла, что это лодка.

Другой сгусток абсолютной тьмы появился позади этого, очерчивая противоположный берег. По форме оно напоминало гигантского змея, и Джеки услышала металлический скрежет — звук эхом отражался от глади воды, и это скрежетание не смолкало, пока гигантский змей раскручивал кольца.

Те, кто раньше шептался вокруг Джеки, залопотали в ужасе: «Апоп! Апоп всплывает!» И Джеки услышала торопливое топотанье — ее преследователи спасались бегством.

Джеки последовала их примеру.

Появился свет — реальный, оранжево-красный свет, — он появился, когда пол под ногами стал ровнее.

Джеки оказалась там, откуда она недавно бежала — в главном зале подземелья, и увидела карлика и клоуна на ходулях в сотне футов от нее. Две странные фигуры — слишком высокая и слишком низкая — остановились и уставились туда, где в темноте стояла Джеки. Она приникла к земле, хотя прекрасно понимала, что они не могут ее увидеть в потемках на таком расстоянии.

— Интересно, и чего это они так встревожились? — спросил Хорребин.

— Ох уж мне эти твои чертовы Ошибки… — пробурчал Тэй. — Индус жаловался, что они с ним говорили через люк.

Хорребин рассмеялся, правда, смех его звучал несколько натужно.

— А, с тобой решили пообщаться, Ахмед? Будь благодарен, что ты смог это осознать, а ведь могло быть и иначе.

Хорребин и Тэй прошли еще немного и остановились. Джеки поняла, что сейчас они наверняка стоят у той ямы, куда ее заставили спрыгнуть. Крепко сжимая кинжал, она ринулась вперед. Ее сандалии потерялись при падении, и босые ноги ступали бесшумно по камню.

Когда она была в пятнадцати футах от них и уже ступала по булыжникам, расчерченным серповидными оранжевыми отсветами факела, Хорребин наклонился вперед, причем ходули его отклонились назад — клоунский трюк, исполненный исключительно из любви к искусству, — и сказал:

— Выходи на свет, Ахмед, и говори, что ты можешь мне предложить!

Карлик перекрестился, схватился обеими руками за ходули Хорребина и пихнул его.

С ужасающе пронзительным воплем клоун начал заваливаться вперед, попытался подобрать под себя ходули, не преуспел в этом и с треском обрушился на пол…

Тем временем Джеки со спринтерской скоростью преодолевала последние ярды. Клоун перекатился на спину, его голова неестественно откинулась назад, губы раздвинулись в жуткой гримасе агонии, обнажив желтый оскал зубов.

Джеки вскочила ему на живот и направила кинжал в запрокинутое, выкрашенное белой краской горло.

Лезвие отскочило и сломалось, как будто она вонзила его в булыжник. И в этот момент, пока отломившееся лезвие с противным звоном скакало по камням, клоун посмотрел на нее красными глазами… оскаленные зубы в крови, кровь сочится из раскрашенных ушей, но рот как-то странно кривится… Сначала Джеки не поверила своим глазам — но нет, ошибки тут быть не могло — Хорребин улыбался.

— Что это у тебя в руке, ваша милость? — прошептал он.

Джеки почувствовала, как что-то царапается в ее все еще сжатом кулаке, она разжала кулак и судорожно отбросила то, что должно было быть кинжалом без лезвия, но оказалось почему-то пригоршней пчел: крупных таких пчел, лилово-черных и толстых, как сливы. Одна повисла у Джеки на руке, и ей с трудом удалось ее согнать. Остальные, жужжа, роились вокруг ее головы. Джеки с поспешностью скатилась с клоуна и отползла подальше.

Тэй стоял у арки, через которую можно было выйти к доку, и по-прежнему держал факел вы-

соко над головой.

— Нам надо бежать! — прокричал он Джеки. — Скорее, пока он не смог подняться!

Отбиваясь от преследующих пчел, Джеки добралась до арки, присоединилась к Тэю в конце дока, и тут они услышали крик Хорребина:

— Я заставлю тебя вернуться, отец! Я превращу тебя во что-нибудь такое, что будет жить в банке!

Два беглеца нашли плот, вскарабкались на него и отчалили.

— Что случилось с грязью на лезвии? — спросил Тэй с весьма умеренным интересом.

— Я всадил кинжал в одно из этих существ, там, внизу, — выдохнула Джеки, прихлопывая назойливую пчелу и скидывая ее в вязкое месиво на бревнах плота. — Похоже, у них холодная вода вместо крови. Наверно, эта вода и смыла грязь с лезвия.

— А, понятно. Ну что ж, это была неплохая попытка. — Карлик открыл мешочек на поясе, вытащил пилюлю и проглотил. Он передернулся, затем предложил другую пилюлю Джеки.

— Что это?

— Яд, — сказал Тэй. — Возьми это — гораздо более легкая смерть, чем та, что тебя ожидает,

если они поймают тебя живьем.

Джеки была потрясена.

— Нет! И тебе не нужно делать это! О боже, выплюнь ее, я думаю…

— Нет, нет. — Тэй заклинил факел между бревнами плота и лег навзничь, уставясь на проплывающие своды туннеля. — Я решил умереть этим утром. Он сказал мне приготовиться для костюмированного спектакля вечером — юбка, парик, лак для ногтей… и я точно решил — нет. Я не смогу сделать это еще раз. Я решил попытаться убить его, если мне все равно умирать. Видишь ли, четыре года назад он установил — как он это назвал? — ах да — односторонняя связь. Это на магическом языке, а по-нашему это значит, что, когда он умрет, я тоже умру. Он думал, что это обезопасит его от меня. Оно бы и могло, если бы он не заставлял меня петь эти проклятые песни и плясать все время… Боже, я засыпаю. — Он умиротворенно улыбнулся. — И для меня нет ничего лучше, чем провести последние минуты вот так: в лодке с юной леди.

Джеки заморгала, не веря своим ушам:

— Ты… знаешь?

— Ох, все время знал, девочка. Ты еще тот Джеки. С фальшивыми усами. О да. — Он закрыл

глаза.

Джеки завороженно смотрела на безмолвного карлика. Плот крутанулся и ударился о стенку. Когда она решила, что он уже мертв, она тихо сказала:

— Ты действительно его отец?

И была очень испугана, когда он ответил.

— Да, девочка, — еле слышно прошептал Тэй. — На самом-то деле я не имею права винить его за то, как он со мной обошелся. Я лучшего не заслужил. Любой, кто… уродует собственного сына только для того, чтобы мальчик более соответствовал ремеслу нищего… о, я получил по заслугам. — Слабая улыбка тронула губы карлика. — Ох, и этот мальчик отплатил сполна! Он принял на себя командование моей армией нищих… и затем поместил меня в госпиталь, в подвал… много, много раз… да, я был высоким когда-то… — Он вздохнул, и его левая пятка выбила короткую барабанную дробь по бревнам плота. Теперь Джеки видела двух мертвых людей. Вспомнив предупреждения Тэя, что Хорребин обязательно пошлет своих людей на перехват, — ведь Тэй говорил, что можно спуститься по коллектору, — Джеки не стала ждать, пока доберется до выхода какого-нибудь коллектора дальше по курсу, а решила прямо

сейчас спуститься в воду. Бр-р-р… какая холодная вода! Но все-таки не такая обжигающе-холодная, как в тот раз — субботней ночью. А, вот в чем дело — подземная река замедлила свой бег, да, она течет гораздо медленнее, если сравнивать с субботним погружением. На миг она зацепилась за плот.

— Покойся с миром, Теобальдо, — сказала она и оттолкнулась от плота.

Джеки освободилась от облепившего балахона Ахмеда, сковывающего движения, и теперь ей было совсем не трудно плыть против течения. Вскоре плот и факел остались позади, и она плыла вверх по течению в кромешной тьме. Впрочем, это не была угрожающая тьма. Джеки инстинктивно знала, что таинственная темная река, та, на которой она «видела» лодку, никак не связана с этим каналом и, возможно, даже с Темзой.

Голоса отражались эхом от глади воды: «Кто, черт возьми, он сказал, это был?.. Старый Данги и Индус… Ладно, парни Пита остановят их на выходе ниже Ковент-Гарден». — И желтые отсветы на воде, на мокрых стенах, на потолке впереди.

Она резко повернула, описав дугу, и поплыла тихонько по-собачьи. Теперь она могла увидеть далеко впереди док, из которого они садились в

лодку. Их было несколько, все они несли факелы, хотя, похоже, Хорребина среди них не было.

— Они, должно быть, чокнутые, — прокомментировал один, его голос гулко разносился по туннелю. — Или, может быть, они думали, что у Индуса магия сильнее. Интересно было бы их послушать… ой-я… черт побери! Как здесь оказалась пчела?

— Иисусе, вон еще одна! Пошли отсюда, нечего нам здесь делать. Давайте поднимемся наверх и посмотрим, когда их приведут. Вот будет потеха! Вы слышали — клоун-то приказал открыть госпиталь.

Они поспешили удалиться, и туннель погрузился во тьму; на мгновение свод арки осветился оранжевым, потом факелы удалялись все дальше и дальше, и все поглотила тьма. Джеки четко держала направление туда, где только что был свет, и очень старалась не поворачивать голову, чтобы не сбиться с заданного курса. Она не повернула головы, даже когда почувствовала, что ее фальшивая борода отклеилась и ее унесло течением. Через несколько минут ее рука стукнулась о балку дока.

Джеки втащила себя на эту балку и уселась, тяжело дыша. Только сейчас она сообразила, что

ведь на ней ничегошеньки нет — если не считать коротких панталон. Она подняла руку, чтобы отбросить упавшие на лицо волосы, и обнаружила, что усы уплыли вместе с бородой.

Не самый подходящий костюм, чтобы разгуливать по Крысиному Замку. В таком виде ей вряд ли удастся незаметно выбраться отсюда.

Она крадучись прошла через арку, очень сожалея, что у нее больше нет кинжала. Все тихо, слышно только, как где-то жужжит пчела. Длинный коридор, очевидно, пуст, но она шла очень осторожно, то и дело прислушиваясь — нет ли погони.

Она вскарабкалась по ступеням к широкой площадке и, ощупывая все вокруг в поисках следующего ряда ступеней, вдруг наткнулась на деревянную дверь. Нет ни малейших проблесков света, ни вокруг дверной рамы, ни между досками. А это значит одно из двух: либо комната за дверью так же темна, как и лестница, либо это глухая дверь и за ней вообще нет никакой комнаты, что явно противоречит здравому смыслу.

Она надавила на щеколду — не заперто! — и осторожно открыла дверь. Да, внутри так же темно, как на лестнице, поэтому она быстренько проскочила внутрь и закрыла за собой дверь.

Ей все равно было нечем разжечь огонь, даже если бы она и осмелилась, поэтому она вела разведку на ощупь, следуя вдоль стены. Так она обошла все четыре стены маленькой комнатки и опять оказалась у двери, затем решила двинуться по диагонали. Здесь была узкая кровать, аккуратно заправленная; туалетный столик, и на нем пара книг; стол, на котором порхающие руки Джеки обнаружили бутылку и чашку — чашка была обнюхана, и в нос ударил резкий запах джина, — и, наконец, в углу был обнаружен стул, а на стуле… — тут Джеки возблагодарила Бога, когда, ощупав то, что было на стуле, она смогла определить, что это такое: короткое платье, парик, сумочка с гримом и пара старинных комнатных кожаных туфель.

«Это не иначе как чудо — то, что эти одежды словно специально положены здесь для меня», — подумала она. Потом она вспомнила, что старый Теобальдо говорил, что ему было приказано играть спектакль в костюме сегодня вечером. Это, должно быть, его комната, и он, должно быть, приготовил заранее костюм, а пока он его примерял, он принял решение умереть. Хотя она, конечно, не могла ничего видеть, она все равно с любопытством осмотрелась вокруг и пожалела,

что никогда не узнает, какие книги лежали на туалетном столике.

* * *

Лен Керрингтон уселся прямо в передней комнате и отхлебнул изрядную порцию из карманной фляги, совершенно не заботясь, что его могут увидеть. С чего бы это, хотелось бы знать, его ни с того ни с сего вдруг назначили заместителем клоуна? И мало того, они еще хотят, чтобы он успокаивал разгневанного доктора Ромени, который считает неудовлетворительными сводки с места событий, поступающие каждые несколько минут от группы захвата, посланной на поимку двух беглецов. Да, а еще вдобавок Хорребин беснуется от ярости, и надо успокаивать Хорребина, который валяется в гамаке с тяжелейшими ожогами и стонет от боли. Надо его убедить, что приняты все меры и что делается все возможное для исправления ситуации. А Керрингтон даже не понимал, какова она, эта самая ситуация. Он, правда, слышал, что танцующий карлик попытался убить клоуна, а потом сбежал по подземной реке вместе с Индусом, но ради бога, если это так, то почему доктора Ромени интересует только Индус?

Ха, а вот кто-то поднимается по лестнице из подвала. Керрингтон решил было встать, но потом отверг эту идею.

Как ни странно, это оказалась женщина. Ее прическа напоминала гнездо грызуна, а ее платье сидело, как кусок брезента на вешалке для шляп, но ее лицо под толстым слоем пудры и румян было, пожалуй, хорошенькое.

— Они мне посоветовали поискать Хорребина внизу, — сказала она так невозмутимо, как будто женщина в Крысином Замке — не столь же беспрецедентное явление, как лошадь в Вестминстерском соборе. — Я его не видела.

— Нет, — сказал Керрингтон, вскакивая на ноги. — Он… э-хм… нездоров. Какого черта ты здесь делаешь?

— Я от Кэти Данниган, ну у нее эти дома свиданий в районе Пиккадилли. Мне было предложено организовать совещание — очевидно, этот парень Хорребин хочет вложить деньги в это дело.

Керрингтон удивленно заморгал. Насколько ему было известно, проституция не входила в сферу деловых интересов Хорребина, но, безусловно, это как раз для него. И кроме того, совершенно невообразимо, чтобы юная девушка пришла бы в такое место, как Крысиный Замок, без доста-

точных на то оснований, это дело с домами на Пиккадилли — как раз самое оно.

Он окончательно успокоился — разумеется, это дело никак не связано с двумя беглецами.

— Ладно, но, боюсь, вы не сможете его сейчас видеть. Вам лучше покинуть это место и сказать этой женщине Данниган, чтобы в следующий раз присылала мужчину! Вам здорово повезет, если вас изнасилуют меньше чем дюжину раз, прежде чем вы выберетесь из этого здания.

— Ну в таком случае одолжите мне нож.

— В… Вот еще!

Джеки подмигнула:

— Вам доводилось бывать на Пиккадилли?

Керрингтон ухмыльнулся, протянул руки и обхватил ее за талию.

— Нет, нет, не я, — поспешила она развеять его иллюзии. — Я… хм… у меня болезнь. Но у нас есть чистые девочки на Пиккадилли. Хочешь, я дам тебе пароль, и ты сможешь в любое время получить девочку бесплатно. Ну что скажешь?

Керрингтон отскочил от нее, но, подумав, нехотя засунул руку за пазуху и вытащил кинжал в кожаных ножнах.

— Вот, — сказал он. — Какой пароль?

Джеки сказала самую непристойную трех-

этажную непристойность из всех когда-либо слышанных ею.

— Я знаю, это звучит странно, но это так и есть. Ты просто приходи в любое из этих мест, подойди к вышибале у парадного входа и шепни ему это на ухо. А дальше сам увидишь, что будет.

Джеки неторопливо направилась к выходу из Крысиного Замка, демонстративно чистя ногти кинжалом.

Глава 7

Юность, Природа и милость Богов поддерживали яркий огонь моего светильника, но Романелли победил всех трех и вот – задул его…

Лорд Байрон.
Из письма, написанного в Патрах.
3 октября 1810 года

Утром в субботу Дойль проснулся на соломенном тюфяке в жалкой конуре. Теперь он принял решение. Да, конечно, иного пути нет, но ясное осознание того, что ему предстоит, бросало в дрожь. Накатила волна холодного, липкого ужаса — в горле пересохло, руки дрожали, по телу пробегали мурашки. Он лежал на спине, охваченный приступом предательской слабости, и разглядывал трещины и потеки сырости на потолке. Но все-таки он почувствовал явное облегчение. Последнюю неделю Дойль терзался сомнениями, мучился от собственной нерешительности и строил бредовые планы, то теша себя радужными иллюзиями, то впадая в мрачное отчаяние. Да, теперь-то он все понял.

Какая наивность — возлагать столько надежд на Эшблеса! Он только зря терял время в ожидании прибытия поэта.

Ну в самом деле, если рассуждать здраво, что бы изменилось в его ситуации, даже если бы он и нашел Эшблеса? Допустим, они встретились. А дальше что? С чего это он решил, что Эшблес станет вмешиваться в его дела и захочет помочь? А если вдруг и впрямь захочет, то сможет ли оказать реальную помощь? Ведь совершенно очевидно, что это дело касается только их двоих — его и доктора Ромени. И только встреча лицом к лицу может внести ясность. Да, и чем скорее это случится, тем лучше. Нет смысла длить и увеличивать страдания, ведь с каждым днем Дойль чувствовал себя все хуже и хуже.

Он попросил у Казиака выходной, и старик с видимой радостью исполнил просьбу. Присутствие Дойля уже начинало плохо сказываться на коммерции — посетители чувствовали некоторую неловкость и старались держаться подальше от этого доходяги — страшные приступы сухого, выворачивающего внутренности кашля скручивали его все чаще и чаще. Неудивительно, что добропорядочные обыватели опасались подхватить заразу и выражали неудовольствие хозяину

за причиняемые неудобства.

Итак, ничто не препятствовало Дойлю приступить к осуществлению задуманного. Он отправился в лавку старьевщика и на жалкую сумму, составляющую на данный момент все его достояние, приобрел то, что и должно было послужить гарантией успешного осуществления задуманного предприятия, — помятый и ржавый кремневый пистолет. Дойль испытывал некоторые сомнения, что такая рухлядь может выстрелить, но старьевщик клялся и божился — пистолет, мол, в полной исправности и метко попадает в цель. «Ну уж, во всяком случае, один-то раз, может, и впрямь выстрелит, а большего мне и не надо», — с горечью подумал Дойль. Замысел был предельно прост — взять с собой пистолет, когда станет говорить с Ромени, и пригрозить, что если тот только попытается схватить его, то Дойль, не задумываясь, покончит с собой выстрелом в голову. Вчера на Лондонском мосту Джеки рассказал о неудавшейся попытке покушения на Хорребина. Сейчас Дойль сожалел, что у него нет той пилюли с ядом, которую карлик предлагал Джеки. Ведь насколько проще держать в зубах пилюлю с ядом, чем привешивать на шею пистолет, да еще так его закрепить, чтобы он точно

был направлен в голову!

Обдумывая детали предстоящей операции, Дойль понял, что рука быстро устанет, если он в продолжение всего разговора, который вполне может и затянуться, будет держать тяжеленный пистолет приставленным к виску. Поэтому Дойль снял пояс и пропустил один конец к курку, а другой конец обвязал вокруг шеи. Сверху он надел пальто, застегнулся на все пуговицы, а шею обмотал шарфом. Так, теперь ничего не заметно — он только чувствовал, как холодное дуло упирается в нежную кожу под подбородком. Дойль остался доволен — придуманное устройство позволяет не привлекать к себе внимание, пока он не доберется до Ромени, и в то же время удерживает пистолет в таком положении, что стоит только просунуть большой палец между второй и третьей пуговицами и слегка дернуть, как пуля разнесет голову вдребезги.

На Бишопгейт-стрит Дойлю повстречался нищий из команды Капитана Джека. После обмена приветствиями Дойль без труда выяснил, что цыганский табор доктора Ромени все еще находится на старом месте. И цыгане бродят по окрестностям, предсказывая будущее жителям Вест-Энда и продавая любовное зелье в трущобе

Голден-лейн.

Дойль трогательно поблагодарил его, попросил не забывать и направился на восток, в сторону Лондон-Волл-стрит. Он углубился в приятные думы, что как раз здесь родился Китс, и прошел в задумчивости еще целый квартал, прежде чем до него дошло, что он слышит пронзительный свист с северной стороны улицы. Высокая нота и две низкие — три первые ноты Yesterday.

С противоположной стороны улицы ответили следующие девять нот.

На сей раз сомнений не оставалось — он не единственный здесь, в 1810-м, человек из двадцатого века. Сердце тяжело билось, стучало в висках — он не мог справиться с волнением, стал суетливо метаться и перебежал на другую сторону улицы, дико озираясь по сторонам. Прохожие недоуменно оглядывались, видимо, принимали его за сумасшедшего. Он старательно изучал каждое лицо, пытаясь по неким неуловимым признакам выявить человека из другого времени. Напрасные попытки — все выглядели так, как если бы прожили здесь всю жизнь.

В растерянности Дойль сделал пару шагов к Коулман-стрит, как вдруг заметил экипаж, остановившийся напротив у тротуара. Боковое

окно было открыто, в темноте кареты Дойль попытался разглядеть пассажира — и увидел направленное на него дуло ружья. Он не успел ничего понять, сделал по инерции еще шаг и увидел вспышку. Но то, что он услышал в это мгновение, вовсе не было звуком выстрела — все его тело содрогнулось от взрыва пистолета у него на груди под рубашкой. Пуля разбила пистолет, и порох загорелся. Но, по счастью, в момент удара пистолет развернуло, и дуло оказалось рядом с челюстью, вместо того чтобы быть под ней. И в тот момент, когда пистолет на груди Дойля выстрелил, докрасна раскаленная пуля только оторвала правое ухо, вместо того чтобы разнести голову.

* * *

Дойль лежал, скрючившись, на тротуаре и не слышал грохота отъезжающего экипажа. Он смутно понимал — что-то взорвалось, вокруг все залито кровью, наверно, это его кровь. Грудь нестерпимо болела. Руки не слушались, но он с трудом подтянул оцепеневшую руку к груди и сбросил обожженные порохом клочья рубахи и дымящиеся обломки пистолета. Вроде бы раны не смертельны — только ожоги да незначитель-

ные царапины. В ушах звенело, причем справа гораздо сильнее. Действительно, вся правая сторона головы омертвела, как от лошадиной дозы новокаина. Дойль осторожно ощупал голову и почувствовал на руке горячую кровь — уха на месте не оказалось. Боже мой, что же произошло?

Он откатился в сторону и попытался встать на ноги. Чьи-то руки подхватили его и достаточно грубо потянули вверх. Дойль ошеломленно прислушался к разговору.

— Ну как, приятель, ты жив?

— Что ты глупости говоришь! Как он может быть жив? Посмотри, ему прострелили голову. В него стреляли из той кареты.

— Чепуха! Я все видел — у него грудь взорвалась. Он нес бомбу! Это французский шпион.

— Да нет, смотри-ка! У него на шее висит разбитый пистолет. — Он развернул Дойля так, чтобы видеть лицо, и настойчиво спросил: — Какого черта ты таскаешь пистолет на шее?

Дойль хотел только одного — поскорее убраться отсюда.

— Я… только что купил его, — невнятно пробормотал он. — Я хотел… мне казалось, так будет удобнее донести пистолет до дому. Ох… я ничего не знаю… наверное, он нечаянно выстрелил.

— Ну что я вам говорил, — немедленно отреагировал добровольный следователь, — этот малый просто идиот! Видишь, что ты натворил, — продолжал он, обращаясь к Дойлю. — Тебе удалось приобрести прекрасное оружие. Этот твой пистолет развалился на части, выстрелив только один раз. Ладно, приятель, что уж теперь рассуждать. Ты сейчас пойдешь со мной к доктору, и он быстро приведет в порядок твою голову.

— Нет! — Дойль не мог сейчас припомнить, использовались ли вообще антисептики в 1810 году, и хотя он понимал, что не в состоянии сейчас ясно соображать, понимал он также и то, что не испытывает ни малейшего желания подхватить какую-нибудь проклятую инфекцию от немытых рук или нестерильных ниток для наложения швов. Поэтому он твердо сказал: — Не надо меня никуда вести. Просто дайте мне немного бренди. Крепкого бренди… Можно и виски — что угодно, лишь бы побольше спирта.

— Все понятно! Знаю я эти штучки, — вмешался старик. Он только что подошел и никак не мог видеть, что на самом деле произошло. — Он просто хочет нас обдурить. Похоже, этот проходимец остался без уха давным-давно, а теперь шляется то тут, то там и изображает, что ему, видите ли,

только что оторвало ухо. Так и ходит по всему Лондону — выпивку выклянчивает у доверчивых людей. Знаем мы таких! Нас так просто не обманешь.

— Нет, ему оторвало ухо только что, — возразил кто-то. — Смотри, у него кусок уха болтается. Ой! Что это с ним? Похоже, его тошнит.

К сожалению, это было действительно так. Сочувствующее беспокойство толпы явно пошло на убыль, и чуть позднее Дойль смог, собрав все силы, попытаться выбраться из толпы, не обращая внимания на удивленные взгляды. Он сбросил пальто, содрал остатки рубашки и туго обвязал голову, чтобы остановить кровь, которая капала на тротуар и покрывала липким слоем руки. Он опять натянул пальто и, чувствуя головокружение от потрясения и потери крови, шатаясь, побрел прочь в поисках винной лавки. Конечно, он еще плохо соображал, но испытывал явное удовольствие от осознания того, что после покупки пистолета, останки которого все еще болтались у него на шее, у него все-таки осталось некоторое количество денег, вполне достаточное для приобретения двух порций бренди. Одной — смочить повязку на голове и другой — для приема внутрь.

* * *

Через два дня он опять услышал мотив песенки «Битлз».

К Казиаку Дойль пришел в воскресенье днем. Он пинком распахнул парадную дверь почтенного заведения и, шатаясь, ввалился в зал. Услышав шум, старый хозяин гостиницы с тревогой оторвал взгляд от конторских книг. Он увидел Дойля, и тревога мгновенно сменилась еле сдерживаемой яростью. Старик оборвал бессвязные объяснения Дойля коротким приказом отправить его в постель в запасной комнате и присматривать за ним, «пока его душа не расстанется с телом или пока его проклятые ноги не смогут его донести до задней двери». Согнутым пальцем он поддел Дойля за подбородок и приподнял его бледное лицо.

— Меня не интересует, каким образом, Дойль, но ты покинешь это место так быстро, как это только возможно. Ты понял меня?

Дойль гордо выпрямился и с чувством собственного достоинства произнес ответную речь, из которой он, впрочем, не мог впоследствии припомнить ни единого слова. После чего глаза его внезапно закатились, он стал падать назад и

с грохотом рухнул, как срубленный дуб. Пол загудел, как барабан, когда он потряс его всей длиной своего тела, и ногти стукнули, как кастаньеты, царапнув по полированным доскам.

С видимым облегчением Казиак объявил Дойля мертвым и приказал вынести его за порог и там подождать вызванного констебля. Но когда двое мальчиков с кухни потащили его к двери черного хода, он сел, огляделся по сторонам и настойчиво сказал: «Рейс 801 на Лондон — у вас должен быть для меня билет. Он оплачен Дерроу из ДИРЕ. В чем дело?» Произнеся столь внушительную тираду, он с чувством исполненного долга соскользнул на пол и затих.

Казиак устало и безнадежно проклял Дойля и отсутствующего Джеки. Затем велел мальчикам взять бредящего незваного гостя и поместить в самую маленькую, какая только найдется, свободную комнату и время от времени за ним приглядывать, в ожидании того часа, когда он соблаговолит наконец переселиться в лучший мир.

И два дня томился Дойль на узкой кровати в каморке без окна под главной лестницей, питаемый рыбной похлебкой Казиака, славившейся отменным качеством, а также темным пивом.

Большую часть времени Дойль спал. И вот во вторник он восстал с одра болезни и вышел в зал. Казиак, повязанный фартуком, как только увидел Дойля, так сразу и сообщил, что если он достаточно здоров, чтобы покинуть комнату, то он достаточно здоров и для того, чтобы совсем покинуть его гостиницу.

Дойль надел пальто и преодолел несколько шатких ступеней от дверей гостиницы до тротуара. И уже оказавшись на улице, он услышал позади себя грохот. Дойль обернулся и увидел сломанный пистолет, который Казиак швырнул ему вслед. Дойль наклонился, поднял с земли искореженные обломки и критически осмотрел — может, удастся получить несколько пенни в лавке старьевщика? Пожалуй, стоит попробовать, выкинуть пистолет он всегда успеет — при его нынешнем бедственном финансовом положении даже три пенса увеличивали его состояние вдвое.

Да, конечно, пистолет сломан, размышлял Дойль, продолжая вертеть его в руках, — курок отсутствует, ружейная ложа раскололась. Он увидел пулю, глубоко засевшую в дереве, и невольно содрогнулся — ведь эта пуля предназначалась ему и наверняка продырявила бы насквозь, не

окажись на ее пути пистолет.

Что-то его насторожило, и он более внимательно рассмотрел засевшую пулю. Странно — гильза с плоским основанием. Да, но оно же должно быть круглым. Даже его скудных познаний в этой области хватило, чтобы понять, что пули такой формы, как эта, не применялись до 1850-х.

Итак, теперь он видел вещественное подтверждение своих догадок. «Значит, это правда. Другие люди из двадцатого века — здесь и сейчас. И они мои враги. Прекрасно, все становится на свои места. Одно непонятно — что я им такого сделал? Какого черта они хотят меня прикончить?

Нет, а интересно все-таки — кто они такие?»

Дойль погрузился в тревожные размышления и шел, куда ноги приведут. Немного времени спустя ноги привели его на Боро-Хай-стрит. Дойль остановился и недоуменно огляделся по сторонам, не вполне еще выйдя из глубокой задумчивости. Место вроде знакомое — мрачное здание больницы Святого Фомы справа. Слева в сумеречном свете прорисовывался силуэт Лондонского моста. Величественные громады арок вздымались над темной гладью Темзы, мерцающей отсветами первых вечерних огней.

Пожалуй, лучше будет переправиться на ту

сторону, подумал Дойль и повернул налево.

Но зачем они, в который раз Дойль задавал себе один и тот же вопрос, шатаются по Лондону в этом проклятом 1810 году? «Бог мой, ну почему, почему они хотят меня убить? Я ничего не понимаю — почему бы им просто не взять меня обратно, в наше время? Они что, и впрямь решили, что я хочу здесь… и сейчас?! Ну знаете ли, это полная чушь… Хотя…»

Эта мысль потрясла его. Но, может быть, дело не только в этом? Может быть, они охотятся за мной, говорил он себе, потому что я ищу Эшблеса? Вполне правдоподобно, что он должен был появиться в «Джамайке», но они похитили его. Ну а поскольку я сам из будущего, то, естественно, заметил его отсутствие. Не исключено, что они просто хотят помешать мне проболтаться и решили для надежности убрать неудобного свидетеля.

Дойль остановился в самой высокой точке плавно изгибающейся дуги моста и прислонился к каменным перилам, все еще хранящим дневное тепло. Он стоял и смотрел на реку, повернувшись лицом к заходящему солнцу. На фоне предзакатного неба отчетливо рисовались силуэты пяти арок Блэкфрайерского моста в полумиле вверх

по течению.

Думаю, мне стоит сделать еще одну попытку потолковать с Ромени. Возможно, это и пропащее дело, но я должен, должен попытаться сделать все от меня зависящее, чтобы вернуться в 1983-й. Дойль вздохнул и позволил на минутку поддаться приступу жалости к себе. Если бы только дело было в бронхите, или пневмонии, или как оно там называется! Возможно, я и мог бы остаться и попытаться справиться с болезнью, и начать строить свою жизнь здесь и сейчас. Но совершенно очевидно, что если против тебя сражаются две могущественные группировки, причем одна намерена убить тебя, в то время как другая всего лишь хочет подвергнуть пыткам, — согласитесь, что крайне затруднительно при такой ситуации удержаться на работе.

Он оторвался от парапета и начал спускаться по северной части моста. «Разумеется, я могу просто-напросто покинуть этот город, — уговаривал себя Дойль. — Что мне может помешать прямо сейчас подойти к берегу, украсть первую попавшуюся лодку, оттолкнуться и предаться на волю волн? И пусть река принесет меня в Грейвсенд или куда-нибудь еще, лишь бы оказаться подальше отсюда». Он окинул взглядом залитую огнями

улицу и вспомнил тот день — две с половиной недели назад, — когда он позволил поддельному слепому нищему вести себя прямо в логово Хорребина, но тогда его спас Бенджамин Ролик.

В этот вечер вторника улицы были странно пустынны. Редкие прохожие не спеша прогуливались, иногда останавливаясь у ярко освещенных витрин трактиров и таверн, в которых не было недостатка на Грейсчерч-стрит. Тихо кругом, лишь изредка прогрохочут по булыжной мостовой колеса экипажа — и снова тишина. И вдруг Дойль услышал, как где-то вдалеке насвистывают печально знакомый мотивчик. Опять Yesterday.

Когда первый приступ паники прошел, Дойль мрачно усмехнулся. «У меня уже стойкий условный рефлекс на песенку «Битлз», — подумал он. Только заслышав знакомые звуки, Дойль молниеносно прыгнул в ближайшую подворотню, прижался к стене, выхватил из кармана раскуроченный пистолет и угрожающе поднял его над головой, как дубинку. Но очень скоро он понял, что непосредственной опасности нет — исполнитель песенки еще достаточно далеко, по крайней мере в квартале от него. Он опустил оружие и сделал глубокий вдох, но не смог сразу справиться с сердцебиением. Дойль осторожно выглянул

из подворотни, не рискуя пока покидать столь удачно найденное убежище, — а вдруг заметят? Спустя несколько мгновений свистящий обогнул угол Истчип-стрит и двинулся по направлению к Дойлю, только по другой стороне улицы.

Теперь Дойль мог его рассмотреть: высокий, широкополая шляпа низко надвинута на лоб — он шатался из стороны в сторону и пару раз попытался исполнить неуклюжую пародию на чечетку, аккомпанируя залихватским свистом. Человек уже почти прошел мимо того места, где прятался Дойль, но вдруг заметил справа убогий, плохо освещенный трактир под названием «Бдительный страж». Он остановился перед узкой дверью трактира и, выразив одобрение энергичными взмахами рук, перестал свистать и похлопал по карману. Видимо, успокоенный звоном монет, он решительно толкнул дверь и исчез внутри.

Дойль поспешил убраться отсюда подальше и уже направился было к реке и дальше — в Грейвсенд, но, сделав лишь несколько шагов, остановился и оглянулся на трактир.

«Ты действительно можешь просто сбежать? — спросил он себя. — Этот парень определенно один и в данный момент слишком пьян, чтобы быть

опасным». «Не будь идиотом, Дойль, — возражала та часть мозга, которая испытывала страх, — убирайся отсюда ко всем чертям, да побыстрее!»

Дойль все еще сомневался, но крадучись пересек улицу и шагнул к дверям «Бдительного стража». Старая жестяная вывеска скрипела и раскачивалась на ржавых цепях над головой Дойля. Он попытался справиться с волнением и взялся за дверную ручку.

В этот момент по воле случая Дойль был избавлен от необходимости принимать решение — дверь толкнули изнутри, она со скрипом распахнулась, и на пороге появился высокий плотный человек. Он шагнул на тротуар, словно толкаемый в спину порывом теплого воздуха, пропитанного запахами жареной говядины, пива и свечного сала, вырвавшимися из недр трактира и теперь витавшими над тротуаром.

— Эй, старина! Возникли затруднения? — радостно заорал он. — Что, нет ни пенни на пиво? На вот, возьми. Когда Монингстар пьет — пусть каждый пьет. — Он высыпал пригоршню медяков в карман Дойля. — Ну же, входи.

Монингстар опустил огромную ручищу на спину Дойля и втолкнул его внутрь.

Он уселся за столик напротив Беннера. Причем,

когда садился, он намеренно стукнул дулом замаскированного пистолета о край стола.

— Здесь пистолет, — сказал он. — И он нацелен, как ты можешь без труда заметить, прямо тебе в сердце. Теперь мне хотелось бы получить ответы на некоторые вопросы.

Беннер в ужасе уставился на него и, дико путаясь и спотыкаясь, забормотал нечто не слишком вразумительное:

— О господи! О Брендан… Не надо, не мучай меня… Ты… ты настоящий? Я хочу сказать… тогда… там… Боже правый, ты не призрак? Скажи же, ну, скажи хоть что-нибудь, черт побери!

Дойль устало покачал головой:

— Ага. Скажу. Я было подумывал стать призраком — специально чтобы доставить тебе удовольствие. Да, это неплохая шутка — стать призраком. Ну хватит. Возьми себя в руки. Я вполне реален. Разве привидения пьют пиво? — Дойль продемонстрировал этот трюк, не отводя взгляда от Беннера. — Очевидно, ты знал, что я был застрелен в воскресенье. Скажи мне, кто это сделал и почему и кто еще шатается по окрестностям, насвистывая Yesterday?

— Они все, Брендан. Все мальчики Дерроу перенеслись обратно вместе с ним. Мотив — это

пароль. Это как те три ноты, которые насвистывали в «Вестсайдской истории».

— Дерроу?.. Он опять здесь? Я думал, обратный прыжок сработал.

— Это тот, в котором ты участвовал? Конечно, сработал. Все, кроме тебя, превосходно вернулись назад. Нет, мне никогда не понять, почему ты захотел остаться здесь, Брендан.

— Я и не хотел. Меня похитил чокнутый цыган. Но погоди, что это ты говоришь? Если обратный прыжок сработал, то как Дерроу мог оказаться здесь? Еще один прыжок? Нет, невозможно… Разве он нашел новые дыры?

— Нет. Зачем они ему нужны? Все очень просто. Вся эта затея с речью Кольриджа… не более чем счастливая возможность финансировать тот проект Дерроу, ради которого все и делалось. А Дерроу намеревался переместиться сюда — в этот тысяча восемьсот (черт бы его побрал!) десятый год — навсегда. Он нанял телохранителей, сообразительных парней без комплексов, — как раз на эту-то работу меня и взяли, и как раз об этом я тебе тогда не сказал, вспоминаешь? А затем он заметил, что старина Кольридж толкает речь в Лондоне как раз тогда, когда действует дыра. У него как раз возникли некоторые затруднения

с финансированием своего любимого проекта. И вот он нашел решение — получить миллион с головы от десяти чудаков, помешанных на искусстве, и отправить их послушать Кольриджа. А еще он решил, что ему нужен специалист по Кольриджу для этой затеи, и именно поэтому он тебя и нанял. Но все это время главная э-э… цель была вернуться назад — только он и его обслуживающий персонал — и поселиться здесь. Поэтому, когда группа Кольриджа вернулась в 1983-й, он быстренько затолкал их всех в машины и затем установил параметры для еще одного прыжка обратно в тот же самый сентябрь, в первую дыру, и мы прыгнули опять. Но на этот раз мы прибыли в середине дыры — примерно через час после того, как вы… мы поехали посмотреть на Кольриджа. Потом мы убрали все следы нашего прибытия и ждали, пока два экипажа приедут обратно — минус эксперт по Кольриджу. Потом подождали, пока дыра захлопнется. — Беннер ухмыльнулся. — А занятно бы было заявиться в «Корону и якорь» и посмотреть на самих себя. Два Беннера и два Дерроу! Дерроу даже подумывал так и сделать, а заодно посмотреть, как тебе удалось удрать в самоволку, но он решил, что изменить даже самую маленькую частицу истории

слишком рискованно.

— Итак, почему же все-таки Дерроу хотел, чтобы меня убили? — нетерпеливо потребовал Дойль. — И если Дерроу настолько уж беспокоится о неприкосновенности истории, то почему он похитил Вильяма Эшблеса?

— Эшблеса? Это тот ничтожный поэт, о котором ты писал? Мы не имеем с ним ничего общего. А почему ты спрашиваешь, разве он не где-то поблизости?

Похоже, что Беннер говорит искренне.

— Нет, — сказал Дойль. — Теперь совсем простой вопрос. Почему Дерроу хочет видеть меня мертвым?

— Я думаю, в конечном счете он хочет, чтобы мы все были мертвы, — пробормотал Беннер, уткнувшись в пиво. — Он обещал, что персоналу будет позволено вернуться в 1983-й через дыру в 1814-м, но я почти уверен — он намерен убить всех нас, одного за другим, когда он перестанет в нас нуждаться. Он держит у себя все наши мобильные крючки, и он уже убил Бейна и Кегса — тех двоих, которые, как предполагалось, должны были убить тебя, — неделю назад. А сегодня утром я подслушал, что он приказал им застрелить меня, как только увидят. Мне удалось схватить немно-

го наличности и скрыться, но теперь я опасаюсь столкнуться с кем-нибудь из его людей. — Беннер горестно вздохнул. — Видишь ли, Брендан, он не хочет, чтобы здесь находился кто-либо еще, кто знает все эти штуки из двадцатого века — радио, пенициллин, фотографию и все такое. Он беспокоится, что ты запатентуешь принцип действия самолета, или опубликуешь «Пляжи Дувра» под своим именем, или что-нибудь в этом роде. Он испытал огромное облегчение, когда я…

Возникла неловкая пауза. Дойль напряженно улыбнулся и сказал:

— Когда ты сообщил, что застрелил меня прямо в сердце.

— О боже, — прошептал Беннер, закрывая глаза, — не стреляй в меня, Брендан. Я не мог иначе, это была самозащита: он бы убил меня, если бы я отказался. Во всяком случае, это тебя не убило. — Он открыл глаза. — Куда я попал? Я ведь не промахнулся.

— Нет. Это был хороший выстрел, ты целился прямо в сердце. Но я нес кое-что под курткой, и это остановило твою пулю.

— А-а… Ну ладно, я рад, что так вышло. — Беннер приветливо улыбнулся и откинулся назад. — Так ты говоришь, что действительно не собирался

удрать в самоволку из кольриджевского турне? Тогда ты и я можем потрясающе друг другу помочь.

— Как? — скептически спросил Дойль.

— Ты хочешь назад, в 1983-й?

— Ну допустим… да.

— Прекрасно. Я тоже. Знаешь, чего мне не хватает больше всего? Моей стереосистемы. Я хочу вернуться домой — я смогу проиграть все девять симфоний Бетховена в один день, если захочу, и Чайковского на следующий. И Вагнера! И Гершвина! О черт, это бывает забавно — поехать послушать музыку в концертном исполнении, но паршиво, если это единственно доступный тебе способ слушать музыку.

— Ну и что ты предлагаешь, Беннер?

— Хм… да. Возьми сигару, Брендан, и… — Он покачался на табурете. — Давай я закажу нам еще по одной и потом скажу.

Дойль взял длинную сигару, без пояска или целлофановой обертки, и, продолжая смотреть на Беннера, поднял свечу и поднес к сигаре. Неплохой вкус, подумал он.

— Итак, — сказал Беннер, тоже закурив сигару от свечи, — чтобы начать… ну старик со странностями… Да что там темнить — он про-

сто чокнутый! Ловкий, конечно, очень хитрый, жестокий… но у него точно винтиков не хватает. Знаешь, что он заставлял нас делать все это время? Ну с тех самых пор, как мы все здесь очутились? Вместо того чтобы, ну я не знаю… хотя бы покупать билет на Клондайк? Он приобрел этот чертов магазин на Лиденхолл-стрит и полностью его переоборудовал, и представляешь — открыл салон для удаления волос! Представляешь? Как раз то самое место, куда ты пойдешь, чтобы избавиться от нежелательных волос… И держит двоих, чтобы обслуживали этот чертов салон в любое время — с девяти утра до девяти тридцати вечера!

Дойль задумчиво нахмурился:

— А он не говорил, зачем это все?

— Ну разумеется, говорил. — Пиво прибыло, и Беннер отхлебнул изрядный глоток. — Он сказал, что мы должны во все глаза искать человека, который отбрасывает пятичасовую тень и который попросит позаботиться обо всем теле. Дерроу приказал стрелять в него из пистолета с ампулой снотворного, связать его и тащить наверх, и не причинять ему вреда, ну кроме пули со снотворным, конечно, и хорошо бы эта пуля не попала ему в лицо или в горло. Понимаешь, Брендан? Я

спросил его: шеф, как этот парень выглядит? Я имею в виду — кроме того, что он сплошь оброс бакенбардами. Так знаешь, что Дерроу мне сказал? Он сказал: я не знаю. А если бы даже и знал, описание все равно сгодилось бы только на неделю или около того. Ну как? Это что, я спрашиваю! Это слова и поступки нормального человека?

— Может быть, да, а может быть, и нет, — медленно сказал Дойль, размышляя, что он знает о планах Дерроу несколько больше, чем Беннер. — Каким образом все это связано с твоим планом вернуться домой?

— Хорошо. Я скажу. У тебя все еще есть мобильный крюк? Хорошо. Дерроу знает место и время всех дыр. И они не так уж редки в окрестностях этого момента времени. Есть одна в 1814-м, но это не ближайшая. Поэтому мы можем заключить сделку, можем заставить его сказать нам координаты следующей дыры. И мы пойдем и встанем в поле действия дыры, и оп-ля! Вот мы и опять оказались на этом пустом участке в современном Лондоне!

Дойль неторопливо попыхивал сигарой — да, действительно превосходная сигара, а теперь глоток пива… так, великолепно…

— Ну и что же мы можем предложить взамен?

— Хм, а разве я не сказал? Я нашел его волосатого человека. Вчера он появился, все было точно так, как старик и говорил. Низенький, круглолицый, рыжеволосый парень и, безусловно, с достаточной пятичасовой тенью вокруг него. Но когда я начал незаметно подбираться к пистолету, он испугался и удрал. Но, — Беннер гордо улыбнулся, — я последовал за ним туда, где он живет. Ну а сегодня утром я слышал в комнате Дерроу — я подслушивал, пытаясь выяснить, в настроении ли он, чтобы подойти к нему и предложить отдать мне мой крюк. Я хотел, чтобы он сказал мне, где находится дыра, а я взамен сказал бы, где живет волосатый человек. И ей-богу, я слышал, как Дерроу говорил Клайтеру, чтобы тот передал всем, что Беннера надо застрелить, как только они его заметят. Похоже, старик мне не доверяет. Ну и ладно, я опустошил ящик с деньгами и улизнул оттуда. Я решил, что и сам смогу поговорить с волосатым человеком. Вот и поговорил — я завтракал с ним несколько часов назад.

— Ты это сделал! — Дойль подумал, что скорее уж согласился бы позавтракать с Джеком-Потрошителем, чем с Джо — Песьей Мордой.

— Да. Неплохой парень, правда, со странностями. Все время говорит о бессмертии и египетских

богах, но чертовски хорошо образован. Я сказал, что Дерроу имеет возможность излечить его от излишней волосатости, но прежде он хочет задать несколько вопросов. Я намекнул, что тот, видимо, вознамерился пытать его, чтобы получить ответы на свои вопросы, и что судя по тому, что мне известно, Дерроу вполне на такое способен. А значит, этому лохматому нужен посредник. Я предложил представлять его интересы, ведь сам он не может иметь дела с Дерроу. Я ему объяснил, что был одним из мальчиков Дерроу, но ушел со службы, когда прослышал о тех неслыханных зверствах, которые старик намеревался учинить над этим несчастным сукиным сыном. Ну вот. Теперь ты понимаешь? Но у меня все еще остается проблема с этим приказом Дерроу — ну что он велел своим ребятам пристрелить Беннера, как только увидят. — Беннер ухмыльнулся. — Итак, ты станешь моим партнером. Ты встретишься с Дерроу, ты проведешь переговоры, заключишь сделку, а потом разделишь со мной полученный куш — путешествие домой. Я все обдумал, ты скажешь примерно следующее… — Беннер откинулся назад и хитро глянул на Дойля. — Да, мы скажем старине Кинг-Конгу, чтобы он ни в коем случае не приходил повидать тебя, Дерроу,

и он не придет, пока не получит от нас письмо. И мы дадим это письмо другу — у меня есть на примете подходящая девушка — с инструкциями отправить это письмо по почте только в том случае, если она увидит, что мы исчезли через одну из дыр. Поэтому ты, Дерроу, дашь нам крюк и укажешь место и время дыры, и если наша девушка увидит нашу пустую одежду — ты ведь понимаешь, она может быть и в сотне ярдов от этого места, на дереве или в окне, поэтому ты никогда ее не найдешь, — только после этого наш волосатый человек получит послание и отправится к Дерроу.

Дойль попытался его прервать.

— Но, Беннер, — сказал он, — ты забыл, что Дерроу намерен убить и Дойля тоже. Я не могу к нему приближаться.

— За тобой никто не следит, Брендан, — сказал Беннер спокойно. — Во-первых, потому что все думают, что я убил тебя. Во-вторых, они помнят круглолицего, здорового парня, который толкал речь о Кольридже. Ты когда последний раз смотрелся в зеркало? Ты изнурен и бледен, как мертвец, просто пугало какое-то… и у тебя порядком прибавилось морщин… Достаточно? Или мне продолжить? Ладно. Это еще не все. Теперь

ты окончательно лыс. И в завершение — твое ухо. Кстати, как ты это сделал? Откровенно говоря, ты выглядишь на двадцать лет старше. Никому и в голову не придет, увидев тебя такого, сказать: «Ага, да это же Брендан Дойль!» А потому тебе нечего беспокоиться. Ты просто-напросто войдешь в салон эпиляции и скажешь что-нибудь вроде: «Эй, вы! Мой друг весь оброс шерстью. Мне надо поговорить с шефом». И затем, когда ты увидишь Дерроу, все пойдет как надо. Тут ты сможешь признаться, что ты — Дойль. Дерроу тебе ничего не сделает. Он не рискнет прервать единственную связь с этим волосатым человеком, слишком уж он ему нужен.

Дойль задумчиво кивнул:

— Это совсем не так плохо, Беннер. Несколько запутанно, но не плохо.

Дойль был вполне уверен, что знает, что на самом деле Дерроу пытается сделать. И, между прочим, он почти наверняка знал и о том, почему у старика оказался экземпляр «Дневника лорда Робба». Это все его рак, сказал себе Дойль. Ему не удалось излечиться обычными способами. И поскольку ему удалось найти доступ к путешествиям во времени, он тем самым получил доступ и к человеку, который может менять

тела. Потому-то у него и были записки лорда Робба — потому что это связано с единственным упоминанием времени, места и обстоятельств появления Джо — Песьей Морды в 1811 году. Неплохая информация для совершения сделки.

— Черт побери, Брендан! Ты меня слушаешь?

— Извини, что?

— Послушай — это важно. Сегодня вторник. Как насчет того, чтобы встретиться у «Джонатана» в Биржевом переулке, сразу за банком? Хорошо, давай встретимся там в полдень, в субботу. К этому времени я смогу устроить это дельце с письмом, девушкой и волосатым человеком, и ты сможешь пойти повидаться с Дерроу. Договорились?

— Каким образом я смогу протянуть до субботы? Я ведь потерял работу из-за того, что ты пытался меня пристрелить.

— О, извини. Вот. — Беннер залез в карман и бросил на стол пять скомканных пятифунтовых банкнот. — Этого хватит?

— Должно хватить. — Дойль сгреб банкноты в собственный карман и поднялся на ноги. Беннер протянул руку, но Дойль решил ограничиться улыбкой. — Нет, Беннер. Я заключил с тобой соглашение, но я не пожму руки тому, кто пытался

убить старого друга.

Беннер убрал руку и беспечно улыбнулся:

— Скажешь то же самое, после того как сам, оказавшись в столь же безвыходной ситуации, поступишь по-другому. Вот тогда я, может быть, и устыжусь. Увидимся в субботу.

— Хорошо. — Дойль направился к выходу, но потом вернулся и сказал: — Это превосходная сигара. Где ты ее взял? Я как-то поинтересовался, какие сигары были в 1810 году, и вот теперь я могу сам попробовать.

— Извини, Брендан. Это «упман», свернутая в 1983 году. Я позаимствовал ящик у Дерроу, перед тем как его покинуть.

— Ах, ну да… — Дойль пошел к двери и вышел на улицу.

Взошла луна, и тени бегущих облаков скользили по фасадам домов, как крадущиеся призраки. Дойль заметил сгорбленного нищего, который подобрал с мостовой окурок сигары.

Дойль подошел к нему.

— Вот, — сказал он, протягивая собственную горящую сигару. — Брось ты этот мусор. Возьми упманскую сигару.

Старик озадаченно на него посмотрел.

— Уп… что?

Слишком усталый, чтобы объяснять, Дойль поспешил уйти.

* * *

Чувствуя себя достаточно хорошо для того, чтобы доставить себе удовольствие, Дойль снял комнату в Хоспитабл-сквайрс на Пэнкрас-лейн, так как все источники сообщали, что именно здесь останавливался Вильям Эшблес первые недели по приезде в Лондон. Хотя Дойля и удивил несколько тот факт, что хозяин меблированных комнат никогда не слышал об Эшблесе и не сдавал комнату высокому блондину с бородой или без, — теперь это было не так уж важно. Теперь для Дойля то, что связано с Беннером, неизмеримо важнее необъяснимого отсутствия Эшблеса.

Следующие три дня он просто отдыхал. Что касается его кашля, то видимого ухудшения не наблюдалось, даже вроде бы стало немного лучше, да и лихорадка, изводившая его уже две недели, отступила благодаря пряной рыбной похлебке Казиака и пиву. Из опасения столкнуться с людьми Хорребина или Дерроу он не отходил далеко от дома. Он обнаружил, что с узкого балкончика у его окна можно без труда выбраться на крышу, где на плоской поверхности между двумя колпа-

ками дымовых труб он нашел стул — побелевший и растрескавшийся за многие годы. Здесь он и коротал долгие сумерки, смотрел вниз на спускающиеся уступами к реке Фиш-стрит и Темз-стрит, на реку, окутанную туманом, на лодки, безмятежно плывущие по течению. Он обычно брал с собой табак, трутницу, кусок трута и кремень, клал все это на кирпичный уступ трубы слева, а рядом ставил жбан холодного пива, устраивался поудобнее, чтобы все было под рукой, и то попыхивал трубкой, то отпивал глоток пива из глиняной кружки. Он любил подолгу смотреть на почти византийскую путаницу крыш и башен, на парящий над всем этим купол собора Святого Павла и неторопливо размышлять с приятной отрешенностью человека, от которого не требуется немедленное принятие решения. Действительно, ведь все очень просто — достаточно не встречаться с Беннером и вместо этого прожить свою жизнь в этой половине века, во времени, когда жили Наполеон, Веллингтон, Гете и Байрон.

Трехдневный отдых был отмечен только одним неприятным событием. В четверг утром, когда Дойль возвращался домой после посещения книготорговца, к нему приблизился ужасно изувеченный старик. Он как-то странно размахивал

руками, похожими на коряги — как будто плыл. Лысая голова высовывалась из ворота древнего одеяния, как поганка на компостной куче. Похоже, когда-то старик был страшно изувечен — его нос, левый глаз и челюсть были искорежены и глубоко вдавлены внутрь. Когда эта старая развалина остановилась перед Дойлем, он уже почти залез в карман, но это существо не просило милостыню.

— Вы, сэр, — прокудахтал старик, — выглядите как человек, который хотел бы вернуться домой. И я думаю, — он сощурил глаз, — ваш дом находится там, куда не укажешь пальцем, хе-хе…

Дойля охватила паника, он огляделся по сторонам, но нигде не заметил сообщников старика. Может быть, это всего лишь сумасшедший бродяга и Дойлю просто почудилось, что невнятное бормотание имеет отношение к его собственной ситуации? Вполне возможно, что старик говорил о небесах или о чем-нибудь в этом роде.

— Что вы имеете в виду? — осторожно спросил Дойль.

— Кхе, кхе! Ты, наверно, думаешь, что доктор Ромени — единственный, кто знает, где откроются Врата Анубиса и когда? Подумай как следует! Я знаю их, и это как раз те, куда я могу взять

тебя сегодня, дуралей! — Он захихикал — ужасно неприятный звук, как будто костяные шары скатываются по металлическим ступеням. — Это как раз на той стороне реки. Хочешь посмотреть?

Дойль совсем растерялся. Может быть, этот человек действительно знает, где дыра? Во всяком случае, он определенно знает, что таковая существует. И предполагается, что дыры должны часто открываться вокруг «сейчас», и вполне правдоподобно, что одна из дыр откроется в Суррейсайде. «Боже, что, если я смогу оказаться дома сегодня! Но это будет означать, что я бросил в беде Беннера… но этот ублюдок не имеет никаких оснований рассчитывать на мою преданность. И если это ловушка, то непонятно, зачем Хорребину или Дерроу понадобилось придумывать такое и искать обходные пути».

— Но кто ты? — спросил Дойль. — И какая тебе выгода, если ты покажешь мне дорогу домой?

— Я? Я всего лишь старик, который случайно знает кое-что о магии. А что до того, почему я хочу оказать тебе эту услугу, — он опять противно захихикал, — то, может быть, я как раз друг доктора Ромени, а? Что скажешь? Что, если дело как раз в том, что именно его я должен благодарить за это? — Он показал на свое изуродованное

лицо. — Ну как? Интересуешься? Хочешь пойти посмотреть Врата, которые… которые будут — или которые есть? — хе, хе… и которые возьмут тебя домой?

— Да, — легкомысленно сказал Дойль.

— Ну что ж, пошли.

Совершенно опустошенный, Дойль двинулся вслед за ним по тротуару, и опять казалось, старик не столько идет, сколько плывет, загребая скрюченными руками. Дойль шел за ним, но остановился, когда заметил нечто странное: ветер гнал сухие листья по тротуару, и когда старик наступил на них, они не зашуршали. Старик обратил к Дойлю свое ужасное лицо, когда заметил, что тот остановился.

— Поторапливайся, Язон, — сказал он. Дойль вздрогнул, сопротивляясь внутреннему импульсу, и последовал за ним.

Они перешли реку по Блэкфрайерскому мосту, никто не произнес ни слова, хотя старик, похоже, веселился, как ребенок утром на Рождество, — все уже вернулись домой после мессы, и теперь наконец разрешено войти в комнату с подарками. Он вел Дойля по Грейт-Суррей-стрит, затем свернул налево на одну из узеньких улочек и, наконец, подвел его к высокой кирпичной стене, которая

огораживала довольно обширный участок. В стене была прочная дверь. Со странной ухмылкой старик вытащил медный ключ.

— Ключ от Царства, — сказал он. Дойль отшатнулся.

— Эти Врата именно сегодня оказались за дверью, от которой у вас есть ключ?

— Я знал… э-э, некоторое время… что здесь, — почти торжественно сказал старик. — И я купил этот участок, так как знал, что ты придешь.

— Ну и что это такое? — нетерпеливо спросил Дойль. — Долговременная дыра, вы ведь это хотите сказать? Но мне от нее никакого проку, пока она не захлопнется.

— Это станет Вратами, когда ты войдешь в них, Дойль. На этот счет нет никаких сомнений.

— Ты так это говоришь, как если бы я умер там.

— Ты не умрешь сегодня. И ни в один из дней, которые наступят.

Старик повернул ключ в замке, и Дойль невольно отступил.

— Ты думаешь — нет?

— Я знаю — нет.

Старик толкнул дверь.

Что бы ни ожидал увидеть Дойль, он никак

не ожидал, что увидит через дверной проем заросший травой пустырь. Неяркое сентябрьское солнце освещало груды камней, видимо, лежащих здесь со стародавних времен. Старик заполз внутрь и принялся бродить по пустырю, старательно обходя земляные холмики.

Дойль собрал всю свою волю, сжал кулаки и перешагнул через порог. Если не считать его самого, старика и древних развалин, через которые пробивалась трава, то участок был совершенно пуст. Старик воззрился на Дойля — видимо, тот его удивил столь решительными действиями.

— Закрой дверь, — сказал он наконец, продолжая что-то выискивать на земле.

Дойль осторожно прикрыл дверь, проследив, чтобы замок не защелкнулся, и нетерпеливо спросил:

— Где Врата?

— Посмотри на эти кости. — Старик сдернул кусок брезента с кучи древних камней. Некоторые из них почернели, как после пожара. — Вот череп, — сказал он, поднимая помятый костяной шар.

— Боже мой, — сказал Дойль, едва скрывая отвращение, — где проклятые ворота?

— Я купил это место много лет назад, — сказал

старик, держа череп на вытянутой руке и обращаясь к нему, — только поэтому я могу показать тебе эти кости.

Дойль с присвистом выдохнул.

— Здесь нет никаких ворот, не так ли? — сказал он устало.

Старик поднял на него взгляд, и если это изувеченное лицо что-либо и выражало, то это не поддавалось прочтению.

— Ты найдешь Врата здесь. Я надеюсь, что ты захочешь пройти сквозь них и потом, как ты хочешь этого сейчас. Хочешь взять с собой череп?

В конце концов, он просто сумасшедший бродяга, подумал Дойль. Сумасшедший бродяга с некоторым знанием магической иерархии Лондона.

— Нет, спасибо.

Он повернулся и пошел обратно по траве.

— Найди меня при других обстоятельствах! — прокричал ему вслед старик.

* * *

Точно в полдень, в субботу, Стирфорт Беннер шагнул через открытые двери кофейни Джонатана. Дойль увидел его и помахал, указывая на пустой стул по другую сторону стола, за которым

он сидел уже полчаса. Каблуки Беннера гулко стучали по деревянному полу, но вот он подошел, отодвинул стул и сел.

Он глянул на Дойля с воинственностью, которая, очевидно, должна была скрыть неуверенность.

— Ты пришел раньше, Дойль, или я неверно рассчитал время нашей встречи?

Дойль поймал взгляд официанта и указал на свою кофейную чашку, потом на Беннера. Официант кивнул.

— Я пришел раньше, Беннер. Ты сказал — в полдень.

Он посмотрел более внимательно на своего собеседника — глаза у Беннера какие-то странные, как будто он не может сфокусировать взгляд.

— Все в порядке? Ты выглядишь… выдохшимся, ну или что-то вроде этого.

Беннер подозрительно на него посмотрел:

— Выдохшимся, говоришь?

— Да, так. Слишком много выпил вчера?

— А, да.

Подошел официант с чашкой дымящегося кофе для Дойля, и Беннер торопливо заказал два пирога с почками.

— Нет лучшего средства от подобных симпто-

мов, чем немного еды, так ведь?

— Безусловно, — сказал Дойль без воодушевления. — Знаешь, похоже, нам обоим придется кое-что менять, когда мы вернемся. Ты не только приобрел акцент, но иногда употребляешь архаичные выражения.

Беннер рассмеялся, но смех получился слишком неестественным.

— Да, конечно. Я намеренно хотел выглядеть аборигеном в этом древнем периоде.

— Думаю, ты несколько переусердствовал, но ничего страшного. Ты все устроил?

— О да, да, конечно. Вообще никаких проблем.

Дойль подумал, что Беннер, должно быть, очень голоден, так как он слишком уж нетерпеливо поджидал официанта.

— Да, да, конечно. Девушка сделает это, она великолепно это сделает. Где, черт возьми, этот человек с нашими пирогами?

— Плевать на эти чертовы пироги! — не выдержал Дойль. — Как продвигается дело? Что-нибудь может нам помешать? Что-то тут не так…

— Нет, нет, ничего не помешает. Я просто голодный.

— Итак, когда я пойду повидать Дерроу? Сегодня? Завтра?

— Не так скоро, надо несколько дней подождать. А, вот и наши пироги! Приступим, Дойль, а то они остынут.

— Можешь взять мой, — сказал Дойль, которому всегда становилось дурно от одной только мысли, что можно есть почки. — Итак, почему мы должны ждать несколько дней? Ты упустил волосатого человека?

— Ты съешь свой чертов пирог. Я заказал его для тебя.

Дойль потерял всякое терпение:

— Перестань пытаться сменить тему. Почему ждать?

— Дерроу не будет в городе до… э-э… до вечера вторника. Может, ты хотя бы съешь немного супу?

— Я ничего не буду есть. Спасибо, — сказал Дойль очень отчетливо. — Итак, допустим, я пойду повидаться с ним в среду утром?

— Да. А кстати, я убедился, что за мной действительно следят. Представления не имею, кто он такой — низенький, с черной бородой. Никогда его раньше не видел. Думаю, мне удалось оторваться от хвоста, когда я шел сюда, но я бы хотел проверить. Ты мог бы выглянуть наружу и посмотреть, не слоняется ли он поблизости? Я не

хочу, чтобы он понял, что я знаю о слежке.

Дойль вздохнул, но все-таки поднялся и вышел на улицу. Он побродил поблизости от входа, присматриваясь к лицам прохожих на Тред-нидл-стрит. На улице в этот час толпился народ, и Дойль, лавируя в толпе и бормоча извинения, некоторое время честно искал преследователя, но так и не увидел низенького бородатого человека. Справа послышались выкрики, но Дойля не интересовала причина суматохи, и он предпочел вернуться к своему столику.

— Я его не видел. — Дойль сел. Перед Беннером стояла чашка чая, которой не было, когда он выходил. — Сколько он уже следит за тобой? Кстати, а где ты его впервые заметил?

— Н-да… — Беннер шумно прихлебывал чай, — однако они здесь подают превосходный чай. Попробуй… — Он протянул Дойлю чашку.

Выкрики на улице становились все громче, и Дойлю пришлось наклониться поближе, чтобы слышать, что говорит Беннер.

— Нет, спасибо. Ты мне так и не ответил.

— Да, я отвечу. Но сначала, пожалуйста, попробуй немного. Чай действительно очень хорош. Я начинаю думать, что ты просто не хочешь есть или пить со мной.

— О, ради бога, Беннер! — Дойль взял чашку и поднес к губам. И как только он открыл рот для глотка, Беннер неуловимо быстрым движением приподнял дно чашки, и Дойлю пришлось-таки сделать изрядный глоток — он чуть было не захлебнулся.

— Черт тебя побери, — пробормотал он, едва отдышавшись, — ты что, спятил?

— Я просто хотел, чтобы ты как следует распробовал чай, — сказал Беннер радостно. — Ну как? Ведь правда вкусно?

Дойль скривился — это зелье оказалось ужасно горьким и слишком терпким, наверное, слишком много танина, у него аж зубы свело.

— Чай ужасен, — сказал он Беннеру. И вдруг его пронзила жуткая мысль… — Ах ты, сукин сын! Я хочу посмотреть, как ты сам выпьешь этот чай!

Беннер приложил ладонь к уху:

— Извини, что?

— Сейчас же отпей глоток! — Дойль повысил голос, чтобы перекричать вопящих на улице.

— Ты что, думаешь, я хочу тебя отравить? Ха! Смотри. — К его вящему облегчению, Беннер осушил чашку без малейших колебаний. — Ты не знаток чая, Дойль, вот что я скажу.

— Полагаю, что нет. Проклятие, что там творит-

ся на улице? Да, а теперь расскажи мне об этом бородатом…

Тут за его спиной, у парадной двери, кто-то дико закричал, и прежде чем Дойль успел обернуться, раздался оглушительный удар, и витрина разлетелась на мелкие осколки. Похоже, скандал на улице разрастался. Пока Дойль суетливо выбирался из-за стола, Беннер уже вскочил и выхватил маленький кремневый пистолет.

— О боже! — закричал кто-то. — Остановите его, он отправился на кухню!

Дойль видел неистово бурлящую толпу у входа, кто-то размахивал ножкой стула, как дубиной, но в сумятице первых секунд он не мог разглядеть, что является центром всего этого, но тут люди расступились, и он увидел изготовившуюся к прыжку обезьяну с шерстью цвета рыжего сеттера. Что-то невнятно бормоча, обезьяна прорвала оцепление и в два прыжка покрыла половину расстояния до столика Дойля и Беннера. За мгновение до того как Беннер выстрелил, Дойль успел заметить, что шерсть обезьяны в нескольких местах испачкана кровью и изо рта тоже сочится кровь.

Дойль почувствовал хлопок воздуха на щеке, пуля попала в грудь обезьяне и сбила с ног. Су-

щество навзничь грохнулось на пол, судорожно выгнулось и обмякло.

Мгновение звенящей тишины — все замерли, Беннер схватил Дойля за локоть, потащил на кухню и через черный ход вывел в узенький темный переулок.

— Пошли, — сказал Беннер. — По этому переулку мы выйдем на Корнхилл-стрит.

— Подожди минутку, ведь это был Джо — Песья Морда? То есть я хотел сказать — волосатый человек… Почему он пришел?

— Не имеет значения. Нам надо уходить отсюда.

— Но это значит, что теперь он уже в новом теле! Как же ты не понимаешь…

— Я понимаю это лучше, чем ты, Дойль, поверь. Все под контролем. Позже объясню.

— Но… ох, ну ладно. Эй, подожди! О черт, когда же я с тобой увижусь? Ты сказал — вторник?

— Да, да, вторник, — нетерпеливо отмахнулся Беннер, — поторапливайся.

— Где во вторник?

— Не беспокойся об этом. Я найду тебя. Ах, ну да… Во вторник прямо здесь в десять утра. Теперь ты успокоился?

— Хорошо. Но не мог бы ты ссудить мне еще

немного денег? Я не…

— Да, да, конечно… не можешь же ты морить себя голодом. Вот, возьми. Не знаю, сколько здесь, но думаю, этого будет вполне достаточно. А теперь уходи.

* * *

Седой официант нес полный совок осколков стекла, а из салфетки он соорудил повязку наподобие чалмы — ну прямо Великий Визирь, принесший в подарок султану блюдо с алмазами.

— Извини, сынок, но все это меня слишком взволновало, чтобы я мог что-нибудь толком заметить.

Он ссыпал осколки стекла в ящик для мусора и нагнулся, чтобы опять наполнить совок.

— Но он направлялся к тем двум людям за столиком?

Официант вздохнул:

— Может, направлялся к ним, а может, просто пошел на прорыв в этом направлении.

— А можешь ты вспомнить что-нибудь о том человеке, который пристрелил его?

— Только то, что я уже сказал, — высокий и светловолосый. А парень с ним был темный и

тощий, болезненного вида. Мне уже пора идти домой.

Похоже, больше ничего здесь узнать не удастся, поэтому Джеки поблагодарила официанта и понуро вышла на булыжную мостовую Биржевого переулка, где несколько человек осторожно загружали в фургон тело Кенни — каким бы там ни было его имя, — тело, оставленное самим Кенни уже неделю назад и только сегодня покинутое Джо — Песьей Мордой.

«Проклятие, — подумала Джеки. — Он переместился, и теперь я вообще не имею представления, в чьем теле он может быть».

Она засунула руки поглубже в карманы пальто, обогнула фургон, посмотрев через плечо на кучку зевак, и зашагала по Треднидл-стрит.

* * *

На полдороге домой Дойля начала колотить дрожь, и, добравшись до своего насеста на крыше, он выпил пива, покурил, потом закрыл лицо руками и глубоко вздохнул. Теперь он немного успокоился и мог все обдумать. Боже мой, так вот на что это похоже, когда появляются эти проклятые создания! Ничего удивительного, что бедняга Джеки слегка рехнулся, после того как прикон-

чил одного такого, да вдобавок ему показалось, что это его друг Колин Лепувр смотрит на него из умирающих глаз этой твари. Или, черт побери, оно так и было на самом деле?

Дойль поставил кружку и окинул взглядом окрестности. И где же теперь Джо — Песья Морда? Начал ли он уже обрастать шерстью и подыскивает ли он новое тело?

* * *

На выветренном камне порога маленького белого домика, почти в двух тысячах милях к юго-востоку от орлиного гнезда Дойля, сидел лысый старик, флегматично покуривая трубку, и смотрел вниз на склон пыльной желтой травы, на галечный пляж и на воду. Теплый сухой ветер дул с запада, гоня мелкую рябь по водной глади залива Патры, и когда ветер немного стихал, слышалось тихое позвякивание овечьих колокольчиков с предгорий.

В третий раз за этот долгий день мальчик Николо выбегал из дома. На этот раз он толкнул доктора, и тот чуть было не выронил трубку. Мальчишка даже не подумал извиниться. Доктор натянуто улыбнулся, обещая себе, что если этот греческий гаденыш еще хоть раз себе такое

позволит, то его любимый «падроне» умрет мучительной смертью.

— Доктор, — запинаясь, пробормотал мальчик, — идите скорее, он мечется по кровати и говорит с людьми, которых нет в комнате! Он умирает!

«Он не умрет до тех пор, пока я ему это не позволю», подумал доктор. Он посмотрел на небо — солнце — уже находилось в западной части безоблачного греческого неба, и он решил, что сейчас самое время приступать. Не то чтобы действительно имело значение, в какой час дня он сделает это, но старые мертвые законы, которые сейчас воспринимаются всего лишь как суеверия: не произносить имя Сета на двадцать четвертый день месяца Фармути и лучше избегать увидеть мышь на двадцатый день месяца Тьяби, — побуждали его не приступать к черной магии, пока Ра над головой и может увидеть.

— Прекрасно, — сказал доктор, откладывая в сторону трубку и с трудом поднимаясь на ноги, — я пойду посмотрю его.

— Я тоже пойду, — заявил Николо.

— Нет. Я должен быть с ним один.

— Я тоже пойду.

Смешной мальчишка положил руку на рукоять

изогнутого кинжала, который он всегда носил за красным кушаком, и доктор едва не расхохотался.

— Ну если ты настаиваешь… Но ты должен уйти, когда я буду лечить его.

— Почему?

— Потому, — сказал доктор, зная, что подобное обоснование будет хорошо воспринято мальчиком, хотя, скажи он такое английскому милорду, тот бы схватился за пистолет. — Медицина — это магия, и присутствие третьей души в комнате может нарушить целебные чары, и они принесут зло.

Мальчик угрюмо размышлял, потом пробормотал:

— Я согласен.

— Ну тогда пошли.

Они вошли в дом, прошли переднюю и оказались в комнате без двери. Хотя каменные стены сохраняли прохладу, юноша, лежащий на узкой кровати, был весь мокрый от пота, и его курчавые черные волосы прилипли ко лбу. Как и докладывал Николо, его хозяин беспокойно метался, и хотя его глаза были закрыты, он хмурился и что-то невнятно бормотал.

— Сейчас ты должен нас оставить, — сказал

доктор мальчику.

Николо пошел к двери, но остановился, недоверчиво разглядывая диковинную коллекцию предметов — ланцет и чашу, цветные жидкости в маленьких стеклянных колбах, металлический контур с деревянной дощечкой посередине — на столике у постели.

— Еще одно, прежде чем я уйду, — сказал он. — Многие из тех людей, которых вы лечили от этой лихорадки, умерли. В понедельник англичанин Джордж Ватсон проскользнул сквозь ваши пальцы. Падроне, — он указал на человека на кровати, — говорит, что от вашего лечения больше вреда, чем пользы. И поэтому я должен вам сказать — если он тоже станет одной из многих ваших неудач, вы последуете за ним в смерть в тот же день. Вам понятно?

Доктор не знал, смеяться ему или сердиться.

— Оставь нас, Николо.

— Будь осторожен, доктор Романелли, — сказал Николо, повернулся и вышел из комнаты.

Доктор погрузил чашку в миску с водой, которая стояла на столе, и взял несколько щепоток растертых в пыль растений из мешочка на поясе, высыпал в чашку и размешал пальцем. Затем он просунул руку под плечи юноши, поднял его

в полусидячее положение и поднес чашку к его губам.

— Пейте, милорд, — мягко сказал он, наклоняя чашку. Больной рефлекторно выпил содержимое и нахмурился, когда доктор Романелли убрал пустую чашку, потом закашлялся и затряс головой, отфыркиваясь, — видимо, питье ему не понравилось.

— Да, оно горькое, не так ли, милорд? Я выпил чашку такого зелья восемь лет назад и все еще помню этот вкус.

Доктор встал, быстро подошел к столу — он торопился, так как теперь время сочтено, — высек искры для маленького трута на блюде, раздул пламя, поднес особую свечу и держал в пламени до тех пор, пока фитиль не оделся короной свечения, потом он установил свечу в подсвечник и стал сосредоточенно на нее смотреть.

Пламя не устремлялось, сужаясь, вверх, как у обычной свечи, а светилось равномерно во всех направлениях, как если бы это была сфера, подобная маленькому желтому солнцу, и иероглифы на свече нервно подергивались, как скаковые лошади перед забегом.

Теперь пора, если только его ка в Лондоне правильно сделает свою часть.

— Ромени? — сказал он в пламя свечи.

— Я готов. Чан с веществом подогрет до нужной температуры, — ответил едва слышный голос.

— Хорошо. Надеюсь, что так. Для него все подготовлено?

— Да. Просьба об аудиенции была принята и утверждена на этой неделе.

— Хорошо. Поддерживай связь на этом канале.

Романелли взял металлический контур, который был прикреплен к куску тяжелого дерева, маленькие металлические палочки и ударил. Зазвучала долгая чистая нота — и через мгновение из пламени пришел ответ.

Ответная нота была выше, поэтому он переместил деревянную бусину на дюйм выше и опять тихонько коснулся металлической палочкой контура. Теперь звуки были похожи, и шар пламени, казалось, исчез, хотя он засветился опять, когда звук растаял в воздухе.

— Я верю, у нас получится, — сказал он напряженно. — Еще раз.

Две ноты — одна в Лондоне, другая в Греции, прозвучали опять, теперь почти в унисон; пламя стало тусклым, отливая взбаламученной мутной серостью, и пока контур все еще звенел, Романелли осторожно коснулся шарика и передвинул на

толщину волоса дальше. Теперь ноты звучали в унисон, и там, где раньше было пламя, теперь была дыра в воздухе, в которую он мог видеть маленький участок земляного пола. Когда двойной звон стих, странный сверкающий шар пламени вновь появился.

— Так держать! — взволнованно сказал Романелли. — Я могу отчетливо видеть. Ударь опять, когда я скажу тебе, и я его перешлю.

Он взял ланцет и блюдо и повернулся к лежащему на кровати — тот был без сознания. Романелли поднял обмякшую руку, сделал надрез на пальце и поймал быстрые капли крови на блюдо. Когда он получил пару ложек крови, он выпустил руку и обернулся к свече.

— Сейчас! — сказал он и ударил по контуру палочкой. И еще раз был получен ответ, и когда пламя свечи опять стало дырой, он опустил палочку, обмакнул свои пальцы в блюдо с кровью и, взмахнув руками, отправил брызги крови через дыру.

— Прибыл? — спросил он, и его пальцы приготовились к следующей попытке.

— Да, — ответил голос с другой стороны, пока нота не отзвучала и не вспыхнуло яркое пламя, — четыре капли, прямо в чан.

— Превосходно. Я позволю ему умереть, как только услышу, что у вас все получилось.

Романелли наклонился и задул свечу.

Он сел и стал задумчиво смотреть на спящего. Найти этого молодого человека — действительно удача. Он именно то, что нужно для их целей: пэр Британского королевства и — возможно, из-за своей хромоты — застенчивый и замкнутый, почти не имеющий друзей. И во время учебы в Харроу он очень кстати опубликовал сатиру, которая вызвала раздражение некоторых влиятельных лиц, в том числе и его благодетеля лорда Карлайла. Теперь все охотно поверят, что он и в самом деле мог пойти на такое преступление, которое его заставят совершить Романелли вместе со своим британским ка.

— Доктор Ромени и я — мы выдвинем тебя из неизвестности, — сказал Романелли тихо. — Мы сделаем твое имя знаменитым, лорд Байрон.

* * *

Клоун Хорребин и доктор Ромени пристально смотрели на ванну размером с гроб с тускло клубящимся магическим раствором, в котором темнели, затвердевая, капли крови где-то на среднем уровне и где сейчас начала разрастаться

система прекрасных красных тканей, связываясь друг с другом.

— Через двенадцать часов это уже будет узнаваемый человек, — тихо сказал Ромени, он стоял так спокойно, что даже совсем не подпрыгивал на пружинных подошвах, — а через двадцать четыре часа он уже сможет говорить с нами.

Хорребин переступил на ходулях.

— Подлинный британский лорд, — сказал он задумчиво. — Крысиный Замок уже удостаивали посещением выдающиеся личности, но молодой лорд Байрон здесь будет первый, — даже под слоем грима Ромени заметил усмешку, — пэр королевства.

Доктор Ромени улыбнулся:

— Я ввел вас в высшие сферы.

Несколько мгновений длилось молчание.

— Ты уверен, что мы и впрямь должны осуществить этот бессонный проект, то есть не спать вообще завтра ночью? — жалобно захныкал клоун. — Я всегда сплю по десять часов в гамаке, или у меня будут ужасные боли в спине, а с тех пор как мой проклятый папаша, — он указал на высушенную голову Теобальдо в нише окна над ними, молча наблюдавшую за всем происходящим, — сбросил меня на землю, боли стали вдвое

сильнее.

— Мы будем дежурить посменно, четыре часа сна каждые восемь часов, — напомнил ему Ромени, — вполне достаточно, чтобы ты не сдох. Вот его жаль, — добавил, кивая на ванну с раствором, — он будет все время бодрствовать и будет все время кричать.

Хорребин вздохнул:

— Послезавтра все это кончится, и мы наконец сможем отдохнуть.

— Возможно, ближе к вечеру. Мы будем упорно работать над ним по очереди всю завтрашнюю ночь и весь день после. К вечеру у него не останется собственной воли, потом мы позволим ему денька два побыть на виду, потом дадим ему инструкции и этот миниатюрный пистолет и отпустим его. Затем мои цыгане и ваши нищие выйдут на работу, и примерно через час мой человек в Государственном Казначействе объявит, что пятая часть всех золотых соверенов в стране — фальшивые, мои капитаны совершат набег на Английский Банк. И затем, когда наш мальчик Байрон проделает свой трюк, страна фактически будет поставлена на колени. Если Наполеон не будет в Лондоне к Рождеству, я буду очень удивлен. — И он удовлетворенно улыбнулся.

Хорребин потоптался на своих ходулях.

— Ты… действительно уверен, что это будет улучшение? Я не против устроить хорошенькую встряску, но разумно ли уничтожать до конца эту страну?

— Французами легче управлять, — сказал Ромени. — Я знаю, я имел с ними дело в Каире.

— А-а… — Хорребин затопал к дверям, но остановился и заглянул в ванну, где красные нити уже образовали некое подобие скелета. — О боже, это отвратительно, — заметил он, укоризненно покачал головой в клоунском колпаке и удалился из комнаты.

Доктор Ромени тоже уставился на то, что происходило в этом колдовском тигле.

— О-о, — сказал он спокойно, — есть вещи куда хуже, Хорребин. Скажешь мне через месяц — так это или нет, удалось ли тебе найти вещи и похуже.

* * *

Утром во вторник, двадцать пятого сентября, Дойль стоял у прилавка табачного магазина Вэзарда, пытаясь выбрать приемлемый табак, и пока он так стоял в задумчивости, он понял, что невольно прислушивается к разговору рядом.

— Да, конечно, он настоящий лорд, — сказал лавочник средних лет. — Он напился как свинья, ведь так?

Его собеседник засмеялся, потом вдумчиво сказал:

— Я не знаю. Скорее он выглядел больным… или чокнутым, да, пожалуй, что так.

— Он элегантно одет.

— Да, но он скорее похож на актера в костюме лорда в мюзик-холле. — Он покачал головой. — Если бы не все эти золотые соверены, которые он разбрасывает… но, пожалуй, он это делает, чтобы вызвать интерес к этому чертову спектаклю… Так ты говоришь, что слышал об этом лорде… как его зовут? Бриан?

— Байрон. Он написал небольшую книжку, где высмеял всех современных поэтов, даже Литтла, к которому я сам неравнодушен. Этот Байрон — один из университетских умников.

— Да сопляки они все, наглые, надутые, маленькие ублюдки.

— Вот-вот, я и говорю, все они такие! Ты видел его усы?

Дойль, весьма озадаченный всем этим, решил уточнить:

— Прошу прощения, но, если я правильно по-

нял, вы говорите, что видели лорда Байрона? И это было недавно?

— О да! Видели. Мы и половина делового района. Он в таверне «Насест и курица» на Ломбард-стрит, совершенно пьяный — или сумасшедший, — подумав, предположил он. — Этот лорд сидит там и ставит всем выпивку.

— Может, у меня найдется время пойти и воспользоваться гостеприимством, — сказал Дойль, улыбнувшись. — У кого есть часы?

Один из говоривших выудил из жилетного кармана золотую «луковицу» и глянул:

— Половина одиннадцатого.

Дойль поблагодарил за любезность и поспешил из магазина. Еще полтора часа до того, как я встречусь с Беннером, подумал он. Времени достаточно, чтобы проверить этого самозваного Байрона и попробовать догадаться, кому понадобилось проделывать такие дешевые трюки. Впрочем, Байрон не такой уж плохой прототип для третьесортного имитатора — ведь реальный Байрон все еще почти неизвестен в 1810 году — он опубликует «Паломничество Чайльд-Гарольда» только через два года, и это сделает его знаменитым. Потому-то никто из посторонних и не знает, что как раз сейчас Байрон путешествует

по Греции и Турции. Но совершенно непонятно, чего ради разбрасывать золотые соверены, чтобы сыграть роль Байрона?

Он шел к югу по направлению к Ломбард-стрит и вскоре без труда обнаружил «Насест и курицу» — перед таверной собралась такая толпа людей, что они перегородили улицу. Дойль подбежал к толпе и попытался заглянуть поверх голов.

— Эй, парень, не напирай так, — проворчал человек рядом с ним, — ты получишь свое в порядке общей очереди, как и всякий другой.

Дойль извинился, бочком протиснулся к окну и заглянул внутрь.

В таверне было полно народу, и если Дойль что и увидел, так только толпу пьющих да торопливо снующих официантов, доливающих по новой в опустевшие кружки, но в какой-то момент через случайно образовавшийся просвет в толпе он заметил темноволосого курчавого молодого человека, который, прихрамывая, подошел к бару и, приветливо улыбаясь, бросил горсть монет на полированную стойку. Последовали одобрительные возгласы, столь громкие, что Дойль без труда слышал их сквозь стекло, и молодой человек скрылся из вида за лесом машущих рук.

Дойль протолкнулся через толпу на улицу и прислонился к фонарному столбу.

Хотя на поверхности его мозг был спокоен, он мог ощутить какое-то холодное давление, распространявшееся где-то глубоко внутри, и он знал, что, когда это нечто, как подводная лодка, всплывет на поверхность из подсознания, оно будет распознано как паника, — поэтому он постарался проговорить это сейчас. Байрон в Турции или где-то в Греции, говорил Дойль самому себе, надеясь, что это звучит убедительно. И конечно, это всего лишь случайное совпадение, что этот парень так чертовски похож на все его портреты. Одно из двух — или этот самозванец по чистой случайности тоже хромой, или он так тщательно изучил модель, что добавил эту деталь… хотя почти никто в 1810-м и не знал, что следует обратить на это внимание. Ладно, пусть так… Но как объяснить усы? Байрон отрастил усы, пока был за границей, — их можно увидеть на портрете Филипса, — но даже если подражатель мог каким-то образом это знать, он все равно вряд ли бы использовал эту деталь. Ведь если здесь кто и видел Байрона, то видел его, разумеется, без всяких усов. И если усы — это только оплошность, то, чего имитатор не знал точно в облике

Байрона, каким его видели в последний раз в Англии, — тогда почему такая точная деталь с хромотой? Паника, или что бы там ни было, все нарастала… Что, если это все-таки Байрон? И он вовсе не в Греции, как утверждает история? Да что же здесь такое творится, черт побери! Эшблес должен быть здесь — а его нет, Байрон должен быть в другом месте — а он здесь! А что, если Дерроу забросил нас в какой-то альтернативный 1810 год, из которого история будет развиваться по-другому?

У него закружилась голова, и он был рад поддержке фонарного столба, но он знал, что должен войти сейчас в таверну и выяснить, кто этот юноша на самом деле — настоящий Байрон или нет. Он с усилием оттолкнулся от фонарного столба и сделал пару шагов, и тут он вдруг осознал, что растущий в нем страх слишком глубинный и слишком сильный, чтобы его могло вызвать нечто столь абстрактное, как вопрос о том, в каком временном потоке он находится. Что-то происходило с ним самим, что-то такое, чего мозг не мог осознать, но это неопределимое что-то взбаламучивало его подсознание, как взрыв на дне глубокого колодца.

Толпа и здание перед ним внезапно потеряли

всю глубину, почти все краски и четкость, так что, казалось, он смотрит на импрессионистское полотно, где есть только оттенки желтого и коричневого. И вдруг будто кто-то разом выключил звук и свет, и, ничем не поддерживаемый, Дойль провалился в темноту; наверное, так проваливаются в люк виселицы — это было то самое мгновение, когда думаешь, что умираешь.

* * *

Иногда подпрыгивая, но чаще передвигаясь ползком на одной ноге и руках, как таракан, потому что у его левой ноги появилось новое скрипучее соединение, Дойль торопливо удирал, борясь с тошнотой и задыхаясь, по мокрому от дождя асфальту, даже не видя, как наезжающие машины тыкаются носом в асфальт, когда их тормоза отжаты до упора, а шины визжат.

Он видел скрюченное тело на гравиевой обочине, и хотя он мучительно полз к ней, чтобы посмотреть, жива ли она, он уже знал, что — нет, потому что он уже прошел через все это. Единожды — в реальной жизни и несколько раз — в снах. И хотя его мозг был раскален от волнения и страха, он уже знал, что найдет.

Но на этот раз случилось иначе — вместо того,

что он помнил, вместо месива из крови и костей и ярких осколков шлема, разбросанных по асфальту, голова у той, что лежала на обочине, была цела и держалась на плечах. Он подполз ближе и заглянул в лицо, и это не было лицо Бекки — это было лицо нищего мальчишки Джеки.

Он очень удивился, а потом увидел — почему-то совсем не удивившись, — что он не на обочине, а в узкой комнате с грязными шторами, хлопающими в пустом окне. Окно все время меняло очертания — иногда оно было круглым, оно то увеличивалось, то сжималось подобно некоему архитектурному сфинктеру, от размера глазка на двери до размера розетки в Шартрском соборе, а иногда оно так искривлялось, что вполне могло быть названо прямоугольным. Пол тоже капризничал — он то выгибался вверх, едва не задевая потолок, то вдруг прогибался, как расшалившийся трамплин. Очень забавная комната.

Он чувствовал онемение во рту, и хотя дантист, на котором было аж две хирургические маски (так что его блестящие глаза — это было все, что Дойль мог видеть), просил его не прикасаться ко рту, Дойль тайком, с огромным усилием поднес к губам руку в меховых перчатках и ужаснулся, увидев, что золотистый мех потускнел от крови.

Какой-то дантист, подумал Дойль и с трудом вытащил себя из этого видения обратно в маленькую комнату… Но что это? Он все еще в меховых перчатках, и кровь все так же сильно сочится изо рта. Когда он согнулся, борясь со следующим желудочным спазмом, кровь брызнула на тарелку, и нож, и вилку, которые кто-то оставил на полу.

Его рассердило, что кто-то, кто бы это ни был, оставил на полу свою еду, но потом он вспомнил, что это остатки его собственного обеда. Может, это и вызвало онемение и кровотечение? Может, там были осколки стекла? Он поднял вилку и подцепил кусочек оставшейся на тарелке еды, опасливо высматривая, нет ли там чего-нибудь блестящего. Через некоторое время он пришел к выводу, что никакого стекла там нет.

Но в таком случае что это было? Это пахло, как карри, но похоже было на нечто вроде холодного тушеного мяса из листьев и чего-то, что выглядело, как киви, но мельче, тверже и более пушистое… Его мозг зацепился за это слово… пушистое, пушистой бывает шерсть, да, да — шерсть! Что-то с этим связано очень важное, только вот что? Некоторое время он не мог отвлечься ни на что другое, но вот наступил момент холодной ясности, и он распознал необычный

фрукт. Он видел такие раньше — на Гавайях, в Садах Нууану, на высоком дереве с научным названием, которое он еще помнил: Strychnos Nux Vomica — богатейший источник природного стрихнина.

Он ел стрихнин.

Вода пахла ужасно — дохлой рыбой и гнилыми водорослями, но на набережной было оживленно, там гуляли веселые люди в купальных костюмах, и Дойль обрадовался, что нет очереди в ларек «Ио-Хо-Снэк». Он доковылял к узкому окошку и постучал четвертаком по деревянной стойке, чтобы привлечь внимание. Человек за стойкой обернулся, и Дойль с удивлением узнал Уильяма Кокрана Дерроу в фартуке и белом бумажном колпаке. Вот он наконец и разорился, с грустью подумал Дойль, и теперь держит паршивый ларек с замороженными бананами.

— Дайте мне… — начал Дойль.

— Сегодня мы можем только предложить коктейль с активированным углем, — прервал Дерроу. Он вскинул голову. — Я говорю это тебе, Дойль.

— Ах да. Тогда я возьму один.

— Тебе придется сделать его самому. У меня есть лодка — через десять минут мы пойдем ко дну.

Дерроу высунулся в окошко, схватил Дойля за шиворот и протащил его внутрь, пока плечи не застряли.

Внутри не было света и кружились тучи золы, и Дойль стал давиться от кашля. Ему удалось протиснуться через окошко, он упал на пол и увидел, что врезался головой в маленький комнатный камин. О боже, подумал он, я галлюцинировал там и продолжаю здесь. Стрихнин вызывает бред? Или я умудрился заглотить сразу два яда?

«А все-таки Дерроу прав, — думал он. — То, что мне надо — это уголь, изрядная доза, и немедленно. Помнится, я читал о парне, который принял в десять раз больше смертельной дозы стрихнина, а потом съел растолченного угля и вообще не почувствовал никаких признаков нездоровья. Как его звали? Тоуэри, вот как. Итак, где бы мне достать эту штуку? Ага, надо позвать слугу. Пусть принесет пятнадцать сотен пачек сигарет с фильтром из активированного угля. Этого, наверно, хватит.

Подожди минутку, «подумал он. — А ведь я сейчас смотрю как раз на то, что мне и нужно. Ну все эти сгоревшие куски дерева в камине у меня под носом. Может быть, он и не активированный, но у него наверняка имеется биллион

микроскопических пор, лучшее, чем можно тебя абсорбировать, мой дорогой стрихнин».

Через мгновение он нашел чашу и маленькую круглоголовую статуэтку какого-то псоголового египетского бога или чего-то в этом роде и использовал их как ступку и пестик, чтобы растолочь черные хрустящие куски сожженного дерева. Пока он этим занимался, он заметил, что кисти рук и предплечья покрыты блестящей шелковистой шерстью, и решил счесть это галлюцинацией.

Другое объяснение явления спокойно ожидало рассмотрения в дальнем углу сознания.

Все это время кровь продолжала сочиться изо рта, и красные капли падали на холмик черного порошка, но на это не стоило обращать внимание, сейчас есть более важные проблемы. «Какого черта, — вдруг удивился он, растирая крупицы черного вещества лохматыми пальцами, — я что, и впрямь намерен это сожрать?»

Он начал с заглатывания всех кусочков угля, которые были примерно размером с таблетку. Потом, используя воду из таза в углу, он начал скатывать маленькие шарики из черного порошка и понаделал их несколько дюжин.

Смешанное с малым количеством воды, вещество очень напоминало пластилин, и через

некоторое время он прекратил есть черные комочки и начал их скатывать вместе и лепить маленького человечка. Собственное умение его несколько удивило, и он принял решение достать глину для лепки при первой же возможности и начать жизнь заново — как скульптор. Ведь только несколько мгновений назад он скатывал столбики конечностей, чтобы прикрепить их к туловищу, а теперь вдруг заметил, что выпуклости бедра и бицепса и угловатость колена и локтя выполнены с безошибочным мастерством. Несколькими нажатиями ногтя он наметил лицо, и каким-то образом это лицо оказалось похоже на микеланджеловского Адама на потолке Сикстинской капеллы. Он должен сохранить эту маленькую статуэтку — когда-нибудь она будет почтительно выставлена в Лувре или еще где-нибудь, а на табличке будет надпись: «Первая работа Дойля».

Но как он мог подумать, что лицо похоже на Адама? Это было лицо старого, ужасно старого человека. И конечности были скрючены, и вообще это какая-то усохшая пародия на человека, совсем как сухие червяки, которых находят на тротуаре в солнечный день после дождя. Ужасающе! Он чуть было не разломал это, когда открыл эти глаза и

приделал этому созданию широкую улыбку.

— А, Дойль! — прокаркало оно свистящим шепотом. — Нам с тобой есть много что обсудить!

Дойль закричал и стал карабкаться по полу, отползая подальше от ликующего уродца. Ползти было трудно, потому что пол опять начал выделывать фортели — подниматься и опускаться. Он услышал странные звуки, словно где-то вдалеке очень медленно бьют в барабан, и на стенах, тоже очень медленно, начали образовываться гигантские капли кислоты, и кирпичная поверхность стен растянулась и струйками потекла вниз, и он слишком поздно понял, что дом внутри — это живой организм и уже почти переварил его.

* * *

Он очнулся на полу, совершенно измотанный и подавленный, и равнодушно уставился на капли крови перед глазами. Язык ныл, как расколотый зуб, но он знал, что с этим можно и подождать. Он знал, что его отравили и он бредил, и очевидно, теперь он должен радоваться, что все это уже позади.

Лицо сильно чесалось, и он поднес руку к лицу, чтобы почесаться, — и замер. С галлюцинациями покончено, но руки почему-то все еще покрыты

золотистым мехом. И тут объяснение происходящего всплыло из таинственных глубин мозга, где все время таилось, и он знал, что это правда. Это несколько усилило его депрессию, потому что означало, что надо собраться с силами и встать, и начать что-то делать. Только чтобы формально подтвердить то, что он и так уже знал, он ощупал лицо. Да, как он и подозревал, лицо его тоже было покрыто пушистым мехом. Только этого и не хватало, подумал он кисло.

Очевидно, он сейчас в последнем из тел, брошенных Джо — Песьей Мордой, а сам Джо бог знает где в собственном теле Дойля.

«А интересно, в чьем теле я сейчас? Как это в чьем, Стирфорта Беннера, конечно. Беннер упоминал, что он завтракал со стариной Джо неделю назад, и Джо, должно быть, скормил ему какую-то смесь из алхимических трав, то, что развинчивает шарниры человечьей души, и в субботу совершил переход.

Итак, — подытожил Дойль, — это был Джо — Песья Морда в захваченном теле Беннера — тот, кого я встретил в субботу у «Джонатана». Неудивительно, что он… был сам на себя не похож. И конечно, именно поэтому он так беспокоился, чтобы заставить меня что-нибудь съесть или

выпить. А как иначе он смог бы впихнуть в меня дозу этого своего средства для перехода души? И когда я ничего не захотел, он услал меня искать несомненно вымышленного человека и таким образом получил возможность взять чашку чая, кинуть туда свои мерзкие листья и вынудить меня выпить это пойло».

Несмотря на измотанность и апатию, Дойль содрогнулся, когда до него дошло, что рыжая обезьяна, которую застрелили на его глазах в тот день, — это и был сам Беннер, бедный сукин сын, мимоходом втиснутый в покинутое тело Джо — Песьей Морды.

«Поэтому теперь, — думал Дойль, — он взял мое тело и волен идти повидаться с Дерроу и заключить сделку, не вмешивая во все это Беннера или меня».

Дойль приподнялся, позволив себе вслух застонать. Его рот, нос и горло сильно болели, во рту ощущался вкус ржавчины от высохшей крови, и он понял с унылым изумлением, что славный старина Джо Обезьяний Человек изжевал свой собственный язык как раз перед тем, как освободить тело, чтобы быть уверенным, что новый постоялец не сможет за то короткое время, пока яд не доконает его, сказать что-либо, что весьма

всех удивит.

Он встал — с легким головокружением от своего нового роста — и огляделся по сторонам. Он не удивился, обнаружив ножницы, щетку, бритву и брусок серого мыла на полке у кровати: Джо — Песья Морда, вероятно, покупал новую бритву каждую неделю. Нашел он и зеркало и с замиранием сердца посмотрелся в него.

«О мой бог, — подумал, одновременно трепеща и ужасаясь, — я выгляжу, как волкодлак или как тот парень во французском мультике «Красавица и Чудовище»… или нет, скорее как… да, да! — я понял, как Трусливый Лев из страны Оз».

Густая золотистая шерсть волнами спадала с подбородка и струилась по щекам, чтобы стать гротескными бачками, и змеилась вверх по носу, чтобы соединиться с ниспадающим каскадом пышной золотистой шерсти, которая начиналась от гребня бровей и переходила в буйную гриву, свисающую на его могучие плечи. Шерсть росла даже на шее и под челюстью.

«Ладно, — подумал он, поднимая ножницы и отхватывая прядь волос на лбу, — нет смысла откладывать это дело. Чик… Ну вот, на одну прядь меньше. Надеюсь, я еще не забыл, как пользоваться опасной бритвой».

Через час он уже постриг и побрил нос, щеки и лоб, внимательно следя, как бы не сбрить ненароком брови, и решил, до того как приступить к мудреной задаче бритья собственных рук, посмотреть, как он выглядит. Он прислонил зеркало к стене под другим углом, отступил назад и с вызовом глянул на то, что получилось.

Он внезапно почувствовал пустоту в груди, и участившиеся удары сердца в этой пустоте бухали, как тяжелые удары в барабан. После первоначального потрясения он начал наконец разбираться, что же, собственно, произошло, и ему стало смешно при мысли, как мастерски все проделано. «Конечно же, я действительно приходил в кофейню «Джамайка» во вторник в одиннадцать, — изумился он, — и фактически я все-таки там написал — или по крайней мере скопировал по памяти — «Двенадцать Часов Тьмы». И я таки останавливался в Хоспитабл-сквайрс на Пэнкрас-лейн. И это тело действительно застрелило одну из танцующих обезьян у «Джонатана» в субботу. И это вовсе не похищение и не альтернативный 1810 год».

Потому что Дойль узнал лицо в зеркале. Оно было Беннера, конечно, но с буйной гривой волос и бородой ветхозаветного пророка, с новыми

линиями измученности на щеках и на лбу, и каким-то странным, новым выражением глаз; это было также, вне всякого сомнения, лицо Вильяма Эшблеса.

Книга вторая
Двенадцать часов тьмы

Глава 1

Он сказал мне, что, как ему показалось, в 1810 году он встретил меня на Сент-Джеймс-стрит, но тогда мы разошлись, не заговорив друг с другом. Он упомянул об этом случае – и я опроверг его как невозможный: я находился в то время в Турции. День или два спустя он показал своему брату человека, шедшего навстречу по другой стороне улицы. «Вон, – сказал он, – человек, которого я принял за Байрона». Брат же его тут же ответил: «Как? Это именно Байрон и никто другой». Но это еще не все. Некто видел, как я ставлю свою подпись в числе дознавателей по поводу здоровья короля, страдавшего тогда от безумия. Так вот: в то самое время, насколько я могу судить, я лежал в Патрах с лихорадкой…

Лорд Байрон.
Из письма к Джону Мерри.
6 октября 1820 года

Хотя найти и правильно подключить все ми-

ниатюрные моторчики и подвести к каждой крошечной свечке вентиляционный короб оказалось весьма непростым делом, Village Bavarois, как месье Дидрак назвал свою неслыханно дорогую игрушку в половину человеческого роста, похоже, была готова к действию. Все, что оставалось сделать, так это только зажечь свечи и повернуть рычажок, замаскированный под крошечный пенек в углу, вправо.

Доктор Ромени уселся и мрачно уставился на кунштюк. Окаянному Ричарду хотелось бы, чтобы тот включил игрушку, — пусть деревянная обезьянка посмотрит ее в действии, до того как появятся яги, — но Ромени отказался из опасения, что столь сложный механизм может не выдержать повторного включения. Он протянул руку, осторожно коснулся головки маленького вырезанного из дерева дровосека и недовольно сморщился, когда фигурка сделала несколько шагов по нарисованной тропе, помахивая топором не больше зубочистки и издавая звуки, словно часы, прокашливающиеся перед тем, как пробить очередной час.

«Пожри меня Апоп, — раздраженно подумал он, — будем надеяться, я ничего не сломал. Откуда такое падение нравов? Ведь помню же я

еще время, когда яги требовали в плату за свои услуги изысканные шахматы, секстанты и телескопы. А что теперь? Чертовы игрушки. И к тому же, — подумал он сокрушенно, — они никогда не отличались должным почтением, но теперь и вовсе охамели».

Он встал и тряхнул головой. От дыма курившихся благовоний в палатке царил полумрак; он поспешно подошел к выходу, откинул полог и зажмурился от неожиданно яркого солнца, заливавшего вересковые луга Айлингтона.

Ведь это произошло совсем недалеко отсюда, припомнил он, когда восемь лет назад бедняга Аменофис Фике отдался псоглавому богу Врат и, утратив почти весь разум и магические способности — за исключением этого проклятого дара переселения из тела в тело, — сбежал. С пистолетной пулей в животе и отметиной Анубиса — шерстью, растущей по всему телу… сбежал, чтобы начать сомнительную карьеру Джо — Песьей Морды, оборотня, которым лондонские мамаши пугают непослушных детей. Сбежал, оставив Ромени — ка, которому полагалось бы давно уже уйти на покой, — ответственным за все Объединенное Королевство.

«Ну, — не без самодовольства подумал Роме-

ни, — Мастер хорошо постарался, ваяя этого ка. Не думаю, чтобы Фике — или даже Романелли! — смогли бы лучше вести дела Мастера в Британии. Должно быть, он отзовет меня, вернув в исходное небытие, вскоре после переворота — то есть уже на этой неделе. Ничего, я уйду без сожаления. Восемь лет жизни — большой срок для ка.

Хотелось бы мне только, — подумал он, хищно прищурив глаза, — разгадать тайну тех опасно образованных чародеев, которые использовали для своих путешествий по времени Врата, случайно открытые Фике. О черт, этот Дойль, которого я отловил тогда, вполне мог бы расколоться, будь у меня чуть больше времени поработать над ним. Откуда они все-таки взялись?»

Он нахмурился. «Но это же совсем несложно узнать, — вдруг сообразил он. — Для этого достаточно вычислить, какие еще Врата были открыты одновременно с Кенсингтонскими. Судя по всему, они из тех, что существуют парами, — большие, продолжительные здесь и довольно короткие в другом времени. Они относительно редки, к тому же меня всегда интересовали только продолжительные, и все же вычислить, из какого времени они все появились, не так сложно, и эта информация сможет пригодиться тому, кто придет за

мной следом».

Отвернувшись от солнца, он снова сел за стол и начал рыться в своих записях. Он нашел датированную первым сентября и, нахмурившись, углубился в ее изучение.

Не прошло и нескольких минут, как он нетерпеливо прикусил губу, окунул перо в чернильницу и, зачеркнув старые вычисления, принялся старательно считать все заново.

— Нельзя доверять математическим расчетам ка, — пробормотал он себе под нос. — Хорошо еще, что я внимательно замерил Кенсингтонские Врата…

Наконец он выписал ответ и замер в недоумении: новый результат не отличался от того, что он зачеркнул. Он не сделал ошибки — в тот вечер действительно было только одно окно. Сентябрьское окно во времени не относилось к парным.

Тогда откуда же они? Ответ пришел к нему так быстро, что он поморщился, как это он не додумался до этого раньше.

Разумеется, люди в каретах прыгнули из одного окна в другое — но с чего он взял, что эти два окна должны существовать в одно время?

Дойль и все его приятели-чародеи попали в первое сентября тысяча восемьсот десятого года

из окна в другом времени.

«И если это смогли сделать они, — восторженно подумал Ромени, — то и мы сможем. Да, Фике, быть может, твоя жертва не так уж и напрасна! Ра и Озирис! Что мы… что мы сможем сделать с этим умением? Прыгнуть в прошлое и предотвратить взятие Каира англичанами? Или прыгнуть еще раньше и подорвать могущество Англии настолько, чтобы к этому столетию она не представляла собой какой-нибудь значительной силы! И подумать только, для чего компания Дойля использовала все это могущество?! Для того, чтобы послушать выступление какого-то поэта! Мы используем его более… более эффективно», — подумал он, и губы его раздвинулись в волчьей усмешке.

Но, подумал он, придвигая поближе магическую переговорную свечу, это слишком серьезное дело, чтобы справиться с ним в одиночку. Он зажег свечу от лампы на столе, и каплеобразный язычок пламени лампы затрепетал и, казалось, отпрянул, когда на кончике фитиля волшебной свечи вспыхнул круглый огонек.

* * *

Настолько, насколько этот улыбчивый молодой человек вообще мог радоваться чему-либо, он был рад тому, что воздействие на него доктора Ромени не только избавило его от неизменно сопутствующего свободе воли груза ответственности, но и сделало относительным понятие физического дискомфорта. Конечно, его слегка беспокоили голод или усталость в ногах, а где-то еще глубже, в самых далеких закоулках сознания, слышался тревожный или даже ужасающийся голос, но огонь его сознания беспрестанно поливался водой, так что образующийся пар только питал невообразимый двигатель, а несколько еще тлевших углей не ощущали ничего, кроме бездумного удовлетворения от того, что эта машина работает хорошо.

Подобно кебмену, которому приказали кружить вокруг квартала до тех пор, пока заказавший кеб пассажир не соберется и не окликнет его от дверей, улыбчивый молодой человек начал с заученной фразы.

— Доброе утро, дружище, — произнес он. — Я лорд Байрон. Не угостить ли вас пинтой чего-нибудь? — Улыбчивый молодой человек вряд ли

расслышал ответ — тот звучал глухо, как из-за перегородки, — но какая-то часть его мозга (или машины) опознала его и среагировала, согласно варианту номер три: — Я действительно шестой барон Байрон из Рочдейла, друг мой; я унаследовал титул в 1798 году, когда мне было десять лет. Если вы удивляетесь тому, что настоящий пэр делает в месте, подобном этому, распивая с простыми тружениками, я отвечу: потому что уверен в том, что истинная Англия — это простые труженики, а не лорды и прочая знать. Вот я и говорю…

Тут следовало плавно переключиться на ответ по варианту номер один:

— Эй, трактирщик! Пинту того, чего пожелает этот джентльмен! — Рука молодого человека с точностью хорошо отлаженной машины выудила из жилетного кармана монету и выложила ее на ближайшую горизонтальную плоскость, вслед за чем его рот продолжал ответ по варианту номер три с того места, на котором остановился. — К черту всех тех, кто правит нами только потому, что им посчастливилось уродиться из аристократической утробы! Я заявляю: король, вы или я — ни один из нас не лучше другого, так где же тут справедливость, если одни едят на се-

ребре, не трудившись ни дня за всю свою жизнь, а другие надрываются день-деньской, а мясо едят дай бог раз в неделю? Американцы смогли избавиться от этого неестественного общественного устройства, и французы тоже пытались, так что я считаю: мы тоже…

Тут он заметил, что человек, к которому он обращался, уже ушел. Когда ушел? Впрочем, какая разница — не пройдет и минуты, как подсядет кто-нибудь еще. Он снова сел, и на лице его появилась отсутствующая улыбка.

Спустя пару минут он заметил, что рядом сидит кто-то еще, и он начал снова:

— Доброе утро, дружище. Я лорд Байрон. Не угостить ли вас пинтой чего-нибудь?

Ему ответили одной из тех фраз, о которых его предупреждали, и он с неожиданным беспокойством ответил согласно варианту номер восемь:

— Да, друг мой, до недавнего времени я странствовал за границей. Мне пришлось вернуться на родину из-за болезни, лихорадки, что до сих пор затуманивает мой рассудок. Пожалуйста, простите меня за мою ослабшую память… мы с вами знакомы?

Последовала долгая пауза, на протяжении которой все еще продолжавший улыбаться молодой

человек почему-то ощущал себя все более неуютно, но в конце концов его собеседник ответил отрицательно, так что он смог с облегчением продолжать:

— Если вы удивляетесь тому, что настоящий пэр делает в месте, подобном этому, распивая с простыми…

Собеседник оборвал его вопросом, прозвучавшим не приглушенно, но пугающе отчетливо.

— Как продвигается ваша работа над «Паломничеством Чайльд-Гарольда»? — спросил незнакомец. — Простите, вы ведь работаете сейчас над «Чайльд-Гарольдом»? Как там… «Жил в Альбионе юноша. Свой век он посвящал лишь развлеченьям праздным…» Что там дальше?

Эти слова почему-то подействовали на молодого человека как ледяной душ, волшебным образом прояснив его слух и зрение, — его окружение из приятно-размытого сделалось ужасающе отчетливым, и в первый раз за четыре дня он увидел лицо собеседника.

И лицо это оказалось из тех, что не могут не привлечь внимания: покоящееся на внушительно широких плечах и мускулистой шее, обрамленное пышными золотыми гривой и бородой, оно казалось изможденным, морщинистым

и несколько безумным, словно хранило ужасные, сверхъестественные тайны.

Молодой человек — теперь он уже не улыбался — был проинструктирован и на случай такой ситуации. «Если беседа вдруг приобретет опасный оборот, — не раз повторял ему Ромени, — и вы утратите защитную завесу, что дает вам мое покровительство, немедленно возвращайтесь сюда, в лагерь, пока люди на улице не разорвали вас на части, как крысы — увечную собаку…» Однако слова этого бородача пробуждали в нем что-то еще, что-то более важное, чем наставления Ромени.

«Распутством не гнушаясь безобразным, душою предан низменным соблазнам…» — услышал Байрон собственный голос. Эти непонятно почему столь знакомые слова, казалось, разбудили и выпустили на свободу целый рой воспоминаний, разом нахлынувших на него. Вот он стоит с Флетчером и Хобхаузом на борту брига «Спайдер»… албанцы в Тепелене в белых юбках и расшитых золотом шапках, на поясах — украшенные дорогими самоцветами пистолеты и кинжалы… выжженные солнцем желтые холмы под синим небом Морей… что-то связанное с лихорадкой и… и врач? Мозг его с почти наяву слышным стуком

захлопнулся, отгораживаясь от этих воспоминаний, но голос продолжал нараспев: «Но чужд равно и чести и стыду, он в мире возлюбил многообразном, увы! лишь кратких связей череду да собутыльников веселую среду…»

Ему показалось — чья-то рука перехватила ему горло, и он знал, что это доктор Ромени. В голове его прозвучал приказ лысого доктора: «Немедленно возвращайтесь в лагерь!»

Он встал, в замешательстве оглядывая остальных посетителей низенькой задымленной залы, и, на ходу бормоча извинения, устремился к двери.

* * *

Дойль тоже вскочил, но голова его закружилась от непривычного роста, и ему пришлось схватиться за стол, чтобы устоять на ногах. «Боже мой, — подумал он, бросаясь в погоню за молодым человеком, это ведь в самом деле Байрон — он знает «Чайльд-Гарольда», которого никто в Британии не узнает еще целых два года! Но что с ним? И почему так ошибается его биография? Как он мог оказаться здесь?»

Шатаясь, подбежал он к двери и остановился, привалившись к косяку. Где-то справа в толпе

виднелась курчавая голова Байрона, и он неуверенно двинулся в ту сторону, отчаянно желая научиться носить это весьма и весьма неплохое тело с тем же изяществом, что в свое время Беннер.

Люди поспешно расступались, пропуская шатающегося великана с безумным взглядом и львиной гривой, и он нагнал Байрона уже у следующего кабака. Схватив его за локоть, он бесцеремонно втолкнул его внутрь.

— Пива мне и моему другу! — по возможности внятно произнес он тетке за стойкой, удивленно вытаращившей глаза. Черт бы подрал этот искусанный язык, подумал он. Он отвел вяло сопротивлявшегося молодого человека к ближайшему столу и усадил, потом склонился над ним, положив руку на спинку стула так, чтобы тот не имел возможности сбежать. — Теперь выкладывайте, — загремел его голос, — что с вами? Вам не интересно, откуда я знаю эти строки?

— Я… я болен, — беспокойно произнес Байрон; улыбка его казалась безумной, особенно когда он так явно нервничал. — У меня мозговая лихорадка… прошу вас, мне надо идти… я болен… — Фразы вылетали из него по одной, словно были нанизаны на бечевку, которую Дойль тянул

у него изо рта.

Неожиданно Дойль вспомнил, где ему приходилось видеть такую же бессмысленную улыбку: на лицах религиозных сектантов, побирающихся в аэропортах или у входов в недорогие рестораны. Черт возьми, подумал он, да он ведет себя так, будто его запрограммировали!

— Как вам сегодняшняя погода? — спросил Дойль.

— Прошу вас, мне надо идти. Я болен…

— Какое сегодня число?

— …у меня мозговая лихорадка, что до сих пор время от времени затуманивает мой рассудок…

— Как вас зовут?

Молодой человек зажмурился.

— Лорд Байрон, шестой барон Рочдейл. Не угостить ли вас пинтой чего-нибудь?

Дойль опустился на стул напротив.

— Да, спасибо, — ответил он. — Вот как раз нам несут.

Байрон выудил из кармана золотой и расплатился за пиво, хотя к своему не прикоснулся.

— Если вы удивляетесь тому, что настоящий пэр делает…

— «Ведь он прошел весь лабиринт Греха, — перебил его Дойль, — содеянного зла не искупая…»

Кто это написал?

Улыбка Байрона снова исчезла куда-то, и он отодвинул стул, но Дойль встал и загородил ему выход.

— Так кто это написал? — повторил он.

— Э-э… — По бледному лицу Байрона струился пот, и когда он наконец ответил, это прозвучало не громче шепота: — Я… я написал.

— Когда?

— Год назад. В Тепелене.

— Как давно вы вернулись в Англию?

— Я не… четыре дня? Кажется, я был болен…

— Как вы попали сюда?

— Как я…

Дойль наклонил свою львиную гриву:

— Вот именно. Как вы сюда попали. На корабле? Каком? Или сушей?

— О! О, конечно. Я вернулся… — Байрон нахмурился. — Я… я не помню.

— Не помните? Вам это не кажется странным? И откуда, как вам кажется, я знаю эти ваши стихи? — Черт, подумал он, жаль, нету здесь Тэда Патрика.

— Вы читали мои стихи? — спросил Байрон с той же таинственной улыбкой. — Вы оказали мне большую честь. Впрочем, теперь все это представ-

ляется мне ребячеством. Теперь я предпочитаю поэзию действия. Меч разит вернее слова. Моя цель — нанести удар, что разрубит…

— Постойте, — сказал Дойль.

— …разрубит цепи, сковывающие нас…

— Да постойте же! Послушайте, у меня не так много времени, и голова действует неважно, но ваше присутствие здесь… мне необходимо знать, что вы здесь делаете… ох, черт, да мне необходимо узнать кучу вещей… — Дойль поднес ко рту пивную кружку, и голос его превратился в едва различимый шепот. — Например, настоящий ли это 1810 год или поддельный…

Несколько секунд Байрон смотрел на него, потом неуверенно потянулся за своей кружкой.

— Он сказал, чтобы я не пил, — произнес он.

— Ну его к черту, — пробормотал Дойль, смахивая с пышных усов клочья пены. — Вы что, будете докладывать ему о каждой выпивке?

— Ну… ну его к… к черту, — согласился Байрон, хотя произношение давалось ему с трудом. Он сделал большой глоток, и когда он опустил кружку, его взгляд сделался более осмысленным. — Ну его к черту.

— Кто это «он»? — спросил Дойль.

— Кто?

— Черт, ну этот — тот, что запрограммировал… простите, тот, что запряг, оседлал вас и надел шоры? — Байрон удивленно нахмурился, и только что появившаяся в его глазах ясность снова начала угасать, так что Дойль поспешно сказал: — Доброе утро, дружище! Я — лорд Байрон. Не угостить ли вас пинтой чего-нибудь? Если вы удивляетесь тому, что настоящий пэр делает в месте, подобном этому… — кто это все говорил?

— Я говорил.

— Но кто сказал это вам, кто заставил вас вызубрить это? Это ведь не ваши слова, верно? Попытайтесь вспомнить, кто сказал все это вам.

— Я не…

— Закройте глаза. А теперь услышьте эти слова, только произнесенные другим голосом. Что это за голос?

Байрон послушно закрыл глаза, помолчал и только потом ответил:

— Более низкий. Говорит старик.

— Что он еще говорил?

— Милорд, — голос Байрона и впрямь зазвучал на октаву ниже, — эти заявления и реплики должны помочь вам пережить эти два дня. Но если беседа приобретет опасный оборот и вы утратите защитную завесу, что дает вам мое

покровительство, немедленно возвращайтесь сюда, в лагерь, пока люди на улице не разорвали вас на части, как крысы — увечную собаку. А теперь Ричард отвезет вас в город в карете, и он же подберет вас сегодня вечером на углу Фиш-стрит и Бред-стрит. А вот и Ричард. Заходи. Все готово к выезду? Аво, руа. Руа, этот игрушка, что заграничный чели принести, — заведи ее, пусть мой обезьянка посмотреть. С твоего позволения, Ричард, мы поговорим об этом позже. А пока отвези милорда в город. — Байрон удивленно открыл глаза. — А потом, — добавил он уже собственным голосом, — я оказался в карете.

Дойль очень старался не показать, как он взволнован, и сидел с невозмутимым видом, но мысли его бешено заметались. Боже сохрани, это снова Ромени, сообразил он. Какую, черт возьми, роль играет он в этом деле? На что он надеялся, промывая мозги Байрону и заставляя его вести, можно сказать, подстрекательские речи? Ведь он не стремился к скрытности — для того чтобы найти его сегодня, мне достаточно было прислушаться к слухам о сумасшедшем лорде, что за свой счет поит любого. Не Ромени ли стоит за присутствием Байрона в Англии сегодня? Так или иначе, придется мне прижать этого несчастного.

— Послушайте, — сказал он. — У вас есть еще немало высокооктановых воспоминаний, и нам не удастся поговорить об этом здесь. У меня есть комната в паре кварталов отсюда — я ее, так сказать, унаследовал, — и мои соседи не отличаются излишним любопытством. Давайте-ка пройдемся туда.

Байрон поднялся на ноги все с тем же оглушенным видом.

— Очень хорошо, мистер…

Дойль открыл рот, чтобы ответить, потом вздохнул:

— Ох, черт. Пожалуй, вы можете звать меня Вильямом Эшблесом. Пока. Но будь я проклят, если останусь Вильямом Эшблесом до конца поездки. Идет?

Байрон неуверенно пожал плечами:

— Пожалуй, я не против.

Дойлю пришлось напомнить ему, чтобы он заплатил за пиво, и всю дорогу к дому Дойля Байрон вертел головой, разглядывая дома и толпы прохожих.

— Черт, я и правда в Англии, — пробормотал он. Его темные брови нахмурились и оставались в таком положении до конца пути.

Они довольно быстро добрались до обветшало-

го здания, поднялись по лестнице — подгоняемые нецензурной бранью некоторых жильцов, видимо, считавших оную площадь своей собственной комнатой, судя по тому, какими выражениями они встречали Дойля и его спутника, поспешно пряча куски своей убогой пищи, — и вошли в комнату, некогда принадлежавшую Джо — Песьей Морде. Когда же они наполнили две чашки из кофейника, оставленного на углях в камине и все еще теплого, Байрон впервые посмотрел на Дойля осмысленным взглядом.

— Скажите, мистер Эшблес, какое число сегодня?

— Дайте вспомнить… двадцать шестое. — Выражение лица Байрона не изменилось, поэтому Дойль, отхлебнув кофе, добавил: — Двадцать шестое сентября.

— Но это невозможно! — заявил Байрон. — Я был в Греции… я точно помню, что был в Греции в субботу… в субботу, двадцать второго. — Он поерзал в кресле, наклонился и начал расшнуровывать башмаки. — Черт, как жмут эти башмаки, — вздохнул он, потом снял один из них и удивленно уставился на него. — Откуда, черт возьми, у меня такие? Они не только малы, они еще и сто лет как вышли из моды. Красные

каблуки… и посмотрите только, какие пряжки! И откуда, скажите на милость, на мне этот плащ? — Он уронил башмак и заговорил таким напряженным голосом, что Дойль понял, как ему страшно: — Бога ради, скажите мне, мистер Эшблес, какое сегодня число на самом деле и что вам известно обо мне с тех пор, как я покинул Грецию? Насколько я могу понять, я болел. Но почему я тогда не у друзей или матери?

— Сегодня двадцать шестое сентября, — осторожно ответил Дойль, — и все, что мне известно о ваших действиях, — это то, что за последние пару дней вы угостили за свой счет половину населения Лондона. Но мне известно, кто мог бы рассказать вам, что же произошло на самом деле.

— Так пойдемте же к нему тотчас же! Я не вынесу…

— Этот человек здесь. Это вы. Нет, поверьте мне — всего несколько минут назад вы вспоминали фрагменты чужих разговоров. Попробуйте еще. Попробуйте — и прислушайтесь к себе. Давайте… Итак: «Аво, руа». Попробуйте услышать эти слова, произнесенные другим голосом.

— Аво, руа, — произнес Байрон, и взгляд его снова стал бессмысленным. — Аво, руа. Он здорово

кушто с этим. Он уметь обращаться с пистолеты, точно. Это хорошо, Уилбур. Впрочем, особого мастерства от него и не требуется — в момент выстрела он будет находиться всего в нескольких шагах от него. А вот сможет ли он выхватить его достаточно быстро? Я предпочел бы, чтобы он находился у него в кармане, однако, боюсь, даже лорда обыскивают перед августейшей аудиенцией. О, аво, руа, маленький кобура под мышкой в самый раз. Посмотреть сами: в его рука он быстро, как змея! И он стреляет без колебания? Аво, от кукла остаться кусочки, так быстро он стрелять…

Байрон вскочил как ужаленный.

— Боже праведный! — вскричал он своим собственным голосом. — Я должен был убить короля Георга! Что за мерзость! Я же был просто марионеткой, сомнамбулой, я следовал этим диавольским инструкциям, как… как прислуга послушно накрывает на стол! Бог мой, да я, ни минуты не медля, должен вызвать его на дуэль… это… это жестокое оскорбление! Мэттьюз… или Дэвис передадут мой вызов этому… этому… — Он с размаху ударил кулаком правой руки по ладони левой. — Ну вы понимаете, кому.

Дойль кивнул:

— Кажется, понимаю. Но на вашем месте я бы не стал так горячиться. В любом случае, прежде чем бросаться в это очертя голову, вспомните, что вам еще известно. Попробуйте, скажем, «да, Хорребин» — тем же голосом, что задавал вопросы в этом последнем диалоге. Вы ничего не вспоминаете при этих словах?

Все еще хмурясь, Байрон сел обратно.

— Да, Хорребин. — Лицо его снова утратило выражение. — Да, Хорребин, этого тоже придется убить. Это должно работать, как часы, и, вполне возможно, он знает достаточно для того, чтобы в определенный момент испортить все. Лучше уж перестраховаться. Кстати, Братство Антея еще существует? Я имею в виду, продолжают ли они еще собираться и все такое? Если продолжают, их тоже надо уничтожить. В свое время они порядком досаждали. Сотню лет назад — возможно, ваша милость, но сегодня это всего-навсего сборище дряхлых старцев. Я тоже слышал старые предания, и если верить им — они действительно представляли собой угрозу; но теперь это лишь жалкие остатки того, что было, так что ликвидация может только привлечь к их истории совершенно ненужное внимание. Что ж, логично… и все же расставь своих людей там, где

собирается это старье… на Бедфорт-стрит, ваша милость, комнаты над кондитерской… и пусть они докладывают, если заметят что-то подозрительное… ладно, не бери в голову. Я начинаю бояться несуществующих угроз. Лучше возьми его лордство и повторите с ним его роль. — Взгляд Байрона снова сделался осмысленным, и он с досадой прикусил язык. — Это какая-то бредятина, Эшблес. Я не помню ничего, кроме бессмысленных диалогов, и до сих пор не имею ни малейшего представления о том, каким образом попал сюда из Греции. Правда, я помню, как мне добираться до лагеря в случае чего — и я вернусь-таки, но только с парой дуэльных пистолетов! — Он порывисто встал и подошел к окну — Дойль испугался, что он снова вернется в сомнамбулическое состояние, но тот просто стоял у окна, скрестив руки и мстительно глядя на лондонские крыши.

Дойль раздраженно тряхнул головой:

— Милорд, боюсь, этот человек — не джентльмен. Я вполне могу представить, что он примет ваш вызов и потом прикажет одному из своих людей вышибить вам мозги выстрелом в затылок.

Байрон резко повернулся и бросил на него яростный взгляд:

— Кто он? Я не могу вспомнить, как его зовут.

На кого он похож?

Дойль поднял свои пышные брови:

— Почему бы вам самому не попробовать вспомнить это? Тот голос: «Да, Хорребин, этого тоже придется убить». Попытайтесь не только услышать, но и увидеть.

Байрон прикрыл глаза и почти сразу же удивленно произнес:

— Я в шатре, полном каких-то египетских древностей; самый уродливый клоун в мире сидит на чем-то, похожем на птичью клетку. Он говорит с каким-то лысым стариком… О господи! Это же мой греческий доктор Романелли!

— Ромени, — поправил Дойль. — Он грек?

— Нет, Романелли. Ну мне кажется, он итальянец, но он лечил меня, когда я болел в Патрах. Как могло случиться, что я до сих пор не узнал его? Наверное, мы с ним вернулись в Англию вместе… но зачем Романелли смерть короля? И зачем для этого тащить меня из Греции? — Он сел и посмотрел на Дойля в упор, довольно воинственно. — Я не шучу, приятель, мне надо точно знать, какое сегодня число.

— Это одна из немногих вещей, в которых я уверен, — спокойно ответил Дойль. — Сегодня среда, двадцать шестое сентября 1810 года. И вы

говорили, что всего четыре дня назад находились в Греции?

— Черт побери! — прошептал Байрон. — Похоже, вы не шутите! Поверите ли, я помню, как лежал в лихорадке в Патрах, и это было не больше недели назад. Да, в прошлую субботу я точно находился в Патрах, и этот негодяй Романелли со мной. — Он улыбнулся. — Знаете ли, Эшблес, все это как-то смахивает на колдовство! Даже… даже если бы через весь континент протянулась цепочка пушек, из которых бы меня выстреливали каждый раз в нужную сторону, я и то не успел бы попасть сюда в срок, чтобы вчера поить лондонцев за свой счет. Юлий Секвенций описывал такие случаи в своей книге о чудесах. Не иначе как Романелли подвластна воздушная стихия!

«Эдак мы далеко зайдем», — подумал Дойль.

— Возможно, — осторожно кивнул он. — Но если Романелли лечил вас там, то он… он наверняка остался там. Ибо этот доктор Ромени — очевидно, это его близнец — был здесь и раньше.

— Близнец, говорите? Ну этот лондонский близнец очень скоро выложит мне все как на духу, если потребуется — под дулом пистолета! — Он решительно встал, потом брезгливо осмотрел свой наряд и ноги в чулках. — Проклятие! Я не мо-

гу себе позволить вызов на дуэль, когда на мне эта гадость! Надо сначала зайти к галантерейщику.

— Вы намерены пугать чародея пистолетом? — саркастически поинтересовался Дойль. — Да его… э-э… воздушные стихии уронят вам на голову ведро, чтобы вы не смогли прицелиться. Полагаю, сначала нам стоит нанести визит этому Братству Антея: если когда-то они представляли реальную угрозу для Ромени и его людей, они, может быть, помнят, как противостоять их чарам.

Байрон нетерпеливо щелкнул пальцами.

— Полагаю, вы правы. Вы сказали «мы»? У вас что, тоже с ним счеты?

— Мне необходимо узнать от него кое-что, — ответил Дойль вставая. — Кое-что, что он… вряд ли расскажет мне… добровольно.

— Отлично. Так пошли же к этим… как их? Братству Антея? Тем более у нас есть время, пока не будет готова моя новая одежда и обувь. Антея, говорите? Это не те ли, что имеют обыкновение расхаживать босиком по грязному полу?

Это напомнило Дойлю о чем-то, но он не успел понять, о чем именно, так как Байрон поспешно влез в свои ненавистные башмаки и устремился к двери.

— Вы идете?

— Да, конечно, — откликнулся Дойль, надевая плащ Беннера. «Запомни это — насчет босых ног и грязи, — сказал он себе. — Это связано с чем-то очень важным».

* * *

Капельки пота сползали по лбу доктора Ромени, как крошечные хрустальные улитки. Усталость мешала ему сосредоточиться, но он упорно пытался связаться с Мастером в Каире. Вот в чем дело, догадался доктор Ромени, эфир слишком восприимчив, потому что, не пройдя и десяти миль, его послание начинает рассеиваться конусом, теряя энергию, вместо того, чтобы узким лучом устремляться к свече, постоянно горящей в чертоге Мастера, оно останавливается и возвращается к его собственной свече, отзываясь громким, искаженным эхом, которое так бесит его самого и до смерти пугает цыган.

Он еще раз поднес горящую лампу к почерневшему фитилю магической свечи. Это была уже двенадцатая попытка, и как только появился маленький шар пламени, он физически ощутил, как силы покидают его.

— Мастер! — хрипло произнес он. — Вы меня слышите? Это я, ка Романелли, из Англии. Мне

необходимо поговорить с вами! У меня такие новости, может быть, придется остановить всю операцию. Я…

— Фименна злижедди? — Его собственный голос, искаженный и замедленный, вернулся к нему так громко, что он отшатнулся от свечи. — Эддьяка, Раббибелли задингли. Бнене обвготимма… — Идиотское эхо резко оборвалось, оставив только слабый шум — словно далекий ветер хлопает занавеской. Это не назовешь успешным контактом, и все же это хоть чем-то отличается от предыдущих попыток.

— Мастер? — с надеждой в голосе спросил он. Так и не превратившись в человеческий голос, далекий шелест начал складываться в слова.

— Кес ку сехер сер сат… — шептала пустота, — тук кемху а пет…

Огненный шарик погас, когда свеча, сбитая кулаком Ромени, ударилась о полог. Он поднялся в холодном поту, дрожа и пошатываясь, выбрался из шатра.

— Ричард! — рявкнул он злобно. — Куда ты провалился, окаянный? А ну…

— Акай, руа! — откликнулся старый цыган, спеша на его голос.

Доктор Ромени оглянулся. Солнце уже кло-

нилось к закату, прочерчивая на вересковой пустоши длинные тени; оно явно было слишком занято неизбежным погружением в Дуат и последующим плаванием на ладье сквозь двенадцать ночных часов, чтобы оглядываться на то, что происходит на этом лугу. На траве возвышалась высокая поленница, похожая на двадцатифутовый пролет моста, и резкий запах бренди в вечернем воздухе не оставлял сомнений в том, что его угрозы подействовали и цыгане все-таки вылили на дрова весь бочонок, не оставив себе ни капли.

— Когда вы вылили бренди? — спросил он.

— Минута назад, руа, — отвечал Ричард. — Мы бросать жребий, кто помогать тебе.

— Отлично. — Романелли протер глаза и глубоко вздохнул, пытаясь выбросить из головы шепот, который слышал только что. — Принеси мне жаровню с углями и ланцет, — произнес он наконец. — И мы попробуем вызвать этих духов огня.

— Аво. — Ричард поспешил прочь, бормоча охранительные заклинания, и Ромени снова обернулся к солнцу, которое уже коснулось тьмы. И пока его страж погружался во тьму, слова, что он слышал, все громче звучали в его голове: «Кес

ку сехер сер сат, тук кемху а пет…»

…Кости твои падут на землю, и не увидеть тебе небес…

Он услышал шаркающие шаги Ричарда за спиной, пожал плечами и, приняв решение, начал нащупывать пальцами вену на левой руке.

«Будем надеяться, что они удовольствуются кровью ка», — подумал он.

* * *

Старик в побитом молью халате по-обезьяньи нахмурил седые брови, когда Дойль отважился наполнить свой маленький стакан дешевым шерри из графина.

— Наливайте, наливайте, милорд, — с кислой улыбкой сказал старик, когда Байрон потянулся за графином во второй раз.

— Да… гм… так о чем это мы? — дребезжащим голосом продолжал он. — Ах да! Так вот, помимо… э-э… тихих радостей приятного общения, основной целью нашего Братства является, как бы это сказать, искоренение ростков скверны в старой доброй Британии. — Трясущейся рукой он высыпал на тыльную сторону ладони изрядную порцию табака, втянул ее ноздрей, и Дойлю показалось, что старик вот-вот рассыплется от

сокрушительного чиха.

Байрон неодобрительно скривился и поболтал остатками шерри в стакане.

— Спасибо! Прошу — апчхи! — прошу прощения, милорд. — Старик вытер слезы носовым платком. Дойль нетерпеливо подался вперед.

— И как именно вы искореняете эту, как вы выразились, скверну, мистер Мосс? — Он огляделся по сторонам: пыльные шторы, гобелены, картины и книги надежно ограждали комнаты Братства Антея от свежего осеннего ветра на улице. Его начинало мутить от запахов свечного воска, шотландской нюхательной смеси и истлевших кожаных переплетов.

— А? О, ну мы… мы пишем письма. В газеты. Мы протестуем… э-э… против смягчения иммиграционных законов, мы выдвигаем предложения касательно… запрета цыганам, неграм и… э-э… ирландцам появляться в крупных городах. И мы печатаем и распространяем… э-э… памфлеты, что, — он бросил неприязненный взгляд на Байрона, — приводит, как вы, должно быть, понимаете, к значительным расходам средств из нашего банка… то есть фонда. И мы спонсируем пьесы морального содержания…

— Но почему Братство носит имя Антея? —

перебил Дойль в страхе, что слабая надежда, затеплившаяся в нем при упоминании о Братстве, окажется беспочвенной.

— …которые… что? О! Ах да, мы считаем, что сила Англии, подобно Антею из… э-э… античной мифологии, основана на неразрывной связи с землей… с почвой… так сказать, с истинно британской… э-э…

— С почвой, — яростно кивнул Байрон, отодвигая стул и вставая. — Замечательно. Благодарю вас, мистер Мосс, это весьма вдохновляет. Вы, Эшблес, можете остаться — вдруг услышите чего-нибудь еще не менее ценное на случай, если нам придется отбиваться от диких негров или ирландцев. Я лучше подожду у галантерейщика. Поскучаю немного, ничего страшного. — Он повернулся на пятках, сдержавшись, чтобы не поморщиться от боли, и вышел. Звук его шагов, приглушенный коврами, становился все тише, потом хлопнула входная дверь.

— Простите нас, — сказал Дойль окаменевшему от подобного неуважения Моссу. — Лорд Байрон — человек порывистый.

— Я… ну конечно, молодость… — пробормотал Мосс.

— Но послушайте, — продолжал Дойль, подав-

шись вперед, что вызвало у Мосса нескрываемую тревогу, — вы никогда не были более… более воинственными? Я хочу сказать, лет сто назад, когда обстановка… ну не знаю… была серьезнее, что ли… тогда вы тоже ограничивались письмами в «Таймс»?

— Ну, тогда действительно имели место… э-э… силовые меры, — осторожно отвечал Мосс. — Тогда Братство размещалось на Лондонском мосту, у его южной оконечности. В наших архивах сохранились упоминания…

— Архивах? Скажите, а я мог бы ознакомиться с ними? Прошу вас. Гм, лорд Байрон особо подчеркивал, что хотел бы лучше знать историю Братства, прежде чем решиться вступить в него, — поспешно добавил он, заметив, что Мосс снова начинает хмуриться. — В конце концов, должен же он хорошо представлять себе организацию, в которую готов вложить немалое состояние?

— Что? Ну да, конечно, — проскрипел Мосс, с усилием отрываясь от стула. — Правда, вы не член Братства, но, полагаю, мы можем сделать исключение из… э-э… правил. — Опираясь на трость, он наконец выпрямился, насколько это ему удалось, и заковылял к двери в дальней

стене. — Если вы захватите лампу и… э-э… последуете за мной, — пригласил он, и упоминание о немалом состоянии заставило его нехотя добавить, обращаясь к Дойлю, «сэр».

Дверь отворилась со скрипом, не оставляющим сомнений в том, что в последний раз ее открывали довольно давно, и когда Дойль переступил порог следом за Моссом, он понял почему.

От пола до потолка комната была заполнена штабелями тетрадей в кожаных переплетах, частично уже обрушившихся, рассыпав по полу обрывки пожелтелой от времени бумаги. Дойль протянул руку к ближайшему бумажному сталагмиту, доходившему ему только до груди, но оказалось, что протекшая крыша превратила всю стопку в прессованную массу трухи. Вторжение Дойля вспугнуло колонию пауков, так что он на всякий случай отошел в сторону и решил удовольствоваться осмотром полки с несколькими парами старинных башмаков. На одном башмаке что-то блеснуло, и, приглядевшись, он увидел золотую цепь около трех дюймов длиной, прикрепленную к рассохшейся коже каблука. Оказалось, что такие же цепи есть на всех башмаках, хотя в основном не золотые, а медные, давно позеленевшие от времени.

— А цепи зачем?

— А? О, это просто… э-э… старая традиция, прикреплять к правому каблуку цепь. Право, не знаю, откуда она взялась. Скорее всего это просто причуда вроде… э-э… пуговок на манжетах, лишенная…

— Что вам известно о происхождении этой традиции? — рявкнул Дойль; это, как и слова Байрона насчет босых ног и грязных полов, снова напомнило ему о чем-то важном. — Подумайте!

— Но послушайте, сэр… зачем так… не надо кричать… дайте подумать. Кажется, члены Братства времен Карла Второго постоянно носили цепи… ну да, конечно, только они не просто цепляли их к каблуку, как… э-э… теперь, но пропускали их через отверстие в башмаке… и в чулке… и обматывали верхнюю часть ее вокруг… э-э… лодыжки. Бог знает зачем. Разумеется, с годами все… э-э… упростилось… и ногу не натирает…

Дойлю удалось-таки найти более или менее сохранившуюся стопку тетрадей и перелистать несколько верхних. Он обнаружил, что они лежат строго в хронологическом порядке и что содержание их, датированное восемнадцатым веком, ограничивается записками сугубо светского характера: обед, на котором ожидался, но так

и не появился Сэмюэль Джонсон, недовольство плохим качеством портвейна, протест против введения золотых и серебряных галунов… Впрочем, ближе к семнадцатому веку записи стали более редкими, но зато более загадочными; по большей части они велись не на страницах, а на вклеенных явно позже отдельных листках. Дойль никак не мог уловить смысл этих записей, то зашифрованных, то похожих на планы с неразборчиво сокращенными названиями улиц, но в конце концов нашел тетрадь, целиком посвященную событиям одной ночи, четвертого февраля 1684 года. Вложенные в нее листки были нацарапаны наспех на относительно внятном английском: похоже, что у писавших не было времени зашифровать записи.

Хотя писавшие, видимо, рассчитывали на то, что читатель в курсе событий и интересуется только подробностями:

«…и мы последовали за ним и за его диавольской свитой по льду, там, где Порк-Чопп-лейн переходит в Саутварк-сайд, — читал Дойль на одном из обрывков бумаги. — Наш отряд поспешал на лодке, несущейся на колесах по льду аки посуху, направляемой Б. и нашим безымянным Информатором, и хотя мы всеми силами избегали

стычки на реке, стремясь единственно вытеснить их на земную твердь… ибо нет смысла в Связи над замерзшей водой… и все же им удалось завязать схватку». Другой фрагмент гласил: «…уничтожены все до последнего, и предводитель их пал, сраженный пулей в лицо…» Дойль перевернул листки и прочитал первую страницу: «Но стоило нам собраться за столом, дабы вкусить сосисок и отменной говяжьей вырезки, как — увы! — ворвались они внутрь, ставши причиною того, что нам пришлось покинуть сей гостеприимный кров и то, что заслуженно могло бы стать прекраснейшей трапезой».

Так что же, черт возьми, там произошло, думал Дойль. «Диавольская свита» звучало зловеще… и как, скажите на милость, понять упоминание о некоей «Связи»? Да еще с большой буквы? Он беспомощно перерыл страницы до самого конца тетради, и взгляд его привлекла короткая надпись на внутренней стороне обложки.

Дойль вчитался в нее, и в первый раз с начала всех его приключений и невзгод он действительно усомнился в здравости своего рассудка.

Запись гласила: «Ихей, энданбрей, анкей уйяй игит-дай?» — и была написана его собственным почерком, хотя чернила выцвели, как и на всех

других записях в этой тетради.

Голова его вдруг закружилась, и он без сил плюхнулся на соседнюю стопку тетрадей, которая под его весом рассыпалась в прах, и он с размаху врезался в следующую стопку, обрушившуюся на него лавиной отсыревшей бумажной и кожаной трухи вперемешку с пауками и мокрицами.

Потрясенный Мосс в ужасе бежал, когда из груды трухи, подобно Пятому Всаднику Апокалипсиса, олицетворяющему Тлен, восстал рыжебородый, безумно кричащий великан, украшенный в довершение всего клочками бумаги и паутиной.

Человек, в данный момент уже не знавший, кто он — Дойль, Эшблес или давно уже почивший член Братства Антея, — вскочил на ноги и, не прекращая кричать и на ходу выбирая из бороды пауков, выскочил из архива, пронесся через гостиную и оказался в прихожей. На стене висели часы с кукушкой, и, повинуясь неожиданному импульсу, он подскочил к ним, ухватился за цепь, сорвал с нее гирю в форме еловой шишки и рывком вытащил из часового механизма, потом скатился по лестнице, оставив часы навеки неподвижными.

* * *

Жар от горящего помоста все усиливался, и когда доктор Ромени отвернулся и отошел от костра на несколько шагов, ночной воздух обжег холодом его вспотевшее лицо. Он сжал кулак и снова разжал его, поморщившись от скользкой крови, продолжавшей струиться из вскрытой вены. Он глубоко вздохнул и подавил желание сесть на траву. В эту минуту ему казалось, что свобода сесть на траву — самая ценная из всех вещей, от которых он отказался ради магии.

Так и не поворачиваясь к огню, глядя в круг темноты, соединявшейся с ним его длинной тенью, он достал из кармана испачканный кровью ланцет и липкую чашу, чтобы попытаться еще раз.

Прежде чем он успел еще раз вскрыть истерзанную вену, голос, похожий на пение скрипки, пропел у него за спиной:

— Я вижу башмаки! — Нечеловеческий голос казался веселым, но диким.

— Я тоже, — отозвался другой такой же. Ромени вздохнул, благодаря давно уже мертвых богов, собрался с духом — вид ягов всегда действовал на него удручающе — и обернулся.

Столбы огня приобрели некоторую схожесть

с человеческими фигурами, так что на первый взгляд их можно было принять за огненных великанов, размахивающих руками.

— Башмаки повернулись к нам, — зазвенел третий голос, заглушая треск пламени. — Мне кажется, они принадлежат нашему невидимому чародею.

Ромени облизнул пересохшие губы; его всегда раздражало то, что духи не могут его видеть.

— Эти башмаки и впрямь принадлежат вашему чародею, — холодно сказал он.

— Я слышу собачий лай, — заявил один из огненных великанов.

— Ах, так, значит, собака? — рассердился Ромени. — Ну что ж, отлично. Собака не сможет показать вам ту замечательную игрушку, что скрыта за моей спиной, верно?

— У тебя есть игрушка? А что она делает?

— Какой смысл спрашивать собаку? — огрызнулся Ромени.

Несколько секунд огненные фигуры молча размахивали руками, потом одна из них произнесла:

— Мы просим прощения, господин чародей. Покажи нам игрушку.

— Я покажу ее вам, — сказал Ромени, пово-

рачиваясь на своих пружинах к прикрытой покрывалом игрушке, — но не включу ее до тех пор, пока вы не пообещаете выполнить мою просьбу. — Он сдернул покрывало и перевел дух при виде свечей, горевших, как и положено, за окнами миниатюрных домов. — Как видите, — продолжал он, надеясь, что механизм сработает, а яги выполнят данное ими слово, — перед вами баварская деревня. Когда игрушка работает, все эти человечки ходят, а эти сани едут, запряженные этими лошадьми, — обратите внимание: их ноги действительно сгибаются! А эти девушки танцуют под… гм… бодрящие звуки аккордеона.

Огненные столбы склонились над ним, словно от порыва ветра, и их силуэты утратили схожесть с людскими — верный признак того, что они возбуждены.

— В-включи-и-и ее! — заикаясь, взмолился один из них.

Доктор Ромени осторожно дотронулся до выключателя.

— Я дам вам посмотреть всего одну секунду, — объявил он. — Потом мы обсудим то, что мне нужно от вас. — Он повернул рычажок.

Машина как бы вздохнула, потом заиграла веселая музыка, и крошечные фигурки задвигались

— зашагали, закружились в танце. Он выключил ее и беспокойно оглянулся на ягов. Теперь это были просто столбы бешеного огня, языки которого то и дело вырывались во все стороны.

— Иаааах! — ревели они. — Иаааах! Иааааааах!

— Она выключена! — крикнул Ромени. — Видите, она выключена, она остановилась! Хотите, чтобы я включил ее снова?

Огненные языки несколько угомонились и снова обрели человеческие очертания.

— Включи ее снова! — попросил один.

— Включу, — ответил доктор Ромени, вытирая лоб рукавом, — но не раньше, чем вы выполните то, о чем я вас попрошу.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы вы появились завтра ночью в Лондоне — костры с бренди и кровью будут вам маяками, — и тогда я хочу, чтобы вы вспомнили эту игрушку и представили себе, каково это будет, когда вы сможете любоваться на нее столько, сколько пожелаете.

— Лондон? Ты уже просил нас об этом.

— Тогда, в 1666-м? Да, — кивнул Ромени. — Но это не я тогда просил вас об этой услуге. Это был Аменофис Фике…

— Это была пара башмаков. Какая нам раз-

ница?

— Я думаю, это не так важно, — пробормотал доктор Ромени, чувствуя смертельную усталость. — Но это должно произойти завтра ночью, ясно? Если вы спутаете время или место, вы не получите этой игрушки, вы даже не увидите ее больше никогда.

Огни беспокойно заколыхались — как правило, яги не отличались особой пунктуальностью.

— Н-никогда б-больше? — переспросил один голосом наполовину просительным, наполовину угрожающим.

— Никогда, — заверил Ромени.

— Мы хотим, чтобы игрушку включили.

— Отлично. Тогда следите за сигнальными кострами, ступайте и оживите их. Я хочу, чтобы вы постарались.

— Мы уж постараемся на славу, — самодовольно откликнулся яг. Ромени повел плечами, снимая напряжение, — самое тяжелое позади. Теперь оставалось ждать только, пока яги уйдут и огонь превратится в обычный костер. Кругом все тихо — и только треск огня, редкие хлопки взрывающихся головешек, да изредка, когда ветер задувал с севера, — далекое бормотание древесных лягушек.

И вдруг откуда-то из темноты крик:

— Где ты прячешься, Ромени, или как тебя там? Выходи, сукин сын, если только твое чародейство не превратило тебя в трусливого евнуха!

— Иа-а-ах! — взвыл один из ягов, мгновенно вспыхнув и утратив человеческий облик. — Башмаки — трусливый евнух! — Из столба вырвался с ревом, похожим на хохот, длинный язык пламени.

— Хо-хо! — завопил другой. — Молодой и кудрявый хочет укокошить нашего господина! Слышите, как он зол?

— Может, он включит нам игрушку? — предположил третий и от возбуждения превратился в бесформенный клубок.

Доктор Ромени в панике пытался срочно что-то придумать, иначе из-за этого буяна яги вот-вот выйдут из-под контроля — окончательно и бесповоротно.

— Ричард! — крикнул он. — Уилбур! Черт бы вас побрал, поймайте этого, кто там орет на южном конце лагеря — и заткните ему пасть!

— Аво, руа, — вяло отозвался из темноты старый цыган.

— Если вы все сейчас успокоитесь, — заорал Ромени ягам, протягивавшим во все стороны

огненные псевдоподии, — я включу игрушку еще раз! — Ромени был здорово напуган, но еще больше зол — зол не столько на само наглое вторжение, сколько на то, что яги почему-то видели смутьяна и даже отчасти читали его мысли.

— Подождите-ка, — крикнул один огненный столб другим. — Башмаки хочет снова включить игрушку! — Огненные сгустки медленно и неохотно восстановили человеческие очертания.

С края лагеря больше не доносились крики, и Ромени чуть перевел дух; голова его — как всегда, когда опасность уже позади, — казалась легкой-легкой. Поворачиваясь к Village Bavarois, он уже почти полностью овладел собой.

Ричард подоспел в тот самый момент, когда Ромени собирался поворачивать выключатель. Старый цыган в страхе скалил зубы на пляшущих ягов, но подошел к доктору Ромени и зашептал ему на ухо:

— Этот ч-человек, что кричать, руа, — это есть твой джорджо лорд, он рано вернуться домой.

Ромени вздрогнул, и его уверенность исчезла, как непросохшие чернила с листа под струей воды.

— Байрон? — прошептал он, не в силах пове-

рить в поражение.

— Аво, Байрон, — торопливо прошептал Ричард. — Теперь на нем другой одежда, и чемоданчик с два пистолеты. Он хотеть стреляться с тобой, руа, но мы его связать. — Цыган поклонился и поспешно ретировался в темноту.

«Вот и все, — подумал Ромени, машинально схватившись за рычажок выключателя. — Должно быть, он встретил кого-то, хорошо знакомого с подлинным Байроном, и — кто бы это ни был — это пробудило его, вывело из-под моего контроля».

Он повернул рычажок, подержал его несколько секунд, пока куклы двигались, а музыка играла, разносясь над ночными полями, а яги колыхались и ревели, потом выключил.

— Я передумал! — крикнул он. — Я решил, что вы получите игрушку сегодня, забудьте про Лондон. — Мастер, вспомнил он с досадой, говорил, что поджог Лондона, взятый отдельно — без крушения британской денежной системы и скандального убийства монарха, — все равно ничего не даст, это только пустая трата сил и средств, глупая провокация. — Вам только придется немного подождать, пока мои люди погрузят ее на телегу и отвезут на опушку, где вы сможете без помех

любоваться ею сколько влезет.

Голос Ромени звучал ровно и бесцветно от огорчения, зато яги сияли, как фейерверк.

— А теперь потише, — предупредил он. — Подождите, пока не окажетесь в лесу — вот там и повеселитесь всласть. Да слушайте же, черт подрал, или не получите игрушки!

Ну что же, все-таки еще остаются эти путешествия во времени, сказал он себе. По крайней мере, можно не докладывать о полном провале.

* * *

— Они уже укладываются на ночь, — в третий раз повторил кебмен. — Точно вам говорю. А то подумайте, я вас живо свезу к одной моей знакомой леди, та по руке читает.

— Нет, спасибо, — ответил Дойль, отворяя узкую дверцу. Он вытащил из кеба свое долговязое тело и осторожно ступил на землю — полупьяный кебмен не укрепил тормоз. Воздух был, пожалуй, чересчур свеж, и горевшие вдали огни делали цыганские шатры почти привлекательными.

— Я подожду, что ли, сэр? — предложил кебмен. — До Флит-стрит путь неблизкий, а другого кеба вам здесь век не поймать. — Как бы в подтверждение этих слов лошадь шумно вздохнула

и переступила с ноги на ногу.

— Нет, поезжайте, я пройдусь пешком.

— Ну раз так… покойной ночи. — Кебмен щелкнул кнутом, и кеб, раскачиваясь, загромыхал прочь по булыжнику Хэкни-роуд в сторону слабого свечения на юго-западе, там, где был город.

Со стороны лагеря Ромени слышались далекие голоса. Байрон, наверное, уже здесь, подумал он. Галантерейщик сказал, что тот ушел из его лавки за полчаса до появления там Дойля и что, получив новую одежду и обувь, тот задержался ровно настолько, чтобы спросить, где находится ближайшая оружейная лавка; ко времени же, когда Дойль нашел оружейника, Байрон ушел и оттуда, успев на золотые соверены, которыми в изобилии снабдил его Ромени, приобрести набор дуэльных пистолетов. И потом, Дойлю пришлось несколько раз останавливаться, чтобы спросить у полисменов дорогу к цыганскому табору доктора Ромени, в то время как Байрон наверняка знал ее сам.

«Чертов идиот, — подумал Дойль, — говорил же я ему, что от пистолетов толку мало, когда имеешь дело с такими, как Ромени».

Дойль сделал два шага к черным силуэтам шатров, видневшихся на фоне большого костра,

и остановился. «Ну и что я собираюсь здесь делать? Спасти Байрона, если тот еще жив? На то есть полиция. Заключить что-то вроде сделки с доктором Ромени? Ах да, конечно: хорошо бы узнать координаты окна в 1814 году, через которое Дерроу и его люди собираются вернуться в 1983 год, чтобы я мог дождаться их там и схватить кого-нибудь за руку в последний момент перед тем, как окно закроется… впрочем, если Ромени считает, что у меня есть все необходимые знания, он просто схватит меня, обойдясь без торгов».

Дойль расправил плечи и хрустнул сложенными на груди руками, ощупывая сквозь ткань сорочки мощные бицепсы. «Ну-ну, — подумал он не без самодовольства, — на этот раз меня не так-то просто будет одолеть. Интересно, как поживает в моем теле Джо — Песья Морда? Впрочем, вряд ли он будет сокрушаться по поводу моей лысины.

Дойль опять почувствовал головокружение, резко тряхнул головой, несколько раз глубоко вдохнул свежий ночной воздух и зашагал вперед. «Я только разведаю, что там творится, — сказал он себе. — Разнюхаю. Мне даже необязательно подходить к шатрам».

Вдруг ему пришла на ум неожиданная мысль,

и он замер. Потом, как-то странно улыбнувшись, пошел дальше и снова остановился. А почему бы и нет? Уже не раз подтверждались и куда более безумные предположения, так что почему бы не попробовать?

Он сел на траву, снял правый башмак и ножом Джо — Песьей Морды — а может, Беннера — надрезал задний шов. Потом закатал носок, вытащил из кармана цепь от часов, завязал один конец вокруг лодыжки и надел башмак. Остальное было проще: концом лезвия он подцепил цепь и вытащил ее через отверстие так, чтобы она фута на полтора волочилась по земле. Покончив с этим, он встал и пошел дальше к шатрам.

* * *

Яги вспыхнули ярче и изогнулись в южную сторону, к шатрам.

— Гляньте-ка на этого несмышленыша! — пропел один из них. — Идет сюда, даже не зная, чего он хочет.

— Даже того, кто он, — добавил другой с явной заинтересованностью.

Доктор Ромени покосился в ту сторону, но увидел только Уилбура и Ричарда, запрягавших телегу. Нет, яги говорят не о них, подумал он.

Должно быть, это они про ка Байрона, голова которого полна противоречивых воспоминаний и приказов. Если его эмоции и дальше будут возбуждать ягов до такой степени, придется заставить Уилбура оглушить его — или лучше убить; все равно от него уже никакого проку.

* * *

Дойль почувствовал, как в мозгу что-то вспыхивает ярким светом, пробуя его сознание, — словно малолетние проказники, обнаружив, что дверь в библиотеку не заперта, с хихиканьем проскальзывают внутрь пощупать переплеты и поглазеть на пыльные обложки.

Он снова тряхнул головой. «Что я делаю? Ах да… иду на разведку в лагерь, чтобы узнать, где здесь красивая игрушка… нет! Байрон и Ромени. Почему, — в смятении думал он, — я подумал об игрушке? Замечательной игрушке с маленькими человечками и лошадками, спешащими по узеньким дорожкам…» Его сердце готово было выпрыгнуть из груди от возбуждения, и ему хотелось разбрасывать во все стороны огненные шары…

— Иа-а-ах! — раздался впереди дикий вопль, и огни за шатрами вспыхнули ярче.

Он прислушался и услышал более нормальный голос:

— Ричард! Поворачивайся быстрее!

Что бы там ни происходило, решил Дойль, оно наверняка привлекает всеобщее внимание. Он поспешил вперед и спустя несколько мгновений уже прятался за ближайшим шатром, радуясь, что не успел запыхаться.

Его сознания снова коснулось что-то трепещущее и нечеловеческое, и он услышал, как дикий, ревущий голос произнес:

— Его новое тело действует лучше!

«Боже, — подумал Дойль, неожиданно вспотев, — что-то читает мои мысли!»

— Ну его к черту! — заорал голос, в котором, как понял Дойль, присутствовало все-таки больше человеческого, чем в предыдущем реве. — Он связан! Да угомонитесь вы, наконец, а то не видать вам игрушки!

— Башмаки совсем скучны! — пропел другой нечеловеческий голос.

Надо убираться отсюда, подумал Дойль, распрямляясь и делая шаг назад, к дороге.

— Ричард! — позвал голос, принадлежавший, как понял Дойль, доктору Ромени. — Скажи Уилбуру, чтобы оставался с Байроном и был готов

убить его по моему приказу!

Дойль остановился. «Я не должен ему ровным счетом ничего, — подумал он. — Ну заплатил он за мой лнч и дал пару своих соверенов… Но, черт, если уж на то пошло, это деньги Ромени… его ведь никто не просил помогать мне… и говорил же я ему, чтобы он не возвращался сюда… черт, ведь с ним все в порядке — он не умрет до 1824 года… но это согласно истории, а согласно истории, Байрона не было в Лондоне в 1810 году… ну ладно, пожалуй, я могу хотя бы посмотреть, как он там».

В нескольких ярдах справа от него рос старый конский каштан, к которому тянулись растяжки от нескольких шатров. Дойль обошел его кругом. Посмотрев, он увидел ветку, которая, как ему показалось, могла выдержать его вес. Он подпрыгнул, схватился за ветку и подтянулся.

Цепь, волочившаяся за его правой ногой, повисла в воздухе, не касаясь земли.

* * *

— Он исчез! — воскликнул яг, даже охрипнув от изумления.

— Уилбур! — крикнул Ромени. — Что Байрон, на месте? В сознании?

— Аво, руа!

Тогда о ком, удивился Ромени, говорят яги? Может, просто случайный бродяга шатается вокруг? Если так, похоже, он убрался.

Ричард, сжавшись от страха, подогнал телегу к Village Bavarois, слез с козел и подобрался к игрушке.

— Можешь погрузить ее один? — не оборачиваясь, спросил Ромени.

— В-вряд ли, руа, — заикаясь, ответил Ричард, стараясь не глядеть на огненных великанов. — Нам надо убрать их наконец из лагеря. Уилбур! Кончай Байрона и иди сюда!

Ричард вздрогнул. За свою долгую жизнь ему приходилось убивать людей, но раньше он убивал в отчаянном и более или менее равном поединке, и от одной мысли о том, что его самого могли бы убить, уступи он хоть немного, ему становилось дурно. Но даже представить, что он способен хладнокровно убить безоружного и связанного человека… Нет, это невозможно. Более того, он с ужасом понял, что не в состоянии даже стоять и смотреть на такое.

— Погоди, Уилбур! — крикнул он, и, когда разгневанный Ромени повернулся к нему, он протянул руку, включил Village Bavarois, повернув

рычажок, — и отломал его.

* * *

Услышав, как доктор Ромени приказывает Уилбуру убить Байрона, Дойль пополз по почти горизонтальной ветке в надежде увидеть этого Уилбура и сбросить что-нибудь ему на голову, однако его новое тело сыграло с ним злую шутку: ветка, которая под весом его старого тела лишь слегка прогнулась бы, наклонилась, скрипнула и со страшным треском обрушилась вниз.

Тяжелый сук вместе с цеплявшимся за него Дойлем прорвал крышу шатра и разгромил то, что, судя по всему, служило цыганам кухней. С оглушительным звоном во все стороны полетели чайники, миски, кастрюльки и горшки, внося свой вклад в общую какофонию.

Дойль на карачках выбрался из-под рухнувшего шатра. Высокие костры за шатрами раскачивались и ревели, как горящая бензоколонка, и — Дойль решил, что это ему померещилось, — напоминали по форме людей.

Он вскочил на ноги и собрался удирать, но, как только его нога с цепью коснулась земли, чужое сознание снова коснулось его мыслей, и он услышал, как нечеловеческий голос проревел:

— Он снова здесь!

— Привет! — отозвался похожий голос. — Брендан Дойль! Посмотри, какая у нас игрушка!

— Дойль здесь? — услышал он крик Ромени.

— Иа-а-ах! — взревел кто-то низким до боли в зубах басом, и один из огненных столбов вытянулся на немыслимые тридцать ярдов, превратив ближайший шатер в пылающий факел. Дойлю показалось, что сквозь вопли выбегающих из шатра цыган ему слышатся веселые звуки игрушечного пианино и аккордеона.

Шатаясь и оскальзываясь на своих сандалиях-пружинах, доктор Ромени сделал несколько шагов от огней, но застыл при виде Дойля, стоявшего у горящего шатра.

— А это кто? — поперхнулся он и тут же злобно ухмыльнулся: — Какая разница? — Он протянул руку с растопыренными пальцами к ближайшему огненному столбу, словно всасывая его энергию, и нацелил указательный палец другой руки на Дойля. — Умри! — скомандовал он.

Дойль почувствовал, как какая-то неведомая сила сковала холодом его сердце и желудок, но в то же мгновение эта ледяная энергия потоком схлынула по его правой ноге и ушла в землю.

Ромени ошеломленно смотрел на него.

— Кто ты, черт тебя подрал? — пробормотал он, сделал шаг назад и вытащил из-за пояса кремневый пистолет с длинным стволом.

Тело Дойля среагировало автоматически — он прыгнул вперед и вверх и ударил пятками в грудь Ромени. Чародей отлетел назад и рухнул на спину футах в шести от места, где только что стоял. Дойль перевернулся в воздухе и приземлился по-кошачьи, на четыре точки, при этом его левая рука легко и небрежно поймала в воздухе падающий пистолет.

— Руа? — послышался голос у него за спиной. — Так убивать мне Байрона или нет?

Дойль круто повернулся и увидел цыгана с ножом у входа в соседний шатер. Увидев, как чародей упал на землю, цыган поспешно скрылся в шатре.

Двумя скачками Дойль одолел расстояние до шатра и распахнул полог как раз вовремя, чтобы увидеть, как цыган заносит лезвие над горлом Байрона, который лежит связанный на кушетке с кляпом во рту. Прежде чем сам Дойль осознал происходящее, рука его дернулась от отдачи, и сквозь пороховой дым он увидел, как цыган отлетает к дальней стенке шатра с дырой во лбу.

В ушах еще стоял звон от выстрела, а Дойль уже

бросился вперед, выхватил нож из мертвой руки и перерезал путы на лодыжках и руках Байрона.

Молодой лорд поднял руку и вытащил изо рта кляп.

— Эшблес, я обязан вам жизнью…

— Вот, держите, — оборвал его Дойль, сунув ему в руку нож рукояткой вперед. — И осторожнее, сегодня здесь творятся дикие вещи. — Он поспешил из шатра в надежде схватить Ромени, пока тот не пришел в себя. Однако чародей исчез.

Теперь полыхали уже почти все шатры, и Дойль нерешительно озирался по сторонам, не зная, куда лучше бежать. То ли глаза его переутомились, то ли что-то случилось с его чувством перспективы, но он увидел двоих — нет, уже троих! — охваченных пламенем людей, энергично, даже, можно сказать, весело плясавших на траве между шатрами и дорогой. Мимо них стремительно, как кометы, — так, во всяком случае, показалось Дойлю — пронеслись еще двое таких же.

Похоже, надо уносить ноги, и побыстрее, причем через северную часть лагеря, подумал Дойль, но, повернувшись, увидел огненных танцоров и на севере. Боже, сообразил он, они же окружают лагерь!

Он снова повернул на юг, и тут же стали ясны две вещи: огненных призраков слишком много, и они двигаются слишком быстро, чтобы надеяться проскользнуть через их круг; и пылающее кольцо сжимается на глазах.

«Это все Ромени вызвал, — в отчаянии думал Дойль, — и если он не сможет остановить этого, не я буду тому виной — если понадобится, я выкручу ему руки… или сверну шею. Он должен скрываться в одном из этих шатров».

Дойль бросился к ближайшему шатру, а тени кружились и плясали вокруг него.

Глава 2

Ты, о котором говорят: таков он,
Что, если б он вел братьев
В горний бой,
Сынам Земли венец был уготован,
Спусти нас – и не хмурь надменный
взгляд
В глубины, где Коцит морозом скован.

Виргилий, обращающийся к Антею.
Данте. «Ад»

«С энергией проблем не будет, — думал доктор Ромени, склонившись над бумагами у себя за столом и стараясь не прислушиваться к воплям не успевших спастись цыган и реву теперь уже сплошной стены огня, вышедшей из-под контроля и стягивавшейся вокруг лагеря. — Так, здесь угол между этими стеклянными стержнями, я задам время, в которое прыгну. Но как мне вернуться обратно? Ведь для этого нужен волшебный талисман, связанный с этим временем… Куска зеленого сланца с нацарапанными на нем координатами нашего времени хватило бы в самый раз…» Он с надеждой покосился на статуэтку

Анубиса, служившую пресс-папье, — она как раз была изваяна из этого материала.

Сквозь рев огня он услышал, как кто-то вломился в соседний шатер.

— Ромени, черт возьми, где ты? Ты прячешься здесь?

«Должно быть, это тот волосатый гигант, каким-то образом оказавшийся неуязвимым для моего смертельного заклинания, — подумал Ромени. — Он вернулся за мной. Да, вырезать сейчас что-то из камня просто некогда. Придется расписать все на бумаге и попытаться выжать еще крови — чем больше, тем лучше, — для того чтобы оживить».

Торопливо царапая цепочки иероглифов эпохи Древнего Царства, он все думал, кто такой этот бородатый мужчина? И где тогда Брендан Дойль?..

Перо повисло в воздухе — до него вдруг дошло. «Но как, — подумал он почти в ужасе. — Ну конечно же — говорили же яги: «Его новое тело действует лучше»! Но ведь он казался таким беспомощным, когда я в первый раз встретил его! Неужели это была только игра? Клянусь Сетом, воистину это так! Того, кто способен заставить Аменофиса Фике заключить его в новое тело, и при этом не отравленное, и не только вынести

мое лучшее холодное заклятие, но вдобавок ухитрился выбить у меня пистолет, уже никак не назовешь… гм… беспомощным».

Ромени встряхнулся и продолжил выписывать древние символы, одновременно размышляя, в какое время лучше прыгнуть. Куда-нибудь в будущее? Нет, это будет означать, что сегодняшний разгром станет свершившимся фактом истории. Лучше перенестись в прошлое и устроить все так, чтобы то, что должна была исправить сегодняшняя прерванная попытка, и не возникало. Так, когда у Мастера начались неприятности с Англией? Конечно, значительно раньше, чем морское сражение у мыса Абукир в 1798 году, после которого любому стало ясно, что контролировать Египет будут англичане, — даже при другом исходе битвы, даже если представить себе, что генерал Клебер остался бы жив, Англия все равно заправляла бы сейчас в Египте. Нет, если уж прыгать в прошлое, так в те времена, когда Англия впервые заинтересовалась африканским континентом, а это имело место… где-то в районе 1660 года, когда Карл, взойдя на престол, женился на португальской принцессе Катерине Браганской, в приданое за которой дали и порт Танжер.

Ромени произвел быстрые подсчеты… и на-

хмурился, поняв, что в пределах двадцати лет от женитьбы Карла нет ни одного окна. Ближайшее было в 1684 году — он подсчитал точнее, — четвертого февраля, за год до смерти Карла. Каирский Мастер как раз пытался тогда посадить на трон Англии недалекого и податливого внебрачного сына Карла — Джеймса, герцога Монмута. Фике в то время — уже почти двадцать лет — поддерживал состояние неопределенности, последовавшее за использованием ягов в 1666 году, и с этой целью напустил на остров неслыханные морозы — в сочетании с подрывом соверена, фальсификацией якобы «вновь обнаруженного» свидетельства о браке Карла Стюарта с Люси Уолтер, матерью Монмута, и тайным возвращением самого Монмута из Голландии.

В очередной раз доставая ланцет, Ромени вспомнил, что же тогда не завязалось в столь тщательно подготовленном плане. Смертельная доза ртути по недосмотру оказалась в желудке у одного из любимых спаниелей Карла… и Великие Морозы, предполагавшие завершиться триумфальным вступлением Монмута в Фолкстоун, оказались сильнее, чем рассчитывал Фике, и продолжались вплоть до марта… и поддельное свидетельство о браке каким-то образом исчез-

ло вместе со шкатулкой… в общем, Мастер был очень недоволен.

Стены шатра просвечивали оранжевым от сияния огненного кольца ягов на улице, и кровь, которой он старательно залил магические символы на бумаге, смешивалась с каплями пота.

«Да, — подумал Ромени, торопливо вставая и раскладывая на столе стеклянные стержни, — вот куда — пардон, когда — я прыгну. И я расскажу Фике и Мастеру, что несет им будущее, и посоветую им не пытаться контролировать Англию, но направить все свои силы на ее уничтожение: пусть морозы продолжаются и усиливаются, пусть они натравливают католиков на протестантов, а тех и других — на евреев, пусть они убивают будущих вождей, пока те еще дети…»

Он улыбнулся, поправил стержни, разместив их под правильным углом, и вытянул открытую ладонь в сторону кольца духов огня на улице, набираясь их энергии, чтобы та перенесла его сквозь время.

* * *

Дойль захлопнул сундук и, не обращая внимания на цыган, распластавшихся в страхе на полу, выбежал из шатра. Вращающееся колесо вокруг

лагеря сияло ярко, как солнце, и он задыхался в раскаленном воздухе. Шатры по периметру лагеря горели все до единого, и даже те, что стояли в середине, начинали уже дымиться. «Боже, — подумал он, — но почему Ромени не останавливает их? Если температура здесь поднимется хотя бы на несколько градусов, мы все вспыхнем, как спички!»

Он подбежал к следующему шатру — бахрома на пологе вспыхнула от его прикосновения синим пламенем — и заглянул внутрь. Доктор Ромени стоял у стола, вытянув одну руку в сторону Дойля, а другой комкая лист бумаги. Дойль прыгнул на него…

…и его закружил бешеный вихрь. Несколько секунд он кувыркался, сжавшись в ожидании сокрушительного удара о землю, но падение в беззвучной черноте все продолжалось… пока вдруг свет и звуки не включились одновременно.

Он увидел себя в большом помещении… увидел свечи в грубых деревянных канделябрах… он продолжал падать в неожиданно холодном воздухе и вдруг оказался на столе, угодив одной ногой в тушеную утку с пряностями, а другой — в полную супницу. Он не удержал равновесия, поскользнулся и с грохотом сел в блюдо с ветчиной.

Забрызганные с ног до головы люди за столом изумленно заголосили и отпрянули, и Дойль увидел, что на соседнем столе распластался лицом вниз среди тарелок и блюд доктор Ромени.

— Простите… прошу прощения… — в замешательстве бормотал Дойль, сползая со стола.

— Будь я проклят! — вскричал тип с выпученными глазами, промокая забрызганную сорочку салфеткой. — Что это за чертовы шутки? — Все понемногу оправлялись от первого шока, и настроение у них было нельзя сказать чтобы дружелюбное.

— Это все колдовство вонючее, — услышал Дойль чей-то голос. — Их надо арестовать.

Ромени тоже слез со стола и простер руки столь властным жестом, что все невольно попятились.

— Взрыв, видите ли, — выдавил он из себя, стараясь говорить убедительно и властно, хотя такое падение, надо сказать, с любого собьет спесь. — Прочь с дороги, или я… — И тут-то он заметил Дойля.

При всем конфузе от падения в супницу Дойль поразился несказанно больше, увидев, как побледнел чародей. Тот резко повернулся и неверными шагами направился к ближайшей двери. Прежде чем раствориться в ночной темноте, он

обернулся и бросил на Дойля еще один полный ужаса взгляд.

— За ним, Сэмми, и приведи его сюда, — приказал спокойный голос откуда-то из-за спины Дойля. Дойль повернулся и встретил подозрительный взгляд дородного мужчины в фартуке, который поигрывал мясницким ножом с небрежностью, выдающей профессионала. — Я не слышал никакого взрыва, — сказал он Дойлю. Тем временем молодой толстяк устремился вдогонку Ромени. — А вы погодите здесь, покуда мы не разберемся хотя бы с тем, кому платить за испорченный обед.

— Нет, — ответил Дойль, стараясь, чтобы его новый голос звучал убедительно. Это было не так просто, ибо он заметил, что некоторые из окружавших его людей щеголяют ботфортами, сюртуками до колена и короткими париками, говорят на практически непонятном диалекте, — в общем, он начинал понимать, что с ним случилось. — Мне надо выйти отсюда, поймите. Вы, конечно, можете попробовать помешать мне, но я так напуган, что действительно постараюсь выйти отсюда, что, в свою очередь, может весьма неблагоприятно сказаться на всех присутствующих, а сейчас, как мне лично кажется, не самое

подходящее время, чтобы я мог позволить себя изувечить.

Для вящего эффекта он взял со стола пустую оловянную пивную кружку. «Ну, Беннер, — подумал он, сдавливая ее в кулаке, будем надеяться, ты способен на такие штуки. Он сжал кружку изо всех сил, аж пальцы побелели — разговоры в комнате стихли, и все, даже хозяин заведения, с интересом наблюдали за его действиями, — потом удвоил усилия. Все шероховатости кружки впились в его ладонь и пальцы, руку до плеча свело… но кружка не поддавалась.

В конце концов он ослабил хватку и осторожно поставил кружку на стол.

— Крепко сработано, — пробормотал он. Те, кто стоял ближе, ухмылялись, а за дальними столами уже хохотали в открытую. Даже хмурый трактирщик невольно улыбался. Дойль сделал несколько шагов к двери, чем вызвал новый приступ всеобщего веселья. Вот так, сопровождаемый насмешками и улюлюканьем, он вышел, сгорая от стыда, но зато никто не пытался задержать его.

Едва он перешагнул порог, как лицо и руки обжег лютый мороз. Он сделал вдох и чуть не задохнулся; показалось даже, что от холода пошла

носом кровь. Дверь за спиной захлопнулась. «О господи, да что же это такое? Это не может быть Англия — этот сукин сын закинул нас на Огненную Землю или еще куда-нибудь в этом роде».

Если бы все в трактире не смеялись над ним, он бы туда вернулся, но теперь он сунул покрасневшие от холода руки в карманы тонкого — слишком тонкого! — плаща и устремился по узкой темной улице в надежде отловить Ромени и силой заставить его найти хоть какое-то теплое место, где они могли бы отогреться.

Он не нашел Ромени, зато это сделал Сэмми. Дойль наткнулся на паренька, съежившегося у стены в квартале от трактира; в слабом лунном свете Дойль не заметил его и прошел бы мимо, но услышал беспомощное всхлипывание. Замерзшие слезы приклеили щеку Сэмми к кирпичной стене, и когда Дойль нагнулся и осторожно поднял голову юноши, послышался слабый хруст.

— Сэмми! — произнес Дойль громко, чтобы вывести парня из состояния прострации. — Куда он пошел? — Не получив ответа, он встряхнул его за плечи. — Скажи, куда? — Дыхание вырывалось у него изо рта клубами пара.

— Он… — всхлипнул юноша, — он показал мне… змей во мне. Он сказал: посмотри на себя,

и я послушался и увидел, как они все извиваются. — Сэмми снова заплакал. — Я не могу вернуться и домой тоже не могу — они тогда заберутся во всех.

— Они исчезли, — твердо заявил Дойль. — Ты понял? Исчезли. Они не выносят холода. Я сам видел, как все они — слышишь, все! — выползли и умерли. А теперь скажи, куда пошел этот ублюдок?

Сэмми шмыгнул носом.

— Правда исчезли? И умерли? Правда? — Он осторожно оглядел себя.

— Правда, черт возьми. Так ты видел, куда он пошел?

Осмотрев себя еще раз и ощупав одежду, юноша начал дрожать.

— М-мне надо вернуться, — сказал он, неуверенно поднимаясь на ноги. — Чертовски холодно. И… да, вы хотели узнать, куда он пошел?

— Да! — Дойль приплясывал на мостовой от холода. Правой лодыжки он почти не ощущал и начинал всерьез опасаться, что цепь намертво примерзла к коже.

Сэмми опять шмыгнул носом.

— Он перепрыгнул через вон тот дом на соседнюю улицу.

— Что? — переспросил Дойль, решив, что он ослышался.

— Он прыгнул через тот дом, как кузнечик. У него на подошвах пружины железные, — пояснил Сэмми.

— Ах да. Ну… спасибо. — «Ромени загипнотизировал паренька на всю катушку, — решил Дойль.» И это всего за пару секунд! Пожалуй, не стоит слишком обнадеживаться, что он меня боится… — Да, кстати, — спохватился он, когда Сэмми уже собрался идти, — где мы? Я заблудился.

— Боро-Хай-стрит. Саутварк.

Дойль поднял брови:

— Лондон?

— Само собой, Лондон, — буркнул парень, начиная пританцовывать на месте.

— Ага, а год какой? И число?

— Боже, мистер, откуда мне знать? Вот зима, это точно. — Он повернулся и, не в силах больше стоять на месте, побежал обратно в трактир.

— А король сейчас какой? — крикнул Дойль ему вслед.

— Карл! — донеслось в ответ. Угу, Карл Энный, подумал Дойль.

— А до него кто правил?

Сэмми предпочел не расслышать, но над голо-

вой Дойля со стуком распахнулось окно.

— Оливер Блаженный, — прорычал мужской голос, — и при нем никто не позволял себе горланить по ночам под окнами!

— Прошу прощения, сэр, — спохватился Дойль, поднимая слезящиеся от холода глаза и пытаясь разглядеть, какое из дюжины маленьких окошек приоткрыто. — Я страдаю от… — а почему бы и нет, подумал он, — от мозговой лихорадки и лишился памяти. Мне некуда идти. Не пустите ли вы меня переночевать на кухню или не одолжите ли мне одежду потеплее? Я…

Он услышал стук закрывающегося окна — он так и не разглядел, какого именно. Чертовски типично для эпохи Кромвеля, подумал он и вздохнул, выпустив изо рта облачко пара. «Выходит, — прикидывал он, двинувшись дальше, — я попал куда-то между 1660-м и… когда там умер Карл? Кажется, около 1690-го. Час от часу не легче. В 1810-м у меня по крайней мере имелся шанс найти людей Дерроу и вернуться с ними домой или — в противном случае — принять то, что суждено мне судьбой в девятнадцатом веке, и без особых проблем прожить остаток дней как Вильям Эшблес… черт, холодрыга какая!.. Ну что ты за идиот такой, куда тебя занесло? И зачем?

Написал бы по памяти стихи Эшблеса, съездил бы в Египет, пользовался бы умеренной популярностью и пристойным состоянием… что еще? Ах да: красавица жена. Но нет, угораздило же тебя приставать к чародеям, и вот результат: история утратила Вильяма Эшблеса, а сам ты торчишь в богом проклятом столетии, где не чистят зубы и не принимают ванны, а человек в тридцать лет, можно сказать, старик».

Совершенно случайно он поднял взгляд, и как раз в это мгновение узенькую полоску неба в просвете между крышами пересекла причудливая фигура, и он вжался в стену, так как это был не кто иной, как доктор Ромени, — лысый череп, развевающийся плащ и пружины на подошвах не оставляли ни малейших сомнений.

* * *

Когда инерция прыжка иссякла и хватка земного притяжения начала отклонять его вниз, увеличивая на глазах мелькавшие внизу крыши высоких строений Лондонского моста и неподвижную белую ленту замерзшей реки, доктор Ромени заметил, что прыжки его уже не так высоки, как всего несколько минут назад, а его оболочка из активизированного воздуха

дает брешь, пропуская внутрь ледяной холод. «Значит, это вовсе не означало удвоения моих сил, — подумал он. — Просто обычная сила моей магии распространяется шире в более архаичной и, следовательно, более восприимчивой к волшебству среде, а теперь эффект понемногу начинает сходить на нет, — думал он, отталкиваясь обеими ногами от выступающего конька крыши и изящным сальто приземляясь на булыжную мостовую. — Так человеку, некоторое время сражавшемуся чужим, более тяжелым мечом, свой кажется еще легче, чем он есть на самом деле, хотя это ощущение новой силы довольно быстро проходит. Вряд ли оно сохранится у меня даже до утра… а окно во времени, расположенное в разгромленной нами гостинице, закроется еще до рассвета.

Как бы то ни было, — решил он, зацепившись рукой за вывеску трактира, изображавшую пляшущего мавра, — мне необходимо как можно быстрее связаться с Фике и Мастером и рассказать им, кто я и как здесь оказался».

* * *

Ну уж этот обед должен удаться на славу, подумал Эзра Лонгвелл, вообще любивший

наслаждаться изысканными яствами, коими Братство Антея обыкновенно потчевало своих членов. Он долил в свой стакан портвейна из бутыли, стоявшей у камина, — в эту лютую зиму даже шампанское приходилось отогревать у огня полчаса, а уж клареты и крепленые вина и все полтора. Отхлебнув все еще ледяного вина, он подошел к маленькому тюдоровскому окошку — только оно не замерзло из-за близости печи. Он стер со стекла иней и выглянул на улицу.

Западнее моста мерцали в ночи огоньки лавок и палаток ледовой ярмарки, протянувшейся по скованной льдом Темзе от Темпл-стейрз до набережной Суррея. По льду ракетами или метеорами проносились конькобежцы с фонарями в руках, но Лонгвелл предпочитал оставаться в теплом доме в ожидании вкусного обеда.

Он отошел от окна и, окинув нежным взглядом кипевшие на плите кастрюльки (Повнимательнее с этими восхитительными сосисками, миссис!), вернулся через холл в столовую; завязанная вокруг его правой лодыжки цепь негромко позвякивала при ходьбе.

Оуэн Бургхард поднял взгляд и улыбнулся ему:

— Ну и каково тебе таскать свой вес, Эзра?

Лонгвелл покраснел под взглядами остальных

членов Братства.

— Не так плохо, — сказал он, опускаясь в крякнувшее под его тяжестью кресло. — Хотя все равно чертовски холодно.

— Ничего, это тебе полезно, Эзра: бодрит, — заявил Бургхард, вновь переводя взгляд на разостланную на столе карту. Он постучал по правому верхнему углу черенком своей глиняной трубки и обычным для него деловым тоном продолжал: — Итак, вы видите, джентльмены, что возросшая активность Фике и его шайки цыган…

Его слова были прерваны громким стуком в дверь.

В мгновение ока все оказались на ногах, схватив мечи и пистолеты; каждый, вскакивая, высвободил цепь из-за отворота ботфортов, словно жизнь его зависела от этой цепи не меньше, чем от оружия.

Бургхард подошел к двери, отодвинул засов и отступил на шаг.

— Не заперто! — крикнул он.

Дверь распахнулась, и брови всех присутствующих удивленно поползли вверх: в комнату ввалился некто, очень напоминающий героя скандинавских мифов. Он был невероятно высок — выше даже короля, а уж в том было добрых

два ярда росту, — и его странного покроя, не по сезону тонкий плащ не мог скрыть размаха его плеч и крепости рук. Покрытая льдом и инеем борода делала его похожим на старика.

— Если у вас есть огонь, — прохрипел он, с трудом ворочая замерзшими губами, — и чего-нибудь горячего выпить… — Он пошатнулся, и Лонгвелл испугался, что в случае его падения все книги обрушатся с полок.

Бургхард, словно лишившись дара речи, ткнул пальцем в правый башмак пришельца — за ним по полу тянулась обледенелая цепь — и бросился подхватить его.

— Бисли! — рявкнул он. — Помоги мне удержать его. Эзра, кофе и бренди, быстро! — Бургхард и Бисли помогли полузамерзшему великану добраться до скамьи у огня. Когда Лонгвелл принес большую кружку кофе с ромом, великан не сразу припал к ней, а прежде подышал немного ароматным паром.

— Ах, — выдохнул он наконец, поставив кружку на скамью рядом с собой и протягивая рухи к пламени. — Я думал, мне конец. У вас что, все зимы такие?

Бургхард нахмурился и переглянулся с остальными:

— Кто вы такой, сэр, и как вы оказались здесь?

— Я слышал, что вы собирались… то есть собираетесь в доме на южном конце моста. В первый дом, куда я постучал, меня не пустили, но дали мне ваш адрес. Что же до того, кто я, вы можете звать меня… черт, я даже не могу выдумать подходящего имени. В общем, я пришел сюда, — и изможденное лицо его осветилось улыбкой, — потому что знал, что должен прийти сюда. Сдается мне, что вы — те гончие, что нужны мне для того, чтобы изловить мою лисицу. Видите ли, есть такой чародей по имени доктор Ромени…

— Вы хотите сказать, доктор Романелли? — спросил Бургхард. — Мы слышали о таком.

— Слышали? В ваше время? Слава богу. Так вот, у Романелли есть двойник по имени Ромени, запрыгнувший — я полагаю, вам ясно, что с помощью колдовства — в ваш Лондон. Его надлежит изловить и принудить вернуться туда… где ему положено быть. И если повезет, его можно будет заставить захватить и меня с собой.

— Близнец? Бьюсь об заклад, вы имеете в виду ка, — заявил Лонгвелл, ухватив щипцами уголек из камина и осторожно опуская его в свеженабитую трубку. — Не угодно ли трубочку?

— Спасибо, не откажусь, — ответил Дойль,

принимая хрупкую трубку белой глины и кисет с табаком. — Что такое ка?

Бургхард нахмурился еще сильнее:

— Вы чертовски странный человек, сэр. Воистину вы — странная смесь знания и неведения; настанет время, я надеюсь, когда я с удовольствием выслушаю вашу историю. Например, вы носите связующую цепь, однако непохоже, чтобы вы знали о нас много, вам известен доктор Романелли, но вы не знаете, что такое ка или как случилось, что нынешняя зима выдалась такой свирепой. — Он улыбнулся, хотя в его простецких на первый взгляд глазах продолжал гореть подозрительный огонек. Он провел пятерней по своим коротко остриженным, редеющим волосам. — Так или иначе, ка — это копия живого человека, взращенная из нескольких капель крови оригинала в чане со специальным зельем. И если весь процесс выполнен как положено, копия не только неотличима от оригинала внешне, но и обладает всеми его познаниями.

Дойль набил трубку сухим табаком и разжег ее так же, как это делал Лонгвелл.

— Да, я полагаю, Ромени может оказаться такой тварью, — сказал он, выпуская кольцо дыма и наслаждаясь тем, как оттаивает у камина его бо-

рода. Неожиданно его глаза расширились. — Ага, кажется, я знаю еще одного человека, который может быть… ка. Вот бедолага! Я уверен, сам он и не знает этого.

— Вам известен Аменофис Фике? — спросил Бургхард.

Дойль оглядел всю компанию, не зная, сколько известного ему он может открыть им.

— Он был — или есть, или будет — вожак шайки цыган.

— Воистину так. Только почему «был» или «будет»?

— Не обращайте внимания. Так или иначе, джентльмены, это ка доктора Романелли находится сегодня в Лондоне, и он обладает знаниями, которые заказаны здесь всякому, и его необходимо найти и отправить туда, где ему положено находиться.

— И вы хотите вернуться с ним? — уточнил Бургхард.

— Совершенно верно.

— Но зачем вам такой опасный — пусть и быстрый — способ перемещения? — удивился Бургхард. — Верхом или морем вы за шесть месяцев можете добраться почти куда угодно.

Дойль вздохнул.

— Насколько я понимаю, вы выполняете функции… некоторого рода магической полиции, — начал он. Бургхард улыбнулся и вздрогнул одновременно.

— Не совсем так, сэр. Ряд могущественных и дальновидных лордов платят нам за то, что мы оберегаем Англию от колдовской порчи. Мы не занимаемся магией, но боремся с ней.

— Ясно. — Дойль положил трубку на камин. — Если я расскажу вам все, — осторожно произнес он, — и вы согласитесь, что эта тварь Ромени представляет собой угрозу — я бы сказал, страшную угрозу — Лондону, Англии и всему миру, то поможете ли вы мне изловить его и не препятствовать моему возвращению — если это, конечно, возможно — туда, куда мне нужно?

— Даю вам свое слово, — негромко ответил Бургхард. Дойль несколько секунд молча смотрел на него. В комнате воцарилась тишина, только трещали поленья в камине.

— Хорошо, — громко произнес он наконец. — Я постараюсь быть кратким — действовать надо быстро, а мне кажется, я знаю, где его надо искать через час или около того. Мы с ним брошены сюда какой-то магической силой, но не из другой страны вроде Турции. Мы попали сюда из другого

времени. Последнее утро, что я помню, было утро двадцать шестого сентября 1810 года.

Лонгвелл прыснул, но осекся, когда Бургхард поднял руку.

— Продолжайте, — сказал тот.

— Итак, что-то… — Дойль замолчал, поскольку заметил на столе тетрадь в кожаном переплете, и хотя та была совсем новая, с вытисненными на обложке золотыми цифрами 1684, он узнал ее и подошел к столу. Рядом с чернильницей лежало наготове перо, и он, ухмыляясь, окунул его в чернильницу, открыл последнюю страницу и написал на обложке: «Ихей, энданбрей. Анкей уйяй игитдай?»

— Что вы такое пишете? — удивился Бургхард. Дойль только отмахнулся от него.

— Джентльмены, что-то проделало отверстия в структуре времени…

* * *

Пятнадцать минут спустя группа из пятнадцати человек, одетых соответственно погоде, вывалилась из двери старого дома и поспешила по узкому проезду Лондонского моста на юг, к Суррею. Проход между древними домами позволял идти по двое, но они шли по одному. Дойль

шагал вторым, следом за закутанным Бургхардом, без труда поспевая за ним, несмотря на болтавшийся на правом боку тяжелый меч в ножнах. Единственным светом, освещавшим им дорогу, был тонкий луч фонаря Бургхарда, так как неверный лунный свет освещал только верхние этажи, островерхие крыши да еще паутину балок, протянувшихся над улицей между домами и не дававших старым зданиям завалиться друг на друга. На мосту стояла тишина, нарушаемая только случайным лязгом цепи о булыжник, и откуда-то издалека доносились еле слышные отзвуки смеха и музыки.

— Сюда! — прошептал Бургхард, сворачивая в щель между домами и освещая фонарем деревянную конструкцию, в которой Дойль распознал ведущую вниз лестницу. — Нет смысла объявлять о нашем присутствии, маршируя через южные ворота.

Дойль последовал за ним вниз по темной лестнице, и после долгого спирального спуска по колодцу, ведущему сквозь каменную опору моста, они вышли на открытую площадку под пролетом. Дойль в первый раз заметил, что река, просвечивающая сквозь деревянные ступени, скована льдом.

По льду в сторону северного берега направлялась вереница людей, и Дойль мельком глянул на них, но что-то заставило его присмотреться повнимательнее. Что-то в них есть странное, что-то не так. Может, странный, сгорбленный вид некоторых? Или качающаяся, подпрыгивающая походка идущего впереди?

Дойль схватил Бургхарда за плечо.

— Подзорную трубу! — сказал он негромко, но настойчиво, и тут же в него сзади врезался Лонгвелл.

— Сейчас. — Бургхард порылся под пальто и передал Дойлю складную подзорную трубу.

Дойль щелчками раздвинул трубу в рабочее положение и направил ее на странную процессию. Он так и не смог настроить резкость, но даже так разглядел, что подпрыгивающий предводитель, несомненно, доктор Ромени, а пятеро… нет, шестеро остальных — какие-то калеки, закутанные в меха.

— Вон он, — тихо произнес Дойль, возвращая подзорную трубу Бургхарду.

— Ах, проклятие. Пока они на льду, мы не осмелимся напасть на них.

— Это почему? — спросил Дойль.

— Связь, дружище. От цепей на воде нет тол-

ку, — раздраженно прошипел Бургхард.

— Истинно так, — подтвердил Лонгвелл из темноты. — Случись нам биться с ним на льду, он нашлет на нас всех демонов Ада, и ничто не защитит наши души от убиения, отводя от них скверну.

Порыв северного ветра ударил по старой лестнице, покачнув ее, как мостик корабля.

— Все же никто не помешает нам преследовать их на северном берегу, — вслух рассуждал Бургхард. — Вперед!

Они продолжили спуск и через несколько минут оказались на старом, покосившемся заснеженном причале, с которого спустились на лед.

— Они забирают к западу, — тихо произнес Бургхард, не отрывая глаз от семи фигур на белом льду. — Мы выйдем из-под моста на его западной стороне, свернем на север и встретим их на берегу.

Когда они проходили по льду под высокой аркой моста, Дойль увидел впереди мерцающие огни и снова услышал смех и музыку, на этот раз громче. Они доносились со стороны палаток, лавок и качелей с фонарями на шестах, выстроившихся на льду, и большая парусная лодка, поставленная на колеса, медленно разъезжала

взад-вперед по замерзшей поверхности реки; паруса и колеса были расписаны яркими лицами, в воздухе развевались ленты и вымпелы. Безмолвная процессия Братства Антея обогнула ярмарку с востока, забирая к северу.

Им оставалось еще ярдов сто до берега, когда из темноты северного пролета моста показалась компания доктора Ромени и направилась к лестнице напротив Темз-стрит. Высокая, подпрыгивающая фигура — сам доктор, — шагнув на ступени, оглянулась, но не успел он еще повернуть голову, как Бургхард вильнул вбок и прошелся колесом, ухитрившись толкнуть Дойля в грудь — тот поскользнулся, не удержался на ногах и неуклюже плюхнулся на лед, на что Бургхард разразился громким хохотом. Лонгвелл исполнил несколько гротескных балетных па, и на мгновение Дойлю показалось, что Ромени наложил на них заклятие безумия и что он и сам вот-вот начнет лаять по-собачьи или поедать свою шапку.

Ромени отвернулся и продолжил подниматься по лестнице в сопровождении свиты. Потом луна зашла за облако, как бы погасив свет на сцене.

Бургхард и Лонгвелл, оба с серьезными лицами, помогли Дойлю подняться.

— Приношу извинения, — сказал Бургхард, — пускай считают нас пьяными забулдыгами. А теперь быстро за ними.

Дюжина членов Братства бегом устремилась к берегу — Дойлю пришлось перейти на скользящий шаг, чтобы не упасть на льду, — и через пару минут они, перебравшись через вмерзшие в лед обломки мачты затонувшего судна, оказались у подножия лестницы.

По узкой улочке вышли они к Темз-стрит и там остановились, оглядываясь в поисках преследуемой жертвы.

— Туда, — сказал Бургхард, указывая на цепочку следов на снегу. — Они пошли прямо по улице.

Все двенадцать устремились в ту сторону, хотя Дойль все еще не понимал, каким образом Бургхард определил направление движения Ромени; все, что увидел он сам, — это следы двух очень крупных собак.

Они перешли на бег, и тело Дойля среагировало на неуловимый шорох прежде, чем его мозг что-либо осознал: его левая рука выхватила меч из ножен и сделала выпад одновременно с броском одной из тварей, и та напоролась на острие. Удар оттолкнул его назад, он услышал яростный хрип и лязг зубов о сталь, и его левая нога быстрым дви-

жением скинула умирающее чудовище с лезвия.

— Берегись! — услышал он крик Бургхарда впереди, и тут фонарь упал на мостовую, его защитная створка распахнулась, осветив узкую улицу желтым светом.

Картина, открывшаяся глазам Дойля, походила на безумную литографию, достойную Гойи: Бургхард катался по земле, сцепившись с какой-то мускулистой тварью — получеловеком, полуволком; еще несколько таких же тварей столпились вокруг борющейся пары. Они стояли на ногах, но ссутулив плечи так, словно ходьба на задних лапах им в диковинку, их морды выдавались вперед наподобие собачьих, а широкие пасти сверкали зубами, показавшимися Дойлю кинжалами из слоновой кости… Однако в их маленьких глазках светился разум, и они отшатнулись назад, когда Дойль, не сводя с них глаз, пронзил мечом того, который боролся у его ног с Бургхардом.

— Сорлз, Ровари! — рявкнула одна из тварей через плечо, когда Бургхард отшвырнул своего мертвого противника в сторону и встал, вытирая кровь с лица и держа меч в правой руке; в левой был зажат окровавленный кинжал. Два уродливых, покрытых густым мехом тела перестали дергаться и затихли без движения между двумя

группами.

— Лонгвелл, Тайсон, — негромко приказал Бургхард, — вокруг этих домов, быстро, и перекрыть тот выход с улицы! — Двое Братьев беспрекословно бросились исполнять приказ, лязгая цепями.

Ромени повернулся, бросился обратно, протолкавшись между своими волкоподобными слугами, и оказался лицом к лицу со своими преследователями. Лицо его, освещенное фонарем, было искажено ненавистью; он открыл рот и начал произносить заклинания, от которых воздух вокруг них сгустился и помутнел, — Дойль почувствовал, как вибрирует и греется цепь на его лодыжке, — и только теперь заметил Дойля, стоявшего прямо перед ним с обнаженным и окровавленным мечом, откровенно неуязвимого для его магии и даже не пытающегося скрыть это. Заклинания оборвались, и какое-то мгновение Ромени продолжал стоять с разинутым ртом.

Дойль нагнулся подобрать фонарь, выпрямился и, улыбаясь, нацелил на чародея острие меча.

— Боюсь, вам придется пройти с нами, доктор Ромени, — сказал он.

Волшебник сделал большой скачок назад, через головы своих волколюдей, и бросился прочь по улице, за ним — его твари, а за ними на некото-

ром расстоянии — Бургхард с остальными.

Откуда-то спереди раздался пистолетный выстрел, сопровождаемый пронзительным воем, эхом отдававшимся от каменных стен, и когда он смолк, Дойль услышал крик Лонгвелла:

— Стойте, проклятые твари, у нас хватит пистолетов послать вас всех домой, в Ад!

Дойль, бежавший первым, поднял фонарь выше как раз вовремя для того, чтобы увидеть, как фигура в развевающемся плаще взмывает вверх.

— Он запрыгнул на крышу, снимите его! — взревел он, и два пистолетных выстрела грянули почти одновременно, выплюнув вверх языки огня, а потом его чуть не оглушил третий выстрел из пистолета Бургхарда почти у него над ухом.

— Эти твари бегут по стене, что твои пауки! — крикнул Лонгвелл. — Стреляйте же!

Где-то над головой со скрипом распахнулось окно, и ночной горшок ударился о противоположную стену, облив содержимым Дойля.

— А ну, убирайтесь прочь, вы, воры и убийцы! — пронзительно заверещал женский голос.

По обледенелой мостовой забарабанили отбитые пулями осколки камней.

— Не стреляйте! — хрипло с досадой крикнул Бургхард. — Вы заденете эту чертову бабу!

— Они ушли, шеф, — сообщил подоспевший Лонгвелл. — Перевалили через крышу, как крысы, и ушли.

— Возвращаемся на Темз-стрит, — прохрипел Бургхард. — Мы потеряли Ромени; теперь он может уйти по крышам куда угодно.

— Эй, не вернуться ли нам к своей трапезе? — предложил Лонгвелл, когда они вложили мечи в ножны, спрятали пистолеты и двинулись прочь, оставив за собой на брусчатке два мохнатых трупа.

— Я знаю, куда он отправился, — спокойно сообщил Дойль. — В то место, которое я назвал вам с самого начала, — место, где его магия наиболее действенна: в точку, где открывалось окно во времени, трактир на Боро-Хай-стрит.

— Я не в восторге от идеи переходить реку по льду теперь, когда он знает, что мы охотимся за ним, — произнес долговязый, кудрявый член Братства. — Если он нападет на нас там…

— Может статься, все и обойдется, — возразил Бургхард, вновь возглавивший отряд. — Ведь мы начеку и не намерены попусту рисковать.

Они поспешили по перпендикулярной улочке к лестнице и, перегнувшись через перила верхней площадки, вгляделись в пространство замерзшей

реки.

— Слишком многим теперь это известно, — вздохнул Лонгвелл.

— Возможно, — пробормотал Бургхард, доставший свою подзорную трубу и обшаривавший взглядом реку и ледовую ярмарку. — Я их вижу, — прошептал он. — Они идут напрямик, даже не пытаясь избегать людей, — хо, видели бы вы, как от них шарахаются! — Он повернулся к возвышавшемуся над ним Дойлю. — Насколько возрастет его сила, когда он окажется в этом трактире?

— Я не знаю, в чем измеряется эта его сила, — ответил Дойль. — Давайте считать, что значительно возрастет. Должно было случиться нечто важное, если он ушел с этого места.

— Боюсь, имеет смысл преследовать его вплотную, — неохотно заметил Бургхард, глядя с лестницы вниз. — Так вперед же; нам предстоит неплохая охота.

* * *

Японские сандалии громко цокали по обледеневшей мостовой, когда еще один отряд крадучись сворачивал с Грейсчерч на Темз-стрит. Необычно обутый предводитель задержался,

окинул взглядом пустынную улицу и продолжил путь.

— Подожди-ка минутку, алхимик, — окликнул его один из спутников. — Я шагу не сделаю дальше без объяснений. Ведь мы слышали стрельбу, не так ли?

— Слышали, — раздраженно откликнулся предводитель. — Но ведь стреляли не в вас.

— Но в кого тогда стреляли? Сдается мне, это кричал не человек. — Ветер трепал длинные темные кудри говорившего, не скрытые париком, бросая их на толстое, капризное лицо. Он поправил на голове шляпу. — В конце концов, здесь командую я, пусть и без официального разрешения, как мой отец во Франции. Вот я и говорю, нам достаточно и того, что ты несешь в своей шкатулке, — зачем нам советы еще одного чертова чародея?

Аменофис Фике вернулся к месту, где стоял говоривший, и, посмотрев на него сверху вниз, прошипел:

— А теперь послушайте, кривляка проклятый. Если ваша чертова задница и воссядет когда-нибудь на трон, то это будет благодаря моим усилиям, а никак не вашим. Или вы до сих пор считаете, что это ваше идиотское покушение с

Расселом и Сиднеем в прошлом году было умным шагом? Ха! Безмозглые дети, пытающиеся добраться до сладостей, разбив стеклянную крышку! Вам нужен я, и моя магия, и добрая доля удачи даже для того, чтобы избежать плахи, не говоря уж о троне! И человек, связавшийся со мною этой ночью посредством волшебной свечи, обладает магической силой, какой я давно уже не видел. Он прошептал мне слова древнего пароля. Вы сами были при этом и видели: мне даже не надо было зажигать свечу — она сама вспыхнула ярким светом! А теперь он напоролся на какое-то препятствие, возможно, на наше ненаглядное Братство Антея, и ему пришлось вернуться в то место в Суррее, где находится одно из тех средоточий магии, о которых я вам говорил раньше. Там мы с ним и встретимся. Или вы хотите вернуться в Голландию, чтобы бороться за корону без моей помощи? — Герцог Монмут все еще сомневался, так что Фике пришлось помахать у него перед носом маленькой черной шкатулкой. — И без моего поддельного, но неотличимого от настоящего брачного свидетельства?

Монмут нахмурился и пожал плечами:

— Хорошо, чародей. Тогда пошли, пока твой проклятый холод не приморозил нас к мостовой!

Отряд двинулся дальше к мосту.

* * *

Лодка шла под парусом круто к ветру; полупьяная команда размахивала горящими факелами более или менее в такт пению, но рулевой слишком сильно развернул лодку — паруса заполоскались и обвисли, лодка сбавила ход, колеса вращались все медленнее, и уже стали видны намалеванные на них лица, и в конце концов лодка со скрипом остановилась и чуть откатилась назад.

Бургхард, продолжавший вести Дойля и десятерых Братьев по льду, стараясь держаться за лодкой, догнал ее, подпрыгнул и перевалился через фальшборт. Пьяные моряки, и без того раздраженные остановкой, угрожающе повернулись к нему, но в смятении отпрянули, когда через фальшборт легко перемахнула огромная фигура Дойля с развевающейся гривой.

— Мы принимаем командование этим судном! — крикнул он, с трудом удерживаясь от того, чтобы не рассмеяться, ибо сообразил, что всего несколько часов назад читал об этом приключении. — Бургхард, как привести эту штуку в движение?

— Стоуэлл! — крикнул вожак, перегнувшись через борт. — Подтолкните лодку, а потом лезьте на борт. Эта лодка примелькалась всем на реке — наш человек не обратит внимания, что она следует за ним.

— Эй, приятель, это моя лодка, — возразил смахивающий на бочку человек на корме. Он уже бросил румпель и поднялся на ноги.

Бургхард протянул ему пригоршню монет:

— Вот. Лодка будет в целости и сохранности, мы потом ее оставим у южного берега. Да… — он отсчитал еще несколько монет, — это вам еще, если вы дадите нам свои маски и факелы.

Хозяин лодки взвесил монеты на руке, потом пожал плечами.

— Пошли с судна, ребята! — крикнул он своим спутникам. — И оставьте им маски и факелы — здесь достаточно, чтобы повеселиться как следует!

Команда, довольно переговариваясь, перебралась через борт на лед, и когда последний из людей Бургхарда оказался на палубе, паруса вновь наполнились, и лодка двинулась вперед.

Бургхард в красно-синей птичьей маске сел к рулю и правил так, чтобы держаться следом за Ромени, но не подходить к нему слишком

близко, и так они одолели почти все расстояние. Их отделяло от лестницы на Джитер-лейн всего тридцать ярдов, когда Ромени оглянулся и резко остановился, сообразив, что его преследуют.

— Он нас увидел! — вскричал Дойль, но Бургхард резко перекинул румпель налево, и лодка, опасно накренившись и разбрызгивая осколки льда, сделала правый поворот, нацелив нос не на лестницу, а на длинный причал.

Дойль вскочил, обнажил меч и тут же отшвырнул его в сторону, ибо это был больше не меч, а длинная серебряная змея, изогнувшаяся, чтобы укусить его. Но тут и его кинжал начал выползать из ножен, и Дойлю пришлось удерживать его обеими руками. Одежда топорщилась, принимая безумные формы, маска строила дикие рожи и трепыхалась на лице — даже палуба под ногами вздымалась и опадала, словно ребра какого-то большого, тяжело дышащего животного. В страхе сообразив, что находится в центре действия каких-то страшных колдовских сил, он дождался следующего подъема палубы и, использовав этот импульс, выбросился из лодки. Он приземлился на вытянутые руки, перекатился через голову и остановился за секунду до того, как лодка с треском, ломая мачты и палубу, врезалась в причал.

Члены Братства Антея, как из пращи, полетели во все стороны.

Дойль сел, сорвал с лица кривляющуюся маску, отшвырнул ее подальше и заметил кинжал, выпавший таки из ножен и подползавший к нему по льду, извиваясь, как червяк. Он отшвырнул его в сторону и пошатнулся от неестественности происходящего: несмотря на то что тот изгибался, как резиновый, он продолжал звенеть.

Бургхард вскочил, едва коснувшись льда, и, хотя лицо его исказилось от боли, сумел выдавить из себя слова команды.

— Все на берег! — прохрипел он и сам сделал первый шаг. Там и тут из-под разбитой палубы начали пробиваться огненные языки. Одно из отлетевших колес медленно вращалось на льду; нарисованное на нем лицо хлопало глазами и строило устрашающие рожи. Лица на парусе, к которым уже подбирался огонь, тоже корчились, открывая и закрывая рты в беззвучных богохульствах.

Стоуэлл, покраснев от нехватки воздуха, пытался сорвать с шеи душивший его шарф. Он наткнулся на Дойля, и тот встряхнулся, сделал глубокий вдох и шагнул следом. С воздухом творилось что-то неладное — он наполнился вонью

и жег глаза, ноздри и легкие. Дойль ощущал, как силы покидают его.

У подножия ближайшей лестницы, ведущей на причал, закрутился смерч из щепок и деревянных обломков — они били по коленям и бросались под ноги каждому, кто слишком близко подходил к лестнице; один человек упал, и они забили бы его до смерти, не оттащи его Бургхард в сторону.

Дойль просто подхватил извивающегося Стоуэлла за пояс и ворот и, раскачав, из последних сил швырнул его вверх, вслед за чем рухнул на колени и как сквозь дымку созерцал, как тот летит, нелепо мотая руками и ногами, и приземляется на настиле причала.

Воздух пах серой и хлором одновременно, и Дойль знал, что, даже если пляшущие доски нападут на него, у него все равно уже нет сил защищаться. Он опрокинулся на бок, перекатился на спину и безучастно смотрел, как Стоуэлл с лицом, освещенным багровым отсветом пылающей лодки, свешивается с причала, протягивая вниз свой меч. Дойль успел вяло позавидовать тому, что меч Стоуэлла остался прямым и твердым, в то время как его собственный превратился в извивающегося угря, а потом сознание покинуло его.

* * *

Бургхард, каким-то образом ухитрявшийся держаться еще на ногах, оказался в самом центре водоворота обезумевших обломков — они изо всех сил били его под колени, в живот и пах, и уже падая, он в отчаянии посмотрел вверх и схватился за лезвие протянутого Стоуэллом меча.

Щепки мгновенно отпрянули от него, с раздосадованным треском падая на лед. Бургхард распрямил ноги, чтобы убрать вес с порезанной руки, и с трудом совладал с дрожью.

— Ко мне, Антеи! — из последних сил крикнул он.

Лонгвелл подполз к нему, прикрывая голову рукой от нападавших на него щепок, протянул другую руку и схватился за цепь, свисавшую с ботфорта Бургхарда.

Щепки отпрянули и от него.

Один за другим еще трое подползли и присоединились к цепочке. Оставшиеся без дела обломки — с каждой секундой их становилось все больше, некоторые из них горели — собирались вокруг лежавшего в стороне Дойля.

Мелкие щепки двигались быстрее, и когда первые из них ударили его по лицу, Бургхард

крикнул:

— Дотянитесь до него кто-нибудь, быстро!

Последний в цепочке потянулся, но не достал. Он оглянулся и увидел, что большие доски, которые могут размозжить череп, подобрались уже на несколько ярдов и быстро приближаются, хрипло выругался, выхватил кинжал, дотянулся острием до ноги Дойля и, взрезав кожу на ноге, вонзил острие в лед.

* * *

Жар обжег ногу Дойля, пробежал по сведенным мышцам и, наконец, ударил в голову, вырвав его из бессвязных видений. Он сел — сознание понемногу возвращалось, и он увидел кинжал, пригвоздивший его ногу ко льду, и ворох досок и щепок, поспешно удалявшихся от него в сторону двух неподвижных тел, лежавших слишком далеко, чтобы цепочка Братства Антея могла до них дотянуться.

— Эй, вы! — кричал Бургхард. — С бородой! Не вытаскивайте кинжал, пока не схватитесь за руку Фридмена!

Дойль кивнул и потянулся к человеку, продолжавшему держаться за кинжал.

— Не бойтесь, — заверил он Бургхарда. — Я не

собираюсь разрывать Связь. — Он дотянулся до свободной руки Фридмена и схватился за нее, и только тогда тот выдернул кинжал, спрятал его в ножны и повернулся, чтобы взяться за руку человека, державшего его за цепь на ноге.

По команде Бургхарда все пятеро, пошатываясь, поднялись на ноги. Дойль чувствовал себя так, словно кинжал продолжает торчать в его ноге, и когда цепочка людей медленно двинулась вдоль причала к лестнице, он оглянулся и увидел за собой кровавые пятна, а на том месте, где лежала его нога, уже подернувшуюся льдом красную лужу.

— Держитесь за идущего перед вами и только поставьте ногу на лестницу, — окликнул его Бургхард, уже поднявшийся наверх. — Мы вас дальше вытащим.

Пару минут спустя Дойль и пятеро членов Братства Антея сидели или стояли, шатаясь, на причале, задыхаясь, греясь жаром от горевшей лодки и набирая силу, поднимавшуюся по ногам от цепей, взбадривая не хуже глотка бренди.

— Он… он отправился дальше в убеждении, что покончил с нами, — выдохнул Бургхард, перевязывая порезанную руку носовым платком. — Нам еще повезло, что он спешил и использовал все-

го-навсего заклятие Адского Оживления, да и то наскоро. Если бы он как следует наложил заклятие Смертоносных Паров…

По льду в их сторону спешил человек.

— Эй, сукины дети! — возопил он; это, разумеется, был коротышка — владелец погибшей лодки. — Я вас всех притащу к магистрату!

Бургхард полез в правый карман здоровой, левой рукой, вытащил кошелек и встряхнул его.

— Примите наши извинения! — крикнул он, бросая его коротышке. — Тут хватит на новую лодку и на то время, пока вы будете ее искать!

Он повернулся к Дойлю и остальным.

— Мы потеряли шестерых, — тихо сказал он. — И некоторые из вас получили ранения, требующие лечения, — ваша нога, сэр, в частности, и второе по значимости наше оружие — кошелек — тоже иссякло. Посему не будет трусостью вернуться домой и… привести себя в порядок, поесть, поспать и продолжить преследование наутро.

Дойль уже успел снять башмак и обмотать порезанную ногу смоченным бренди обрывком шарфа. Он натянул башмак, стиснул зубы от боли и поднял глаза на Бургхарда.

— Мне надо идти дальше, — хрипло сказал он, — если я хочу попасть домой. Однако вы пра-

вы. Ваши люди совершили… гораздо больше того, о чем я имел право их просить. И я повинен в гибели шестерых человек.

Он встал, испытывая чувство благодарности к морозу — сейчас это подействовало как анестезия.

Лонгвелл печально покачал головой.

— Нет, — возразил он. — Пока мы были на северном берегу, мне ничего не хотелось так, как бросить преследование и вернуться к нашей трапезе. Но теперь, когда Мак-Хью, и Кикхем, и остальные мертвы — я не смогу вкушать портвейн, зная, что он повинен в их смерти… его надо остановить.

— Аминь, — произнес Стоуэлл, продолжая недоверчиво ощупывать свой шарф. — У нас будет время для яств и вин после того, как мы отправим этого молодца в ад.

Лицо Бургхарда, похожее в оранжевом свете фонаря на отполированную морем корягу, скривилось в мрачной улыбке.

— Да будет так. И, сэр, — добавил он, обращаясь к Дойлю, — не казните себя за то, что эти люди погибли, помогая вам. Нам платят за эту работу, и немалый риск ее определяет и немалый размер платы. И если бы вы не забросили Стоуэлла в

безопасное место, мы бы остались там, на льду, все до одного. Вы можете идти?

— Да.

— Отлично. — Бургхард подошел к краю причала. — Вас устраивает плата? — спросил он у владельца лодки, топтавшегося на льду у договравшего судна.

— О да! — кивнул коротышка, безмятежно махнув рукой. — Если что, вам я лодку сдам в любое время, только скажите.

— Хоть кто-то остался в выигрыше этой ночью, — горько вздохнул Бургхард.

Лодка, превратившаяся теперь в пылающий ад, перевернулась и начала погружаться сквозь растаявший лед, и сквозь клубы пара и дыма видно было, как рушатся по одному шпангоуты, словно кто-то, считая, загибает пальцы великанской руки.

* * *

При виде Дойля, входившего через низкую дверь в залу, глаза трактирщика свирепо сузились и тут же изумленно расширились, когда он увидел вошедших следом Бургхарда и остальных Братьев.

— Этот парень с тобой, Оуэн? — подозрительно

спросил трактирщик.

— Да, Боуз, — отвечал Бургхард, — и Братство возместит тебе весь ущерб, что он мог причинить твоему заведению. Скажи, не видел ли ты…

— Тот человек, что свалился вместе со мной на стол, — перебил его Дойль. — Где он?

— Этот? Да он, разрази меня…

Дом завибрировал, словно в недрах его кто-то начал играть на органе похоронную мелодию в регистрах, слишком низких для человеческого уха, и откуда-то издалека послышалось высокое, монотонное пение. Цепь на ноге Дойля зазвенела, обжигая ему лодыжку.

— Где он? — рявкнул Бургхард.

Все произошло почти мгновенно. Свечи в деревянных канделябрах засияли и рассыпались каскадом обжигающих брызг, словно фейерверк на Четвертое июля, пустив плавать по залу багровые огненные шары и заполнив его клубами зловонного дыма; столы буквально взорвались, расшвыряв во все стороны еду, посуду, бутылки и посетителей. Оглядевшись в полной растерянности по сторонам, Дойль заметил, как над головой Боуза-трактирщика появился длинный, извивающийся белый жгут, напоминающий смерч. Дойль перевел взгляд на корчившихся среди обломков

посетителей — такие же жгуты тянулись к голове каждого из них.

Вздрогнув, он задрал голову вверх, однако ничего такого над ним не обнаружилось, так же как и над его спутниками.

Должно быть, подумал он, это цепи защищают нас от дьявольских штучек Ромени. Опустив взгляд, он увидел, что его цепь рассыпает по полу золотые искры; казалось, и у его спутников к ноге привязано по бенгальскому огню.

Разлетевшиеся в щепки столы начали собираться снова, образуя человекоподобные формы — они бестолково метались в клубах багрового дыма, задевая деревянными руками людей, стены и друг друга.

— В круг! — вскричал Бургхард, и Дойль оказался втиснутым между Лонгвеллом и Стоуэллом. Члены Братства Антея обнажили мечи и кинжалы, и хотя Дойль не был уверен, что с такими колдовскими отродьями можно справиться земным оружием, он все же наклонился и вытащил меч из ножен посетителя, споткнувшегося и рухнувшего на пути к двери.

Белые жгуты быстро вытягивались вверх, сходясь к одной точке потолка, где начал расти пузырь такой же белой субстанции. Дюжина лю-

дей, головы которых оказались соединены этой омерзительной паутиной и которые до этого момента стояли или лежали, вдруг одновременно обратили безумные, пустые глаза на вставших в круг у двери. Деревянные увальни тоже застыли, словно прислушиваясь, и уже осмысленно повернулись к членам Братства и осторожно, как бы с опаской, двинулись на них.

Один из них остановился перед Бургхардом и замахнулся ножкой от стола, служившей ему рукой, но, прежде чем он нанес удар, Бургхард сделал выпад и ударил мечом по его плечу — деревянная рука отделилась от торса-столешницы и со стуком рухнула на пол.

Почти не отдавая себе отчета в том, что делает, Дойль нырнул вперед и погрузил острие меча в живот другой деревянной твари. Ногу его свело такой болью, что из глаз потекли слезы, но его противник рассыпался по полу охапкой дров. Последующая схватка показала, что с деревянными людьми вполне можно справляться, и хотя Стоуэлл упал, оглушенный ударом дубовой руки по голове, а правая рука Дойля оказалась почти парализованной, после того как ему врезали по плечу, спустя всего пару минут они превратили в бесполезные обломки всех, кроме одного

— тот, обнаружив, что остался один, повел себя совершенно по-человечески и ретировался в открытую дверь.

Хотя багровые огненные шары и подожгли зал в одном или двух местах, свечи вновь горели обычным светом, а едкий дым почти рассеялся.

— Он где-то в доме, — прохрипел Бургхард. — На кухню, только держаться всем вместе! — И шагнул вперед.

— Стой! — послышался хор безжизненных голосов, и прилепившиеся к головам Боуза и дюжины его незадачливых посетителей белые пуповины подняли их с пола. Некоторые держали в руках мечи или кинжалы, остальные — включая компанию дородных леди — подобрали с пола по тяжелому деревянному обломку.

Дойль посмотрел вверх, туда, где сходились белые жгуты, и увидел, что выросший на потолке белый пузырь превратился в огромное лицо без глаз, а жгуты тянутся вниз из его открытого рта.

— Дойль, — неправдоподобно в унисон произнесли все нападавшие, — забирай остатки своих людей и попробуй бежать отсюда так, чтобы мой гнев не смог найти тебя.

— Верно, Бургхард, — произнес Дойль, стараясь не выдать паники, — чародей, скорее всего, на

кухне, где есть и огонь, и горячая вода, и что еще может понадобиться ему для его черных дел.

Дойль, Бургхард, Лонгвелл и еще один член Братства, невысокий, коренастый парень, рванулись к двери на кухню, но были остановлены трактирщиком и остальными.

Дородная леди замахнулась на Дойля, и тот с трудом увернулся от прямого левой, выбив концом меча из ее правой руки увесистый деревянный обломок, и почти мгновенно парировал выпад меча, нацеленный ему в грудь. Его тело рефлекторно качнулось вперед в ответном выпаде; в самый последний момент он опомнился и ударил в живот нападавшего не острием, а эфесом.

Леди преклонных лет выплясывала вокруг него, и в конце концов ей удалось вполне ощутимо заехать ему кулаком по почкам. Дойль взревел от боли и сделал ей подсечку — воительница с грохотом рухнула на пол. Он взмахнул мечом и перерубил белую змею, тянувшуюся от ее головы, — жгуты разлетелись в разные стороны, и один, шлепнув по потолку, словно втянутая макаронина, исчез во рту белого лица. Поверженная леди захрипела.

Хотя бой требовал изрядного мастерства и внимания, бывшие посетители бормотали, словно

сомнамбулы. Один из них серией коротких, но точных атак мечом — парируя которые Дойль изрядно порадовался тому, что Стирфорт Беннер в свое время занимался фехтованием, — загнал таки Дойля в угол, продолжая бормотать нечто невразумительное, — может быть, он продолжал начатую за столом беседу:

— …Могла бы хоть спросить, прежде чем выбрасывать, и на том спасибо, а теперь уж и погорячиться нельзя…

Видите ли, погорячиться ему нельзя, рассерженно подумал Дойль, с отчаянным усилием выбивая меч из руки погруженного в свои мысли противника.

— … Да и кто бы не горячился, дорогуша, — невозмутимо продолжал этот мыслитель, отвешивая Дойлю сокрушительный удар, от которого тот с трудом увернулся, — ведь это как-никак мой любимый камзол…

На него надвигались еще двое бормочущих людей, оба с мечами, так что Дойль, не имея ни малейшего желания отбиваться от них, когда за спиной противник, наотмашь ударил по жгуту человека, считавшего, что он имеет полное право погорячиться. Удар вышел слабый, и меч отскочил от белого жгута, но человек взвизгнул,

дернулся, как подраненный кролик, и упал на пол. Дойль развернулся как раз вовремя, чтобы встретить двоих атакующих.

Дойль уклонился вправо, отбив удар ближнего к нему неприятеля, и, пригнувшись и опершись на пол растопыренными пальцами правой руки, позволил мечу откинуться назад от удара, однако стоило ему вновь нацелить его вперед, как на острие напоролся второй нападавший, меч которого рассек пустой воздух там, где секунду назад находился Дойль.

Первый нападавший тем временем отступил на шаг и вновь поднял меч, целя Дойлю в лицо.

— …И пусть эта чертова кошка решит, нравится ли ей дома… — спокойно произнес он; Дойль увернулся от его меча, и удар пришелся точно в умирающего, — … или на улице, — договорил первый, погружая меч в спину своего товарища.

«Будь ты проклят, Ромени, — в ярости подумал Дойль, — ты заставил меня убить одного из них». Он выдернул свой меч и плашмя ударил им по голове нападавшего, и стоило тому упасть, как Дойль схватил погасший, но еще целый фонарь и зафутболил им через начинавший гореть зал в сторону кухни — тот разбился о дверь, и дверь распахнулась. Дойль подскочил к ближайшему

очагу огня, поднимавшегося по стене и уже лизавшего потолок, схватил длинную, горевшую с одного конца палку и, как копье с огненным наконечником, метнул ее в проем.

Он услышал, как палка стукнула о каменный пол… и решил уже, что попытка не удалась, когда из кухни послышался громкий хлопок, что-то полыхнуло оранжевым пламенем, и люди-марионетки взвизгнули в унисон, словно дюжина настроенных на одну волну радиоприемников, уронили свое оружие, переглянулись с выражением ужаса на лицах, и все, кроме Боуза-трактирщика, ринулись к двери.

Жгуты-щупальца, отпустив их, безжизненно повисли, и в тот же миг белое лицо с громким чмоканьем оторвалось от потолка и с грохотом обрушилось на пол. Дойль перепрыгнул через него и бросился на кухню, Бургхард и задыхающийся Лонгвелл — за ним. Боуз подбежал к полке со стаканами, со звоном смел их на пол, схватил лежавший в глубине промасленный сверток и, на ходу развязывая его дрожащими пальцами, устремился следом.

Дойль ворвался на кухню, описывая перед собой мечом восьмерку, но доктор Ромени исчез. Дойль застыл на грязном полу, озираясь — снача-

ла испуганно, потом удивленно: вся кухня была залита чадящим маслом, но самое поразительное — все полки, скамьи, столы и даже каменная плита, исковерканные до неузнаваемости, сгрудились в центре помещения, словно стиснутые гигантской пятерней.

Сзади в Дойля врезался Бургхард, а в того — Лонгвелл, последним прибежал разъяренный трактирщик, размахивая древним пистолетом с раструбом на стволе, что он достал из свертка. Боуз уронил пистолет, и тот полетел стволом вниз прямо в грязь.

— Герлей убит, — выдохнул Бургхард. — Ох, попадись мне этот доктор Ромени!

Трактирщик тем временем подобрал свой пистолет и тыкал забитым грязью стволом во все стороны, громогласно вопрошая, заплатит ли герцог Йоркский за разгром в его гостинице.

— Да, черт возьми, — оборвал его Бургхард. — Он купит тебе новую там, где ты пожелаешь. И отдай мне это, пока ты никого не убил, — добавил он, отбирая у него пистолет. — Куда ведет эта дверь?

— В холл, — буркнул Боуз. — Направо — в комнаты, налево — во двор с конюшнями.

— Отлично, проверим…

Огни вдруг вспыхнули ярче; собственно, огней как таковых больше не было, скорее какое-то странное свечение, менявшее окраску с ярко-оранжевого на белый. Второй раз за этот вечер Дойль начал задыхаться в раскаленном, лишенном кислорода воздухе.

— Он делает это с улицы! — прохрипел Бургхард. — Бежим!

Бургхард с Лонгвеллом ринулись в холл. Дойль собирался за ними следом, но вспомнил про беспомощного Стоуэлла и бросился обратно в обеденный зал, полыхавший уже вовсю.

Стоуэлл сидел на полу, подслеповато щурясь на яркие языки пламени. Дойль подскочил к нему, рывком поднял на ноги и потащил за собой к распахнутой двери на улицу. Стоуэлл оступился, Дойль потянул его за руку — и в это мгновение деревянная балка над входом треснула, рассыпая белые искры, и рухнула на порог, а за ней не меньше полутонны кирпича и досок.

— Вот черт! — выругался Дойль. — Назад, на кухню! — Он схватил Стоуэлла за плечо и потащил обратно. — Осторожно, там пекло, — предупредил он и распахнул дверь. Они бегом, вслепую пересекли помещение; поднятые их шагами искры летели им на одежду и бороду

Дойля, начинавшие уже заниматься, когда они оказались наконец в относительной прохладе холла. — Там должен быть еще выход, — прохрипел Дойль и тут заметил, что вся левая сторона холла, прогорев, обвалилась. — Иисусе! — в отчаянии прошептал он.

— Тссс!

Дойль повернулся на звук и даже почти не удивился, увидев взиравшую на него с пола голову трактирщика.

Только потом он сообразил, что тот по шею стоит в какой-то яме.

— Сюда, болваны! — прошипел Боуз. — В погреб! Из него ведет ход в сток на соседней улице… хотя кой черт мне сдалось спасать ублюдков из богом проклятого Братства Антея?..

Дойль стряхнул оцепенение и, толкая все еще не пришедшего в себя Стоуэлла перед собой, поспешил к люку. Боуз торопливо спустился по стремянке, помогая Стоуэллу ставить ноги на перекладины. Дойль спустился последним, закрыв люк за собой. И вот они уже стоят на каменном полу, оглядывая едва видные в слабом свечении цепей на ногах штабеля ящиков и бочек.

— Эх, такое вино французское… — вздохнул трактирщик, кивнув в сторону ящиков. — Ладно,

нам сюда, где лук… — Они двинулись вперед по узкому каменному коридору.

— Зачем вам такой потайной ход? — спросил Дойль, инстинктивно понизив голос.

— Не ваше дело… тьфу, черт, какая теперь разница… Там, дальше, подземный сток расширяется так, что в него могут лодки из реки заходить. Порой не стоит беспокоить джентльменов с таможни насчет кой-какого товару… а порой, бывает, кому из господ надобно уйти, да только не через видную всем дверь.

«Вот опять я ухожу в невидимую дверь», — подумал Дойль. Стоило им пройти по туннелю шагов сорок, как цепи потускнели и погасли совсем.

— Мы вышли за пределы действия магии, — пробормотал Стоуэлл.

— Уж не ваши ли это цепи подожгли мне дом? — буркнул Боуз. — Ага, пришли, вон луна светит сквозь решетку.

Пол туннеля делался выше под решеткой, и Дойль, слегка присев, уперся плечами в чугунную решетку.

— Будем надеяться, — ухмыльнулся он Боузу, — что вышибать решетки у меня получается лучше, чем корежить пивные кружки. — Потом

он напряг силы, и ухмылка сошла с его лица.

* * *

«Самое забавное в том, — думал герцог Монмут — он дрожал от холода и подошел поближе к горящему трактиру, — что на самом деле я вполне могу обойтись и без этих чародеев… и без их чертова поддельного брачного свидетельства. Говорил же я Фике, что у меня есть все основания полагать, что моя мать действительно сочеталась законным браком с королем Карлом и повенчал их епископ Линкольнский, в Льеже. Почему бы ему не поискать настоящее свидетельство?»

Герцог от досады закусил губу — впрочем, губа и так была изрядно искусана, — ибо он знал ответ, и ответ этот был ему не по вкусу. Было совершенно очевидно, что Фике не считает Монмута законным наследником трона, — следовательно, его усилия продиктованы никак уж не заботой о благе отечества. «Когда я наконец взойду на престол, этот чертов чародей наверняка будет ждать от меня ответных услуг, — подумал он. — И, судя по всему, главной среди них будет та, о которой он бубнит уже не первый год: отказ от всех британских интересов в Танжере. Вот интересно, — удивился Монмут, — с чего это Фике

так стремится не дать европейским властителям закрепиться в Африке?»

Он покосился на неестественно высокого Фике — тот стоял поодаль и держал в руках черную шкатулку с фальшивкой.

— Чего ты ждешь, чародей?

— Ты можешь заткнуться? — огрызнулся в ответ Фике, не отрывая взгляда от горящего здания. Внезапно он встрепенулся. — Ага! Вон!

Из-за угла дома показался пылающий человек — он несся невероятными прыжками по три ярда каждый. По пятам за ним неслись еще двое, тоже частично горящие; по крайней мере, с их башмаков сыпались искры.

Фике сделал шаг вперед, и в это же мгновение один из двоих бросился вперед и сбил пылающего человека с ног, опрокинув его в сугроб.

Грамотно спасает, подумал было Монмут, но тут третий, толстяк, подскочил к застывшему и все еще горевшему телу и, к ужасу Монмута, выхватил кинжал и направил его в грудь лежащему — но лезвие отскочило, как от камня, и двое барахтавшихся в снегу сцепились в отчаянной схватке.

* * *

«Еще несколько шагов, и я с ними разделаюсь, — думал на бегу Фике. — Это не помешает, ибо этот волшебник, должно быть, испытывает адскую боль, лежа на голой земле. Впрочем, эти смертные все равно не смогут убить его ни огнем, ни холодной сталью… ни свинцом», — добавил он про себя, увидев, что соперник чародея выхватывает из-под плаща пистолет с широким стволом.

* * *

Бургхард знал, что выстрелом из пистолета чародея не убить — тем более в пределах действия магической сферы — и толку от этого будет не более, чем от дурацкой попытки Лонгвелла с кинжалом, но он видел, что доктор Ромени, вытянув руку, схватился за цепь Лонгвелла — рука на глазах потемнела, и чародей взвыл от боли — и резким рывком оторвал ее. Теперь ничто уже не мешало доктору Ромени расправиться с беззащитным Лонгвеллом, и Бургхард в отчаянии вскинул пистолет, сунув его практически в лицо чародею, и, когда тот уже раскрыл рот для сокрушительного заклинания, спустил курок.

Лицо доктора Ромени разлетелось, словно замок из песка под ударом ноги, и он рухнул на залитый кровью снег. Бургхард и Аменофис Фике оба застыли, уставившись на распростертое, неподвижное тело, и тут герцог Монмут, явно не желая оказаться замешанным в убийстве, в то время как его отец-король запретил ему ступать ногой на британскую землю, развернулся и бросился прочь.

Бургхард медленно повернулся и выбил из рук Фике черную шкатулку.

* * *

Дойль отвел себе на попытки ровно тридцать секунд; когда он досчитал до двадцати восьми, чугунная решетка, больно впивавшаяся в его плечи, неожиданно подалась. Он отшвырнул ее в сторону, выбрался из сточного отверстия и помог вылезти на мостовую трактирщику и Стоуэллу.

— Ты слышал шум? — спросил он у Стоуэлла. — Или мне от натуги померещилось?

— Слышал, — кивнул Стоуэлл, потирая плечо. — Выстрел и крик.

— Тогда возвращаемся.

Они бегом вернулись туда, откуда пришли, — правда, на этот раз по мостовой. Не успел Дойль

сделать несколько шагов, как цепь у него на ноге снова начала нагреваться, и он устало потянул меч из ножен.

Однако когда они свернули за угол, все уже закончилось. Бургхард и Лонгвелл сидели на мостовой, созерцая пожар. Бургхард машинально подбрасывал в воздух и ловил маленькую черную шкатулку, но она упала на мостовую, а сам он вскочил при виде приближающихся к ним трех закопченных фигур.

— Боже, как вам удалось выбраться? — вскричал он. — Ваш чародей обвалил дверь сразу же, как мы выскочили.

— Вышли подземным ходом, — прохрипел Дойль, шатаясь: усталость от приключений этого вечера наконец навалилась на него. — Где Ромени?

— Мне каким-то образом удалось убить его, — ответил Бургхард. — Похоже, здесь его ждал кто-то из его союзников, но они разбежались, когда я его застрелил. Мы отволокли его подальше от места, где его магия сильна…

— Вы его обыскали? — перебил Дойль. Черт, сколько еще времени останется открытым это окно? Если только оно уже не закрылось.

— У него была с собой только эта бумажка…

Дойль выхватил из рук Бургхарда измятую бумажку, всю в темных бурых пятнах, торопливо посмотрел на нее, потом снова поднял глаза.

— Куда вы оттащили тело?

— Прямо за вами, вон… — Бургхард ткнул пальцем, и тут же глаза его в ужасе расширились. — Боже праведный, он исчез! Но я же ему все лицо разнес!

— Должно быть, он только притворялся, — безразлично пожал плечами Дойль. — Вряд ли его можно убить из пистолета.

— Я сам тоже считал так, — возразил Бургхард, — и все же своими глазами видел, как лицо его разлетелось на куски, когда я выстрелил в него из пистолета Боуза! Черт, я ведь не имею привычки присваивать чужие убийства! Лонгвелл, ты же сам видел…

— Погодите-ка, — сказал Дойль. — Из того пистолета, который упал в грязь?

— Вот именно. Мне повезло еще, что он не разорвался у меня в руках, так он был забит землей.

Дойль кивнул. Полный ствол земли, подумал он, — это действительно может здорово ранить Ромени, и пуля здесь ни при чем. Это все связано с их боязнью прикасаться к земле.

Он открыл рот, чтобы объяснить это Бургхарду,

но в это мгновение огни погасли, и Дойль упал, как ему показалось, прямо сквозь землю и в черную, лишенную звезд пустоту с другой стороны.

* * *

Когда эхо громкого хлопка стихло, Бургхард несколько секунд продолжал смотреть на место, где только что стоял Дойль, и на кучку оставшихся от него пустых одежд. Потом он оглянулся.

К нему, осторожно сгибая шею, подошел Лонгвелл.

— Ты слышал взрыв… он, кажется, не связан с пожаром? — спросил он. — И куда делся наш загадочный провожатый?

— Очевидно, туда, откуда он пришел, — ответил Бургхард. — И надеюсь, там теплее, чем здесь. — Он покосился на Лонгвелла. — Ты, часом, не узнал человека, что поджидал здесь Ромени?

— Если на то пошло, Оуэн, он смахивал на цыганского вожака Фике.

— Гм?.. Нет, Фике-то, само собой, был здесь — я имею в виду второго.

— Нет, на того я не посмотрел. А что?

— Право, он слишком похож на… нет, тому положено быть сейчас в Голландии. — Он улыбнулся Лонгвеллу усталой, безрадостной улыбкой. —

Увы, мы никогда так и не узнаем в точности, что же произошло здесь этой ночью.

Он сделал шаг и подобрал с мостовой черную деревянную шкатулку. Скрипя башмаками по снегу, к ним подошел Стоуэлл.

— Я не должен был бросать тебя там, Брайан, — произнес Бургхард, опустив глаза. — Прости. Я рад, что бородач вернулся за тобой.

— Я не виню тебя, — ответил Стоуэлл. — Я и сам думал, что спасения нет. — Он потер глаза. — Ну и вечерок. Кстати, что у тебя в этой шкатулке?

Бургхард снова подбросил и поймал ее.

— Колдовские штучки, я полагаю.

Он повернулся и кинул ее через пустую глазницу окна в догоравший дом.

* * *

Ковыляя по улице, пытаясь углядеть дорогу единственным оставшимся глазом, доктор Ромени плакал от досады и ярости. Он не помнил, кто его ранил и как, однако он знал, что попал в ловушку. Он не сможет вернуться в свое время. И то, что он должен передать кому-то — что-то очень важное, — это, похоже, тоже вылетело у него из головы вместе с кровью, что он потерял, прежде чем сумел нацарапать на снегу несколько

заклинаний. Сохрани он способность говорить, и он сумел бы восстановить свое лицо, однако он остался почти без нижней челюсти, а письменные заклинания помогали ему разве что остаться живым и передвигаться.

При всем этом оставалось одно, что он знал наверняка и что грело ему сердце: этот Дойль наконец мертв. Ромени запер его в горящем трактире, и когда сам отползал с места, где они бросили его — как им казалось, мертвого, — он оглянулся и увидел, что дом полыхает так, что ничего живого остаться там просто не могло.

Его чувство равновесия делось куда-то, и он с трудом ковылял в своих японских сандалиях. «Ну что ж, — думал он, — для ка я уже стар. Еще несколько десятков лет, и я сделаюсь таким легким, что земное притяжение почти перестанет удерживать меня и я смогу обходиться без этих проклятых штук. Письменные заклинания поддержат меня на то время, пока я не смогу говорить снова. И, если повезет, я смогу дожить до 1810 года.

И, — подумал он, — в 1810 году я как следует пригляжу за мистером Бренданом Дойлем. Кстати, ничто не мешает мне прикупить за это время участок, на котором стояла сгоревшая гостиница,

и в 1810 году я отведу туда мистера Дойля и покажу ему его собственный древний и обгоревший череп».

Булькающий звук, который мог означать и смех, вырвался из нижней части его исковерканного лица.

Пройдя еще несколько шагов, он снова потерял равновесие, прислонился к стене и начал сползать на мостовую — и тут чья-то рука поймала его, выпрямила и помогла сделать еще шаг. Он повернул голову, чтобы единственным оставшимся глазом посмотреть на своего благодетеля, и не особенно удивился, увидев, что это вовсе не человек, но напоминающая его очертаниями, оживленная им самим охапка досок и щепок, бывшая когда-то, судя по всему, обеденным столом. Ромени благодарно закинул руку на доску, служившую фигуре плечом, и оба молча — ибо ни один из них не мог говорить — двинулись дальше по улице.

Глава 3

Минералы служат пищей растениям, растения – животным, животные – людям; люди, в свою очередь, также служат пищей другим созданиям, но не богам, ибо их природа слишком далека от нашей; скорее дьяволам.

Кардан. «Hyperchen»

Дойль ударился ногами о стол после столь короткого падения, что едва успел спружинить ногами, дабы не упасть. Он оказался в шатре, и, словно человек, пробуждающийся от кошмара и с облегчением узнающий обстановку собственной спальни, Дойль вспомнил, где он видел уже этот стол с ворохом бумаг, свеч и статуэток. Он находился в цыганском шатре доктора Ромени. И, как заметил он, слезая со стола, он оказался совершенно гол. Слава богу, здесь было жарко. Несомненно, он вернулся в 1810 год.

«Но как это случилось? — удивился он. — Ведь мобильного крючка у меня не было».

Он подошел к выходу и откинул полог как раз вовремя, чтобы увидеть за горящими шатрами

пару огромных, напоминавших скелеты фигур, слегка светящихся, как отпечаток изображения на сетчатке; они растворились в воздухе так быстро, что он даже не успел убедиться в том, что действительно видел их. Если не считать негромкого потрескивания огня, единственное, что нарушало тишину, — это неожиданно веселые звуки игрушечного пианино и аккордеона где-то на северном конце лагеря.

Он снова запахнул полог и принялся шарить в хламе до тех пор, пока не нашел халат и странные сандалии на толстой подошве, чистый шарф перевязать все еще кровоточащую ногу и меч в ножнах. Приодевшись и снарядившись, он вышел из шатра.

Слева от него послышались шаги. Он выхватил меч, повернулся на звук шагов и увидел перед собой Окаянного Ричарда — тот поперхнулся от неожиданности, потом отступил на шаг, схватившись за кинжал на поясе.

Дойль опустил меч.

— Тебе нечего бояться меня, Ричард, — сказал он негромко. — Я обязан тебе жизнью… и хорошей выпивкой в придачу. Как твоя обезьянка?

Брови старого цыгана поднялись так высоко, как только позволял им морщинистый лоб; он

то убирал руку с кинжала, то клал ее обратно, однако в конце концов оставил его в покое.

— Ну… спасибо, очень кушто, если на то пошло, — неуверенно произнес он. — Это… а где доктор Ромени?

Подул прохладный вечерний ветер; музыка на северном конце лагеря слегка замедлилась и приобрела чуть меланхоличный оттенок.

— Его больше нет, — ответил Дойль. — Во всяком случае, ты его вряд ли увидишь еще.

Ричард кивнул, переваривая это, потом достал из-за пазухи свою обезьянку и прошептал ей новость.

— Спасибо, — сказал он наконец, подняв глаза на Дойля. — Я теперь идти собирать своих бедных напуганных людей. — Он шагнул в темноту, но задержался, обернулся, и в неверном свете догоравших шатров Дойль увидел, как блеснули в улыбке его зубы. — Я видеть, что вы, джорджо, не всегда глупы как пробка, — произнес он и ушел.

Шатер, из которого вышел Дойль, теперь горел; клочки пылающей обшивки летели прямо в ясное ночное небо. Вспомнив про горшок, разорвавшийся шрапнелью у него над головой, Дойль поспешно ощупал волосы, но те оказались чистыми — судя по всему, нечистоты остались в 1684

году вместе с одеждой.

— Эшблес! — окликнул его кто-то справа, и Дойлю потребовалось несколько секунд, чтобы вспомнить, что теперь он Эшблес. Это, должно быть, Байрон, подумал он. Или, точнее, ка Байрона.

— Я здесь, милорд! — крикнул он в ответ. Байрон, прихрамывая, выступил из темноты, озираясь по сторонам и держа кинжал наготове.

— Ага, вот вы где, — сказал он. — С чего это вы вырядились в халат и такую причудливую обувь?

— Это… долго рассказывать, — пробормотал Дойль, пряча меч в ножны. — Пошли отсюда — мне нужно найти пару штанов и хороший стакан чего-нибудь крепкого.

— Правда? — улыбнулся Байрон. — А что с огненными великанами? Они исчезли?

— Да. Ромени высосал всю их энергию, использовав ее для заклинаний.

— Заклинаний? — с отвращением переспросил Байрон и сплюнул. — А сам он, кстати, куда делся?

— Тоже исчез, — ответил Дойль. — Почти наверняка уже умер.

— Черт. Я так надеялся убить его своими

руками. — Он подозрительно посмотрел на Дойля. — Вы, похоже, знаете гораздо больше, чем говорите. И как это вы ухитрились остаться без штанов всего за несколько минут с нашей последней встречи?

— Пошли отсюда поскорее, — повторил Дойль, начинавший дрожать.

Они двинулись к дороге мимо горящего шатра, мимо дерева, с которого падал Дойль, — всего несколько минут назад по местному времени, сонно подумал он, — и пляшущие перед ним тени на траве постепенно растворялись в темноте.

* * *

Странное существо в темной траве передвигалось ползком легче, чем на ногах, — так оно могло цепляться руками за травинки и подтягиваться от одной к другой, лишь изредка отталкиваясь ногами от земли; со стороны оно напоминало какое-то хищное ракообразное, ползущее по морскому дну.

«Ну что ж, — подумало существо, некогда неотличимое от человека, — все счета оплачены, круг замкнулся, и человек, разрушивший мою жизнь, отправился в последний путь туда, где я убью его. Я сам видел, как яги растворились, иссякнув,

а это значит, он мертв». Существо хихикнуло — звук был такой, словно шелестели на ветру сухие листья. «Полчаса назад, — подумало оно, — я боялся, что он каким-то образом избежит смерти, а теперь он уже сто двадцать шесть лет как труп».

Существо услышало голоса и шелест травы под чьими-то ногами и замерло, однако инерция тащила его вперед, и оно летело, кувыркаясь, до тех пор, пока не налетело на куст и не остановилось с задранными к небу руками и ногами.

— Но если мои друзья позволят нам остаться у них, — нетерпеливо говорил один мужской голос, — а я заверяю вас, что они будут рады этому, то почему бы и нет?

«Ба, да это, кажется, тот молодой лорд, — подумало существо в траве. — Чего-то мы от него хотели… точно, и к тому же он — ка; оригинал — как там его? — находится в Греции. Да, верно, он должен был убить короля. Заговоры тайные, чушь необычайная…»

— Поймите, — с сомнением в голосе отвечал второй голос, — они уверены, что вы за границей. Как вы объясните свое присутствие здесь?

Похоже, что-то в этом втором голосе чрезвычайно расстроило ползучее существо в траве — оно село так резко, что оторвалось от земли и

несколько секунд парило в воздухе, как почти сдувшийся воздушный шарик; коснувшись же земли, оно брыкнулось и взмыло вверх футов на двадцать, чтобы посмотреть получше.

Двое мужчин шли по полю от горящих шатров, и медленно терявшее высоту существо в ужасе воззрилось на более высокого. Высокий… очень высокий и — Изис! — пышная грива и борода, причем светлые! Но как он, будь он проклят, смог выбраться из того трактира? И из того времени? Кто, черт подери, такой этот Дойль?

Существо начало загребать воздух руками и ногами, чтобы быстрее спуститься на землю, ибо ему необходимо было следовать за ним. Если у почти бестелесного ка, бывшего когда-то доктором Ромени, и осталась какая-то цель, то это увидеть наконец Дойля мертвым.

* * *

Искусно наведенный жар спадал, и доктор Романелли злобно уставился на мирно спящего пациента. «Черт бы тебя побрал, Ромени, — подумал он. — Мог бы и дать знать, как идут дела. Лихорадка проходит — мне надо либо убивать его, либо дать ему выздороветь».

Он положил ладонь на лоб лорда Байрона и

тихо выругался — лоб был прохладен. Спящий пошевелился, и Романелли торопливо вышел из комнаты. «Поспите еще, милорд, — подумал он, — поспите, пока я не получу известий от моего бездаря дубликата». Он вошел в захламленную комнату, служившую ему мастерской, с надеждой посмотрел на переговорную свечу, вздохнул и перевел взгляд на открытое окно — солнце пряталось за холмы Миссолонги. На широкий залив Патры пала вечерняя тень, и редкие рыбацкие лодки спешили домой, наполнив треугольные паруса ветерком с моря.

Слабое бормотание со стороны стола заставило его торопливо обернуться и посмотреть на свечу, разгоревшуюся ярче.

— Ромени! — позвал он. — Ну как, удача?

Пламя молчало и, хотя с каждой секундой разгоралось все сильнее, пока не превращалось в маленький магический шар.

— Ромени! — повторил маг громче, не заботясь уже о том, не проснется ли спящий Байрон.

Ответа не последовало. Горевшая уже ослепительным светом свеча вдруг согнулась посередине, словно манящий палец — доктор Романелли даже ахнул от удивления, — и разломилась, выплеснув на стол лужицу расплавленного

воска. Свеча медленно осела, превратившись в бесформенный комок, и Романелли увидел, что весь фитиль ее светится бело-желтым светом.

Черт подрал, подумал он, но это ведь значит, что свеча Ромени попала в огонь. Должно быть, его шатер горит. Может, яги вышли из-под его контроля? Да, скорее всего, так оно и есть: они перевозбудились и подожгли лагерь. Да, но тогда они не смогут поджечь завтра Лондон — они нарезвятся и нажрутся на несколько недель вперед. Ромени, чертова безрукая, безмозглая… подделка!

Он подождал, пока фитиль перестанет светиться и лужица воска застынет, потом достал из сундука еще одну свечу. Он сорвал с нее обертку, снял стеклянную колбу с лампы, чтобы зажечь свечу от ее огня, и спустя несколько секунд на кончике фитиля разгорелся магический шарик.

— Мастер! — рявкнул Романелли.

— Да, Ромени, — послышался в ответ старческий голос Мастера. — Ну как, договорился с ягами? Игрушка должна быть достаточно…

— Черт подрал, это Романелли. В Лондоне что-то не так. Моя свеча расплавилась, когда я попытался связаться с ним, вы поняли? Его свеча каким-то образом сгорела. Я полагаю, он не справился с

ягами. Я не знаю, убивать мне Байрона или нет.

— Роме… Романелли? Сгорел? Убит? Что?

Романелли пришлось несколько раз повторить новости, прежде чем Мастер уяснил суть происходящего.

— Нет, — ответил наконец Мастер. — Нет, Байрона убивать не надо. Возможно, нам еще удастся претворить наш план в жизнь. Отправляйся в Лондон и лично выясни, что случилось.

— Но в Англию не добраться меньше чем за месяц, — запротестовал Романелли, — а к тому времени…

— Нет, — перебил его Мастер. — Никаких поездок — отправляйся туда немедленно. Ты должен быть там к ночи.

Последние серебристые лучи заходящего солнца угасли за холмами; поверхность залива Патры была пуста.

— Сегодня? — помедлив, переспросил Романелли хриплым шепотом. — Я… я не могу сделать этого. Столь сильная магия… мне же надо будет сохранить силы для выполнения вашего поручения там…

— Это убьет тебя? — каркнул голос Мастера из огня. На лбу Романелли выступил пот.

— Вы знаете, что нет, — ответил он. — Не до

смерти.

— Тогда чего ты ждешь?

* * *

Невысокий человечек шагал вдоль по Лиденхолл-стрит с уверенностью, плохо вязавшейся с его внешностью, ибо в свете, падавшем из окон и парадных, костюм его казался изрядно пожеванным, а лицо — при ясном взгляде и уверенной улыбке — было изборождено усталыми морщинами, да и уха одного не хватало.

Большинство магазинов уже закрылось на ночь, однако новый салон депиляции все еще отбрасывал на тротуар свет из распахнутых дверей, и улыбающийся человечек вошел и направился прямиком к длинной стойке. Рядом с ней висел шнур звонка, и он задергал его так энергично, словно ему обещали шиллинг за каждое «дринь», что он успеет извлечь, прежде чем его остановят.

Из-за стойки, подозрительно разглядывая его, поспешил клерк.

— Вы не хотите прекратить развлекаться с этим? — громко рявкнул он. Звон прекратился.

— Я хочу переговорить с твоим начальничком, — заявил человечек. — Проводи меня к

нему.

— Если вы пришли избавиться от части волос, вам не нужно говорить с боссом. Я могу…

— Мне нужен босс, сынок, и я буду говорить с боссом. Видишь ли, сынок, дело касается моего дружка — если на то пошло, он меня сюда и послал. Сам он не мог прийти, ибо он, — тут человечек сделал паузу и подмигнул клерку, — зарос шерстью, чертовски густой шерстью, с ног до головы. Э… хм? Понял, сынок? И еще, сынок, не тянись к своей усыпляющей пушке. Лучше отведи меня к боссу.

Клерк зажмурился и облизнул пересохшие губы.

— Гм… черт… ладно. Не подождете ли вы, пока… нет. Гм, проходите сюда, сэр, пожалуйста. — Он приподнял вверх секцию стойки, чтобы человечек мог пройти за нее. — Вот сюда. Надеюсь, вы… не позволите себе глупостей, нет?

— Кто угодно, только не я, сынок, — заверил его человечек, явно удивленный и даже оскорбленный самой постановкой вопроса.

Вдвоем они прошли в узкую дверь за стойкой, миновали полутемный коридор, в дальнем конце которого их остановил человек, как бы без дела сидевший в кресле.

— Это еще что такое? — спросил он, взявшись рукой за шнур звонка. — Клиентов сюда не пускают, Пит, и это тебе хорошо известно.

— Этот парень только что вошел, — поспешно сказал Пит, — и он говорит…

— Мой приятель зарос шерстью с головы до пят, — нетерпеливо перебил его человечек. — А теперь проводите меня к вашему боссу, ладно?

Охранник из коридора испепелил Пита взглядом.

— Он… он откуда-то знает все, — беспомощно пожал плечами Пит. — Даже про пистолет знает.

Подумав с минуту, охранник отпустил шнур.

— Ладно, — произнес он. — Подождите здесь, пока я переговорю с ним. — Он отворил дверь за спиной и исчез за ней, но не успел еще шнур от звонка перестать раскачиваться, как он вышел обратно. — Пит, — сказал он. — Обратно в зал. Вас, сэр, прошу пройти со мной.

— Слушаюсь, шкипер! — ухмыльнулся неопрятный человечек и уверенно шагнул вперед.

За дверью оказалась покрытая ковром лестница; на верхнюю площадку выходило несколько дверей. Одна дверь была приоткрыта.

— Вот его кабинет, — сказал охранник, отступая в сторону. Человечек с забавной тщательностью

пригладил космы растрепанного парика и шагнул в кабинет.

Старик с тяжелым, пронизывающим взглядом поднялся из-за стола и указал на кресло:

— Присаживайтесь, сэр. И пожалуйста, имейте в виду, что я вооружен. Насколько я понимаю, вы…

Он осекся и более пристально вгляделся в лицо вошедшего.

— Д-дойль? — удивленно спросил он и, протянув руку, открутил фитиль лампы на столе. — Боже мой! Это вы! Но… похоже, я переоценил преданность Беннера. Он лгал, говоря, что убил вас. — Старик овладел собой, но на какое-то мгновение на его лице промелькнул настоящий ужас.

Его собеседник, довольно улыбаясь, откинулся в кресле.

— О, да, разумеется, он лгал. Впрочем, можно сказать, я мертв. — Он высунул язык и зажмурился. — Отравлен.

В глазах пожилого человека вновь отразился ужас, и, чтобы скрыть его, он произнес хрипло:

— Давайте не будем играть в загадки. Что вы имеете в виду?

Улыбка на лице человечка погасла.

— Я имею в виду, что если выброшу бритву, то больше не буду лысым. — Он вытянул руку. — Что, видите волоски между пальцами? Уже прорастают. — Его лицо вновь расплылось в недоброй ухмылке. — И… и, пожалуйста, имейте в виду, что я могу выйти отсюда, когда захочу. Если мне потребуется сбежать, это тело останется здесь, только в нем вдруг окажется очень и очень растерянная душа — а я уже буду отсюда далеко-далеко.

Дерроу побледнел.

— Иисусе, так это вы! Ладно, не надо, не уходите. Я не причиню вам вреда. — Он пристально посмотрел в глаза, некогда принадлежавшие Дойлю. — Что вы сделали с Дойлем?

— Я был тогда в теле вашего Стирфорта Беннера, и я прожил в нем достаточно для того, чтобы оно стало волосатым, как медведь; так что я накушался стрихнина и снадобья, от которого мерещатся всякие штуки и ты ведешь себя, как безумный, а потом я как следует изжевал свой язык — так, чтобы он ни слова никому не смог сказать, — и просто поменялся с ним местами.

— Боже праведный! — прошептал потрясенный Дерроу. — Бедный сукин сын!.. — Он покачал головой. — Ладно, пусть мертвые хоронят своих

мертвецов. Я проделал немалый путь для того, чтобы встретиться с вами. Черт, я столько раз мысленно репетировал этот разговор, а сейчас не знаю, с чего начать. Давайте попробуем… во-первых, я могу справиться с вашими волосами — в любой момент и столько раз, сколько вам потребуется, так что теперь вы сможете менять тела только тогда, когда сами этого захотите, а не по необходимости. Но не это главное, о чем я хотел с вами договориться. — Он открыл бюро и достал оттуда листок бумаги. — Послушайте-ка короткий отрывок из книги, которая ко мне попала. «Мне показалось, — прочел он вслух, — что человек за соседним столом обратил внимание на — как я узнал позже — богохульственные замечания, что позволил себе незнакомец, и, дабы нагляднее выразить свое неодобрение, схватил его за ворот; сорочка порвалась, обнажив грудь мужчины, и та оказалась вся покрыта короткими волосками, подобными тем, что покрывают мужское лицо, не бритое день или два. Мистер… — Дерроу оторвался от бумаги и улыбнулся. — Я не могу пока сообщить вам его подлинное имя. Назовем его «мистер Аноним»… Мистер Аноним, — продолжал он, — воскликнул: «Я уверен, что это и есть Джо — Песья Морда!

Хватайте его и сорвите с него эти перчатки!» Несмотря на оказанное человеком сопротивление, перчатки были сорваны с его рук, также поросших, как оказалось, волосами. Мистер Аноним призвал всех к молчанию и заявил, что, если этому ужасному убийце и суждено предстать перед правосудием, это должно быть сделано безотлагательно, не доверяя неспешно действующему закону, и человека выволокли на задний двор за кабаком, где и повесили на веревке, спущенной с одной из складских лебедок…» — Дерроу отложил листок и улыбнулся собеседнику.

— Занятное сочинение, — пожал плечами человек в теле Дойля.

— Да, — согласился Дерроу, — пока что это только сочинение. Однако через несколько месяцев это сделается историческим фактом. — Он улыбнулся. — Так что это долгая история, Джо. Бренди хотите?

Лицо Дойля снова улыбнулось.

— С вашего позволения, не откажусь, — ответил Аменофис Фике.

* * *

Внезапно все стихло. Хорребин раскачивался в кресле и смотрел на изрешеченный картечью

труп на полу. Похоже, этот главарь нищих забрал себе слишком много власти — гораздо больше, чем предполагал Хорребин. Весело улыбнувшись, клоун хлопнул в ладоши.

— Он плохо вел себя за столом, не так ли?

Клоуну удалось вернуть внимание аудитории, и теперь он мог позволить себе не спеша взять с тарелки жареное баранье ребро, задумчиво обглодать, а то, что осталось, швырнуть в угол, — нищие калеки жадно кинулись догрызать кость.

— Ни один из вас, — негромко сказал клоун, — не получит ничего, кроме того, что я сам решу вам дать.

Хорребин в упор посмотрел на оставшихся вожаков. Их гамаки продолжали раскачиваться взад-вперед в паутине растяжек, но они уже не кричали и не размахивали руками — они сидели тихо, скромно потупив взор, только изредка в их глазах зловеще вспыхивали красные отсветы ламп. Хорребин еще раз посмотрел на труп, потом перевел взгляд на воровских вожаков за длинным столом. Миллер, громче всех выступавший против него, старательно отводил глаза.

— Керрингтон, — мягко произнес Хорребин.

— Здесь, — откликнулся лейтенант, делая шаг вперед. Он до сих пор хромал после взбучки, полу-

ченной им в одном из хеймаркетских борделей, но бинты уже снял, так что в целом вид у него был вполне устрашающий.

— Убей для меня Миллера.

Побелевший как полотно, задыхающийся воровской вожак отшвырнул стул и вскочил, но Керрингтон уже выхватил из-за пояса пистолет, небрежным движением навел его на Миллера и спустил курок. Пуля попала Миллеру прямо в рот и, пронзив горло, вышла чуть выше воротника.

Тело еще не рухнуло на каменный пол, а Хорребин уже победно вскинул руки.

— Видели? — заорал он, упреждая привычный ропот своих людей. — Мне ничего не стоит накормить вас всех — так или иначе.

Клоун снова улыбнулся. Удачный спектакль. Но где же доктор Ромени? Неужели прав был Миллер, и все его обещания — не более чем обман и он лишь хотел подчинить себе воровской мир Лондона? Убит ли уже король? Если убит, то почему уличные осведомители клоуна до сих пор не доложили об этом? Или эту новость тщательно скрывают? Где же Ромени, черт возьми?

В наступившей тишине неуверенные шаги в коридоре показались особенно громкими. Хорребин без особого интереса покосился на дверь

— шаги отнюдь не напоминали прыгающую походку Ромени, однако глаза его тут же удивленно расширились: это оказался все же Ромени, хотя и не в обычных японских сандалиях — на нем были башмаки на высокой подошве.

Клоун окинул своих людей торжествующим взглядом и отвесил наигранно-почтительный поклон.

— Ах, ваша милость, — пропел он. — Мы уж и не чаяли вас дождаться…

Тут улыбка сошла с лица Хорребина, и он пригляделся повнимательнее: бледное как смерть лицо вошедшего исказилось от боли, из носа и ушей сочилась кровь.

— Вы… Хорребин? — прохрипел человек. — Отведите… меня… в лагерь доктора Ромени… сейчас же!

Пока клоун силился понять, что же происходит, из угла калек и уродов послышалось старческое шамканье:

— Смысла нет уходить отсюда, зануда! Весь твой план мертв, как Рамзес! Зато я могу проводить тебя к человеку, который сорвал его, — и если тебе удастся изловить его и выжать из него все, это будет куда лучше, чем победа над Британией, ей-ей! — Кое-кто из нищего отребья в углу уже

оправился от замешательства и отреагировал на это заявление свистом и улюлюканьем.

— Керрингтон, — прошептал Хорребин, разъяренный и вообще уже ничего не понимающий. — Убери отсюда эту тварь. Пожалуй, прибей его. — Он нервно улыбнулся Романелли. — Приношу вам свои извинения, сэр. Наши… демократические порядки порой…

Но Романелли почти с ужасом смотрел не на клоуна, а на бестелесного калеку.

— Молчать! — прошипел он.

— Правильно, заткни ему пасть, Керрингтон, — кивнул Хорребин.

— Я говорю про тебя, клоун! — взорвался Романелли. — Убирайся отсюда, если не можешь помолчать. Ты, — обернулся он к Керрингтону, — стой где стоишь. — Потом он заставил себя повернуться к калеке с изуродованным лицом. — Подойди сюда!

Существо прошлепало по полу и остановилось перед ним.

— Ты — это он… — удивленно произнес Романелли, — то самое ка, что Мастер сотворил восемь лет назад. Но… эта рана на лице, судя по ее виду, зажила десятки лет назад. И твой вес… ты на грани полного развоплощения. Как такое

могло произойти с тобой за восемь лет? Нет, какие восемь лет, за время с нашего последнего разговора?

— Это все Врата, открытые Фике, — прошепелявило существо. — Я прошел в одни и слишком долго шел обратно. Но давай лучше обсудим это в пути — человек, который знает все об этом, остановился в «Двухголовом лебеде» на Лед-лейн, и если ты отвезешь его в Каир для допроса с пристрастием, можно считать, время с 1802-го потеряно не зря. — Существо замолчало, переводя дух, и обратило единственный глаз на Хорребина. — Нам нужно шесть… нет, десять самых крепких и ловких твоих парней, достаточно толковых, чтобы схватить и связать большого человека, не убив его при этом и не повредив его бесценные мозги. Да, и еще пару экипажей со свежими лошадьми.

Толпа уже откровенно потешалась и злорадно хихикала. Хорребин предпринял отчаянную попытку взять власть в свои руки:

— Я не позволю приказывать какому-то там мешку с костями!

Романелли открыл рот, чтобы возразить, но уродливое существо на полу сделало ему знак молчать.

— Ты очень точно назвал то, что будет тебе приказывать, клоун, — прошамкало оно. — Впрочем, ты исполнял мою волю и раньше, хотя я уже плохо помню те вечера, когда мы вместе строили планы, покачиваясь бок о бок в подземной звоннице. Вот твое рождение я помню гораздо лучше. Я знал твоего отца, когда он пешком под стол ходил, и знал его в те времена, когда он был высоким предводителем этой воровской гильдии, но и после мы сиживали с ним порой за початой бутылкой вина — уже после того, как ты снова укоротил его рост. — Существо говорило с таким воодушевлением, что выдуло изо рта пару зубов, и те медленно всплыли к потолку, словно пузырьки в масле. — Тяжело, конечно, сидеть, слушая собственные дурацкие речи и зная при этом, что они ошибочны на все сто, в ожидании того, когда стрелка наконец пройдет круг. Но я все выдержал и дождался. Я один в мире знаю все с начала до конца. Я единственный, кто действительно имеет право приказывать.

— Делай, как он говорит, — буркнул доктор Романелли.

— Воистину так, — кивнуло существо. — И когда ты изловишь его, я отправлюсь с тобой в Каир, и после того как Мастер разберется с ним, я

убью то, что от него останется.

* * *

Переписав по памяти сопроводительное письмо в «Курьер», Дойль положил его на стопку рукописных листов, лежавших на столе рядом с мечом доктора Ромени. Странное дело, он даже не очень удивился, когда, написав первые несколько строк «Двенадцати Часов Тьмы», осознал, что, хотя его торопливый почерк почти не изменился, официальные письма, написанные левой рукой — наследие левши Беннера, — приобрели иной характер, причем знакомый — совершенно идентичный письмам Вильяма Эшблеса. Дописав же поэму до конца, он уже не сомневался в том, что, если слайд с этого листа наложить на слайд с оригинала, хранящегося в 1983 году в Британском музее, они совпадут вплоть до последней запятой и точки над «i».

«Оригинальная рукопись, — подумал он со смешанным чувством страха и неловкости. — Вот эта стопка бумаг и есть оригинальная рукопись… просто они выглядят свежее, чем когда я в первый раз увидел их в 1976-м. Ха!

Интересно, с каким чувством смотрел бы я на них тогда, зная, что я сам сделал, вернее, сделаю

вот эти закорючки пером? Интересно только, где, когда и как на первых страницах окажутся жирные следы, на которые я обратил внимание тогда, в музее?»

Внезапная мысль потрясла его. «Боже мой, — подумал он, — но если я останусь здесь и проживу свою жизнь как Эшблес — к чему пока что все идет, — значит, стихотворения Эшблеса не писал никто! Я перепишу их по памяти, прочитав в свое время в собрании сочинений 1932 года издания, и мои экземпляры перепечатают в журналах, откуда их надергают для собрания 1932 года! Получается замкнутый круг! Я… выходит, я и отправитель, и адресат в одном лице».

Он отогнал эти мысли, от которых начинала кружиться голова, встал и подошел к окну. Отдернув занавеску, он выглянул во двор, забитый почтовыми и пассажирскими дилижансами. «Интересно, где сейчас Байрон? — подумал он. — За это время можно было купить сколько угодно кларета. Мне не помешала бы пара стаканчиков — может, тогда я смогу заставить себя обдумать несколько вопросов… например, что станет с ка Байрона — скорее всего, ему положено исчезнуть, поскольку мне неизвестно никаких исторических свидетельств его существования. Впрочем,

утром он говорил, что собирается завтра навестить старых друзей. Как он тогда исчезнет? Стареют ли ка? Или умирают?»

Он вновь задернул занавеску, и почти сразу же в дверь постучали.

— Кто там? — осторожно спросил он, подходя к двери.

— Байрон, с напитками, — послышался оживленный голос. — А вы кого ждали?

Дойль отодвинул щеколду и впустил его в номер.

— Далеко же вы ходили за этим.

— Пришлось дойти до Чипсайда, — кивнул Байрон, водружая на стол сверток в промасленной бумаге, — зато результат налицо. — Он сорвал бумагу. — Вуаля! Горячая баранина, салат с лобстерами и бутыль — как клятвенно убеждал торговец — бордо… — Его лицо застыло, вытянувшись. — Стаканы! У нас же нет ни одного стакана.

— Нет даже черепа, чтобы пить из него, — согласился Дойль.

Байрон ухмыльнулся.

— Вы читали мои «Часы Досуга»!

— Неоднократно, — искренне признался Дойль.

— Будь я проклят! Ладно, никто не мешает нам пить из горла по очереди.

Байрон огляделся по сторонам и заметил стопку бумаги на столе.

— Ага! — вскричал он. — Поэзия? Ваша, признайтесь?

Дойль улыбнулся и неодобрительно пожал плечами:

— А чья же еще…

— Можно?..

Дойль смущенно отмахнулся:

— Извольте…

Прочитав первые несколько страниц — и, как заметил Дойль, оставив на них следы жирных от баранины пальцев, — Байрон отложил рукопись и с подозрением глянул на Дойля.

— Это ваш первый опыт? — Он ловко выбил пробку и приложился к горлышку.

— Гм… да. — Дойль принял заметно опустевшую бутылку и отпил глоток.

— Что ж, сэр, пожалуй, в этом заметна некоторая искра — хотя здесь и хватает модной невнятной мистики. Впрочем, в наше время на поэзию нет особого спроса. Я предпочитаю действие — в мае я переплыл Геллеспонт, от Сестора до Абидоса, и горжусь этим куда больше, чем

любым из своих литературных достижений.

Дойль улыбнулся:

— Если уж на то пошло, я с вами согласен. Я бы гордился куда больше, если бы мне удалось смастерить приличное кресло — такое, чтобы все четыре ножки были одинаковой длины. — Дойль сложил рукопись, обернул ее сопроводительным письмом, надписал адрес и, накапав немного воска со свечи, запечатал сверток.

Байрон понимающе кивнул, начал говорить что-то, замолчал, а потом быстро спросил:

— Кстати, кто же вы такой? Я не имею права требовать ответа, я и так по гроб обязан вам за то, что вы застрелили тогда этого чертова цыгана, — еще чуть-чуть, и со мной было бы покончено. Признаюсь, мне просто чертовски любопытно. — Он чуть застенчиво улыбнулся и впервые стал тем, кем он был на самом деле, — двадцатитрехлетним юношей.

Дойль отхлебнул вина и поставил бутылку на стол.

— Ну по моему акценту вы уже, наверное, могли догадаться, что я американец. Я прибыл… сюда… послушать лекцию Сэмюэля Кольриджа и застрял здесь из-за этого чертова доктора Ромени… — Он замолчал, ибо ему показалось, будто он услышал

за окном какой-то стук, похожий на шаги. Он подумал, вспомнил, что они сидят на третьем этаже, и продолжал: — И я отбился от группы туристов, с которой попал сюда, и… — Он снова помолчал, начиная ощущать действие алкоголя. — Ох, черт, Байрон, я расскажу вам всю правду. Дайте только сначала еще вина… — Дойль сделал большой глоток и с преувеличенной осторожностью поставил бутылку. — Я родился в…

Окно и дверь одновременно разлетелись, окно — стеклянными осколками, дверь — щепками, и два здоровенных и страшенных мужика ввалились в номер и тут же вскочили на ноги. Стол перевернулся, сбросив на пол еду и лампу, и в наступившем полумраке в номер набивались все новые люди, спотыкающиеся об обломки и набивающие шишки о дверь, висевшую на одной петле. Лужица, вытекшая из разбитой лампы, занялась голубым пламенем. Дойль схватил одного из нападавших за шарф, сделал пару шагов и швырнул его в окно; тот врезался в раму, и на мгновение казалось, что он сможет ухватиться за канат, все еще болтавшийся перед окном, но его руки и ноги исчезли, и Дойль услышал отчаянный удаляющийся вопль.

Байрон тоже опомнился, схватил меч Ромени

и, увидев, как сзади к Дойлю шагнули двое с поднятыми дубинками, сделал глубокий выпад и вонзил лезвие на три дюйма в грудь того, что был ближе.

— Эшблес, сзади! — крикнул он, пытаясь выдернуть меч, удержавшись при этом на ногах. Второй, не ожидавший такой атаки, повернулся и с размаху опустил дубинку на голову Байрона. Послышался омерзительный хруст, и Байрон, выронив меч, рухнул на пол.

Дойль пошатнулся, в попытке сохранить равновесие схватился, повернувшись, за ножку стола и из этого положения увидел распростертое тело Байрона.

— У-у, сукин… — вскричал он, выпрямляясь и занося над головой стол — все с грохотом слетело с него, а конверт с адресом «Курьера» вылетел в окно, — … сын! — выдохнул он, опуская стол на голову и запоздало вытянутую руку человека, ударившего Байрона.

Человек упал, и, поскольку кое-кто из нападавших отвлекся, пытаясь погасить огонь, Дойль отчаянным рывком бросился к двери; двое выступили вперед, пытаясь загородить ему дорогу, и тут же разлетелись в разные стороны, но не успел он выскочить за дверь, как набитый песком чу-

лок ударил его по черепу точно за правым ухом, и Дойль растянулся на полу.

Доктор Романелли несколько секунд созерцал неподвижное тело, жестом удерживая высыпавших из номера людей, потом не спеша убрал чулок в карман.

— Повязку с хлороформом ему на лицо, и тащите его отсюда, — проскрипел Романелли, — бездари проклятые.

— Будь я проклят, ваша честь, — возразил человек, подхвативший Дойля под коленки, — они нас ждали! Трое наших погибли, если только Норман не выжил после падения.

— Где второй, который был с ним в номере?

— Мертв, босс, — сообщил человек, который показался из комнаты последним, хлопая руками по дымящемуся пальто.

— Тогда пошли. По черной лестнице. — Он прижал руки к глазам. — Да можете вы, в конце концов, держаться вместе?! Устроили такое светопреставление, что мне придется наложить рассеянное заклятие, чтобы на ваш шум не сбежалась полиция. — Он забормотал что-то на незнакомом людям Хорребина языке, и после первой же дюжины слогов кровь начала просачиваться сквозь его пальцы. По главной лестнице

кто-то поднимался, и все замерли, тревожно переглядываясь, но шаги вновь начали удаляться. Романелли смолк и, хрипло дыша, отнял руки от лица — и стоявшие ближе к нему, побледнев, отшатнулись: из глаз его, словно слезы, катились кровавые капли. — А ну, пошевеливайтесь, вы, проклятые насекомые! — каркнул Романелли, возглавляя процессию.

— Что такое светопреставление? — прошептал один из идущих сзади.

— Это такой спектакль вроде Панча и Джуди, — отвечал его компаньон. — Я разок видал такой на ярмарке прошлым летом, когда ходил смотреть, как сестрицын хахаль играет на своем органе.

— На чем?

— На органе.

— Боже! Вот не знал, что люди платят деньги, чтобы посмотреть на это!

— Молчать! — прошипел Романелли. Впрочем, когда они начали спускаться по лестнице, их бесчувственная ноша показалась слишком тяжелой, чтобы у кого-то еще осталось желание поговорить.

* * *

Из состояния болезненного полусна Дойля вывел нестройный хор пронзительных свистков. Он сидел, дрожа от сырости и холода, в похожем на гроб ящике без крышки. Протерев глаза и несколько раз глубоко вдохнув, он понял, что маленькая комнатка и в самом деле раскачивается, а значит, он находится на корабле. Он перекинул ногу через край ящика — обутая в сандалию нога стукнула по деревянному полу — и, опершись на стенки, неуверенно поднялся на ноги. Во рту все еще стоял горький привкус хлороформа, и он, скривившись, сплюнул на пол.

Дверь, как он и ожидал, оказалась заперта снаружи. На уровне его шеи в двери имелось маленькое окошко, забранное не стеклом, а толстыми стальными прутьями — это давало объяснение тому, почему в комнатке так холодно, — и, наклонившись, чтобы выглянуть, он увидел мокрую палубу, через несколько ярдов скрывавшуюся в стене серого тумана. Параллельно палубе на уровне пояса тянулся канат, судя по всему, прикрепленный к стене снаружи.

Мерзкий свист не прекращался. Собравшись с духом и положившись на то, что он скорее

всего нужен своим пленителям живым, Дойль крикнул:

— А ну, вырубите этот чертов шум! Здесь люди спят!

Отдельные свистки смолкли сразу же, остальные — через пару секунд. И тут Дойль невольно вздрогнул, услышав голос, почти неотличимый от голоса доктора Ромени:

— Ты… нет, ты оставайся здесь, ты — ступай заткни ему глотку, остальные кретины — продолжайте играть. Если вас может сбить с лада простой смертный, чего от вас ожидать, когда появятся Шеллинджери?

Безумный свист возобновился, и спустя минуту или две Дойль, остававшийся у окошка, увидел странное зрелище: маленький старичок в просмоленной куртке и кожаной шапке полз по канату к Дойлю, при этом ноги его болтались сверху; казалось, он перемещается под водой. Когда же это невесомое существо стукнулось о стенку и заглянуло в окошко, Дойль увидел изуродованное лицо с единственным глазом и понял, что это тот самый уличный сумасшедший, который когда-то обещал показать ему дыру во времени, а вместо этого отвел его на какое-то древнее пепелище с обугленными костями.

— Можешь сколько угодно кричать, твою мать, — прошамкало существо, — но только если ты будешь продолжать, останешься без еды до конца плавания. А ведь ты хочешь набраться сил, верно, дебил? — Гадкая тварь прижала лицо к прутьям и ухмыльнулась. — Лично я советую тебе есть — мне хотелось бы, чтобы, когда Мастер разделается с тобой и отдаст мне, у тебя на теле осталось куда зуб запустить.

Дойль отшатнулся — такая неприкрытая ненависть горела в этом единственном глазе.

— Погоди-ка, — пробормотал он. — Не кипятись. Что я такого тебе сде… — Он осекся, когда смутное подозрение сменилось уверенностью. — Боже мой, так это был тот самый участок на Суррей-стрит, верно? — прошептал он. — И ты не мог знать, что я спасся через погреб… так ты был уверен, что показываешь мне мой собственный череп? Господи! Значит, грязь, которой стрелял Бургхард, не убила тебя… а я получил бумажку, действовавшую как мобильный крючок… Иисусе, значит, ты прожил все это время — с тех пор и до наших дней?

— Вот именно, — прошепелявило существо, бывшее некогда доктором Ромени. — А теперь я направляюсь домой — ка никогда не создавались

для долгой жизни, и чертовски скоро я отправлюсь в плавание на ладье через двенадцать часов тьмы, но еще раньше ты умрешь — окончательно и бесповоротно.

«Ни за что, если только ты не тот, с кем я встречусь на Вулвичских болотах двенадцатого апреля 1846 года», — подумал Дойль.

— Что ты хочешь этим сказать — двенадцать часов тьмы? — осторожно спросил он: вряд ли эта тварь читала стихи, написанные им прошлой ночью.

Существо, продолжая цепляться за канат, нагло ухмыльнулось:

— Ты увидишь их раньше, чем я, свинья. Это путь, лежащий через Дуат, подземный мир. Мертвый бог солнца Ра каждую ночь проходит этот путь от заката до рассвета. Тьма становится осязаемой там, а часы — мера длины, словно ты плывешь по циферблату. — Создание помолчало, потом громко рыгнуло — похоже, это уменьшило его вес ровно наполовину.

— Потише там! — донесся из тумана оклик, достаточно громкий, чтобы его было слышно сквозь свист.

— И мертвые цепляются за берега подземной реки, — продолжал Ромени шепотом, — и молят

взять их на борт ладьи бога солнца, ибо, если кому-то посчастливится забраться на нее, они вместе с Ра обновятся и выплывут в мир живых. Некоторые даже подплывают и цепляются за нее, но змей Апоп хватает и пожирает их.

— Так вот о чем он… то есть я говорил в своей поэме, — пробормотал Дойль. Он поднял взгляд и заставил себя невозмутимо улыбнуться. — Я уже плавал по реке с часами вместо верстовых столбов, — заявил он. — Я совершил по ней два далеких путешествия и, как видишь, жив и здоров. И если меня сунуть в эту твою подземную реку, ручаюсь, я вынырну на заре как новенький.

Это заявление изрядно рассердило доктора Ромени.

— Болван, никому…

— Мы ведь плывем в Египет, правильно? — перебил его Дойль.

Единственный глаз зажмурился.

— Откуда ты знаешь?

— Я много чего знаю, — улыбнулся Дойль. — Когда приплываем?

С минуту Ромени хмурился, потом, видимо, решил забыть свою злость и почти дружелюбно ответил:

— Через неделю или десять дней, если только

этот сброд на полуюте сумеет вызвать Шеллинджери — духи ветра вроде тех, что Эол дарил Одиссею.

— Ага. — Дойль безуспешно попытался заглянуть сквозь туман на корму. — Это что-то вроде тех огненных великанов, что сошли с ума у док… я хотел сказать, у тебя в лагере?

— Да! Да! — вскричало существо, хлопая босыми пятками. — Отлично. Верно, они — родственники. А есть и еще, духи воды и земли. Посмотрел бы ты на духов земли — это огромные движущиеся скалы…

Оглушительный, разрывающий воздух свист — скорее визг — ударил по кораблю, заставив завибрировать все плохо закрепленные доски; Дойль выглянул в оконце; на долю секунды ему показалось, что какой-то реактивный лайнер — «Боинг-747», не меньше — совершает вынужденную посадку на воду, точнее, прямо им на голову, — и тут его вжало в дверь. С кормы корабль подхватила стена ветра и так туго натянула паруса, что некоторые не выдержали и лопнули. Нос корабля опустился, потом выпрямился, и судно устремилось вперед.

Несколько секунд, пока корабль и все, что на нем находилось, свыкались с новой скоростью,

переборка, к которой Дойля прижало спиной, казалась скорее полом, чем стеной, так что, когда ящик-гроб пополз к нему по палубе, он просто поджал ноги, ни за что не держась, и позволил ему ткнуться в стену под собой. Потом корабль набрал ход, земное притяжение вновь стало нормальным, и он упал в ящик на четвереньки. Сквозь визг ветра он услышал, как о палубу разбилась первая встречная волна.

Дойль поднялся, вцепился в прутья решетки и, щурясь от ледяного ветра, стал выискивать ходячие останки Ромени, но существо исчезло. Надеюсь, за борт, подумал Дойль, хотя утонуть оно все равно не сможет, так и будет плыть следом, словно огромный жук. Корабль трясло, как автобус, несущийся по свежевспаханному полю, но Дойлю удалось продержаться у окна достаточно долго, чтобы разглядеть на полуюте несколько пригнувшихся фигур. По крайней мере, это рассеет туман, подумал он, потом отпустил прутья, сел и протер слезящиеся глаза.

Шло время, но холод все так же пронизывал до костей, и судно все так же швыряло на волнах. Дойль только теперь оценил по достоинству и возблагодарил судьбу за то, что находится в теле Беннера — его собственное давно бы уже страдало

морской болезнью, — хотя все равно хорошо, что он не успел съесть салат из лобстеров, купленных Байроном.

Где-то около полудня сквозь прутья в его камеру протолкнули две вещи: бумажный сверток, упавший на пол, — там была солонина и черствая краюха черного хлеба, и жестяное ведерко, повисшее на цепочке, — в ведерке оказалось слабое пиво. Учитывая то, что в «Лебеде» поесть ему так и не удалось, получалось, что он не садился за стол бог знает сколько времени, — поэтому Дойль проглотил все это с подлинным наслаждением и даже облизал оберточную бумагу.

Часов через шесть процедура повторилась, и он снова съел все без остатка. Вскоре начало темнеть, хотя ветер и тряска не унимались. Дойль уже начал подумывать, как бы ему устроиться поспать, но тут как раз через решетку пропихнули пару одеял.

— Спасибо! — крикнул он. — А пива еще можно?

В камере было темно, но не совсем, и Дойлю удалось соорудить из своего гроба вполне недурную постель; уж было собравшись укладываться спать, он с удивлением услышал позвякивание — ведерко поднимали за цепочку, а потом опу-

стили — наполненное.

Дойль вскочил и подошел к двери, пытаясь не расплескивать пиво, он размышлял, почему же его не слишком пугают положение пленника и перспектива пыток и мучительной смерти. Впрочем, ничего удивительного — это все из-за той бездумной самоуверенности, которая не оставляла его с того момента, как он обнаружил себя в теле, оказавшемся куда лучше своего, привычного, — хотя… Нет, все-таки этот упрямый оптимизм основан на знании того, что он, Вильям Эшблес, не умрет раньше 1846 года. Поосторожнее, сынок, предупредил он себя. Выжить ты, конечно, выживешь, но вломить тебе пару раз могут.

Несмотря на все это, он, усаживаясь поудобнее, улыбался, так как думал об Элизабет Жаклин Тичи, на которой должен был жениться через год. На портретах она всегда казалась ему красавицей.

Плавание — на протяжении которого ветер не стихал ни на минуту, так что спустя пару дней те матросы, которых Дойль видел сквозь свою решетку, почти привыкли к нему — продолжалось пятнадцать дней, и за это время Дойль не видел больше ни разу ни Романелли, ни бесплотных останков доктора Ромени. До тех пор, пока старая,

перегруженная балка под потолком не треснула, все, что делал пленник, сводилось к еде, сну, наблюдениям из окна и попыткам вспомнить все, что известно о путешествии Эшблеса в Египет. После того как балка треснула, он заполнил свой досуг, отломав трехфутовую щепку и пытаясь зубами и ногтями превратить часть ее длиной примерно в фут в подобие деревянного кинжала. Он прикинул возможность оторвать ведерко от цепочки, с тем чтобы использовать жесть как инструмент, но отказался от этой затеи: с одной стороны, это не прошло бы незамеченным и могло стать причиной обыска по прибытии, а главное — это лишило бы его пива до самого конца плавания.

Только раз случилось нечто, не уступающее по драматизму появлению Шеллинджери. Как-то около полуночи, на одиннадцатую ночь с начала плавания, Дойлю показалось, что сквозь визг ветра он слышит чей-то плач, и он сделал попытку выглянуть, что не уступало по сложности вождению мотоцикла на скорости семьдесят миль в час без очков. Через десять минут он вернулся в постель, наполовину убедив себя в том, что черная ладья, видимая только потому, что была еще чернее ночных волн, не более чем обман зрения.

Что, в конце концов, делать ладье посреди моря?

Глава 4

…Казалось, ничего не может быть страшнее: его голова и плечи поворачивались к нам то одной, то другой стороной, словно стремясь поделиться какой-то страшной тайной глубин, выгнавшей его из водной могилы. Подобное зрелище повторялось все чаще; не проходило и дня, чтобы мертвецы не представали пред глазами живых, пока в конце концов на них не перестали обращать внимание.

И. Д. Кларк

Проснувшись утром десятого октября, Дойль обнаружил, что лежит на палубе, прижавшись щекой к нагретым доскам… Он попробовал приоткрыть глаза — солнечный свет оказался таким ярким, что он зажмурился… а потом до него дошло, что он слышит голоса, поскрипывание такелажа, тихий плеск воды о борт — ветер стих.

— …Сухой док где угодно, — услышал он зычный мужской голос, — только не в этой богом проклятой дыре.

Другой голос сказал что-то про Грецию.

— Конечно, если он дотянет до Греции. Каждый чертов шов протекает, почти все паруса порваны, чертовы мачты…

Второй голос, сильно напомнивший Дойлю доктора Ромени, злобно перебил его, заглушив все остальные голоса.

Дойль попробовал сесть, но лишь перекатился на другой бок — он был крепко связан толстой просмоленной веревкой. Они предпочитают не рисковать, подумал он и улыбнулся, сообразив, что предмет, впивающийся ему в ногу у колена, — это самодельный деревянный кинжал; тот, кто его связывал, явно ничего не заметил.

— Мы правильно поступили, связав его сразу же, — услышал он зычный голос. — Крепкий мужик: я думал, зелье свалит его по меньшей мере до обеда.

Хотя боль в висках усилилась, Дойль заставил себя приподнять голову и оглядеться. У леера стояли, глядя на него, двое: один совсем как доктор Ромени до прыжка сквозь время — должно быть, это оригинал, Романелли, подумал Дойль, — второй, судя по всему, — капитан корабля.

Романелли босиком подошел к Дойлю и наклонился над ним.

— Доброе утро, — сказал он. — Мне, возможно,

понадобится задать вам кое-какие вопросы, а встретить говорящего по-английски человека здесь довольно трудно, так что я сниму кляп. Но если вы намерены кричать или вообще привлекать к себе внимание, мы можем завязать его обратно, спрятав под бурнусом.

Дойль опустил голову на палубу и закрыл глаза, борясь с подступившей тошнотой.

— Идет, — сказал он наконец, открывая глаза и глядя в безоблачное синее небо за паутиной снастей. — Мы в Египте?

— В Александрии, — кивнул Романелли. — Мы отвезем вас на берег в шлюпке, потом по суше доставим к Росетту — одному из рукавов Нила, а потом поднимемся по реке до Каира. Так что наслаждайтесь пейзажами. — Маг выпрямился, хрустнув коленками и поморщившись. — Эй, вы, — позвал он матросов. — Шлюпка готова? Тогда спускайте его.

Дойля подняли, поднесли к борту, зацепили крюком за веревку, стягивающую ему грудь, и мешком опустили в шлюпку, покачивающуюся в изумрудной воде в двадцати футах внизу. Матрос в шлюпке ухватил его за лодыжки и усадил на одну из банок. Романелли спустился по веревочной лестнице и, повисев с минуту на нижней

перекладине, размахивая ногой, в конце концов скользнул в шлюпку. Матрос помог сесть и ему, и тут по лестнице начал спускаться последний пассажир — Удача Суррейсайдских нищих собственной персоной, изуродованный временем доктор Ромени с двумя железными прутами, привязанными для веса к подошвам. Усадив это ухмыляющееся существо на нос, где оно сильно напоминало ручного буревестника, матрос вытер руки о штаны и сел сам лицом к Дойлю и Романелли, взявшись за весла.

Дойль привалился к правому фальшборту и принялся глазеть по сторонам. Корпус корабля скользнул назад, и глазам его открылась Александрия, раскинувшаяся на берегу в полумиле от них.

Вид города разочаровал его: он ожидал увидеть похожий на лабиринт восточный город из тех, какие описывал Лоуренс Даррелл, однако на деле все свелось к маленькой кучке бесформенных белых построек, греющихся под жарким солнцем. Порт оказался пуст, если не считать нескольких рыбацких лодок.

— И это Александрия? — спросил он.

— Конечно, не та, какой была когда-то, — буркнул Романелли тоном, не располагающим к

дальнейшей беседе. Маг сидел, привалясь к противоположному борту, и тяжело дышал. То, что осталось от доктора Ромени, негромко хихикало на носу.

Матрос на веслах дал прибрежному течению снести их левее, на восток от города, и на песчаном берегу Дойль наконец увидел людей: три или четыре фигуры в арабских одеждах стояли в тени пыльной пальмы, а под развалинами стены расположились верблюды. Дойль не удивился, когда матрос повернул шлюпку, нацелив нос на пальму, а Романелли махнул рукой и крикнул: «Иа Аббас, сабах икслер!»

Один араб подошел к берегу и помахал в ответ:

— Сахида, йа Романелли!

Дойль вгляделся в тонкое, словно высеченное из темного камня лицо и попытался представить себе этого парня за каким-нибудь тихим, домашним занятием; например, гладящим кошку. Получалось плохо.

Когда шлюпка подошла к берегу на несколько ярдов, киль зашуршал по песку; от толчка Дойль пошатнулся и чуть было не вывалился из лодки.

— Черт, — пробормотал он, врезавшись губами в соленый от морских брызг фальшборт. Романелли рывком выпрямил его.

— Что, больно? — с наигранным сочувствием спросило существо на носу. — Больно или не довольно?

Маг встал и отдавал распоряжения по-арабски; еще двое спускались от пальмы к шлюпке, а первый уже шлепал по воде. Романелли ткнул пальцем в Дойля.

— Тахала махайа нисилу, — сказал он, и сильные коричневые руки подхватили Дойля и вытащили из шлюпки.

Дойля привязали верхом на верблюда, и ко времени, когда они под вечер добрались до маленького городка Эль-Хамеда на берегу Нила, Дойль почти перестал ощущать свои ноги — кроме тех минут, когда те отдавались болью в позвоночнике, который уже, похоже, превратился в высохший ствол подсолнуха, использованный детьми как мишень для дротиков. Когда арабы отвязали его и перенесли на джаби — низкую одномачтовую лодку с маленькой каютой на корме, — он мог только качать головой в бреду, повторяя: «Пива… пива…» По счастью, арабам это слово было, кажется, знакомо, ибо они принесли ему кружку самого настоящего пива. Дойль в несколько глотков осушил ее, рухнул на палубу и мгновенно уснул.

Он проснулся ночью от мягкого толчка, когда лодка, ткнувшись в деревянный причал, остановилась. Его подняли, усадили на причал, и он увидел слева огни — всего в нескольких сотнях ярдов. По причалу к ним подошел человек с фонарем.

— Ис-салям алейкум, йа Романелли, — тихо сказал он.

— Ва алейкум ис-салям, — отозвался Романелли. Дойль с ужасом ждал еще одного перехода верхом на верблюдах и вздохнул с облегчением, когда увидел на дороге настоящую английскую карету.

— Мы в Каире? — спросил он.

— Неподалеку, — коротко ответил Романелли. — Мы направляемся в Карафе, некрополь у Цитадели. — Он крикнул что-то арабам, и те послушно подняли Дойля и перенесли в карету, где к нему присоединились Романелли, Ромени, один из арабов и человек, встречавший их на пристани. Поводья натянулись, и повозка неспешно тронулась.

Некрополь, невесело подумал Дойль. Замечательно. Сидя на полу кареты, он сжал колени и, ощутив шероховатую поверхность самодельного кинжала, немного успокоился. Сырые запахи

тропической реки отдалялись, сменяясь более слабым, но резким запахом раскаленного песка — ароматом пустыни.

Проехав мили две по не очень ровной, но все же пристойной дороге, они остановились, и когда Дойля вытащили и поставили за каретой, он увидел перед собой одиноко стоящее в пустыне темное здание. Фонарь освещал арку с двумя массивными колоннами по обе стороны — дальше тянулась глухая стена, впрочем, он заметил пару отверстий, которые могли быть и окнами, хотя в такую дыру даже голову не просунуть. Над стеной на фоне звезд виднелся черный силуэт огромного купола.

По знаку Романелли араб, сопровождавший их от Нила, вытащил из-под белой накидки сверкающий в лунном свете кривой нож и одним движением рассек три витка веревки на ногах Дойля. Путы упали на пыльную землю, Дойль стряхнул их и шагнул в сторону.

— Бежать не советую, — устало предупредил Романелли. — Аббас наверняка догонит тебя, и в этом случае я приказал ему перерезать тебе ахиллово сухожилие.

Дойль кивнул, не уверенный даже в том, что сможет просто идти.

Изувеченный ка снял свои башмаки с грузом и, взявшись за пряжки, шел на руках — его ноги развевались по ветру, как ленты, привязанные к вентиляционной решетке в полу.

— Время познакомиться с человеком с Луны, шалуны, — заявил он, глядя на Дойля вверх тормашками.

— Заткнись, — приказал ему Романелли и повернулся к Дойлю. — Сюда. Ступай.

Дойль в сопровождении ка заковылял следом за ним к двери, и когда они прошли полпути до входа, послышался гулкий скрежет, дверь отворилась внутрь, и человек в бурнусе с фонарем в руках сделал им знак проходить. Романелли нетерпеливо махнул рукой, пропуская Дойля и ка вперед в каменный коридор, и обратился к встречавшему, закрывшему за ними дверь и задвинувшему засов, на каком-то явно не арабском языке.

Человек в бурнусе пожал плечами и коротко ответил что-то, явно не удивившее, но и не обрадовавшее Романелли.

— Ему не лучше, — буркнул он ка, проходя вперед. Человек с фонарем замыкал процессию, и в пляшущем свете барельефы эпохи Древнего Царства и даже столбцы иероглифов на стенах

казались ожившими. Дойль обратил внимание на то, что кирпичная стена, замыкавшая помещение, выпукла и нависает над ними, так что пол продолжается значительно дальше, нежели потолок. Похоже, решил Дойль, на дно большого бассейна.

— А ты надеялся услышать, что он будет крутить сальто? — поинтересовался продолжавший перемещаться вниз головой ка.

Романелли сделал вид, что не слышит, и, свернув налево, начал подниматься по каменным ступенькам. Лестница освещалась откуда-то сверху, так что человек с фонарем остался внизу — Дойль отметил это с облегчением. Втроем они вышли в другой зал, значительно короче нижнего и выходивший балконом в освещенное внутреннее пространство купола. Они подошли к каменным перилам.

Взгляду Дойля открылось огромное сферическое помещение футов семидесяти в диаметре, освещенное люстрой, висевшей точно в центре на одном уровне с балконом. Он перегнулся через перила и посмотрел вниз — на самом дне сферы в круглом углублении неподвижно стояли четверо.

— Добро пожаловать, мои маленькие дру-

зья, — послышался скрипучий голос с противоположной стороны сферы, и Дойль только сейчас заметил человека — очень-очень старого и высохшего, — лежавшего на кушетке, каким-то образом прикрепленной к стене всего в футе или двух ниже черной линии, обозначавшей экватор. Человек лежал на кушетке, а кушетка стояла на почти вертикальной поверхности с такой естественностью, что Дойль невольно поискал взглядом зеркало или что-то в этом роде, создающее эту оптическую иллюзию… однако поверхность купола была совершенно гладкой; кушетка и человек действительно висели там, как какое-то немыслимое украшение. И как раз когда Дойль начал прикидывать, как это старику удается с таким непринужденным видом возлежать на приколоченной к стене кушетке и куда можно поставить лестницу, чтобы втащить его туда, послышался скрип роликов, и кушетка переместилась по стене чуть выше.

Старик на кушетке застонал, потом наклонился и посмотрел на «пол»; кушетка стояла теперь точно на линии экватора.

— Луна восходит, — слабым голосом сказал он, откинулся на спину и посмотрел прямо перед собой, на балкон. — Итак, я вижу докторов

Романелли и Ромени, причем вид последнего заставляет усомниться в том, что я умею делать надежных ка. Я полагал, что мои ка могут прожить даже сто лет, не доходя до такой степени развоплощения. Но кто такой наш рослый гость?

— Насколько я могу судить, его зовут Брендан Дойль, — отвечал Романелли.

— Добрый вечер, Брендан Дойль, — произнес старик на стене. — Я… прошу прощения за то, что не могу лично пожать вам руку. Видите ли, отринув земную твердь, я вместо этого перемещаюсь в… в другое место. Неудобное, надо сказать, положение; будем надеяться, что мы скоро сможем исправить это. Кстати, — продолжал он, — какое отношение мистер Дойль имеет к нашему делу?

— Это все он, ваша честь! — заверещал ка. — Он освободил ка Байрона от наложенного нами заклятия повиновения, и он разозлил ягов, и когда я потом прыгнул назад в 1684 год, он последовал туда за мной и предупредил Братство Антея о моем присутствии… — жестикулируя, он отпустил свои башмаки и взмыл вверх ногами, ударился о потолок, вылетел в купол и начал подниматься к его своду, — …и они откуда-то узнали, что пистолет, заряженный грязью, может ранить меня, и они отстрелили мне лицо…

— Брыкнуффыс ичча феффотфоссемьтесс ять-четтфер тыкотт? — переспросил Мастер.

Романелли, Дойль и ка, ухватившийся за цепь, на которой держалась люстра, воззрились на него с одинаково ошалелым выражением на лицах.

Мастер зажмурился и крепко сжал рот, потом снова открыл его.

— Прыгнул, — старательно выговорил он, — в тысяча шестьсот восемьдесят четвертый год?

— Я верю в это, сэр, — поспешно вмешался Романелли. — Они использовали дыры, проделанные Фике, — они перемещались от одной дыры к другой, понимаете? Этот ка, — он махнул рукой, — явно состарился не на восемь лет, и, сопоставив факты, я нахожу всю эту историю вполне убедительной.

Мастер медленно кивнул.

— Действительно, было что-то странное в том, как провалилась наша операция с Монмутом в 1684 году. — Кушетка сместилась еще на несколько дюймов вверх, и хотя Мастер стиснул зубы и промолчал, одна из неподвижных фигур внизу испустила протяжный стон. Дойль, вздрогнув, пригляделся к ним и без особой радости обнаружил, что они из воска. Мастер открыл глаза. — Значит, перемещение во времени, —

прошептал он. — А откуда явился мистер Дойль?

— Из другого времени, — ответил ка. — Он с целой компанией прибыл сквозь такую дыру, и мне удалось захватить его, а его спутники вернулись тем же путем обратно в свое время. Мне удалось допросить его немного, и — послушайте! — он знает, где находится гробница Тутанхамона. Он знает уйму всякого.

Мастер кивнул, и на лице его появилась улыбка — улыбка, от которой у Дойля сжалось сердце.

— Похоже на то, что мы на закате своих дней наткнулись на самое могущественное орудие из всех, что у нас были. Романелли, возьми у нашего гостя немного крови и сотвори ка — хорошего, качественного ка, полностью сознающего свои действия. Мы не можем рисковать — мало ли что у него в голове: он может покончить с собой или подцепить какую-нибудь лихорадку. Приступи к этому немедленно, а потом запри его на ночь. Допрос отложим на утро.

Десять минут ушли на то, чтобы достать ка Ромени с потолка — в своих попытках спуститься к балкону самостоятельно он преуспел не более, чем паук-сенокосец, пытающийся выбраться из ванны. В конце концов ему бросили веревку, после чего Романелли повел Дойля обратно вниз

по лестнице.

На первом этаже они прошли в помещение, где в тусклом свете единственной лампы привратник старательно размешивал в длинном чане какую-то жидкость, неприятно пахнущую рыбой.

— Где кубок? — начал было Романелли, но привратник уже показал на стол у стены. — Ах да. — Романелли подошел к столу и осторожно поднял большой медный кубок. — Вот, — сказал он, обращаясь к Дойлю. — Выпей это, и ты избавишь нас от необходимости вливать это в тебя силой через выбитые зубы.

Дойль принял у него кубок и недоверчиво понюхал содержимое. Жидкость в кубке резко, едко пахла какими-то химикалиями. Все же, напомнив себе, что ему не суждено умереть раньше 1846 года, он поднес кубок к разбитым губам и опорожнил его одним глотком.

— Боже! — только и выдохнул он, возвращая кубок и пытаясь вытереть слезы.

— А теперь я попрошу тебя одолжить нам несколько капель крови, — произнес Романелли, доставая из кармана нож.

— Вставь иголку в вену — и на арену, — согласились останки доктора Ромени. Он снова держался

руками за грузила на башмаках и разгуливал по комнате вверх ногами.

— Кровь? — удивился Дойль. — Это еще зачем?

— Слышал, что приказал нам Мастер? Сделать твоего ка, — ответил Романелли. — А теперь я развяжу тебе руки, и не вздумай делать никаких глупостей.

«Только не я, — подумал Дойль. — Если верить истории, я должен покинуть Египет через четыре месяца, в здравом уме и невредимым. Кой черт мне сворачивать с уже начертанного пути ради сомнительного удовольствия схлопотать сотрясение или вывих руки?»

Романелли перерезал веревку, связывавшую запястья Дойля.

— Подойди к этой ванне, — приказал он. — Я только надрежу тебе палец.

Дойль шагнул вперед, вытянув руку и с любопытством глядя на перламутровую жидкость в чане. «Вот как, значит, — подумал он, — они вырастят мою точную копию…

Боже мой, что, если не я, а мой дубликат вырвется на волю и вернется в Англию, с тем чтобы умереть в сорок шестом году? Это значит, я могу погибнуть здесь, а в истории ничего не изменится?»

Куда только подевался его дурацкий оптимизм — Дойль перехватил кисть Романелли, и хотя поранил ладонь о нож мага, другая рука его сомкнулась на предплечье противника, и отчаянным усилием он толкнул мага вперед, на чан. Все же несколько капель крови из порезанной ладони упали в перламутровую жидкость.

Удостоверившись, что Романелли падает в чан, Дойль резко повернулся, пригнувшись, вытащил из штанины свой самодельный кинжал и бросился на него. Тот в ужасе взвыл, однако прежде чем он успел взмыть в воздух, деревянный нож Дойля вонзился в его грудь.

В лицо Дойлю ударила струя ледяного, зловонного воздуха, ка слетел с конца кинжала и, на глазах съеживаясь, по мере того как отравленный воздух выходил из его тела, перелетел комнату, рикошетом отлетел от стены, начал подниматься к потолку, но сбавил ход и завис, а потом начал опускаться.

Романелли беспомощно катался по полу за чаном — судя по всему, ему удалось сделать отчаянный кувырок через ванну, не задев ее.

— Взять его! — прохрипел он.

Между Дойлем и выходом из помещения стоял привратник, и Дойль устремился прямо на него,

размахивая кинжалом и рыча так громко, как только мог. Тот отпрянул в сторону, но недостаточно быстро. Дойль врезал ему тупым концом своего кинжала, и он без сознания грянулся о пол. Эхо шагов Дойля уже стихало.

Романелли все пытался оторваться от грязного пола, когда с мягким шелестом падающего в пруд осеннего листа рядом с ним приземлились пустая кожаная оболочка и одежды доктора Ромени.

* * *

Нищие на Темз-стрит даже не пытались приставать к маленькому человечку, шагавшему по вечерней улице, — его потрепанная одежда, бледное ухмыляющееся лицо и всклокоченные седые волосы наглядно свидетельствовали о том, что он не способен поделиться ни пенсом, да вдобавок похоже, что он еще и не в своем уме. Лишь один безногий калека на тележке предпринял целых две попытки, следуя за ним некоторое время на своих колесах, однако в конце концов остановился, неуверенно покачал головой и развернулся, чтобы возвратиться на свое обычное место.

Проходя Биллингсгет, человечек миновал маленькую сцену с Панчем и Джуди.

— Ага! — восклицал Панч своим кукольным

голосом. — Это один из братцев Долорес? Вот я его сей… — Голос осекся, и человечек покосился на куклу.

— Помощь не нужна, а, Панч? — спросил он ухмыляясь.

Кукла несколько секунд пристально смотрела на него.

— Э-э, нет, — ответила она наконец. — Мне показалось… нет, ничего.

Человечек пожал плечами и зашагал дальше, в сторону пустого причала. Скоро его изношенные башмаки уже стучали по ветхому деревянному настилу, и он остановился только на самом краю.

Некоторое время он молча смотрел на темнеющую поверхность реки и на первые огоньки Суррея за ней, потом тихо рассмеялся.

— А ну-ка посмотрим, насколько ты крепок, Чинни, — прошептал он, пригнулся, подался вперед и, сложив руки над головой, рыбкой нырнул в реку. Послышался тихий всплеск, и по воде разошлись круги, но никого поблизости не оказалось, так что нырок прошел незамеченным.

Поверхность воды уже успокоилась, когда его голова вынырнула в двадцати футах от берега. Он стряхнул с лица налипшие мокрые волосы

и несколько секунд просто плыл, жадно глотая воздух.

— Холодно, как вода в седьмой час, — пробормотал он. — Ничего, шерри и сухая одежда всего через несколько минут... — Он с довольным видом поплыл дальше, останавливаясь время от времени отдохнуть; он переворачивался на спину и смотрел на звездное небо. В конце концов он оказался на самой середине реки, вдалеке от редких лодок и барж, проходивших в тот вечер по Темзе.

Затем он выпустил из легких весь воздух; остаток воздуха вырывался изо рта уже пузырями, так как голова его скрылась под водой.

Еще пять минут на маслянистой поверхности реки продолжали вскипать пузыри. Потом их не стало, и река без помех продолжала свой бег.

* * *

Весь поединок проходил в ближнем бою, но в конце концов старый Гарри Анджело, стоявший на своем любимом месте у окна, увидел, как его любимый ученик расставляет своему сопернику ловушку для приема, который Анджело рекомендовал в бою с фехтовальщиком-левшой.

Поединок длился уже больше пяти минут, а

ни одному из соперников до сих пор не удалось нанести укол, и Ричард Шеридан, подойдя к кучке зрителей со стаканом бренди в руке, заметил вполголоса известному боксеру Джексону по кличке Джентльмен, что лучшего боя ему не доводилось видеть с тех пор, как Анджело открыл свой зал в Опера-Хаус на Хеймаркете.

Ученик Анджело, неоднократный чемпион, известный публике как Чинни Великолепный, ложным выпадом оторвался от соперника и тут же сам атаковал его сначала по внешней линии сиксты и сразу вслед за этим в направлении кварты с другой стороны клинка соперника, и тому удалось парировать оба удара, хотя встречной атаки провести он так и не смог. В свои пятьдесят четыре года Гарри Анджело обладал неоспоримой репутацией лучшего учителя фехтования в Англии — собственно, этот титул принадлежал ему уже четверть века, с тех пор как его легендарный отец удалился от дел. Поэтому он видел замысел ученика так же ясно, как если бы Чинни произнес его вслух: еще одна сикста и повторный уход, только на этот раз с переходом не в кварту, а в удар под клинок соперника, в незащищенную нижнюю зону.

Анджело улыбнулся, увидев ожидаемую сикс-

ту, и тут же нахмурился: вместо стремительного ухода кончик рапиры продолжал трепетать на месте. Соперник Чинни начал парировать ожидаемую кварту, однако, увидев, что тот остается на месте, стремительно нырнул вперед, и пробковый шарик на конце его рапиры ударил в холщовый жилет на животе Чинни.

Анджело, на протяжении всей этой абсурдной сцены затаивший дыхание, перевел дух, шепотом пробормотав проклятие. Чинни Великолепный отшатнулся назад и чуть не упал; несколько зрителей бросились подхватить его. Соперник Чинни сорвал маску и швырнул ее вместе с рапирой на дощатый пол.

— Боже, я не ранил тебя, Чинни? — вскричал он. Чемпион стащил маску, выпрямился и тряхнул головой, как бы приходя в себя.

— Нет, нет, — хрипло ответил он. — Просто дух перехватило немножко. Ерунда. Поза неловкая, вот и результат.

Анджело недоуменно поднял седую бровь: за три года напряженных тренировок ему еще не приходилось слышать, чтобы Чинни Великолепный называл позицию ангард неловкой позой.

— Ну мы не будем, разумеется, засчитывать результат, раз ты был не в форме, — заявил со-

перник Чинни. — Мы продолжим поединок с нулевого счета, как только ты придешь в себя.

Чинни довольно улыбнулся, но покачал головой.

— Нет, — сказал он. — Потом. Сейчас мне нужно на воздух.

Старый Ричард Шеридан помог ему дойти до двери, а Анджело брел следом. Остальные присутствующие, пожав плечами, возвращались к своим занятиям. Две пары фехтовальщиков заняли места по концам выкрашенных на полу дорожек.

— Надеюсь, с ним все в порядке, — пробормотал кто-то.

Выйдя из зала, Чинни махнул своим провожатым.

— Я сейчас, — заявил он. Однако, стоило им неохотно вернуться в зал, как Чинни сбежал по лестнице на улицу, хлопнул за собой дверью и устремился прочь по Бонд-стрит.

Дойдя до Пиккадилли, он сбавил ход, глубоко вдохнув холодный осенний воздух, а выйдя на Стрэнд, глянул направо, в сторону реки.

— Как дела, Чинни, сынок? — прошептал он. — Что, холодно? — Прохожий на тротуаре уставился на него, узнав, но тут же отшатнулся, когда Чин-

ни разразился безумным хихиканьем и отбил, хоть и не слишком профессионально, на тротуаре чечетку.

Он продолжал бормотать про себя всю дорогу по Флит-стрит до самого Чипсайда.

— Ха! — воскликнул он в конце концов, подпрыгивая. — Не хуже Беннера, право слово. Да что там, лучше! И почему это мне раньше не приходило в голову заняться делами в Вест-Энде?

* * *

Первая половина сна была не так страшна, и Дерроу до самого пробуждения не вспоминал, что это снилось ему уже много раз.

Густой туман обволакивал все вокруг, и он видел вперед всего на несколько ярдов, и почерневшие от сырости кирпичные стены по обе стороны улицы виднелись только потому, что были слишком близко. На улице тишина, нарушаемая лишь редким стуком где-то впереди, — как будто незапертая ставня хлопает на ветру.

Он собирался срезать дорогу, чтобы выйти переулками на Лиденхолл-стрит, но заплутал и уже с час бродил по лабиринту проулков и двориков. До сих пор ему не встретилось ни души, но теперь он замер, услышав во мраке впереди чье-то

покашливание.

— Хелло, — окликнул он и сам устыдился робости, с которой прозвучал его голос. — Хелло, вы, там, — продолжал он настойчивее. — Не поможете ли вы мне найти дорогу?

Он услышал приближающиеся шаги и увидел проявляющуюся в стене тумана темную фигуру, и наконец человек подошел к нему настолько, что он смог разглядеть его лицо — это был Брендан Дойль.

Рука схватила Дерроу за плечо, и следующее, что он помнил, — это то, что он сидел у себя в постели, стискивая зубы, чтобы не закричать во весь голос то, что вырвалось у него во сне, отдаваясь эхом в вязком тумане:

— Простите меня, Дойль! О боже, простите меня!

— Прошу прощения, сэр, — произнес молодой человек, разбудивший его. — Я не хотел напугать вас. Вы сами просили разбудить вас в шесть тридцать.

— Все верно, Пит, — прокряхтел Дерроу, опуская ноги на пол и протирая глаза. — Я буду в кабинете. Когда тот человек, которого я описывал, придет, пришли его ко мне, ладно?

— Слушаюсь, сэр.

Дерроу встал, пригладил рукой седые волосы и пошел в кабинет. Первое, что он сделал, — это налил себе стакан бренди и опрокинул в себя одним глотком. Потом поставил стакан, уселся в кресло за столом и стал ждать, пока алкоголь выветрит из головы образы недавнего сна.

— Может, эти проклятые сны уйдут вместе с телом? — прошептал он, выуживая из шкатулки сигарету и прикуривая от фитиля лампы. Он глубоко затянулся, откинулся на спинку и выдохнул дым на полку возле стола, набитую деловыми бумагами. А не поработать ли немного, прикидывая наиболее перспективные вложения капитала, подумал Дерроу, но работать не хотелось. Некуда спешить. Он и так стремительно богател, а работа без компьютеров или хотя бы калькуляторов слишком утомляет.

Вскоре по лестнице загрохотали шаги, и в дверь кабинета постучали.

— Войдите, — отозвался Дерроу, стараясь, чтобы голос звучал ровно и уверенно.

Дверь отворилась, и в кабинет вошел высокий молодой человек с самодовольной улыбкой на приятном, чисто выбритом лице.

— Доставлено, ваша честь! — гаркнул он, делая перед столом идиотский книксен.

— Ладно, потише. Док обследует вас через несколько минут, но я хотел сначала сам посмотреть. Как ноги ходят?

— Как новенькие французские рессоры. Знаете, что меня больше всего поразило? Все запахи по дороге сюда! Да и того, что можно так все видеть, я тоже не ожидал.

— Ладно, вам мы тоже найдем что-нибудь получше. Голова не болит? А живот? Хоть он и чемпион, но все же…

— Ничего такого. — Молодой человек налил бренди себе, выпил и налил еще.

— Накатывайте поосторожнее, — посоветовал Дерроу.

— Чего-чего?

— Ну, накатывайте, квасьте, глушите… — пейте. Хотите заработать мне язву?

С выражением обиды на лице молодой человек поставил стакан на стол и потянул руку ко рту.

— И пожалуйста, не грызите ногти, — добавил Дерроу. — Скажите, вам… вам не приходится сохранять какие-то мысли предыдущего хозяина тела, оставшиеся у него в голове? Скажем, могут ли оставаться в старом теле такие вещи, как сны?

— Аво… я хотел сказать, да, ваша честь, думаю,

что да. Не то чтобы я слишком уж обращал внимание на такие штуки, но порой мне снятся места, где я не был, так что я думаю, это куски из жизней тех парней. Но точно не скажу. И еще, — он помолчал немного, сжав брови, — когда порой дремлю, перед тем как уснуть, я вижу… ну вроде как стою на баке корабля с эмигрантами, глубокой ночью, а они штабелями вдоль стен, словно книжные полки, представляете? И вообразите себе, будто они все говорят разом во сне…

Дерроу потянулся через стол, взял наполненный стакан и выпил его.

— Этому желудку уже все равно, — буркнул он, отодвигая кресло и вставая. — Пошли, покажемся доку.

* * *

Феннери Клейр, ноги которого еще покалывало после долгого стояния в теплом пруду за фабрикой стального проката у Причала Висельников, выбрался из портового района и побрел по воде в сторону Лаймхауз-хоул, пытаясь углядеть ориентиры, что приметил еще утром. Вечерело, и с каждой минутой становилось все темнее, так что две дымовые трубы на том берегу уже невозможно было разглядеть, а кран на третьем от него

причале, похоже, передвинулся с тех пор, как он смотрел на него в последний раз. И хотя прилив еще только начинался, вода уже доходила ему до груди, а как почти все Илистые Жаворонки, он не умел плавать.

«Черт бы побрал этих мальчишек-ирландцев, — подумал он. — Если бы они не шатались по Хоул все утро, я бы давно уже достал мешок и забрал его — с любым из местной шпаны я справлюсь. А вот эти рыжие отобрали бы его у меня, это точно, а такая удача выпадает, может, только раз в жизни: мешок, забытый одним из мастеровых, что обшивали здесь на той неделе большой корабль… так вот, мешок, доверху наполненный медными гвоздями!»

От одной мысли о деньгах, что он может получить за это сокровище в скобяной лавке — не меньше восьми пенсов, а то и шиллинг с мелочью, — рот мальчишки наполнился слюной, и он твердо решил, что, если не нащупает мешок на дне босыми ногами, пойдет на риск быть смытым течением и будет искать его руками, ползая по дну на карачках. Игра стоила свеч — ведь на шиллинг он сможет несколько дней роскошно жить, ничего не делая, а когда деньги подойдут к концу, он сможет провернуть обычный зимний трюк:

попасться на краже угля с одной из барж в Уоппинге, чтобы его отправили в исправительный дом, где ему дадут пальто и башмаки, и носки, и будут кормить несколько месяцев, и ему не придется копаться полураздетым в ледяной тине холодными зимними рассветами.

Он застыл, и уголки его рта поползли вверх в довольной улыбке, — пальцы его левой ноги нащупали под слоем ила мешковину. Он повернулся и попробовал поставить вторую ногу рядом, не потеряв равновесия.

— Эй… — прохрипел чей-то голос совсем рядом на воде, — эй… помогите… кто-нибудь!

Мальчишка вздрогнул от неожиданности, с трудом устояв на ногах, и только тут заметил, что, пока он целиком ушел в свое занятие — поиск мешка, к речным звукам добавился слабый плеск плывущего человека.

Послышался шорох — человек встряхнул головой, отбрасывая с лица налипшие волосы.

— Эй… мальчик! Ты мальчик? Помоги мне!

— Я не умею плавать, — признался Феннери.

— Ты стоишь на дне, да? Значит, берег так близко?

— Ага, прямо за мной.

— Тогда я и сам… выберусь. Где я?

— Я скажу, если вы поможете мне вытащить мешок гвоздей.

Пловец направился к мальчишке и вскоре смог уже стоять на покатом илистом дне. Несколько минут он не мог сдвинуться с места; тело его сотрясалось от приступов кашля и рвоты. Феннери порадовался, что стоит выше по течению.

— Боже, — выдохнул наконец человек. Он прополоскал рот и сплюнул. — Я, похоже, проглотил если не всю воду в Темзе, то половину. Ты не слышал взрыва?

— Нет, сэр, — ответил Феннери. — А что взорвалось?

— Мне кажется, целый квартал на Бонд-стрит. Только что я… — Он поперхнулся, икнул и исторг из себя еще кружку речной воды. — Тьфу. Боже сохрани… Я фехтовал у Анджело, а мгновением позже оказался на дне Темзы без воздуха в груди. Кажется, мне потребовалось пять минут, чтобы всплыть на поверхность, — вряд ли кто другой, кроме тренированного спортсмена, смог бы сделать это… и даже стиснув зубы и собрав волю, я все время пытался вдохнуть воду. Я даже не помню, как всплыл на поверхность. Наверное, потерял сознание, и холод привел меня в чувство.

Мальчишка кивнул.

— Можете нагнуться и подать мне мешок?

Шатаясь от слабости, мужчина послушно нагнулся, целиком скрывшись под водой, нащупал рукой мешок и выдернул его из тины.

— Держи, парень, — выдавил он из себя, выпрямляясь. — Боже, ну и слабость! Еле поднял. Кажется, я повредил уши — все слышится как-то чудно. Так где мы?

— У Лаймхауза, сэр, — торжествующе ответил Феннери, таща свое сокровище к ступеням набережной.

— Лаймхауз? Значит, меня снесло течением сильнее, чем я думал.

Вода теперь доходила Феннери только до колен, и он уже мог, неся мешок одной рукой, другой поддерживать пловца, которого все еще заметно шатало.

— Так вы спортсмен, сэр? — недоверчиво спросил мальчишка, ведь рука, лежавшая у него на плече, казалась костлявой и хилой.

— Да. Я — Адельберт Чинни.

— Что? Уж не Чинни ли Великолепный, чемпион по фехтованию?

— Он самый.

— Да ну! Я видел вас как-то в Ковент-Гардене в бою против Торреса Ужасного. — Они добрели до

лестницы и начали устало подниматься по ней.

— Было дело, позапрошлым летом. Он чуть не одолел меня тогда.

Они поднялись наверх и двинулись по гаревой дорожке вдоль кирпичной стены, потом свернули за угол и оказались на захламленном фабричном дворе, освещенном несколькими висевшими на стене склада фонарями.

Феннери был рад тому, что идет по этому далеко не самому спокойному из лондонских районов не один. Он взглянул на своего спутника — и остановился как вкопанный.

— Вот враль вонючий! — прошипел он, остерегаясь на всякий случай говорить громче.

Человек, похоже, испытывал некоторые затруднения с ходьбой.

— Что? — рассеянно переспросил он.

— Вы не Чинни Великолепный!

— А кто я такой, по-твоему? Что тебя во мне не устраивает? Вот только во всем теле странное ощущение, словно…

— Чинни выше вас и моложе, и мускулистее. А вы калека какой-то!

Человек устало засмеялся:

— Ах ты, маленький поганец. Впрочем, если я и мог выглядеть когда калекой, так как раз теперь.

Как, по-твоему, может выглядеть человек, выплывший — без воздуха, обрати внимание — со дна Темзы? И я выше — в обутом виде.

Мальчишка недоверчиво покачал головой:

— Нет, с того лета вы точно в аду побывали. Ладно, вот и мой дом, так что я пошел. А вы ступайте дальше прямо и выйдете на Ретклиффскую дорогу. Там и кеб поймать можно.

— Спасибо, парень. — Человек неуверенно двинулся в указанную сторону.

— Поосторожнее, ладно? — окликнул мальчишка. — И спасибо за то, что помогли с мешком. — Его босые ноги зашлепали по мостовой и исчезли в темноте.

— Не за что, — пробормотал человек. Что это творится с ним? И что же случилось на самом деле? Теперь, когда он немного перевел дух и обдумал ситуацию, версия взрыва уже не казалась ему серьезной. Может, его подстерегли по пути домой и сбросили в реку, а шок стер воспоминания обо всем, что случилось после поединка у Анджело? Вряд ли, ведь он никогда не уходил от Анджело раньше десяти, а небо на западе еще не окончательно потемнело.

Сворачивая за угол, он заметил окошко в кирпичной стене, как раз под фонарем, ненароком

посмотрел в него и пошел дальше… потом замер, вернулся и посмотрел еще раз.

Он поднес руку к лицу и, к ужасу своему, увидел, что отражение в стекле сделало то же самое, хотя из окна смотрел на него не он! Лицо было чужим!

Он отпрянул от окна и осмотрел свою одежду. Нет, он не замечал этого раньше — трудно отличить один мокрый костюм от другого, да еще ночью, — но у Адельберта Чинни никогда не было таких брюк и пиджака.

Какую-то безумную секунду ему хотелось впиться ногтями в это лицо и сорвать его, как маску, потом ему представилось, будто он никогда и не был Чинни Великолепным, а всего только бог знает кем — бродягой, скорее всего, — которому все это привиделось.

Он заставил себя еще раз вернуться к окну и посмотреть на себя повнимательнее. Чужое лицо, перекошенное страхом, смотрело на него из окна… худое лицо с ввалившимися щеками. Откинув со лба мокрую челку, он увидел вокруг глаз паутину безумных морщин, в потемневших от воды волосах виднелась седина… и он чуть не заплакал, разглядев, что у него вообще нет правого уха.

— Ну и пусть, — произнес он неожиданно твердым голосом. Он так промок, и все его тело казалось ему незнакомым, — он так и не понял, что холодит его лицо — вода или слезы. — Ну и пусть, — повторил он. — Я — Чинни.

Он попытался — и сразу же отказался от этой попытки — улыбнуться, но все же расправил свои узкие плечи и решительно зашагал к Ретклиффской дороге.

Глава 5

«Смерть! где твое жало?
Ад! где твоя победа?»

Первое послание к Коринфянам святого апостола Павла

Война с Францией и сопутствующие ей эмбарго, черный рынок и слухи о предстоящем вторжении Наполеона в Англию сделали финансовую и торговую ситуацию на Треднидл-стрит совершенно непредсказуемой, так что человек, оказавшийся в нужное время на нужном месте с нужными средствами, мог нажить состояние всего за несколько часов, и точно так же состояния, которые раньше можно было спустить никак не меньше чем за десяток лет, обращались в ничто на Королевской Бирже за одно утро. И хотя заметить это мог только человек с фантастической наблюдательностью в биржевых делах, один-единственный игрок смело брался за почти все области вложения капитала, неизменно оказываясь в выигрыше, чем бы ни оборачивалось предприятие — сюрпризом, катастрофой или триумфом.

Джейкоб Кристофер Данди, как называл себя теперь Уильям Кокран Дерроу, начал свою активную деятельность только двадцать второго октября, но всего за месяц ему удалось путем инвестиций, продаж и перепродаж, а также вполне и не вполне законных валютных операций радикально увеличить изначальный капитал. И хотя его предки не отличались особой знатностью, очарование молодого и недурного собой Данди оказалось столь велико, что уже пятого декабря «Лондон таймс» объявила о его помолвке с «Клер, дочерью процветающего импортера Джоэля Пибоди».

Сидя в своем кабинете над приказавшим долго жить салоном депиляции на Лиденхолл-стрит, Джейкоб Данди брезгливо махнул рукой, отгоняя табачный дым из трубки своего пожилого компаньона, и снова нахмурился, вчитываясь в строки газетной хроники.

— Ладно, на этот раз они по крайней мере не переврали ни одного имени, — буркнул он. — Хотя я предпочел бы обойтись без напоминания об «удачливом новичке на биржевой сцене Лондона». В делах такого рода лучше не высовываться — и так уже достаточно людей, следящих за моими шагами и пытающихся нажиться, следуя

моему примеру.

Пожилой человек с любопытством покосился на газету.

— Славная девочка?

— Для моих целей в самый раз, — не без раздражения ответил Данди, отмахиваясь от нового облачка дыма.

— Ваших целей? А что у вас за цели, если уж на то пошло?

— Родить сына, — мягко ответил молодой человек. — Мальчика, который унаследует богатство, уважаемую родословную и отменное здоровье. Мои медицинские светила считают, что Клер — настолько здоровая и разумная молодая леди на выданье, насколько это только возможно в сегодняшней Англии.

Пожилой человек ухмыльнулся:

— Большинство обрученных юных джентльменов ждут чего-то менее философского. В смысле удовольствий, а? И я слышал, что эта штучка Пибоди из хорошеньких. Но, конечно, вы уже объездили лошадку пару раз, ознакомились с полем, да?

Данди покраснел.

— Ну я… нет, я не… черт, я ведь не юнец какой-нибудь… я хочу сказать, что не стоит… — Он

закашлялся. — Черт подери, вам обязательно курить эту гадость? Откуда, по-вашему, у меня рак? Если вам так необходим никотин, будьте добры перейти в моем присутствии на жевательный табак, ладно?

— Ладно, — согласился старик. — Ладно, ладно, ладно. — Он, казалось, только что узнал это слово и обкатывал его на языке. — А что вас так уж беспокоит? Условием сделки было новое тело каждый раз, как вы пожелаете.

— Знаю. — Данди потер глаза и потрогал пальцем свои волнистые каштановые волосы. — Это как новая машина, вот и все, — пробормотал он. — Сходишь с ума по любому пустяку до первой царапины.

— Для здорового юнца вид у вас чего-то больно вялый, — сообщил пожилой человек, положив трубку на пол, снимая с полки графин бренди и выливая себе в рот изрядную долю содержимого.

— Да, я неважно спал, — признался Данди. — Всякие сны…

— Вам лучше не думать о снах. Просто не брать в голову, и все. Вот мне все время снятся сны, да только если я буду еще внимание на них обращать, я тут же и рехнусь, это точно.

— Звучит разумно, — произнес Данди, обречен-

но кивнув. — Да, звучит просто замечательно.

Его компаньон, не заметив иронии, тоже самодовольно кивнул.

— О'кей, вы привыкнете. Еще пара прыжков — и вы будете обращать на сны не больше внимания, чем на пыль из-под колес вашей кареты.

Данди налил себе немного бренди, долил воды из другого графина и отхлебнул.

— Вы уже решили, куда переберетесь после этого? — Он сделал неопределенный жест, видимо, имея в виду нынешнее тело своего собеседника.

— Ага. Думаю, навещу-ка я мистера Матуро… простите, мистера Анонима. Он часто обедает там, так что подсыпать ему в кушанье нужные травы через недельку или около этого не составит труда.

— Матуро? Тот, что повесит вас? Если верить «Запискам» Робба, ему около пятидесяти.

— Верно, да только я, как обычно, не задержусь в нем дольше чем на неделю. Очень уж мне охота посмотреть на выражение его лица, когда за секунду до того, как он выбьет из-под ног эту бочку, он поймет, что это он сам стоит на ней с петлей на шее, а я в его теле хохочу над ним.

Данди пожал плечами.

— Веселитесь, добрые джентльмены, — напел

он рождественский мотив.

* * *

По дорожке утоптанного снега на середине улицы бойко шагал, выдыхая облачка белого пара не хуже иной паровой машины, невысокий человек с десятифунтовым ящиком изюма на плече. Пройдя двадцать шагов, он перекинул ящик на другое плечо и помахал освободившейся рукой, разгоняя кровь. Его крепкие плечи и отсутствие видимых следов усталости говорили о том, что физические упражнения ему не в диковинку.

До Рождества оставалось только пять дней, но, несмотря на снег, на улицах полно народу в пальто, шапках и муфтах, а двое ребятишек с собакой устроили катание на санках. Изредка по улице с громыханием проезжал фургон уличного торговца — из трубки возницы поднимался дым, а из ноздрей битюга пар, — и носильщику приходилось уступать дорогу. Он почти не слышал тех, кто нагонял его сзади, пока они почти не наезжали на него, так что он слышал столько окриков в свой адрес, что на этот раз даже не обернулся. Однако крик повторился:

— Эй, Дойль!

Невысокий человек оглянулся через плечо и

замедлил шаг, а потом и вовсе остановился: худощавый уличный мальчишка с усиками перелез через сугроб у тротуара и подбежал к нему, размахивая руками.

— Дойль! — кричал мальчишка. — Я нашел вашего Вильяма Эшблеса! Он опубликовал поэму в последнем «Курьере»!

Мужчина подождал, пока мальчишка догонит его.

— Боюсь, ты меня с кем-то спутал, — сказал он. — Мое имя вовсе не Дойль.

Мальчишка выпучил глаза и отступил на шаг.

— Извините, я… — Он склонил голову набок. — Да нет, точно.

— Но мне-то лучше знать? Так вот, не Дойль.

Джеки скептически посмотрела на него, потом сделала еще одну попытку:

— Простите, если я ошибаюсь… но нет ли у вас на груди, пониже ключицы, шрама от ножа?

Реакция мужчины потрясла Джеки не меньше, чем ее слова — его.

— Минуточку! — прохрипел он, прижимая ладони к груди. — Ты знаешь этого человека?

— Вы хотите сказать… вас? — неуверенно переспросила Джеки. — Да. Вы что, лишились памяти?

— Кто он?

— Он… вы — Брендан Дойль… некогда член гильдии нищих Копенгагенского Джека. А вы себя кем считаете?

Человек внимательно посмотрел на Джеки:

— Адельбертом Чинни.

— Что, тем чемпионом? Но, Брендан, он же гораздо выше и моложе…

— Два месяца назад я и был выше и моложе. — Он пристально посмотрел на нее и нахмурился. — Этот твой Дойль, часом, не волшебник?

Джеки почему-то смотрела на голову человека, потом, решившись, сказала:

— Посмотрите-ка на свои башмаки.

Человек послушно наклонил голову, но тут же поднял ее, услышав изумленный возглас. Мальчишка побелел как полотно и почему-то с трудом удерживался, чтобы не заплакать.

— Боже мой, — прошептала Джеки, — вы больше не лысы!

Теперь снова настала очередь удивляться мужчине:

— Э-э, нет…

— О, Брендан. — По раскрасневшимся от мороза щекам Джеки скатилось несколько слезинок. — Бедный невинный сукин сын… ваш друг Эшблес

появился слишком поздно.

— Что?

— Это я, — шмыгнула носом Джеки, — не вам. — Она вытерла лицо концом шарфа. — Я верю, что вы действительно Чинни Великолепный.

— Да, я — это он… был. Ты мне веришь?

— Боюсь, что да. Послушайте, нам с вами надо рассказать друг другу все, что нам известно. У вас есть время выпить?

— У меня скоро перерыв на обед. Вот только доставлю ящик своему хозяину. Это здесь, рядом. За углом. Пекарня Малка на Сент-Мартин-лейн. Пошли.

Они свернули на Сент-Мартин-лейн и скоро оказались перед входом в пекарню. Чинни велел Джеки подождать его и исчез внутри, растолкав стайку ребятишек, которые всегда толпились у входа, привлеченные манящим ароматом горячего плам-пудинга.

Почти сразу же он вышел обратно.

— Тут неподалеку, на Кайлер-лейн, есть неплохое заведение, куда я захожу иногда выпить пинту-другую. Там славный народ, хоть они и думают, что я спятил.

— А, вот и Великолепный! — весело объявил трактирщик в переднике, стоило им толкнуть

дверь и ступить в полумрак зала. — И его приятель Джексон-Джентльмен с ним, насколько я могу судить.

— Пару пинт портера, Сэмюэль, — бросил Чинни, проводя Джеки к дальнему столику. — Я тут раз напился, — пояснил он тихо, — и спьяну выболтал им мою тайну.

Когда на столе появились кружки и они не спеша пригубили темное пиво, Джеки спросила:

— Когда… и как произошел обмен телами?

— Когда — это в субботу, два месяца назад, четырнадцатого октября. Как… — Он сделал еще глоток. — В общем, я фехтовал у Анджело, и как раз когда собирался провести особо хитрую атаку, я… я вдруг оказался на дне Темзы без капли воздуха.

Джеки горько улыбнулась и кивнула:

— Да, вот так он обычно и делает. Бросив вас в таком положении, ему даже не надо было изжевывать себе язык, перед тем как перепрыгнуть в ваше тело. — Она не без уважения посмотрела на него. — Да, вы и правда Чинни — он ни за что не бросил бы вас просто так, если бы не был уверен в том, что у вас нет шанса спастись.

Чинни осушил свою кружку и сделал знак, чтобы принесли другую.

— Будь я проклят, его ведь действительно не было. Порою, лежа без сна у себя в каморке при пекарне, я даже жалею, что не утонул тогда. — Он бросил на Джеки тяжелый взгляд. — Теперь говорите вы. Кто тот, к кому вы обращались? Ну этот Дойль — он ваш друг? А где он, в моем настоящем теле?

— Нет. Боюсь, Дойль мертв. С ним явно обошлись так же, как с вами, только я не могу представить себе, чтобы он выплыл со дна Темзы. Нет, это… чародей, мне кажется… известный как Джо — Песья Морда, который запросто меняется телами с людьми… и ему приходится делать это часто: по какой-то причине он начинает обрастать густой шерстью сразу же, как вселяется в новое тело.

— Точно! — воскликнул в возбуждении Чинни. — Точно! Когда я выбрался из реки, я был весь в волосах, даже между пальцами и на ногах. Наверное, первое, что я сделал, — купил бритву и выбрил почти все тело. Слава богу, больше я не обрастал.

— Конечно, ведь Джо уже перешел в другое тело. Я…

— Так, значит, в моем теле разгуливает чародей? Ох, я его найду…

Джеки покачала головой:

— Спустя два-то месяца? Боюсь, уже не найдете. Я давно охочусь за ним, и он никогда не задерживается в одном теле больше чем на неделю или две.

— О чем это ты? Что же он тогда с ними делает?

— То же, что он сделал с беднягой Дойлем, когда начал обрастать шерстью, — оставляет в такой ситуации, когда до смерти остается секунда или две, а потом меняется с тем, кто может находиться за несколько миль от этого места, и спокойно уходит в новом теле, в то время как тот, кого он выселил, умирает, даже не поняв, где он. Брошенные тела не живут долго; вы, наверное, единственный, кто выжил.

Трактирщик принес Чинни новую кружку портера. Чинни поблагодарил его, дождался, пока тот не вернется за стойку, и посмотрел на Джеки глазами Дойля.

— Нет, — твердо произнес он. — Он не бросит мое тело просто так. Послушай, я не любитель хвастаться, но это было чертовски классное… с-средство передвижения, говоря его словами. — Чинни явно сохранял самообладание из последних сил. — Недурное собой, молодое, силь-

ное, ловкое…

— …И волосатое, как обезьяна…

— Значит, ему придется бриться, верно? — вскричал Чинни так громко, что все головы повернулись в его сторону. В зале воцарилась тишина, потом — когда народ понял, кто это, — послышались смешки.

— Все верно, Великолепный! — крикнул трактирщик. — Обрей их всех наголо. Только не шуми, ладно?

— Так вот, — продолжал покрасневший Чинни уже тише, — есть ведь места, куда люди ходят, чтобы удалить лишние волосы? Почему бы ему не пойти в одно из таких мест?

— Вряд ли там действительно…

— А ты знаешь? Ты сам там был? Ведь должен был, ведь усы твои, с позволения сказать… — Его голос вновь начал повышаться, но он, опомнившись, резко замолчал и потер руками глаза. — Извини, парень. Нервы, понимаешь…

— Ясно.

Минуту они просто сидели и пили пиво.

— Ты сказал, ты за ним охотишься? — произнес наконец Чинни. — Почему?

— Он убил мое… мою невесту, — ровным голосом ответила Джеки.

— И что ты будешь делать, если найдешь его?

— Убью.

— А если он будет в моем старом теле?

— Все равно убью. Поймите, вам не получить своего тела обратно.

— Я не… не возражаю. Только если я найду его и скажу тебе, где он, — согласишься в обмен на это помочь мне заставить его… поменяться обратно?

— Я не могу представить такого.

— А ты и не представляй. Так согласишься?

Джеки вздохнула:

— Если вы найдете его и заставите… ладно, если я буду уверен, что смогу убить его потом.

— Идет. — Чинни перегнулся через стол, и они с Джеки пожали руки. — Как тебя зовут?

— Джеки Снапп. Я живу в номере один-двенадцать, Пай-стрит, это совсем рядом с Вестминстерским собором. Под каким именем вы сейчас живете?

— Хэмфри Богарт. Это имя пришло ко мне во сне в первую ночь, которую я провел в новом теле.

— Должно быть, это имя значило что-то для Дойля, — пожала плечами Джеки.

— Какая разница? В общем, ты всегда найдешь меня в пекарне у Малка, на Сент-Мартин-лейн. И если ты найдешь его первым, дай мне знать,

ладно?

Джеки колебалась. Зачем ей партнер? Конечно, сильный спутник может помочь, к тому же Джо наверняка уже в новом теле, так что беспокойство Чинни о своем старом теле вряд ли будет помехой… да и кто, как не он, имеет право разделить с ней месть?

— Идет, — сказала она наконец. — Будем действовать вместе.

— Ну вот и хорошо! — Они обменялись еще одним рукопожатием, после чего Чинни покосился на часы. — Мне пора, — сказал он, встал и бросил на стол мелочь. — Тесто должно уже подойти, и его не попросишь подождать.

Джеки допила пиво и тоже встала из-за стола. Они вышли из кабака вместе, и трактирщик похлопал Чинни по плечу. Тот задержался в дверях.

— Ты все правильно сказал насчет усов твоего Джексона. Если ты не можешь уговорить его сбрить их, мой тебе совет: подари ему сигару-хлопушку.

Громкий гогот посетителей преследовал их даже за дверью.

* * *

В сочельник бар у «Гинеи и Боба» на Крэчфрайерз был забит народом уже к половине четвертого. Чашки горячего пунша, приятно щекочущие нос ароматным паром, вручались за счет заведения каждому входящему, едва он стряхивал снег со шляпы, вешал плащ или пальто на крюк и, все еще поеживаясь от холода, подходил к стойке.

Бармен — приветливый лысеющий человек по имени Боб Крэнк — налил пунш последним двоим посетителям, которые только что вошли, и, облокотившись на стойку, подкреплял силы порцией крепкого кофе с ромом, окидывая хозяйским взглядом зал с низким закопченным потолком. Народ веселился вовсю — а как иначе может быть накануне Рождества, и поленья в камине полыхали вовсю, и их должно было хватить еще на час, не меньше. Крэнк знал почти каждого из присутствующих, да, пожалуй, единственный клиент, от которого он не знал, чего ожидать, вон тот пожилой господин за столиком у камина: ухмыляющийся тип с несколько безумными глазами. Хм, действительно странный тип, сидит один как сыч, и непохоже, что ему весело. У ка-

мина должно быть жарко, а он застегнулся на все пуговицы и стакан держит, не снимая перчаток.

Входная дверь со скрипом распахнулась, и в зал ворвались колючие снежинки. Крэнк не глядя налил еще одну чашку пунша, протянул вошедшему и только после этого узнал, кто это.

— Дуг! — воскликнул он, когда грузный седеющий мужчина подошел к стойке. — Холодина какой на улице. Пожалуй, следует… — он заговорил тише и сунул чашку под стойку, — …добавить тебе немного для поднятия духа, а? — Он откупорил бутылку бренди и долил его под стойкой в чашку.

— Благодарствуй, Крэнки.

Оба рассмеялись, и Крэнк замолчал первым.

— Твои дружки уже ждут, — сообщил он, кивая в сторону камина.

— Ага, так вот они где! — Дуг Матуро осушил чашку пунша и со стуком поставил ее на стойку. — Пришли нам бренди, ладно, Крэнк?

— Идет.

Матуро пробрался к указанному столу и уселся, встреченный ухмылками и бурей пьяных приветствий.

— Эй вы, бездельники, — пробурчал он, расправляясь в ожидании заказанного бренди с

кружкой пива. — А кто остался лавку сторожить?

— Лавка никуда не денется, мистер Дуг, — ответил один из сидевших за столом. — У кого в голове дурное нынче, в сочельник?

— Верно сказано, черт подери, — согласился другой. — Да и завтра тоже, слава богу. Выпьем за Рождество!

Все как один подняли стаканы и кружки, но замерли, когда пожилой господин за соседним столом внятно произнес:

— Рождество — забава для идиотов.

Матуро резко повернулся и внимательно посмотрел на говорившего — его поразила неуместность перчаток. И действительно, зачем перчатки, когда сидишь в теплом зале у камина? Впрочем, тут как раз подоспел Крэнк с бренди, так что он пожал плечами и повернулся обратно к своим приятелям. Он пробормотал что-то такое, отчего вся его компания покатилась со смеху, потом хлопнул стопку бренди, и напряжение вроде бы спало.

— Этот праздник, — громко продолжал пожилой господин, — суть самое слабое и далекое от жизни в этой проклятой западной культуре. Покажите мне человека, празднующего Рождество,

и я докажу вам, что это слизняк с глазами на мокром месте, которому до сих пор мечтается, чтобы его укачивала в колыбельке мамаша.

— Запишите это все, подпишитесь: «Иконоборец» — и пошлите в «Таймс», приятель, — бросил Матуро через плечо. — И лучше займите-ка свой рот питьем, пока кто-нибудь не заткнул его менее приятным образом.

Пожилой господин нецензурно прокомментировал, как именно Матуро намерен осуществить свою угрозу.

— Ох, не хотел я этого сегодня, — вздохнул Матуро, отодвигая стул и поднимаясь. Он подошел к старику и схватил его за грудки. — Послушайте-ка меня, богохульник старый. Тут поблизости полно заведений, где вас угостят дракой, на которую вы нарываетесь, так что почему бы вам не собрать свои кости и не отправиться туда, а?

Пожилой господин попытался встать, но потерял равновесие и упал обратно на стул. Его сорочка порвалась, и отлетевшая пуговица плюхнулась прямо в чашку с пуншем.

— Ну вот, теперь вы еще потребуете, чтобы я заплатил вам за порванную рубаху, — раздраженно вздохнул Матуро. — Ну что ж, вы… — Он вдруг осекся и уставился на открывшуюся грудь

старика. — Боже праведный, что это…

Старик стряхнул с себя руку ослабившего хватку Матуро и бросился к двери.

— Держите его! — взревел Матуро таким голосом, что Крэнк, забыв про собственное святое правило не вмешиваться, схватил большую банку маринованных свиных ножек и швырнул ее под ноги бегущему. Содержимое банки разлетелось по полу живописным фонтаном, старик поскользнулся, тяжело упал на бок и, проехав по полу, врезался в стул у стойки, с грохотом обрушившийся на него сверху.

— Что он сделал, Дуг? — с тревогой спросил Крэнк. Матуро вывернул старику руку и, вздернув его на ноги, положил кулак на стойку.

— А ну, разожми руку, ублюдок! — прошипел он. Пару секунд кисть оставалась сжатой в кулак, потом медленно разжалась. Матуро начал больно заламывать локоть вверх.

— Иисусе, да у него в руке ничего нет, Дуг! — вскричал Крэнк. — Мы набросились на него, а он ведь ниче…

— Сними с него перчатку.

— Черт подрал, парень, мы и так уже достаточно…

— Сними с него перчатку!

Сокрушенно закатив глаза, Крэнк потянул ткань на концах большого и среднего пальцев и сдернул перчатку.

Белая морщинистая рука была полностью покрыта грубой шерстью.

— Это Джо — Песья Морда! — объявил Матуро.

— Что? — простонал Крэнк. — Оборотень из детских сказок?

— Какое там оборотень! Это самый жуткий убийца, что разгуливал когда-либо по улицам Лондона. Спроси Брока из Кеньон-корт, что стало с его сынишкой. Или спроси миссис Циммерман…

— Это он погубил моего брата. — Из-за углового стола поспешно поднялся молодой человек. — Фрэнк был священником и как-то раз исчез и не пришел на службу, и не узнал меня, когда я нашел его, и только высмеял меня, когда я объяснял ему, кто я. Но я проследил его до места, где он поселился, а через неделю мне сказали, что какая-то обезьяна бросилась с крыши этого дома. Изуродованное тело на улице было сплошь покрыто шерстью, но я заглянул ему в рот и увидел зуб, который сам сломал, когда мы с Фрэнки в детстве играли деревянными мечами.

— Я его помню, — хихикнул старик. — Помнится, я неплохо провел время в его теле. Боюсь

только, я мало чего оставил от его обета безбрачия.

Молодой человек с возмущенным криком бросился на него, но Матуро заступил ему дорогу.

— Что ты собираешься делать, просто ударить его? — спросил Матуро. — Нет, должно свершиться правосудие.

— Верно, кликните полицию! — крикнул кто-то.

— Нет, так тоже не пойдет, — возразил Матуро. — Пока дело дойдет до суда, он давно уже улизнет, оставив в этом теле какого-то несчастного, ни в чем не виноватого. — Он посмотрел на юношу, потом обвел взглядом остальных. — Он должен быть казнен. Сейчас же.

Джо — Песья Морда отчаянно забился в держащих его руках, и несколько человек вскочили на ноги, громко заявляя, что не собираются становиться соучастниками убийства.

— Не здесь же, Дуг, — взмолился Крэнк, схватив Матуро за рукав. — Только не здесь!

— Не здесь, — согласился Матуро. — Кто со мной?

— Джон Кэролл — с тобой! — заявил молодой человек, снова выступая вперед.

— И я, — подала голос крупная леди средних

лет. — Одну из этих обезьян выловили из реки в Грейвзенде, так у ей на пальце было надето кольцо моего Билли, а уж что шерсти на этом пальце — я кольцо так снять и не смогла.

Один за другим еще трое выступили из толпы и встали рядом с Джоном Кэроллом и женщиной.

— Отлично, — кивнул Матуро и повернулся к своим собутыльникам. — А вы, ребята?

Его сразу протрезвевшие дружки разом замотали головами.

— Ты же знаешь, Дуг, мы не из тех, кто сторонится хорошей драки, — виновато заявил один из них. — Но участвовать в хладнокровном убийстве… у нас семьи…

— Ясно! — Он отвернулся от них. — Ну что ж, тогда ступайте отсюда, кто хочет. И можете вызвать констебля, ежели считаете, что так нужно… только подумайте спервa, что за чудище освободите. Припомните, что рассказали вам вот этот человек и эта женщина, да и сами вы, сдается мне, много чего слышали про его дела.

Почти все, кто находился в зале, потянулись к выходу, хотя еще двое присоединились к отряду Матуро.

— Я вот подумал, — сказал один, — я хотел было выйти из этого, не замаравши рук, хоть и рад был,

что все так обернулось, да только ноги не идут.

— Знаешь, Крэнки, я передумал, — сказал Матуро как бы невзначай трактирщику, заткнув при этом рукой рот Джо — Песьей Морде. — Пожалуй, я все-таки отведу его в полицию. Понял? Последнее, что ты от меня слышал, — это то, что я собирался сдать его, живого, властям.

— Ясно, — произнес, побледнев, Крэнк, плеснув себе в стакан немного бренди. — Спасибо, Дуг.

Матуро в сопровождении добровольцев потащил сопротивлявшегося Джо к задней двери.

— Эй, Дуг? — встрепенулся Крэнк. — Ты… ты идешь черным ходом?

— Мы через забор.

Девять мстителей наполовину прогнали, наполовину протащили своего пленника на задний двор кабака, и Матуро огляделся по сторонам. В дальнем углу, почти полностью укрытый снегом, стоял поломанный пивной фургон. Кусок изгороди был повален — не иначе как по вине соседей: за забором находилась кузница, и они там все время норовили прислонить к забору всякие тяжелые железяки, а может, просто неосторожно обращались со своим подъемным краном. На дворе мастерской не было ни души, и тень стоявшего без дела крана падала на дверь трактира.

— Вы, — сказал Матуро одному из своих спутников, — поищите, нет ли там, в фургоне, веревки подлиннее. А вы… где тут Джон Кэролл? Ага, вот вы — как считаете, сможете залезть на стрелу крана?

— Если кто даст мне перчатки — залезу.

Немедленно вторая перчатка была сдернута с руки Джо — Песьей Морды и вручена вместе с первой Кэроллу, и секунду спустя он уже пробирался через брешь в ограде на двор кузнечной мастерской.

— Есть тут веревка! — крикнул человек, которого Матуро послал к фургону. — Привязана к облучку. Примерзла, правда, но, думаю, я ее отвяжу.

— Как справитесь, догоняйте нас на том дворе, — крикнул Матуро. — Похоже, мы все сделаем как надо, — добавил он, обращаясь к женщине, — а не просто удавим его вручную.

Спустя несколько минут девять человек собрались вокруг жестяной бочки, на которой стоял на цыпочках, с высоко поднятой головой — веревка оказалась на несколько дюймов короче, чем надо, — Джо — Песья Морда.

— Отпустите меня, — хрипло произнес Джо, глядя на остальных сверху вниз, — и я вас всех

сделаю богачами. Я ведь сохранил деньги всех, в ком жил! Это целое состояние, и я готов отдать его вам, без остатка! — Он дернулся, пытаясь высвободить связанные собственным шарфом руки.

— Ты это уже нам говорил, — отвечал Матуро, — и наш ответ был — нет. Молись, Джо, твоя песенка спета. — Матуро явно нервничал и не сводил взгляда со своего пленника, как бы в ожидании подвоха.

— Зачем мне молитвы? — заявил Джо. — Моя душа в надежных руках. — Впрочем, его уверенный тон оказался блефом, ибо в следующее же мгновение он испустил отчаянный стон: — Подождите! Я — Ду…

Больше он не успел произнести ни звука, ибо петля затянулась на его шее — Матуро выбил из-под него бочку с такой силой, что она отлетела через весь занесенный снегом двор. Старик раскачивался на веревке с почерневшим лицом и дико вращал глазами, то открывая, то закрывая рот в беззвучном крике.

Матуро, когда дело было сделано, видимо, отбросил все свои сомнения. Он с улыбкой выждал, пока страшный маятник не отвернется лицом от зрителей — теперь повешенный смотрел на двор, на солнце, садящееся за крыши, и на бочку,

все еще продолжавшую катиться по земле, — и прыгнул на плечи повешенному, будто собирался проехаться на нем верхом.

В вечерней тишине хруст ломающихся позвонков прозвучал особенно громко. Джон Кэролл отвернулся, и его стошнило.

* * *

Дуг Матуро вошел в дверь, над которой еще проглядывала из-под свежей краски надпись «Салон депиляции», прикрыл ее за собой и зашагал сквозь полосы бледного света, пробивавшегося сквозь неплотно прикрытые ставни, мимо покрытой толстым слоем пыли стойки, по темному коридору на лестницу. Поднявшись на половину пролета, он услышал сверху голоса и остаток пути прошел на цыпочках.

— ...На Джермин-стрит, возле Сент-Джеймс-сквер, — говорил Данди. — Цену они заломили, конечно, космическую, но нужно же мне сменить адрес на более респектабельный.

— Ну конечно, Джейк, — отвечал молодой женский голос. — И мне смешно думать о том, что тебя смущает цена. Сколько, ты говорил, зарабатываешь в день?

— В настоящее время — где-то около девяти-

сот фунтов, но цифра растет в геометрической прогрессии: чем больше вкладываю, тем больше получаю. Так что к концу 1811 года не будет смысла подсчитывать — все равно ко времени, пока посчитаешь, цифра устареет.

— Ох, мой будущий муж просто волшебник! — воскликнула девушка. За этим последовали смешки и воркование. — Не слишком, правда, страстный, — добавила она игриво.

Ответный смех Данди показался человеку, подслушивавшему в темном холле, несколько натянутым.

— Этим мы успеем вволю заняться и после свадьбы, Клер, — ответил он без особой уверенности в голосе. — Твой отец нам доверяет; мы нехорошо поступим по отношению к нему, если будем… шалить так, как сейчас.

Человек в холле тихо отступил назад, на лестницу, несколько раз потопал по ступеньке, подошел к двери Данди и постучал.

— Э… да? — отозвался Данди. — Кто там?

Человек отворил дверь и вошел, поклонившись Данди и широко улыбнувшись стройной светловолосой девушке.

— Робин-Бобин-Барабек, я — Бессмертный Человек, — весело ответил он.

Данди уставился на высокого, дородного незнакомца. Он ни разу не видел раньше ни этого румяного лица, ни этих жестких глаз, ни этой седой шевелюры, но знал, кто это.

— О… привет, — пришел он в себя. — Я вижу, все… прошло как надо?

— Ага, как по маслу — если на то пошло, я попрыгал и понагибался по дороге сюда и решил, что это не такой уж плохой экземпляр. Пожалуй, я побуду в нем немного с помощью ваших электроэпиляторов. Ба, а это что за прелестное создание? — Он театрально поклонился.

— Э-э… Джо, — промямлил Данди, вставая с дивана, — это Клер Пибоди, моя невеста. Клер, это… Джо, мой деловой партнер.

Джо расплылся в улыбке, показавшей ровный ряд белых зубов.

— Рад познакомиться с вами, мисс Клер.

Клер невольно нахмурилась — этот человек смотрел на нее с нескрываемым интересом, и ей это не понравилось.

— Рада познакомиться, Джо, — ответила она. Проследив его взгляд — тот не сводил глаз с ее бюста, — она нахмурилась еще сильнее и с мольбой посмотрела на Данди.

— Джо, — сказал молодой человек. — Может,

вам лучше…

— Разве это не замечательно? — перебил его Джо, улыбаясь еще шире. — То, что мы оба… рады.

— Джо, — повторил Данди. — Подождите в своей комнате. Я скоро приду.

— Ну конечно, Джейк, — кивнул Джо, поворачиваясь к двери. Он задержался. — Счастливого Рождества, мисс Клер! — Ответа не последовало, и, закрывая за собой дверь, он беззвучно хихикал.

* * *

Джеки заплатила в баре пенни, заняла место в очереди, и довольно скоро — она шаг за шагом приближалась к задней двери под аккомпанемент выкриков человека на улице: «Ладно, вы посмотрели, дайте теперь другим!» — подошла и ее очередь выйти во двор и присоединиться к толпе у изгороди. Множество ног истоптало снег, превратив его в грязное месиво.

Джеки не видела ничего, кроме широкой спины стоявшего перед ней мужчины, но очередь продолжала двигаться, и довольно скоро она оказалась перед брешью в кирпичной ограде, за которой открывался еще один мощенный булыж-

ником двор. Теперь она видела кран и веревку. С соседней улицы доносился чей-то пьяный баритон, выводящий рождественскую коляду.

«Ну и что мне делать теперь, — подумала она, — возвращаться домой? Назад, в уютный маленький дом в Ромфорде, в школу, чтобы в конце концов выйти замуж за юного банковского клерка с видами на будущее? Да, наверное. А что еще? То, ради чего ты приехала в Лондон, свершилось, пусть и не твоими руками. Не оттого ли ты чувствуешь себя такой… бесполезной и неприкаянной, и — да, смотри правде в глаза — напуганной? Вчера у тебя была цель, было для чего жить такой жизнью, а сегодня — нет. Нет больше причин оставаться Джеки Снаппом, но ты уже и не Элизабет Жаклин Тичи. Кем ты стала, девочка?»

Очередь повернула в последний раз, и она наконец смогла увидеть всю картину в целом. К стреле крана была привязана веревка, на конце которой раскачивалась под ударами ветра мешковатая кукла с клочками тронутого молью меха, пришитыми на лицо, руки и ноги.

— Да, друзья мои, — произнес зазывала, зловеще понизив голос, — вот здесь и свершилось правосудие над зловещим оборотнем Джо —

Песьей Мордой. Манекен, что вы видите перед собой, сооружен таким образом, чтобы вы могли видеть в точности то же, что обнаружила здесь вчера ночью полиция.

— Насколько я слышал, — тихо заметил человек, стоявший перед Джеки, своему спутнику, — у него просто росли волосы по всему телу — словно двухдневная щетина.

— Неужели, милорд? — вежливо удивился спутник. Очередь двигалась мимо экспозиции. Кукла повернулась спиной к зрителям, выставив на обозрение широкую прореху на штанах, из которой торчала солома. Кто-то засмеялся, и Джеки услышала чей-то шепот, рассказывающий подробности пленения Джо — Песьей Морды.

Джеки почувствовала, как ее начинает охватывать истерика. Видишь ли ты это, Колин? Этот экспонат с сельской ярмарки? Ты отомщен наконец. Разве это не прекрасно? Разве не замечательно, что все эти люди могут полюбоваться на это? Как величественно и благородно, как радостно все это!

Она начала всхлипывать, сама не замечая этого, и здоровяк, стоявший перед ней в очереди, взял ее за локоть и подвел к воротам на улицу, где находился трактир «Гинея и Боб».

— Паркер? Мою флягу! — сказал он, оказавшись на мостовой.

— Слушаюсь, милорд, — отозвался человек, вышедший со двора следом за ними. Он достал из-под плаща плоскую флягу, отвинтил пробку и передал господину.

— Давай, парень, — сказал здоровяк. — Хлебника. Не стоит плакать из-за этого дурацкого шоу в такое прекрасное рождественское утро.

— Спасибо, — ответила Джеки, всхлипывая и утирая нос рукавом. — Вы, наверно, правы. Плакать вообще не стоит. Ни из-за чего. И еще раз спасибо.

Она дотронулась до шапки, потом сунула руки в карманы и двинулась по улице быстрым шагом, ибо путь до Пай-стрит предстоял неблизкий.

Глава 6

Когда же стихла стрельба и ни одного стона не слышно было более в Баб-эль-Азабе, врач-итальянец Мохаммеда Али подошел к нему с поздравлениями, однако Паша не отвечал; он попросил только пить и пил жадными глотками.

Г. Эберс

Милях в семи-восьми от него, на том берегу освещенной ярким полуденным солнцем поймы Нила возвышались четкими силуэтами пирамиды, а ближе, всего в двух милях от Цитадели, с севера на юг протянулся лентой полированной стали в кайме зелени Нил. Несколько столбов дыма поднимались в небо с острова Эль-Рода, хотя на таком расстоянии остров не выделялся из окружения, а на ближнем берегу он мог разглядеть пальмы, минареты и окна старых кварталов Каира. Некоторые наши гости, подумал он, бахриты в том числе, едут сейчас по этим улицам. И это, несомненно, замечательное зрелище: все мальчишки бросают работу, чтобы посмотреть, собаки лают, а из-за машребия — решеток гаремов на

вторых этажах — на проезжающих под ними великолепных воинов смотрят с восторженным блеском черные глаза. Скоро сверкающая драгоценными каменьями процессия выедет из Старого города и покажется на старой каменной дороге, соединяющей Каир с Цитаделью.

Несмотря на жару, доктора Романелли пробрала легкая дрожь, и он, сощурившись, посмотрел на север — на лабиринт белых глинобитных стен и на яркие изразцы куполов в новых кварталах города. И совсем как зелень, которая жмется к реке, эти кварталы строились вдоль шоссе Мусти, соединявшего Цитадель с древним портом Булак. Большинство сегодняшних гостей сейчас как раз должны проезжать Мусти, подумал он.

Ему показалось, что он видит далекую вспышку, словно солнце блеснуло на полированном шлеме. Да, подумал он, лет двести назад наличие армии мамелюков — бывших рабов — было оправдано, но в нынешнем Египте они превратились в неконтролируемую силу — только и делают, что шатаются по стране, сея смуту и самовольно облагая налогами всех, у кого, по их мнению, имеются деньги. Силу, повинующуюся не закону, а собственным прихотям. Этого нельзя больше терпеть — особенно сейчас, когда к

власти пришел этот Мохаммед Али и весь мир смотрит на нас и ждет наших дальнейших шагов. Впервые за тысячи лет нам рукой подать до независимости, так что нельзя допустить, чтобы она попала в руки шайки разбойников. Нам повезло, что этот Али обратился к Мастеру — через меня, конечно, — как к главному советнику.

«И если я вернусь в Англию, — подумал он, поворачиваясь и глядя на то, как вспотевшие рабы заряжают сигнальную пушку, — так только для того, чтобы изменить судьбу этой нации, так что сегодня, на заре новой эпохи, нам ничто не сможет помешать. Разве что посягательства Франции — но и с ними мы тоже как-нибудь разберемся. Все, что нам нужно сделать, — это восстановить знания, утерянные со смертью ка Ромени, и очень, очень скоро мы узнаем и их — или завершив наши расчеты, или выжав наконец что-нибудь ценное из этого ущербного ка, что мы вырастили из крови Брендана Дойля, прежде чем тому удалось сбежать».

Впрочем, это не так-то просто, с досадой подумал он, спускаясь по каменным ступеням к узенькой, выжженной солнцем улочке перед воротами Эль-Азаб и припоминая на ходу последний допрос.

Впервые за минувший месяц ка вытащили из каменной клетки в подвале, и первые полчаса он, казалось, даже не слышал вопросов, которые задавал ему Мастер, — просто сидел на балконе, пожевывая грязную бороду да иногда тихо вскрикивал, отгоняя воображаемых насекомых. В конце концов он все же начал говорить, хотя это и не были ответы на вопросы.

— Я пытаюсь остановить их, — бормотал он, — чтобы они не садились на этот мотоцикл, понимаете? Но каждый раз слишком поздно, и они выезжают на шоссе, прежде чем я успеваю перехватить их, и я торможу, так как не хочу, не могу видеть этого… но я все равно слышу… лязг металла и скрежет скользящего по асфальту мотоцикла… и треск шлема, разлетающегося о столб…

— Как ты попадаешь в поток времени? — в четвертый раз спросил Мастер.

— Джеки вытащил меня, — отвечал ка. — Он набросил сеть на маленьких человечков, а потом затащил меня в каноэ…

— Нет, не в реку, во время! Как ты попадаешь туда?

— Это все равно река, только вместо верстовых столбов листки календаря. Если осадка невелика,

туда можно попасть через пламя свечи. Река течет подо льдом — вы что, не слышали, как Дерроу объяснял? — но там ходит лодка, лодка на колесах, разрисованная лицами, плывущая по льду под парусом… лодка может ожить и убить тебя… черная лодка, чернее ночи…

Тут Мастер пришел в неописуемую ярость, так что ему пришлось говорить не самому, а через одного из восковых ушабти, стоявших в яме на дне сферы.

— Уведите его, — кричал его голос, — и не давать ему больше ни пищи, ни воды! Он нам больше не нужен!

Да, это будет непросто — и все же это шанс. В конце концов в его бормотании промелькнули какие-то занятные обрывки информации.

«Так или иначе, — подумал Романелли, открывая дверь, которую очень скоро запрут накрепко, — нам, возможно, даже не понадобятся Врата Анубиса. Предстоит ряд решительных политических ходов вроде того, что случится сегодня, и с таким сильным правителем, как Мохаммед Али, под мудрым руководством Мастера мы сможем возродить Египет, даже не переписывая историю. Важно только знать, когда убирать того или иного человека, заменяя его покорным ка, а этот

процесс может растянуться на несколько лет».

Прежде чем войти в зал, он оглянулся на пустынную улицу, идущую меж высоких стен. Тихо, подумал он. Пока тихо.

* * *

В час пополудни на Мусти царила самая толчея: тяжело навьюченные верблюды с трудом шагали по запруженной народом улице, а крики торговок апельсинами в чадрах сливались в невообразимой какофонии с пением крысолова — на широкополой шляпе которого шестеро дрессированных объектов охоты, каждый в собственной шапочке, выстроили живую пирамиду — и воплями торговцев рыбой и молоком, дополняемыми сурами из Корана в исполнении нищих. Однако толпа поспешно расступалась, пропуская блестящую процессию, с неспешной торжественностью гарцевавшую по середине улицы. В надежде на подачку уличный мальчишка добровольно взял на себя роль глашатая — в данном случае совершенно излишнюю. Он бежал почти под копытами передней лошади, крича «Риглак!» толстому нубийскому купцу, убравшемуся с дороги, прежде чем тот открыл рот, или «Ухруг!» паре укутанных в чадры леди из гарема,

и без того прижавшихся к стене и визгливыми голосами протестовавших против подобной узурпации общественной проезжей части.

И все же каждый хотел хотя бы одним глазком посмотреть на кавалькаду, и даже британские эфенди передвигали кресла из пальмового дерева на тротуаре перед кафе «Завийя» так, чтобы мрачно коситься на нее со стаканом питья в руке, — ибо это был настоящий парад беев-мамелюков во всей своей красе. Жаркое солнце играло на самоцветах, украшавших ножны мечей и рукояти седельных пистолетов, а по сравнению с яркими одеждами, шлемами, увенчанными перьями тюрбанами все остальное казалось тусклым и бесцветным. Однако при всем великолепии дорогого оружия, пышных одежд и арабских скакунов в богатой сбруе самым поразительным были тонкие загорелые лица с ястребиными носами, презрительно щурившие глаза поверх толпы.

И никто не догадывался, что одно из этих лиц — чернобородое, в шлеме — принадлежало самозванцу, ибо хотя многие из тех, кто шарахался из-под копыт или выглядывал из окон, отлично знали Эшвлиса-сапожника, занимавшего нишу в наружной стене мечети в двух кварталах отсюда,

никто и подумать не мог, что это он гарцует в золоченых доспехах мамелюкского бея Амина.

И тем более никто не догадывался, что даже в обычном своем обличье сапожника немой Эшвлис — все равно самозванец, и что до того, как он сменил имя и покрасил волосы и бороду в черный цвет, его звали Брендан Дойль.

За несколько последних месяцев Дойль уже привык жить как Эшвлис, однако сегодняшняя роль, на которую он так беспечно согласился утром, начинала изрядно смущать его, и он отворачивался всякий раз, как видел в толпе одного из своих клиентов. Разве не преступление явиться на пир к самому паше под видом одного из приглашенных? Если бы его друг Амин не уверял его в полной безопасности этого предприятия, он бы немедля повернул данную ему взаймы лошадь, снял бы меч, кинжалы и дорогие одежды и забился бы в свою нишу, чтобы созерцать процессию с безопасного расстояния.

Они как раз проезжали мимо его ниши — он посмотрел на нее и, хотя уже оплатил каюту на судне, которое должно было поднять якорь завтра утром, изрядно удивился и даже рассердился тому, что на его месте уже восседал другой сапожник. Ну и конкуренция, подумал он не без горечи,

стоило пропустить одно утро — и вот на тебе…

Перед ними открывалась площадь, на которой он впервые познакомился с Амином. Дойль криво усмехнулся, вспоминая то жаркое октябрьское утро. Все пошло наперекосяк с того момента, когда Хасан Бей сломал пряжку на башмаке как раз во время встречи с британским губернатором.

Это печальное событие привело к немедленной приостановке переговоров, и Хасан со своими сводными братьями Амином и Хафи покинул Цитадель, направляясь к ожидавшему в Булаке судну, однако на этой самой площади с ними произошла еще одна неприятность: здоровенный нищий, известный всем как глухонемой Эшвлис, о каковом обстоятельстве извещала большая вывеска в деревянной раме, недостаточно быстро убрался из-под копыт мамелюкских лошадей, так что торчащий из рамы гвоздь зацепил Хасана за расшитый золотом халат и порвал его, выставив на всеобщее обозрение бедро разгневанного мамелюка.

Извергнув не подобающее правоверному мусульманину ругательство, Хасан выхватил меч с рукоятью слоновой кости и замахнулся им на нищего.

Однако Дойль со скоростью, которой позавидо-

вал бы мангуст, пал на четвереньки в пыль, так что меч лишь разрубил вывеску, просвистев в нескольких дюймах над головой, и прежде чем не ожидавший этого бей успел занести меч еще раз, Дойль бросился на него, вытащил у него из-за пояса один из его собственных кинжалов и отбил им следующий, более слабый удар.

Тут в дело вмешался Хафи — он осадил коня, вскинул зачехленное ружье на уровень бедра и, не успел Амин вмешаться, спустил курок.

Эхо от выстрела пошло гулять взад и вперед по узкой улочке, ружье от отдачи вылезло из чехла. Боевой конь Хафи, приученный к выстрелам, не вскинулся на дыбы, но лишь тряхнул головой и фыркнул от едкого порохового дыма. Дойль совершил обратное сальто в воздухе и приземлился лицом вниз на булыжную мостовую, а красная дырка на спине его халата довольно быстро меняла очертания, так как ткань пропитывалась кровью.

— Невежды! — вскричал Амин. — Он же нищий!

Этот факт, в горячке ускользнувший от остальных, означал, что на нищего не только нельзя поднимать меч, но с точки зрения мусульманской морали он еще и прямой представитель

Аллаха на земле, за что и получает подаяние от каждого правоверного.

* * *

Улица свернула налево, и из-за зданий уже показались минареты и каменные стены Цитадели, вздымающиеся к небу с вершины холма Мукатам, и хотя повод, по которому мамелюков пригласили в крепость — назначение одного из сыновей Мохаммеда Али пашаликом, — был совершенно безобидным, один вид грозного сооружения заставил Дойля обрадоваться тому, что он и его спутники так хорошо вооружены.

Амин заверил его утром, что, хотя массовые аресты среди мамелюков и ожидаются, они не могут произойти прямо на пиру.

— Успокойся, Эшвлис, — говорил он Дойлю, затягивая ремни на дорожных сундуках и выглядывая в окно на караван уже навьюченных верблюдов во дворе. — Али не сумасшедший. Хотя я не сомневаюсь в том, что он намерен урезать непомерную власть мамелюков, он ни за что не осмелится арестовать всех четыреста восемьдесят беев сразу, вооруженных и готовых драться. Мне кажется, подлинная цель этого пира — сосчитать врагов, удостовериться в том,

что все они в городе, и этой же ночью, ближе к рассвету, взять их под тем или иным предлогом тепленькими в собственных постелях. И, положа руку на сердце, я не могу сказать, чтобы они этого не заслужили; впрочем, ты-то сам испытал это на собственной шкуре. Но я сейчас же уезжаю в Сирию, а ты сразу по окончании пира вернешься в обличье Эшвлиса, а завтра и вовсе уплывешь из Каира, так что нас с тобой это не коснется.

В устах Амина все звучало так безобидно… И конечно, Дойль был обязан ему жизнью, ибо кто, как не Амин, приказал отнести истекающего кровью нищего к ученому Мористану из Каалуна на исцеление, а спустя два месяца помог ему заняться сапожным делом, уговорив Хасана заплатить ему сотню золотых за починку сломанной башмачной пряжки. Порванный халат при этом не упоминался; возможно, Хасан счел, что за него уже заплачено — входным и выходным отверстием от пули.

Дойль нахмурился и с минуту раздумывал, почему ни одно из этих событий не нашло отражения в Бейлевой биографии Эшблеса. Разве не такие события делают биографию поэта интересной для читателя? Недолгая карьера нищего, пуля мамелюкского военачальника, тайное по-

сещение королевского пира… Он улыбнулся: ну конечно же, он не мог рассказать Бейли об этом, ибо рано или поздно Дойлю предстоит прочесть эту биографию. И как, спросил он себя, после этого заставишь кого-то хотя бы близко подойти к площади, на которой, как тебе известно, в тебя будут стрелять?

«Ну, по крайней мере мне известно, что Эшблес отплыл из Египта на «Фаулере», рейсом Каир — Лондон, отправление — завтра утром, так что, хотя мне так и не удалось как следует познакомиться с Каиром 1811 года, надеюсь, меня ожидает уже не слишком много сюрпризов, о которых мне придется умолчать в разговоре с Бейли. Я уверен, например, что больше не попадусь в руки Романелли, который, по слухам, устроился личным медиком к Мохаммеду Али. Не думаю, чтобы он узнал меня сейчас — с черной шевелюрой, темным загаром и обилием новых морщин на лице — следствием лечения без анестезии. Хорошо, хоть оба уха пока на месте…»

* * *

На парадном плацу перед Цитаделью в ряды мамелюков влились беи-бахриты, и на пятнадцать долгих минут — на протяжении которых

Эшвлис исходил пóтом в неслыханно дорогом халате с чужого плеча, предоставив лошади Амина самой идти за Хафи, — все четыреста восемьдесят беев-мамелюков как один, потомки бывших рабов, восставших, чтобы овладеть всей властью в стране, и даже в последние годы почти не поступившихся ею, гарцевали во всей своей варварской красе под безоблачным египетским небом.

Мощная, злобная кобыла Амина по кличке Мельбус горделиво пританцовывала, встряхивая время от времени маленькой головой и, в общем, заставляя своего седока казаться тем, кем он на деле не был, — уверенным наездником. Это было прекрасное животное, и Амин чрезвычайно ею гордился, однако обстановка требовала, чтобы он бросил ее.

До Дойля неожиданно дошло, что ему будет не хватать Амина — единственного человека в Каире, знавшего, что Эшвлис на самом деле вовсе не глухонемой. Получивший образование в Вене молодой бей знал, что, помимо традиционных для мамелюка войны и славы, в жизни есть и другие цели, и много жарких часов он провел, стоя у ниши сапожника и ведя с ним разговор по-английски об истории, политике, религии…

правда, они всегда смолкали, стоило вблизи показаться кому-то из клиентов, ибо Амин слышал, что паша назначил награду за любую информацию о рослом, говорящем по-английски беглеце.

На плац выехали несколько рядов наемников-албанцев, ощетинившихся мечами, булавами, пистолетами и кремневыми ружьями длиннее их самих; на взгляд Эшвлиса, они выглядели в складчатых белых юбках и высоких тюрбанах просто нелепо.

Албанцы один за другим свернули в улочку, поднимающуюся по пологому склону ко входу в Цитадель. Колонна мамелюков потянулась следом за ними, и как раз в это время ворота Баб-эль-Азаб в верхнем конце улицы медленно отворились.

И хотя теперь мамелюки оказались недоступны взглядам зрителей, они продолжали шествовать с неизменным достоинством и торжественностью, албанцы же поспешно, смешав ряды, галопом поскакали к открытым верхним воротам.

Дойль с любопытством вертел головой, озираясь по сторонам. Улица, по которой они ехали, походила скорее на ущелье; она явно относилась к оборонительным укреплениям Цитадели, так как в массивных каменных стенах можно было

заметить лишь несколько глухих дверей, а многочисленные окна на самом деле вовсе и не окна, а узкие вертикальные бойницы, ширина которых позволяла разве что просунуть ружейный ствол.

В пятидесяти ярдах перед ними наемники-албанцы втянулись в ворота Баб-эль-Азаб… и Дойль с удивлением увидел, что стоило последнему из них оказаться внутри Цитадели, как ворота начали закрываться. Он повернулся в седле, чтобы посмотреть назад, и увидел, что казавшийся уже далеким нижний конец улицы блокирован еще одним отрядом наемников. На его глазах передний ряд их опустился на колено, каждый поднял длинное ружье и прицелился.

Не успел он открыть рот для крика, как ударил пушечный выстрел, в синее небо поднялся столб серого дыма, и улица взорвалась шквалом оглушительного, беспощадного ружейного огня — спереди, сзади, из каждого окна. Воздух, казалось, весь наполнился десятками, сотнями свистящих пуль, высекающих из стен и мостовой фонтанчики пыли и каменных осколков. Пороховой дым лез в глаза и горло, не давая разглядеть неприятеля.

Строй мамелюков смешался, как ряды китайских фонариков под ударом пожарного брандс-

пойта. Большинство беев упало со своих лошадей мертвыми уже после первого залпа, но даже те, кто успел выхватить оружие, не имели возможности ответить, ибо за исключением албанцев в нижнем конце улицы неприятель оставался невидимым. Несколько мамелюков — Дойль как во сне увидел среди них Хасана — попытались атаковать их, однако получили по дюжине пуль каждый, не успев пройти и пяти шагов. Несмотря на то что халат его несколько раз рвануло, Дойль еще четыре или пять секунд оставался цел и невредим, и судя по тому, как Мельбус прыгнула вперед через груду мертвых тел, она — тоже. Отчаянный вопль Дойля: «Ну же, лошадка, через стену, прыгай!» — затерялся в грохоте залпов, но лошадь уже рванулась вперед, спотыкаясь о трупы. Отрикошетившая пуля — а может, это был осколок стены — больно ударила Дойля над ухом, он пошатнулся в седле, и тут же три пули попали в него почти одновременно: одна оцарапала ему правую руку выше локтя, другая оставила рваную рану на левом бедре, а третья чиркнула по животу. Возможно, эта третья пуля и помогла ему удержаться в седле, ибо он, согнувшись, рухнул на шею лошади, обхватив ее руками, — как раз когда Мельбус взобралась на самую высокую

груду тел и с ее вершины прыгнула через стену, верхний край которой все еще оставался для них на недосягаемой высоте как минимум восьми футов. Мощный импульс скачка лошади подкинул Дойля, и сквозь пелену слез, боли и клубы порохового дыма он увидел, как приближается верх стены… они зависли в верхней точке, и он смог заглянуть за стену… Еще мгновение — и гравитация неумолимо должна была бы обрушить их вниз, в пекло перекрестного огня, но лошадь по-кошачьи зацепилась передними копытами за кромку стены, отчаянным усилием подтянулась, зацепилась задними копытами и, перевалившись через стену, рухнула вместе с седоком вниз, но уже с наружной стороны.

Лошадь падала головой вперед, и Дойль непроизвольно откинулся назад, увидев в пятидесяти футах под собой наполненный водой ров, а потом он летел уже сам по себе, в ужасе глядя на стремительно надвигающуюся воду.

Падение показалось ему мучительно долгим; он дважды выпускал воздух из легких и делал новый вдох, и все же удар о воду, когда он наконец произошел, вышиб из него дух, и почти сразу же он больно ударился руками и ногами о каменное дно рва. У него хватило сил подобрать под себя

ноги и оттолкнуться, рванувшись вверх сквозь двадцатипятифутовую толщу неожиданно вязкой воды.

Он выскочил на поверхность, как пузырь со дна кипящего чайника, и, из последних сил молотя руками, поплыл к высокому парапету; человек, мочившийся в ров, изумленно выпучил на него глаза, торопливо оправил одежду и исчез.

— Тупица грязный! — буркнул Дойль ему вслед. Стоило беглому сапожнику выползти из рва, ставшего еще грязнее обычного, как он тут же сорвал одежды и оружие Амина и зашвырнул подальше — уличные попрошайки найдут им лучшее применение. Он оставил только меч, который завернул в тюрбан и зажал под мышкой. Он нашел на дороге полоску прокаленной солнцем пыли и катался в пыли нагишом до тех пор, пока не просох. Замотанный меч, решил он, сойдет за посох, оставшийся в наследство от предшественника.

— Мельбус! — вскричали двое лавочников, созерцавших всю сцену, и кровь застыла у Дойля в жилах, ибо он решил было, что им откуда-то известна кличка лошади; только спустя пару секунд он сообразил, что это слово означает «божественное безумие» — помутнение рассудка

волею Аллаха. Тут, кстати, и сама лошадь выкарабкалась изо рва, приковав к себе жадные взоры нескольких рахарин — египетских цыган.

— Да забирайте ее! — прохрипел Дойль. — Аво, чал!

Несмотря на жару, он продолжал дрожать, пробегая полосы света и тени от одежд, развешанных для просушки над узкой улочкой. Только усевшись в глубокой дверной нише и уронив голову на руки, он понял, что плачет с той самой минуты, когда выбрался из воды. Он поднял голову и попытался взять себя в руки.

В глазах до сих пор стояли, накладываясь на уличный пейзаж и друг на друга, картины тех нескольких жутких секунд на улице у Баб-эль-Азаб; теперь эти картины стали проявляться все отчетливее и отчетливее, и он как наяву видел — до сих пор мозг его лишь хранил это, не осознавая, — брызги крови и пыли и клочки одежды, разлетающиеся во все стороны от коня и всадника, дергающихся людей — шквал перекрестного огня не давал им упасть… мимолетно промелькнувшее лицо, прильнувшее к ружейному прикладу, целясь с верха стены, — лицо, деловито-сосредоточенное, поглощенное сложной работой… какой-то бей с простреленной

головой, слепо тычущий мечом в каменную стену в короткие мгновения между смертью коня и своей смертью…

Дойль застонал и ткнулся лбом в грубую каменную кладку, чем вызвал еще одно восклицание «Мельбус!» — на этот раз со стороны мальчишки, тащившего по улице бурдюк с водой.

Звуки доходили до Дойля, как сквозь толстый слой ваты, но он увидел, как мальчишка шарахнулся, прижавшись к стене, — по улице проезжал отряд наемников-албанцев. Их было двенадцать, и каждый из двенадцати в упор посмотрел на грязного старого нищего с ужасными язвами на руке, ноге и животе. Старый нищий всхлипывал, опираясь на какую-то замотанную тряпкой палку. Двое ехавших последними засмеялись, и один из них швырнул ему монету.

Когда они свернули за угол, Дойль подобрал монету, встал и помахал мальчишке — разносчику воды; тот подбежал и дал ему напиться из горла бурдюка. Теплая и затхлая вода тем не менее помогла смыть привкус пороховой гари, и жуткие воспоминания немного отступили, во всяком случае, теперь он мог думать о чем-то другом.

«Да, Амин, — вяло подумал он, ты был прав в двух вещах: Али и впрямь рассчитывал укоротить

власть мамелюков и не собирался арестовывать четыреста восемьдесят вооруженных до зубов беев. Ты ошибался только в одном: ехать на пир оказалось далеко не безопасно».

Он все еще дрожал от холода и потел одновременно, и рука его сильно кровоточила. Нужно найти одежду и врача, подумал он, да и отомстить не помешает. Ниже по течению Нила расположено летнее поместье Мустафы-бея, где проводят дни в неге и лености его сыновья и жены…

Дойль зашагал в ту сторону. Он имел для них кое-какие новости и кое-какое предложение.

* * *

Хотя солнце уже скрылось за Мукаттамскими холмами, а луна отпечаталась на темно-синем бархате небосклона, как след от покрытой пеплом монеты, верхушки пирамид продолжали сиять золотом в последних лучах заката, а разноцветные фонари, украшавшие неуклюжую повозку, выезжавшую из старых городских кварталов, наверное, еще целый час будут служить только для украшения, не имея необходимости освещать дорогу.

Дополнявшие декор развеселые ленты и колокольчики совершенно не соответствовали

выражению лиц шестерых ехавших в повозке — на их лицах читались усталость, горе и самое главное — гнев, слишком сильный, чтобы его можно было передать словами или жестами. И при всем карнавальном убранстве повозки бдительный часовой у дворца неминуемо задержал бы их, ибо в то время как задние колеса — пусть украшенные разноцветными гирляндами — оставляли в пыли необычно глубокий след, передние едва касались земли, а широкий ковер, свешивавшийся сзади, волочась по земле, явно скрывал что-то. Однако ни один часовой так и не увидел этого, поскольку шестерка запряженных в повозку лошадей потащила ее направо, по старой дороге в Карафе, в некрополис, а не налево — по новой, ведущей к Цитадели.

— Иеминак! — произнес человек, сидевший на прикрытом ковром предмете в задней части повозки, под матерчатым навесом, и возница послушно повернул лошадей еще правее. — Теперь помедленнее. Я узнаю это место, как увижу. — Он внимательно оглядел гробницы и могильные камни, в беспорядке рассыпанные по невысоким холмам. — Вон, — показал он наконец. — То здание с куполом наверху. И смотри, Тефик, там не видно ни одного часового. Они наверняка

ожидают мести со стороны оставшихся в живых мамелюков, но не здесь.

— Мой хотеть напасть Цитадель лучше, профессор, — буркнул возница. — Будь на то мой воля, голова Али оставаться навсегда общественный сортир лежать. Но что он выполнять приказы этот маг давать, мой слыхать. Его мой тоже убивать большая радость.

— Надеюсь, ты прав, — кивнул Дойль. — Хорошо бы застать уж сразу и доктора Романелли.

— Да. — Тефик посмотрел на здание, возвышавшееся в сумерках в сотне ярдов от них. — Здесь?

— Тебе лучше знать, ты в таких делах лучше разбираешься. На мой взгляд, нам лучше подойти поближе, чтобы ворваться внутрь сразу, как разнесем дверь.

— Но чтоб они не видеть, что мы делать, — уверенно кивнул Тефик. — Здесь.

Дойль пожал плечами и осторожно — одна его рука была перевязана — слез с повозки. Он посмотрел вверх, на вход в здание, и застыл, увидев привратника, стоящего у двери и смотревшего на них, — возможно, того самого, которого оглушил четыре месяца назад.

— Быстро! — тихо произнес он. — Они нас видят!

— На таком расстоянии не страшно, — ответил Тефик, доставая из-под брезента длинный шест. Он быстро размотал увивавшие его разноцветные ленты и сорвал с его конца большую маску. Под ней оказался массивный деревянный цилиндр. — Она уже заряжать, нужно только утрамбовать заряд. — Он откинул ковер, прикрывавший какой-то тяжелый предмет, и из-под него выглянуло жерло бронзовой пушки. Он сунул шомпол в ствол и дважды надавил на ядро, приминая заряд. — Хорошо. — Он выдернул шомпол, потом повернулся к четверым своим спутникам и рявкнул по-арабски какое-то распоряжение.

Один из них прикурил сигару от фонаря, болтавшегося в хвосте повозки, и выпустил огромный клуб дыма. Другой молодой мамелюк откинул ковер с казенной части орудия и начал быстро вращать колесико — ствол пушки медленно опустился. Дойль оглянулся посмотреть, как реагирует на это привратник, и увидел, что тот поспешно нырнул внутрь, закрыв дверь за собой.

— Быстрее! — повторил Дойль. Человек у пушки прекратил крутить колесико и окликнул человека с сигарой.

— Быстрее, черт побери! — громко прошипел

Дойль. Земля уже вибрировала, словно где-то в глубине под землей, в огромном духовом органе начал зарождаться звук, слишком низкий, чтобы человеческое ухо могло его услышать, и в свежем вечернем воздухе неожиданно повеяло гнилью. Дойль торопливо нагнулся и начал расшнуровывать башмак.

Человек с сигарой бросился к пушке, но упал на землю — с верхушки купола протянулся и ударил прямо в него луч зеленого света. Одновременно с этим ствол пушки невероятным образом начал со скрежетом изгибаться вверх.

Дойль сорвал башмак, отшвырнул его в сторону, выхватил кинжал и, пока луч подбирался по земле к орудию, ткнул себя острием в босую пятку и крепко прижал ногу к земле.

Тут зеленое свечение охватило их всех, захлестнув волной удушливой вони, — Тефик и трое остальных молодых мамелюков рухнули на дорогу.

Дойль с усилием вытянул руку, прижал ее к горячему стволу пушки — и ствол с тем же противным скрежетом начал выпрямляться. Медленно, волоча кровоточащую ногу по земле — сохраняй Связь, твердил он про себя, — он доковылял до казенника, сорвал один из разноцветных фонарей

и разбил его о запальное отверстие.

И через какое-то мгновение он уже смотрел в темнеющее небо, не понимая, почему лежит на спине, почему лицо его так горит, и мечтая, чтобы кто-нибудь снял трубки хотя бы двух из десятка надрывно звонящих телефонов. Он повернул голову и увидел то, что всего несколько секунд назад было Тефиком. Под шевелящейся кучкой одежды еще угадывалось что-то, но большая часть блестящих ракообразных кусков, на которые распалось тело Тефика, выбралась из-под нее и расползалась во все стороны. Дойль в ужасе отпрянул от того, что подполз ближе других к нему, и привстал на колене, хватаясь за рукоять меча и дико озираясь.

Дуло пушки еще слегка дымилось в груде обломков повозки, а силуэт здания заметно изменился: полусфера купола раскололась, как большое яйцо. Дойлю показалось, что он слышит далекие крики, но в таком оглушенном состоянии у него не было никакой уверенности, что он на самом деле слышит их.

Он выхватил меч и побежал ко входу в здание. Когда дверь открылась, Дойль находился всего в дюжине ярдов. Он с размаху налетел на стоявшего в дверях и даже не слишком удивился, когда

у того оторвались голова и правая рука; они с легким стуком упали на пол, и Дойль понял, что они вылеплены из воска.

Еще трое восковых людей стояли в коридоре за дверью; двое отпрянули, когда в них полетели остатки их расчлененного товарища. Дойль парировал удар мечом третьего и встречным выпадом поразил того в лицо, оторвав ему нос и полщеки. На шее у того появилась черная трещина, и он ударил по лицу еще раз, сильнее — голова оторвалась и покатилась по полу.

Двое остававшихся пока невредимыми отступили назад, подняв оружие, а в это время двое других ползали по полу в поисках своих голов. Откуда-то сверху донесся отчаянный крик на незнакомом, явно не арабском языке, и двое целых восковых людей повернулись и неуклюже побежали к лестнице.

Дойль бросился следом. Теперь сверху слышался еще один голос — этот говорил по-арабски, причем интонация его была скорее не столько перепуганной, сколько раздраженной. Дойль уловил слова «не знаю», «неуязвимый» и «колдовство».

Перед тем как шагнуть на лестницу, он стряхнул второй башмак и начал подниматься бо-

сиком, держа меч Амина перед собой. Сверху слышались пыхтение и кряхтение, топот ног, и до него вдруг дошло, что там происходит.

Глаза его сузились, и на лице заиграла недобрая улыбка. Ну что ж, подумал он, а почему бы и нет? Попробуем-ка отобрать лавры у Нила Армстронга!

На верхней площадке лестницы он заглянул за угол, в сторону выходящего в сферический зал балкона. Все было, как он ожидал: помещение освещалось только сумеречным светом, проникающим через разбитый купол. Истекающий по́том привратник стоял в правом углу балкона — левый оказался разбит ядром, — торопливо привязывая веревку к перилам. Левая стена коридора обрушилась, и Дойль увидел двух восковых людей, копошащихся на крыше; они, перегнувшись, заглядывали в зал сквозь обрушившуюся восточную часть купола, потом подались вперед и стали пихать вниз что-то, явно пытавшееся подняться вверх.

Надежно привязав конец веревки, привратник начал выбирать свободный конец — тот тянулся откуда-то снизу и слева и подавался неохотно, — каждый раз фиксируя выбранную слабину.

Дойль дождался, когда он выберет еще ярд

веревки, и, прежде чем тот успел завязать ее, нагнулся, схватил его здоровой рукой за пояс и рывком перекинул через перила. Секунду тот цеплялся за веревку, потом руки его разжались, и он рухнул на заваленный обломками пол камеры. Веревка натянулась. Откуда-то рядом послышался приглушенный крик, и пустая кушетка скатилась на роликах по наклонной стене и остановилась, врезавшись в груду битого кирпича.

Дойль повернулся, выскочил через отверстие в стене на крышу и, не обращая пока внимания на дергающийся предмет на конце натянувшейся почти горизонтально веревки, бросился на восковых людей, с трудом удерживающих равновесие. Он ударил одного ногой, другого — мечом, и оба покатились на дно круглого зала.

Не в силах смотреть на человека, которого ему, как он понимал, предстояло сейчас убить, он подошел к проему и заглянул внутрь. Привратник пришел в сознание и сидел, раскачиваясь из стороны в сторону и держась за сломанную ногу. Восковые люди, один из которых тоже лишился головы, бестолково ползали по обломкам. Дойль решил, что где-то там должна быть дверь, по счастью, погребенная под обломками того, что было восточной частью купола.

— Эй, Дойль! — произнес голос за его спиной учтивым тоном, свидетельствовавшим о немалой выдержке говорившего. — Нам с тобой есть о чем поговорить!

Мастер покачивался в воздухе в двадцати футах от него, удерживаемый лишь завязанной у него под мышками веревкой, натянувшейся почти параллельно кровле. За ним Дойль видел диск луны, стоявшей еще совсем низко над горизонтом. Чтобы смотреть на Дойля, Мастеру приходилось задирать голову. Все это походило на воздушного змея в форме человека, или как если бы они с Дойлем смотрели друг на друга в повернутое под углом в сорок пять градусов зеркало.

— Не о чем нам говорить, — холодно ответил Дойль. Он занес над головой меч Амина и поискал взглядом, куда лучше ударить.

— Я могу вернуть тебе Ребекку, — тихо, но разборчиво произнес Мастер.

Дойль задохнулся, словно его ударили под дых, отступил на шаг и опустил меч.

— Ч-что вы сказали?

Несмотря на то что необычная поза, несомненно, причиняла ему боль, Мастер оскалился в улыбке:

— Я могу спасти Ребекку. Удержать ее от смер-

ти. С помощью окон во времени, открывшихся по моей вине и открытых Дерроу. Ты тоже можешь помочь. Мы не дадим им сесть на мотоцикл.

Меч звякнул о каменную плитку крыши, и Дойль опустился на колени. Его лицо находилось теперь на одном уровне с лицом Мастера в двадцати футах от него, и он в беспомощном отчаянии вглядывался в глаза старика, блестевшие неестественной чернотой.

— Откуда… вы знаете… про Ребекку? — прохрипел он.

— Ты забыл про ка, что мы сделали из тебя, сынок? Кровь, упавшую в ванну? Мы вырастили из нее твою копию. Не то чтобы от нее было много толку в том, что касалось внятной информации, — ка, похоже, получился слегка не в своем уме; это может означать, а может и не означать, что ты и сам движешься в этом направлении, — но кое-что о тебе мы понемногу узнали.

— Это блеф, — осторожно возразил Дойль. — Историю не изменить. Я сам видел, что нельзя. И Ребекка… мертва.

— Мертв ее ка. С твоего мотоцикла упала не подлинная Ребекка. Мы отправимся в будущее, вырастим ка, а потом подменим их, с тем чтобы она могла вернуться сюда с тобой и, — Мастер

снова улыбнулся, — сменила имя на Элизабет Жаклин Тичи.

Эшблес медленно, недоверчиво покачал головой. «И ведь я действительно в это верю, — подумал он. — Я верю в то, что смотаю эту чертову веревку и спасу его. Боже, а я-то думал, он будет всего лишь предлагать мне деньги…»

— Но ведь настоящая Элизабет Тичи живет где-то.

— Она умерла, и ее заменила Ребекка.

— Ах да… — Дойль взялся за веревку. Прости, Тефик, подумал он. Прости, Байрон. Простите, мисс Тичи. Прости, Эшблес, похоже на то, что остаток жизни ты проживешь рабом этой твари. Прости, Бекки, — видит бог, не ты выбрала этот путь.

Куда легче, чем делал это привратник, Эшблес выбрал ярд веревки. Пытаясь привязать ее одной рукой, он покосился на Мастера и увидел его улыбку — та была не просто торжествующей, презрительной и самодовольной, но и слегка безумной.

Эта нотка безумия у якобы всезнающего Мастера подействовала на Дойля, как холодный компресс на пылающем лбу. «Боже, — подумал Дойль, — я ведь действительно собирался купить жизнь Ребекки ценой смерти этой девицы Тичи,

которую даже не встречал никогда!»

— Нет, — спокойно произнес он, отпуская веревку, и она натянулась рывком, больно дернув Мастера.

— Ты можешь спасти Ребекке жизнь, Дойль, — прокаркал перекосившийся от боли Мастер. — И свой собственный рассудок: ты ведь сходишь с ума и сам это знаешь, а здешние заведения для умалишенных не из самых приятных, так и знай.

Эшблес отвернулся, подобрал меч и, крича почти в унисон с Мастером, ударил с такой силой, что не только разрубил веревку, но и сломал меч о каменную крышу.

Не прекращая кричать, Мастер начал все быстрее удаляться, словно лежал в кузове невидимого пикапа, пытающегося поставить рекорд ускорения с места. Все ускоряясь, он миновал край крыши и полетел дальше, скользя в двадцати футах над землей. Его силуэт отчетливо чернел на фоне луны, так что Дойль хорошо видел его даже в сгущающихся сумерках.

— Так сдохни в вонючем дурдоме, Дойль! — проревел голос из отверстия под ногами у Эшблеса. — Жри собственное дерьмо, и пусть сторожа дрючат тебя почем зря! Вот что тебе уготовано,

сынок! Так оно и будет, Романелли прыгал в будущее и проверял! И — слышишь! — мы уже спасли Ребекку, Романелли забрал ее, но теперь, когда по твоей дурости ее не на что менять, с ней…

Голос все продолжал выкрикивать свои бредовые угрозы, и Эшблес понял, что это Мастер говорит через последнего из восковых людей, у которого еще осталась голова. Сам Мастер казался теперь маленькой точкой на лике луны, поднявшейся уже заметно выше. Еще через минуту или две голос из дыры, продолжавший перечислять напасти, уготованные Ребекке, оборвался на полуслове. То ли вышел из строя восковой речевой аппарат, то ли Мастер просто вышел за пределы их магической слышимости — этого Эшблес так и не узнал.

Эшблес влез через дыру в стене обратно в коридор и заковылял вниз по лестнице. Когда он спустился на первый этаж, кто-то шевельнулся в темном проеме двери справа от него, но, услышав его шаги, отпрянул обратно в темноту.

Эшблес даже не посмотрел в ту сторону.

Выбравшись на улицу, он огляделся. Лошадей постигла та же участь, что и сыновей Мустафы, так что Эшблес зашагал босиком. До порта Булак было идти пять с половиной миль. Корабль

отплывал только завтра утром, так что он не спешил, каждые несколько минут останавливаясь, чтобы с опаской посмотреть на поднимающуюся луну.

Через несколько минут после того, как Эшблес скрылся из виду, из двери выглянуло грязное бородатое лицо с безумными глазами.

— Теперь видишь, Дерроу, что ты натворил? — пробормотал человек. — «Абсолютно безопасно»... Черт, с таким же успехом ты мог отправить этого Треффа. Вряд ли ему удалось бы повернуть все еще хуже. Ладно, вернусь-ка я к реке; посмотрим, смогу ли я уплыть в то время, когда все было в порядке.

Ка Эшблеса выбрался на улицу и постоял, неуверенно глядя по сторонам, не в силах припомнить, где здесь река и как она вообще называется. Потом он вспомнил, что рано или поздно придет к ней, так что выбрал первое попавшееся направление и с довольной улыбкой на губах двинулся в путь.

Глава 7

– Сестры, тките смерти нить!
– Сестры, стойте: кончен труд!

Томас Грей

Снова и снова пытался он найти выход из этого лабиринта затянутых туманом улиц; и хотя Дерроу — во сне он никак не мог вспомнить свое новое имя — прошагал уже несколько миль, то и дело заходя в тупики, он ни разу не вышел на улицу, достаточно широкую, чтобы пропустить экипаж, не говоря уже о просторной, оживленной Лиденхолл-стрит. В конце концов он остановился и — как всегда в этой части сна — услышал в густом тумане впереди негромкий, отрывистый стук, а почти сразу за ним — близкие шаги.

— Хелло, — робко произнес он. — Хелло, кто там есть? — повторил он уже увереннее. — Не поможете ли вы мне найти дорогу?

Шаги по брусчатке слышались уже совсем близко, и темное пятно в тумане превратилось в оборванного человека.

Как обычно, Дерроу в мертвящем ужасе отшатнулся, узнав в нем Брендана Дойля.

— Боже, Дойль! — вскричал он. — Простите меня, не подходите ближе, о боже!.. — Он побежал бы прочь, но его ноги отказывались идти.

Дойль улыбнулся и показал наверх, в туман.

Дерроу беспомощно поднял глаза, и душа его вырвалась наружу в отчаянном вопле — таком громком, что он проснулся.

Он полежал неподвижно на кровати, пока, к облегчению своему, не узнал мебель в темной комнате и не понял, что лежит в собственной спальне. Значит, это снова всего лишь сон. Его рука вытянулась, нашарила горлышко графина с бренди на столике у изголовья, опрокинула его над стеклянной стопкой, потом он поставил его на место, а стопку поднес к губам.

Дверь из спальни Клер отворилась, и она, хмурясь спросонья сквозь спутанные волосы, подошла к кровати Данди.

— Что, черт возьми, случилось, Джейкоб?

— Мышцу свело… на спине. — Он со стуком поставил пустую стопку на столик.

— Какую еще мышцу! — Она села на край кровати. — Я ведь жена тебе, Джейкоб, зачем тебе лгать мне? Я знаю, что это кошмарный сон. Ты всегда кричишь: «Простите меня, Дойль!» — перед тем как проснуться. Так скажи мне все: кто

такой этот Дойль? Он что, имеет какое-то отношение к тому, как ты разбогател?

Данди набрал в грудь воздуха, потом выпустил.

— Это правда сведенная мышца, Клер. Извини, что разбудил тебя.

Она закусила губу.

— Но теперь-то отпустило?

Данди взял стопку, перевернул и надел на пробку графина.

— Да. Можешь идти спать.

Она наклонилась и легко прикоснулась к его лбу губами.

— Хочешь, я посижу с тобой немножко?

— Не знаю… — поспешно начал он, но его перебил стук в дверь.

— С вами все в порядке, сэр? — послышался из-за двери приглушенный голос.

— Да, Джо, — откликнулся Данди. — Так, не спится.

— Если вам будет угодно, сэр, я могу принести чашку кофе с ромом.

— Нет, спасибо, Джо, я… — Данди поколебался и покосился на жену. — Спасибо, Джо, да, это может помочь.

Шаги за дверью стихли в отдалении, и Клер

встала.

— А мне казалось, ты хотела посидеть немного здесь, — поднял бровь Данди: он не сомневался, что сейчас она сама спешит уйти.

Клер недовольно сжала губы.

— Ты отлично знаешь, как я отношусь к Джо. — Она вышла и закрыла за собой дверь.

Данди встал, откинул волосы со лба и подошел к окну. Он отодвинул занавеску и уставился на изгиб Сент-Джеймс-стрит, на похожие друг на друга элегантные фасады, едва освещенные неверным светом уличных фонарей. Небо на востоке начинало светлеть — скоро рассветет, отличное, ясное воскресное утро в марте.

«Да, милая, — невесело подумал он, — я знаю, как ты относишься к Джо. Но я, право же, не могу объяснить тебе, почему должен поддерживать его и держать при себе. Я и сам чертовски хочу, чтобы он нашел себе новое тело, — тогда я смог бы сказать тебе, что уволил его и нанял этого нового парня, — но тело Матуро почему-то нравится ему, а угрожать ему я боюсь. В конце концов ему предстоит быть моим партнером еще много, много лет после того, как ты, милая, умрешь от старости… после того, как я переживу всех своих сыновей… и внуков, и правнуков, богатея,

покупая все больше и больше за время жизни в каждом новом теле, до тех пор, пока не стану тайным владельцем всех мало-мальски значимых корпораций в мире. Я буду владеть целыми городами… целыми странами! И после 1983-го, когда исчезнет старый Уильям Кокран Дерроу, я смогу выйти из тени, смещая всех фиктивных руководителей, и вот тогда я без преувеличения буду править всем этим проклятым миром…

…Если все это время смогу ублажать Джо. Так что видишь, моя бедная женушка — уже целых два месяца как женушка; два месяца, в продолжение которых я так и не успел пока вкусить все радости брака и приступить к осуществлению своего плана насчет второго поколения семьи Данди, — ты заменима. Джо — нет».

Самый богатый человек в Лондоне вздохнул, опустил занавеску и уселся на кровати в ожидании обещанного кофе с ромом.

* * *

Спустившись в буфетную, Джо-дворецкий первым делом забрался на стол — ибо хотя с тех пор, как он девять лет назад прекратил активные занятия магией, он научился касаться земли без особой боли, в оторванном от нее состоянии ему

все же лучше думалось — и медленно поболтал пальцем в чаше серо-зеленого порошка.

«Да, я многому научился у этого чувствительного молодого хозяина, — подумал он. — Я узнал, что иметь кучу денег куда приятнее, чем не иметь кучи денег, и что стоит тебе получить их, как они принимаются расти сами собой, словно пожар.

У него куча денег. И еще у него эта хорошенькая молодая жена, которая могла бы быть ему все равно что сестрой и которая терпеть не может, когда старый Джо смотрит на нее… хотя должен же хоть кто-то смотреть на нее так, как она заслуживает, да и не только смотреть. Без должного ухода она того и гляди скиснет и из вина превратится в уксус.

Да, сэр, юный Данди, — подумал Джо, — когда бы не я, вы бы оставались умирающим стариком — а что получил я взамен за свою услугу? Место дворецкого? Как-то не слишком справедливо получается. Ничего, вот оно, в этой чашке — средство для решения всех проблем. Славный молодой муж мисс Клер сделается нежнее, а старый бедняга дворецкий покончит с собой. И все будут счастливы».

Конечно, все, кроме того, кто в теле Джо грянется о мостовую.

Он подошел к полке, снял с нее банку корицы и высыпал изрядную порцию в чашку с порошком. Потом поставил банку на место, помешал смесь пальцем, высыпал в большую кружку, добавил, не жалея, рому из бутылки, снял с плиты кипящий кофейник и наполнил кружку доверху дымящейся черной жидкостью.

Поднимаясь по лестнице, он не переставая помешивал кофе ложкой. Он негромко постучал в дверь спальни Данди, и тот велел ему войти и поставить кофе на столик. Джо повиновался и почтительно отступил назад.

Данди, казалось, думал о чем-то, чуть нахмурившись.

— Тебе никогда не казалось, Джо, — спросил он, механически поднимая кружку, — что хлопот всегда получается больше, чем дело того стоит?

Джо обдумал эту мысль.

— Это все равно лучше, чем не получать в обмен на эти хлопоты вообще ничего.

Данди попробовал кофе. Ответа Джо он, похоже, и не слышал.

— Слишком все утомительно, — вздохнул он. — На каждое действие приходится равное противодействие… нет, это еще было бы терпимо — это противодействие куда сильнее действия…

Что это?

— Корица, сэр. Если вам не нравится, я могу сварить еще, без нее.

— Нет, сойдет и так. — Данди поболтал в чашке ложечкой и сделал еще глоток.

Джо подождал еще немного, но Данди, похоже, ничего больше пока не требовалось, так что он вышел из спальни, тихо прикрыв за собой дверь.

* * *

— Эй, Снапп! Это ты?

Джеки оглянулась. Маленький темноволосый крепыш пересекал улицу, направляясь к ней.

— Это еще кто? — спросила Джеки, погруженная в свои мысли.

— Хэмфри Богарт, помнишь? Адельберт Чинни, Дойль. — Человечек возбужденно улыбнулся. — Я уже час шатаюсь по этой проклятой улице, пытаясь найти тебя.

— Зачем?

— Мое тело — настоящее мое тело, — я его нашел! Парень, что ходит в нем, отрастил усики и одевается по-другому, но это оно!

— Это уже не имеет значения, Хэмфри, — вздохнула Джеки. — Человека, менявшего тела, изловили и казнили три месяца назад. Так что

даже если тот, кого вы нашли, в самом деле ходит в вашем теле — что вряд ли, ведь он ни разу еще не вселялся в одно тело дважды, — вам все равно не удастся поменять тела обратно. Того, кто знает, как проделывать такие штуки, больше нет. — Она устало тряхнула головой. — Извините. А теперь мне пора…

Улыбка сошла с лица Чинни.

— Он мертв? Это… ты его убил? Черт, но ты ведь обещал мне…

— Нет, это не я его убил. Толпа в ист-эндском кабаке. Я сам узнал об этом только на следующий день. — Она шагнула прочь.

— Подожди-ка, — взмолился Чинни. — Ты говоришь, ты об этом услышал? Сколько еще народу знает об этом?

Джеки остановилась и постаралась взять себя в руки.

— Да все знают. Все — кроме вас.

— Правильно! — вскричал Чинни, немного успокоившись. — На его месте я тоже поступил бы так.

— Не понимаю…

— Послушай, я прошелся по всем салонам, удаляющим волосы, — помнишь, я говорил тебе, что собираюсь сделать это? Так вот, я узнал,

что есть одно место на Лиденхолл-стрит, где их действительно удаляют… что-то там у них с электричеством. Заведение закрылось еще в октябре, но это вовсе не значит, что оно больше не действует. Черт, этот тип просто мог купить его. В общем, если бы я на его месте хотел остаться в теле, не превращаясь при этом в орангутанга, я дал бы себя узнать, поймать, и в момент, когда меня вздернут на виселицу, я перебрался бы в другое тело. Пусть их думают, что убили меня.

Джеки медленно шагнула назад к Чинни.

— Верно, — тихо промолвила она. — До сих пор все сходится. Но как быть с вашим старым телом? Он ведь бросил его — когда его вешали, он был в теле старика.

— Не знаю пока. Может, он вселился в другое тело на время, чтобы убили именно это, а потом переселился обратно. А может… да, похоже на то… может, он переселяет богатых, но пожилых людей в молодые тела за плату? Или еще что-нибудь в этом роде. Если у него в руках средство избавления от волос, все остальное уже не так сложно.

— Этот тип в вашем теле, — спросила Джеки, — чем он занимается? Где живет?

— Он неплохо устроился. Контора на Джермин-

стрит, большой дом на Сент-Джеймс, со слугами и всем таким.

Джеки кивнула — старое возбуждение вновь пробуждалось в ней.

— Пока ваша идея звучит убедительно. Возможно, это старик, заплативший Джо — Песьей Морде за то, чтобы снова стать молодым и здоровым. А может, это сам Джо. Пошли-ка посмотрим на этот дом на Сент-Джеймс.

* * *

— Да, но… — промямлил совершенно сбитый с толку швейцар. — Вы сами говорили, сэр, что карета не понадобится вам раньше чем через час. Джастин как раз отправился перекусить. Он будет через…

— Джастин уволен! — отрезал Данди, чье искаженное гневом лицо казалось в свете уличного фонаря совсем старым. Он зашагал по тротуару, громко щелкая подошвами изящных ботинок по булыжнику.

— Но, сэр! — вскричал ему вслед швейцар. — Слишком поздний час, чтобы идти одному! Если вы подождете несколько минут…

— Ничего со мной не случится, — бросил Данди, не оборачиваясь. Он сунул руку за пазуху и нащу-

пал один из двух миниатюрных пистолетов, что специально для него изготовил хеймаркетский оружейник Джозеф Эгг. Размером не больше курительной трубки, каждый из пистолетов стрелял пулей 35-го калибра, заключенной в штуку, которую Данди, объясняя устройство зачарованному оружейнику, назвал «взрывным капсюлем».

Повинуясь неожиданному импульсу, он свернул налево на квартал раньше, чем обычно. «Срежу через этот квартал, — решил он, — а потом дворами на Сент-Джеймс. Выйду как раз напротив моего дома, и если тот бродяга все еще ошивается там, я выбью из него объяснение того, зачем он это делает, — а если он попробует взбрыкнуть… что ж, он станет первым человеком в истории, убитым из капсюльного пистолета».

Уличные фонари казались в тумане тусклыми желтыми пятнами, и на маленьких усиках Данди начали оседать капельки влаги. Он раздраженно смахнул их. «Что-то ты сделался раздражительным, братец, — сказал он себе. — Этот бедолага, на которого ты наорал в кабинете, теперь вряд ли будет иметь с тобой дела, а патенты и заводы, что он предлагал, чертовски пригодятся лет этак через двадцать. Впрочем, черт с ним — куплю у его наследников». Свернув в последний двор,

что выходил на улицу напротив его дома, он задержался. «Ладно, — подумал он, — пока ты не на виду, ты можешь почти все». Он разулся, взял ботинки в левую руку и бесшумно зашагал сквозь туман. Правая рука его сжала рукоятку пистолета Эгга.

Неожиданно он застыл на месте — впереди послышался шепот.

Он вытащил пистолет из кобуры и на цыпочках подошел ближе, поводя стволом перед собой.

Где-то наверху стукнула оконная задвижка, и Данди чуть было не выстрелил — и тут же едва не выронил пистолет, ибо вдруг с пугающей ясностью вспомнил заключительную часть своего навязчивого кошмара, ту часть, которую он до сих пор не мог вспомнить, просыпаясь. Он как наяву увидел тот предмет, что стучал в тумане над его головой, то, на что указывал похожий на покойника Дойль.

Это было тело Уильяма Кокрана Дерроу, болтавшееся в петле. Его ноги в тяжелых башмаках стучали по стене, а лицо, повернутое набок в характерной для повешенного манере, скалило на него желтые зубы в жуткой улыбке. Пистолет дрожал в его руке, и сырость, казалось, пробрала его до костей, несмотря на теплое пальто. Впере-

ди замаячило желтое пятно фонаря — он почти вышел на тротуар Сент-Джеймс-стрит.

Спереди снова послышался шепот, и он разглядел в тумане два неясных силуэта. Он поднял пистолет.

— Ни с места, оба, стреляю! — негромко, но внятно произнес он.

Эти двое удивленно ахнули и отпрянули на тротуар. Данди шагнул вперед, чтобы держать на мушке обоих, бросил ботинки и выхватил левой рукой второй пистолет.

— Еще один такой скачок, и я уложу обоих, — так же тихо предупредил он. — А теперь отвечайте, и быстро, что вы делаете здесь и почему…

Он перевел взгляд с более молодого из оборванцев на старшего, и краска сбежала с его лица, сменившись холодным, как сам туман, пóтом, ибо он узнал лицо этого человека. Лицо Брендана Дойля.

И в это же мгновение Чинни разглядел, кто целится в них из пистолетов.

— Лицом к лицу, наконец-то, — прошептал он сквозь зубы. — А ну, давай меняться, ты и я… — И он шагнул к Данди.

Выстрел прозвучал в тумане глухо, не громче удара доски о кирпичную стену. Адельберт Чин-

ни пошатнулся и осел наземь. Данди всхлипнул.

— Боже, простите, Дойль! — простонал он. — Но лучше вам оставаться мертвым!

Второй пистолет дернулся за Джеки, но, прежде чем Данди успел спустить курок, она ударила его по руке ребром ладони. Пистолет лязгнул о тротуар, и она бросилась к нему.

Данди, которого боль в руке немного привела в себя, навалился на нее сверху.

Джеки схватила пистолет одновременно с тем, как он схватил ее за шею, пытаясь свободной рукой перехватить пистолет, но слабо — рука онемела от ее удара. С противоположной стороны улицы послышался звон разбиваемого окна, но оба были слишком поглощены схваткой, чтобы посмотреть. Джеки отчаянно боролась, пытаясь подобрать ноги и вздохнуть, но не могла поднять пистолет, не уткнувшись лицом в мостовую. Пульс отдавался в висках тупыми ударами топора в землю.

— Ну что, парень, — горячо зашептал Данди ей на ухо, — я сам пошлю тебя через ту реку!

Последним отчаянным усилием Джеки освободила руку и перекатилась влево. На мгновение пистолет оказался свободен, и она уставила его в Данди — тот отпрянул, попробовал перехва-

тить его, промахнулся, схватил вместо этого ее за ворот и изо всех сил пнул коленом. Однако удар, который, как он надеялся, выбьет из нее дух, лишь встряхнул ее и не помешал ей прижать ствол к его переносице и нажать на курок.

Этот выстрел прозвучал еще тише первого. Данди отпустил ее воротник, словно для того, чтобы издать горлом подражание рокоту гремучей змеи. Еще мгновение он смотрел на нее выпученными глазами, между которыми появилось аккуратное круглое отверстие. Потом на нижней кромке набухла капля, и вот уже изо лба выплеснулась струйка крови.

— Все вы ублюдки хитрые! — послышался громкий крик с противоположной стороны улицы. Джеки села. — Так знайте, ваша взяла, проклятые сукины дети! — Голос, казалось, раздается откуда-то сверху. — Довели-таки старого Джо до точки — скорей уж я сдохну, чем буду еще терпеть ваши издевательства! Может, хоть это расшевелит остатки совести, если у вас еще…

— Джо! — послышался другой, тихий голос. — Ты что, пьян? Какого черта ты раскричался? Прекрати немедленно!

Джеки знала, что ей надо побыстрее сматываться, пока на шум не прибежала полиция, но

мешала страшная слабость, и потом ее почему-то интересовала драма, разворачивающаяся через улицу.

— Я сам разбил это окно, мисс Клер, — отвечал мужской голос. — И надеюсь, что вам обойдется в копеечку вычистить поутру тротуар. Если что, пришлите мне счет в ад, сучка капризная!

— Джо! — вскричал женский голос. — Не смей, я приказы… о боже!

«Неужели он прыгнул?» — подумала Джеки. Секунду назад до нее донесся из тумана громкий шлепок чего-то тяжелого о мостовую.

И тут взгляд ее упал на труп Данди.

Он сел.

Слепые глаза моргнули, и залитое кровью лицо исказилось в смертельном ужасе. Одна рука поднялась и ощупала дырку на лбу. Еще секунду тело силилось подняться, потом дернулось и упало, на этот раз окончательно.

Джеки вскочила на ноги и бросилась прочь.

Глава 8

...И он шептал: «Струятся воды
С заката солнца до восхода...»

Вильям Эшблес

Хотя апрель и добавил лодочникам и матросам с барж на Темзе лишний светлый час, для обитателей притона на Сент-Джайлс солнце село еще час назад, спрятавшись за крыши полуразвалившихся зданий, так что почти в каждом из окон Крысиного Замка загорелись огоньки.

Стоя в проулке у одного из боковых выходов, Лен Керрингтон раздраженно отвечал на вопросы отряда из шестерых его людей, готовых выступить на Флит-стрит.

— Вы сделаете это, ибо это последний их приказ, который вам предстоит исполнить, и потому что, если вы ослушаетесь, это может спугнуть их, а нам нужно взять их тепленькими, — и еще потому что, если вы изловите им этого парня, они будут так заняты им, что нам не составит труда прикончить обоих.

— Этот парень, которого нам надо взять, часом, не тот ли, что вышвырнул Нормана в окошко у

«Двухголового лебедя»? — спросил один.

Керрингтон прикусил губу — он надеялся, что они не свяжут новое поручение с тем случаем.

— Тот самый, но тогда вы просчитались, решив…

— А они просчитались, решив связаться с ним, — добавил человек.

— А на этот раз вы возьмете его без шума, — спокойно продолжал Керрингтон и ухмыльнулся. — И если мы разыграем все как задумано, нынче ночью в Крысином Замке будет праздник.

— Аминь! — подытожил другой громила. — Пора идти — он уже на этом дурацком собрании писак.

Шестеро исчезли в переулке, и Керрингтон вернулся в дом. На кухне, освещенной красным огнем из плиты, никого не было. Он затворил за собой дверь, и в помещении воцарилась тишина, нарушаемая только далекими стонами и плачем. Керрингтон сел на табуретку и взял с полки флягу холодного пива.

Он сделал добрый глоток, закупорил флягу, поставил ее на место и встал. Пора, пожалуй, вернуться в главный зал, пока клоун не заинтересовался, с чего он так задерживается.

Направляясь к внутренней двери, он миновал

сточную решетку, и стоны стали громче. Он задержался и брезгливо заглянул в темную дыру, которая вела к нижним темницам и подземной реке. Интересно, подумал он, с чего это клоунские Ошибки так раздухарились сегодня? Может, прав был старый Данги и эти твари могут немного читать чужие умы, вот и забеспокоились, почуяв наш сегодняшний заговор? Он склонил голову набок, пытаясь услышать бас Большого Кусаки — единственного из Ошибок, на которого стоило обращать внимание, однако тот молчал. «Ну, детка, — беспокойно подумал Керрингтон, — если ты и пронюхал наши планы, держи язык за зубами, тем более они у тебя всем зубам зубы».

Он пошарил по сторонам, наткнулся на деревянную лоханку, заваленную картофельными очистками, и закрыл ею отверстие, хотя бы на время заглушив звуки из подземелья.

Он отворил дверь в зал как раз в минуту, когда певучий голос Хорребина воззвал:

— Керрингтон! Где тебя черти носят?

— Я здесь, ваша честь! — откликнулся Керрингтон, выйдя вперед и стараясь, чтобы его голос звучал естественно. — Задержался на кухне пивка попить.

Клоун, напоминавший чудовищного паука,

наспех слепленного из сладкой тянучки, покачивался взад-вперед на своих качелях, в то время как Ромени, или Романелли, или как его там, развалился в кресле на колесах — ни дать ни взять огромные детские ходунки — и огни святого Эльма ярко светились на его конечностях.

— Надеюсь, они вышли? — спросил Хорребин.

— Вышли.

— Ты дал им приказ сделать все без шума? — вмешался Романелли.

Керрингтон смерил его холодным взглядом.

— Они взяли его для вас в прошлый раз, возьмут и в этот.

Романелли нахмурился, потом расслабил лицо, словно решив не обращать внимания на ерундовое нарушение субординации.

— Ступай вниз, в старую лабораторию, — приказал он. — Проследи, чтобы все было готово к операции.

— Есть! — Керрингтон, повернувшись, вышел, и его башмаки загрохотали по коридору и по лестнице.

— Почему бы тебе тоже не сходить? — спросил Романелли у клоуна.

— Я только оттуда! — запротестовал клоун. — И потом, нам с вами надо прояснить пару моментов.

У нас с вашим ка имелась договоренность: я…

— Он мертв, а со мной у тебя нет никаких договоренностей. Ступай.

Хорребин промолчал, потянулся за своими ходулями, выбрался из качелей и встал, пошатываясь, в центре комнаты.

— Вы прекрасно знаете, что…

— Ступай! — повторил Романелли. Он прикрыл глаза, и его лицо сделалось похожим на ковер, который кто-то давным-давно бросил на камни просохнуть под солнцем, да так и забыл.

Стук ходулей Хорребина стих вдали. Романелли глубоко вздохнул.

Его время истекало слишком быстро — теперь он весил всего тридцать фунтов, но он знал, что ему не сравняться силой с Мастером: он либо утратит контроль над своими членами, либо просто распадется на куски задолго до того, как стряхнет с себя оковы земного притяжения. Так что полет на Луну ему заказан.

Он передернул плечами, пытаясь припомнить, знает ли он чародеев, сильных физически и при этом обладающих достаточной магической силой, — эти два качества неважно сочетались, подобно тому как плохо сочетаются одинаковые полюса магнитов. Был, конечно, этот Ибрагим,

что ухитрился врасти ногами в камень в закрытом поместье неподалеку от Дамаска и менял судьбы, предсказывая их, — впрочем, и он делал это только в полнолуние, и при этом его руки и волосы тянулись к ночному светилу, что производило большое впечатление на клиентов, — до тех пор, пока один из них, судя по всему недовольный предсказанной ему судьбой, не вытащил меч и не перерубил ему ноги выше колен, так что обрубок с воплем взмыл в небо и исчез. Имелась еще краткая запись в одной из утерянных инкунабул о каком-то древнем маге, что оторвался раз от земли в Тиране, и его видно было в небе еще несколько дней — он плакал и размахивал руками. Должно быть, не лгали старинные предания о том, что, прежде чем стать символом пустоты, Луна была когда-то заселена.

Романелли вспомнил, как, наблюдая за малопривлекательной процедурой расчистки Баб-эль-Азаб, он услышал на юге далекий пушечный выстрел. Он хотел было дать албанцам приказ изготовиться к отражению ответной атаки мамелюков, однако никакой стрельбы не последовало, а забравшись на дозорную башню, он не увидел и следа наступавших войск. И только поздно вечером он услышал рассказ

старого феллаха о том, как после заката в небе над Старым Каиром пролетел старик… Он поспешил к дому Мастера и застал его разрушенным и пустым — если не считать разбитых ушабти и покалеченного привратника…

От привратника он узнал, что все это дело рук Брендана Дойля, сбежавшего от них еще в октябре, а на следующий день выяснил, что Дойль покинул Египет на борту идущего в Англию парусника «Фаулер», записавшись в книге пассажиров под именем Вильяма Эшблеса. Романелли оставил должность личного лекаря Мохаммеда Али и отплыл в Англию следующим же кораблем. Свистя на корме до онемения губ — капитан несколько раз приказывал ему прекратить это безобразие, — ему удалось пару раз вызвать на несколько часов Шеллинджери: конечно, им было далеко до скорости «Чиллико» по дороге на юг, и все же Романелли смог сойти на берег в Лондоне в субботу, то есть позавчера, а корабль Дойля-Эшблеса не ожидался раньше этого утра.

И эти сорок восемь часов доктор Романелли не сидел сложа руки. Он узнал, что его жертва, помимо всего прочего, должна посетить под именем Эшблеса литературный вечер у издателя Джона Мерри, и чуть не силой заставил клоуна-чародея

Хорребина послать своих скотов следить за Эшблесом всюду, где тот появлялся, похитить его и доставить в Крысиный Замок сразу по выходе того из конторы Мерри.

«И когда они доставят его сюда, — думал Романелли, с трудом дыша, — я выжму из него все до последней капли. Я узнаю от него достаточно о путешествиях сквозь время, чтобы делать это самому. Я прыгну в те времена, когда я еще был здоров и силен, и скажу себе, молодому, чтобы в той или иной ситуации вел себя по-другому, с тем чтобы в понедельник, второго апреля 1811 года, я не был бы дрожащей, истекающей кровью развалиной».

Он открыл налитые кровью глаза, покосился на часы и присел на уставленную куклами полку прямо под нишей, в которой красовалась голова старого Данги. Без четверти девять. «Через час или чуть позже, — сказал он себе, — увальни Хорребина принесут мне Эшблеса, и мы прогуляемся в подземную лабораторию».

* * *

Кеб грохотал по мостовой мимо собора Святого Павла, и Вильям Эшблес выглянул в окошко, пытаясь увидеть место, где стоял в облике Немого

Тома. Мне никогда не удавалось, подумал он, использовать свой голос. Немой Том был нем, равно как и Эшвлис-сапожник, и хотя Вильям Эшблес будет относительно известным поэтом, он будет писать с чужого голоса (чьего, интересно?), переписывая по памяти прочитанные когда-то стихи.

Настроение его представляло собой смесь облегчения, ожидания и легкого разочарования. Конечно, он рад был вернуться в Англию, отделавшись наконец от всего этого чертова волшебства и заглядывая вперед в ожидании встреч с Байроном, Кольриджем, Шелли, Китсом, Вордсвортом и прочими, — теперь, когда он окончательно сделался Эшблесом, ничто уже не мешало ему жить дальше в полном соответствии с биографией Бейли, согласно которой его больше не ожидало никаких особенных сюрпризов и потрясений; дальнейшая его жизнь была ему хорошо известна.

Он даже немного хотел, чтобы тест, придуманный им за время долгого плавания на «Фаулере», дал отрицательный результат. До него дошло, что он сможет считать себя Эшблесом только в случае выполнения двух условий: во-первых, рукопись «Двенадцати Часов Тьмы», которую он в последний раз видел лежащей на столе в

номере «Двухголового лебедя», должна каким-то образом попасть в редакцию «Курьера» в срок, чтобы быть напечатанной в декабрьском выпуске; во-вторых, «Фаулер» должен прибыть в Лондон не позже второго апреля, чтобы он успел на литературный вечер у Мерри и снова повстречался там с Кольриджем. И то и другое являлось неоспоримыми фактами биографии Эшблеса, и в случае, если хоть одного из них не случится, он сможет жить собственной жизнью, свободно выбирая свои дальнейшие действия, открытый надеждам и страхам.

Однако зайдя к «Лебедю» сегодня днем, он спросил, нет ли почты на имя Эшблеса, и ему вручили целых три конверта. В одном из них оказалось короткое извещение от «Курьера» о том, что его рукопись получена, с прилагающимся чеком на три фунта; во втором — номер журнала от 15 декабря с напечатанной в нем поэмой, а в третьем — датированное двадцать пятым марта письмо от Джона Мерри с приглашением на сегодняшний вечер.

Делать нечего — он был Вильямом Эшблесом.

Собственно, в этом не было ничего особенно плохого. С одной стороны, имелись в биографии поэта кое-какие факты, которые ему давно хоте-

лось прояснить. «Ну например, где эта Элизабет Жаклин Тичи, моя будущая жена? Помнится, я говорил Бейли, что познакомился с ней прошлым сентябрем. Интересно, почему я так утверждал? И наконец, последний вопрос: с кем я повстречаюсь на Вулвичских болотах двенадцатого апреля 1846 года, кто пронзит мне живот и бросит, — с тем чтобы мое тело обнаружили только месяц спустя? И как, скажите на милость, заставишь меня теперь близко подойти к этому месту?»

Кеб свернул направо, по Олд-Бейли и на Флит-стрит, и остановился перед домом 32 — узким, симпатичного вида зданием с уютно горящими за занавесками огнями. Эшблес сошел, расплатился с возницей и, пока кеб с грохотом скрывался в ночи, глубоко вздохнул, огляделся по сторонам — заметив поднявшего на него глаза нищего мальчишку — и постучал в дверь.

Не прошло и нескольких секунд, как внутри лязгнул засов и дверь открыл мужчина с шевелюрой песочного цвета и со стаканом вина в руке; несмотря на пристойную стрижку и не менее пристойную одежду, на которые Эшблес истратил большую часть своих трех фунтов, мужчина нерешительно отступил при виде бронзовокожего великана.

— Э-э… да? — произнес он.

— Моя фамилия Эшблес. А вы — Джон Мерри?

— А? Да, да, заходите. Да, конечно, я Мерри. Вы меня несколько смутили — если и существует такое понятие, как типичный поэт, сэр, осмелюсь сказать, что вы ни капельки на него не похожи. Не угодно ли стаканчик портвейна?

— С удовольствием. — Эшблес ступил в прихожую и подождал, пока Мерри возился с засовом.

— Тут сегодня весь день крутился какой-то оборванец, — извиняющимся тоном объяснил Мерри. — Уже пытался проскользнуть внутрь. — Он выпрямился, отхлебнул из стакана и повел гостя в дом. — Сюда, прошу вас. Я рад, что вы смогли выбраться к нам — сегодня нам повезло заполучить в гости Сэмюэля Кольриджа.

Эшблес ухмыльнулся:

— Я знал, что он придет.

* * *

Джеки неуверенно шагнула вперед к вышедшему из кареты незнакомцу, но, прежде чем нашлась что сказать, тот постучал в дверь и представился этому сварливому Джону Мерри. Она отошла в тень, где прождала уже час.

Это точно тот человек, которого описывал ей

Брендан Дойль, решила она. Значит, Мерри не блефовал, говоря в интервью этому писаке из «Таймс», что полагает, что загадочный новый поэт Вильям Эшблес ожидается в числе гостей на собрании в понедельник.

«И как мне переговорить с ним? — подумала она. — Я так много осталась должна бедному старому Брендану Дойлю — я просто обязана известить его друга о его смерти. Пожалуй, придется ждать, пока он не выйдет, и перехватить его, прежде чем он поймает кеб».

Джеки так и не удалось поспать с тех пор, как она убила Данди — и по совместительству Джо — Песью Морду — две ночи назад, и ее начали преследовать галлюцинации, словно сны ее, выступив из темноты, одновременно навалились на нее. Ей чудились тени, придвигающиеся к ней, но, оглянувшись, она видела лишь пустую улицу; ей слышался… нет, не звук и даже не эхо звука, а только легкое сотрясение воздуха от массивной железной двери, захлопнувшейся где-то на небесах. Собственно, стоял еще ранний вечер, но она не сомневалась, что через несколько часов ей покажется, будто давно уже пора наступить рассвету… а задолго до пяти утра она в панике решит, что никогда уже не увидит солнца.

Ей пришлось как-то навестить больницу Магдалины для безумных женщин — «Мэдлин», как звал ее уличный народ, — и она предпочла бы покончить с собой, нежели оказаться там, если иного выбора нет.

Сегодня ей начинало казаться, что это именно так.

Все, чего ей хотелось, — это увидеть Эшблеса, передать ему вести о Дойле, а потом повторить нырок Великолепного: выплыть на середину Темзы и, выпустив из легких весь воздух, уйти на дно.

Ее пробрала дрожь — до нее дошло, что ее страхи подтверждаются: она никогда больше не увидит рассвета.

* * *

С точки зрения профессионального интереса как Кольридж, так и Эшблес изрядно разочаровали Мерри. Когда издатель заглянул в угол, где уединились за беседой два поэта, и ухитрился сначала присоединиться к их разговору, а потом и сменить тему, перейдя к вопросу грядущих публикаций, оба выказали довольно вялый энтузиазм, что немало удивило Мерри, ведь, по его сведениям, Кольридж находился в весьма стес-

ненных обстоятельствах, существуя в основном на средства друзей, а уж такой зеленый новичок, как Эшблес, и вовсе должен был бы радоваться любой возможности напечататься в солидном издании.

— Перевод гетевского «Фауста»? — с сомнением в голосе протянул Кольридж. Когда его отвлекли от темы, которую они с Эшблесом обсуждали, оживление исчезло с его лица, и оно снова казалось усталым и постаревшим. — Право, не знаю… Конечно, Гете — гений, переводить труды которого, и этот в особенности, большая честь. Все же мне кажется, моя собственная философия… скажем так, настолько разнится с его, что подобная попытка с моей стороны привела бы к компромиссу, который печально сказался бы на нас обоих. Я написал немало эссе…

— Да, — поспешно вмешался Мерри. — Полагаю, позже у нас еще будет возможность обсудить вопрос публикации ваших эссе. А что вы, мистер Эшблес, думаете о перспективах издания сборника ваших стихотворений?

— Ну… — замялся Эшблес. «Ничего не выйдет, Мерри, — беспомощно подумал он, — первая книга Эшблеса выйдет у Коуторна в мае. Уж извините…» — В данный момент «Двенадцать

Часов» — это все, что я имею в наличии. Посмотрим, как пойдут дела с остальными.

Мерри натянуто улыбнулся:

— Ясно. Правда, когда вы созреете, у меня может не оказаться свободного места в плане. Надеюсь, джентльмены, вы меня простите? — И он вернулся к столу.

— Боюсь, это мне придется просить у вас прощения, — заявил Кольридж, отставляя почти нетронутый стакан портвейна и массируя себе лоб. — У меня начинает болеть голова, а в таком случае из меня неважный собеседник. Может, прогулка домой пешком поможет мне справиться с недугом.

— А почему не кеб? — поинтересовался Эшблес, провожая его к двери.

— О… я просто люблю прогуляться, — отвечал Кольридж, слегка покраснев, и Эшблес понял, что у того просто нет денег на экипаж.

— Тогда знаете что я предлагаю? — как бы невзначай сказал Эшблес. — Я тоже не прочь улизнуть отсюда, но я не слишком люблю ходить пешком. В общем, я могу подбросить вас.

Кольридж просветлел, потом нахмурился.

— Но в какую сторону вы едете?

— О, — беззаботно махнул рукой Эшблес, — мне

решительно все равно. Где вы остановились?

— Гостиница «Гудзон» на Ковент-Гарден. Если это вам не в тягость…

— Ни капельки. Я пойду принесу мистеру Мерри свои извинения, а потом захвачу плащи и шляпы.

Через несколько минут они уже выходили из дома, и Мерри сердито нахмурился на оборванца, все еще болтавшегося у соседнего парадного.

— Благодарю вас, мистер Эшблес, за заботу о нашем друге.

— Не за что… а вот и кеб. Эй, такси!

Возница не понял оклика, но жест рукой был ясен и без лишних слов. Он остановил свой экипаж перед ними, и Мерри, пожелав обоим спокойной ночи, закрыл дверь, лязгнув изнутри засовом.

Колеса кеба еще продолжали вращаться, когда послышался крик: «Мистер Эшблес! Подождите минутку!» — и к ним подбежал тот самый оборванец.

Боже, подумал Эшблес, когда свет уличного фонаря упал на лицо паренька, да это ведь Джеки! Правда, он сделался чуть ниже… нет, все в порядке, это я стал выше.

— Да?

— Извините за беспокойство, — запыхавшись, пробормотала она. — К сожалению, у меня печальные известия о нашем общем друге.

Эшблес пристально вглядывался в лицо Джеки. Время жестоко обошлось с ним, подумал он. Парень казался исхудавшим и изможденным, и… отчаявшимся, что ли?

— Право же, — осторожно вмешался Кольридж, — смею полагать, что пешая прогулка будет весьма полезна…

— Отнюдь, — запротестовал Эшблес. — Туман вреден для здоровья, и мне хотелось бы еще немного побеседовать с вами о Логосе. Я уверен, что этот малый…

— Так будет кто-нибудь брать этот чертов кеб? — поинтересовался извозчик, нетерпеливо помахивая кнутом.

— Да, мы поедем все втроем, — спохватился Эшблес, распахивая дверцу. — И после того как мы завезем мистера Кольриджа домой, молодой человек, не откажите мне в чести отобедать со мной.

— Я поеду, — откликнулась Джеки, забираясь в кеб, — но, боюсь, мне придется отклонить ваше любезное предложение. У меня… есть одно дело на реке.

— А у нас? — ухмыльнулся Эшблес, подсаживая Кольриджа и садясь последним. — Эй, шеф! Пожалуйста, к гостинице «Гудзон», Ковент-Гарден! — Он захлопнул дверцу, и перегруженный кеб тронулся с места.

Экипаж, который Джеки заметила по соседству с конторой Мерри, тронулся следом, хотя даже кебмен не заметил этого.

— Итак, что за друг и что за плохие новости? — спросил Эшблес, с трудом втиснувшись в угол у оконца.

— Насколько я могу понять, вы… вы знали человека по имени Брендан Дойль?

Эшблес удивленно поднял бровь:

— Знал, и чертовски хорошо знал. Так что?

— Он умер. Простите. Я сам знал его немного, и он мне нравился. Он пытался разыскать вас перед смертью — он надеялся, что вы сможете ему помочь, так он, во всяком случае, говорил. Вы… вы появились слишком поздно. — В голосе Джеки звучала неподдельная горечь.

Кеб остановился на перекрестке с Ченсерилейн, и Джеки потянулась к дверной ручке.

— Я, пожалуй, сойду. Все равно ближе к реке вы не подъедете. Очень приятно было познакомиться.

Эшблес, встревоженный бесцветным голосом Джеки, вдруг сообразил, что за дело у того может быть на реке. Он положил руку на плечо Джеки и снова прикрыл дверцу.

— Погодите.

У кебмена, похоже, что-то не ладилось с лошадью — судя по шуму, он спрыгнул на мостовую и стегнул ее по крупу, но в конце концов кеб тронулся, и Эшблес отпустил Джеки.

— Он жив, Джеки, — тихо сказал он. — Когда-нибудь я расскажу, откуда я знаю это; пока просто прими это на веру. И мне безразлично, даже если ты и видел своими глазами его труп. Ты, наверное, знаешь, — и он подмигнул, — что в ряде случаев это не может считаться надежным доказательством. — Глаза Джеки расширились от догадки, и Эшблес улыбнулся и устроился поудобнее. — Кстати! Мы тут с мистером Кольриджем беседовали о концепции Логоса. А что вы имеете сказать на эту тему?

Теперь настал черед Кольриджу изумленно заламывать бровь, потому что убогий уличный оборванец как ни в чем не бывало ответил.

— Ну, — начала Джеки, не особенно смутившись переменой темы, — мне представляется, что Логос, как его определил святой Иоанн, во

многом параллелен Платоновой идее абсолюта: вечных, неизменных форм, примитивными отображениями которых являются материальные тела. Правда, ряд предшественников Сократа…

Ее рассуждения были прерваны рукой, влезшей в открытое оконце кеба и прижавшей к ее губе ствол пистолета, зловеще холодившего ей кожу сквозь наклеенные фальшивые усы. Одновременно другая рука просунулась в противоположное окошко, ткнув стволом в висок Эшблеса.

— Ни с места! — прорычал хриплый голос, и в окошке возле Джеки показалась мрачная физиономия. — Привет, сквайр, — обратилась она к Эшблесу, слишком зажатому в углу, чтобы двигаться. — Никого не будем вышвыривать в окно, ладно? Пардон за то, что помешали беседе, но нам предстоит небольшая поездка — в Крысиный Замок.

* * *

К удивлению своему, Эшблес осознал, что в гамме охвативших его чувств любопытства было не меньше, чем страха. Боже, подумал он, вот уж никогда не знаешь, что еще случится с тобой в главах, опущенных Бейли.

— Я не сомневаюсь, что вам нужен именно

я, — осторожно произнес он, косясь на дуло. — Отпустите этих двоих, и я обещаю, что буду вести себя смирно.

— Я щас прямо разревусь, такой ты у нас герой, парень. — Невидимый человек несильно толкнул его пистолетом, заставив откинуть голову назад. — А теперь заткни хлебало, а?

Кеб завернул на Друри-лейн так круто, что правое колесо оторвалось от мостовой, но два человека, пристроившиеся на подножках, не шелохнулись и не опустили пистолеты.

— Я не уверен, что понимаю, в чем дело, — произнес Кольридж, жмурясь и растирая виски. — Нас что, собираются грабить? Или убивать? Или то и другое разом?

— Скорее всего, и то и другое, — спокойно ответила Джеки, — хотя мне кажется, их босс более заинтересован в вашей душе, нежели в кошельке.

— Чего-чего, а душу им не получить, пока сам ты не утратишь ее, — так же спокойно ответил Кольридж. — Как знать, возможно, мы лучше проведем это время, если каждый из нас… подтвердит свои права на нее. — Лицо его утратило всякое выражение, руки безвольно опустились на колени.

Кеб задержался на перекрестке с Броуд-стрит, потом быстро покатил дальше. Цокот копыт и скрип экипажа слышались теперь громче — за Броуд-стрит улица заметно сужалась. Джеки принюхалась.

— Мы определенно где-то в районе трущоб Сент-Джайлс, точно, — пробормотала она чуть слышно, будто в легких ее почти не осталось воздуха. — Пахнет горящими помойками.

— Сказано: заткнуться! — напомнил часовой и ткнул дулом в усы. Она повиновалась — еще один такой толчок, и эти чертовы усы отклеятся.

Наконец кеб остановился, и двое вооруженных налетчиков спрыгнули с подножек и распахнули дверцы.

— Выходи! — последовал приказ. Пассажиры по одному выбрались из тесного кеба. Кольридж сразу же сел на подножку, уронил голову на руки и застонал: его головная боль явно усилилась. Эшблес мрачно глянул на высокое обветшалое здание, перед которым они стояли.

Наполовину кирпичное — причем из кирпича всех размеров, формы и времен, — наполовину деревянное сооружение соединялось с соседними домами паутиной хлипких переходов, мостиков и тросов, а окна на фасаде располагались

столь хаотично, что догадаться о его внутренней структуре или хотя бы количестве этажей представлялось делом совершенно безнадежным. Джеки только уставилась на липкую грязь под ногами и тяжело вздохнула.

Из ярко освещенной двери вышел Лен Керрингтон и окинул взглядом всю компанию.

— Все прошло гладко? — поинтересовался он у возницы, не слезавшего с запяток.

— Ага. Но, с вашего позволения, я отгоню его взад на Флит-стрит, покуда кебмен не очухался и не заявил в полицию.

— Идет. Езжай.

Кнут щелкнул, и кеб покатился дальше — здесь улица была слишком узкой, чтобы развернуться. Керрингтон осмотрел пленников.

— Вот он, наш человек, — сказал он, ткнув пальцем в Эшблеса, — а это… как там его, давно не доводилось встречаться… ах да, Джеки Снапп — вот, кстати, и узнаем, с какого бока он в это замешан… а это что еще за старый ублюдок?

Похитители переглянулись и пожали плечами, так что отвечать пришлось Эшблесу:

— Это Сэмюэль Тейлор Кольридж, очень известный писатель, и вы огребете себе кучу неприятностей, если убьете его.

— Не надо нам говорить, что мы… — начал было один из похитителей, но Керрингтон сделал ему знак заткнуться.

— Внутрь их всех, — скомандовал он. — И быстро, пока сюда не заявилась полиция.

Пленных под дулом пистолета провели в большой зал-прихожую, и в первый раз за эту ночь Эшблес ощутил леденящую пустоту внутри: сидя в подобии коляски на колесах, их ждал доктор Романелли собственной персоной.

— Связать его, — прокаркал чародей, — и отнесите его вниз, в лабораторию. Быстрее. — Огни святого Эльма горели теперь ярче, подпрыгивая всякий раз, как он произносил твердую согласную.

Эшблес прыгнул на конвоира справа от него и изо всех сил ударил его по кадыку; тот упал навзничь, и его запоздалый выстрел разбил циферблат часов на стене. Эшблес восстановил равновесие и собирался схватить Джеки с Кольриджем и бежать, когда его левая нога неожиданно подломилась и он оказался на полу.

Почему-то он перестал воспринимать все происходящее, и ему удавалось сконцентрироваться только на чем-то одном по очереди: на левом колене новых штанов появилась кровоточащая

дырка; в ушах звенело эхо второго выстрела; по полу и стене перед ним разлетелись клочки окровавленной ткани и осколки кости; его левая нога, лежавшая прямо перед ним, как-то странно сложилась в колене…

— Все равно свяжите его, — скрипучим голосом приказал Романелли. — И наложите ему жгут на бедро — я хочу, чтобы он продержался подольше.

Керрингтон и второй человек с пистолетом схватили его под руки, подняли рывком, и Эшблес потерял сознание.

* * *

Через три минуты в прихожей не осталось никого, кроме бледного как полотно Кольриджа, сидевшего с закрытыми глазами в качалке Хорребина, и одного из людей Керрингтона, парня с крысиной мордочкой по имени Дженкин, весьма смущенного тем, что его заставили сторожить такого безобидного старикана. Дженкин с любопытством оглядывался, обратив при этом внимание на свежую кровь на полу и разбитые часы на стене, — все это случилось прежде, чем Керрингтон его вызвал. Входя в комнату, он видел, как из нее выводят двоих — один шел сам,

второго тащили под руки, — но все вроде шло по плану; услышав два выстрела, Дженкин решил было, что это начался мятеж, однако, судя по всему, этого еще надо было подождать.

Он вздрогнул, услышав шаги в коридоре, но вздохнул с облегчением, когда увидел, что это Керрингтон.

— Что на кухне, есть горячий чай? — спросил Керрингтон.

— Да, шеф, — удивленно ответил Дженкин.

— Тащи сюда чайник с чашкой… и сахар.

Дженкин закатил глаза, но повиновался. Когда он вернулся, Керрингтон приказал ему поставить все на стол, потом подошел к полкам и достал откуда-то сверху бутылку темного стекла. Откупорив ее, он плеснул из нее в чайник какой-то резко пахнущей жидкости.

— Положи побольше сахара, — прошептал он Дженкину.

Дженкин разболтал сахар ложкой и вопросительно ткнул пальцем в Кольриджа.

Керрингтон кивнул.

Дженкин провел пальцем по шее, высоко подняв брови.

Керрингтон мотнул головой.

— Нет, это лауданум, — прошептал он. — Опи-

ум, ясно? Он просто уснет, и ты отнесешь его в бывшую комнату старого Данги. А когда мы избавимся от клоуна и чародея, мы спустим его по подземной реке и оставим на берегу где-нибудь у Адельфи. Он не вспомнит, где был. Лишние хлопоты, конечно, но после того как газеты подняли такой шум по поводу убийства этого парня Данди в субботу, смерть чертова писаки может дорого нам обойтись. — Он долил чашку доверху горячим чаем и поднес Кольриджу. — Вот, возьмите, сэр, — мягко произнес он. — Глоток горячего чая вам не помешает.

— Лекарство… — простонал Кольридж. — Где мое…

— Лекарство в чае, — заверил его Керрингтон. — Выпейте.

Кольридж опустошил чашку в четыре глотка.

— Еще, пожалуйста…

— Хватит пока. — Керрингтон взял у него пустую чашку и поставил на стол. — С этой дозы он проспит до полудня, — сказал он Дженкину. — Я вылью остаток чая, чтобы кто-нибудь не догадался. И поторопись: веди его в комнату Данги, если не хочешь тащить его на себе.

— А когда мы?.. — шепотом спросил Дженкин.

— Теперь уже скоро, хотя нас уже на одного

меньше — этот ублюдок Эшблес двинул Мерфи по шее, да так, что позвоночник сломал. Наповал.

— Кто таков этот Эшблес?

— Не знаю. Хотя нам повезло, что он из крепких: их высочествам придется с ним хорошо повозиться, прежде чем они разделают его на части. Впрочем, надолго его все равно не хватит, и нам надо управиться с ними, пока они заняты. Так что поспешим.

Дженкин подошел к качалке, помог Кольриджу подняться на ноги и вывел его из комнаты.

Керрингтон с лицом, вытянувшимся от напряжения, вынес чайник на черное крыльцо и выплеснул на ступеньки, потом запер дверь, бросил пустой чайник в кресло и осмотрелся. Вряд ли, конечно, полиция доберется сюда, но мало ли что… Он принес из прихожей пару ковриков и прикрыл лужу крови и битое стекло. Затем выпрямился и покачал головой, вспоминая, с какой стремительностью Эшблес справился с Мерфи. Что это, черт возьми, за человек такой?

И с чего бы ему разъезжать в обществе известного писателя и нищего мальчишки вроде Джеки Снаппа?

Тут краска сбежала с лица Керрингтона, и он попробовал как можно точнее припомнить лицо

Джеки Снаппа… и сравнить его с тем лицом, которое он видел шесть месяцев назад, в тот день, когда старый Данги и Ахмед-индус пытались убить Хорребина и сбежать подземной рекой.

Брат и сестра? Мальчишка, переодетый девушкой? Или просто случайное сходство? Что ж, Керрингтон имел возможность выяснить это.

Он поспешил в прихожую, распахнул дверь на лестницу и скатился по первому из четырех пролетов, что вели в подземелье, — каждый последующий на век древнее предыдущего.

Теперь, когда почти не осталось сомнений в том, что ее убьют еще до рассвета, прежнее намерение покончить с собой представлялось Джеки недостойным жестом отчаяния. Одно слово «Мэдлин». Ее заперли в ближней к лестнице клетке. Она успела заметить, что длинный ряд таких же клеток уходит в темноту, и оттуда доносятся звуки, которые заставляли ее радоваться тому, что ближайший факел висит на стене в доброй дюжине ярдов от нее и пламя его то и дело сбивается холодным затхлым сквозняком. Рычание, поскуливание, мокрые шлепки, шелест тяжелой чешуи и постукивание когтей по камню… будто она оказалась в каком-то экзотическом зверинце… Но это не самое страшное — она слышала и

другие звуки, неразрывно связанные с первыми: торопливый шепот, приглушенный смех и — в одной из дальних от нее клеток — низкий голос, монотонно бубнящий детские стишки.

Она провела в клетке не больше пяти минут, когда дикий вопль заставил ее вскочить — вопль захлебнулся кашлем и всхлипами, и она узнала голос Вильяма Эшблеса.

— Ладно, ублюдки чертовы, — услышала она; Эшблес говорил отрывисто, выплевывая слова, словно выбитые зубы. — Вам это нужно, так попробуйте купить это. Я вам… — Его голос оборвался новым криком. Звук, как показалось Джеки, доносился откуда-то справа, усиленный низкими сводами туннелей.

— Ты можешь, — послышался другой голос, — купить себе быструю смерть. Ничего больше. Покупай сейчас, пока мы не подняли цену.

— Будь я проклят, — прохрипел Эшблес. — Я не…

Новый отчаянный вопль отразился эхом от каменных стен.

Твари в соседних клетках беспокойно заерзали и забормотали — крик явно действовал им на нервы.

Джеки услышала шаги на лестнице и посмотре-

ла вверх. Высокий мужчина вошел в подземный зал и быстрым шагом направился к ней, на ходу сорвав со стены факел, — и Джеки забилась в дальний угол клетки: она узнала Лена Керрингтона.

Она съежилась, закрыв лицо руками, а тяжелые шаги башмаков Керрингтона стучали по камням все ближе и ближе. Он только собирается проверить, что они делают с Эшблесом, убеждала она себя. Не высовывайся, и он пройдет мимо…

Из глаз ее покатились слезы, и она начала тихонько всхлипывать, когда шаги стихли прямо перед ней.

— Привет, Джеки, — загремел голос Керрингтона. — У меня к тебе пара вопросов. Посмотри на меня.

Она не подняла головы.

— Черт подрал, ублюдок маленький, я сказал: посмотри на меня! — закричал Керрингтон, просовывая факел сквозь прутья решетки и тыча им почти в щеку Джеки.

Горящая смола капнула ей на штаны, и ей пришлось разогнуться. Она упала на четвереньки, оказавшись лицом к лицу со стоящим по ту сторону решетки Керрингтоном.

Еще один вопль Эшблеса пошел гулять эхом

по подземным залам и коридорам, и когда он наконец стих, Керрингтон хохотнул.

— О, сходство будь здоров, — произнес он тихо, но с холодным удовлетворением. — А теперь слушай меня, парень: я хочу знать, что за девку я встретил наверху, которая послала меня почти на верную смерть шесть месяцев назад?

— Господом Богом клянусь, сэр, — пробормотала Джеки, — я не…

Нетерпеливо зарычав, Керрингтон снова сунул факел в клетку, но, прежде чем он успел сделать что-то, две зеленые руки с длинными пальцами вцепились в прутья, отделявшие клетку Джеки от соседней, и Керрингтон оказался лицом к лицу с оскаленной, выпучившей глаза мордой одной из Ошибок Хорребина.

— Оставь ее в покое, — внятно произнесла похожая на огромную рептилию тварь.

Керрингтон зажмурился и убрал факел.

— Ее? — переспросил он и пристально посмотрел на Джеки, вновь съежившуюся, всхлипывая, в углу клетки. — О да, конечно, — выдохнул он чуть слышно. — О да, да, да, — добавил он через секунду таким голосом, словно проглотил большую ложку меда. Он порылся в кармане, достал связку ключей, отпер замок, отодвинул засов и

распахнул дверь клетки так резко, что ключи звякнули по железной раме.

— Боюсь, он мертв, ваша честь, — послышался со стороны лаборатории голос Хорребина.

Керрингтон огорченно скривил лицо и начал было запирать клетку.

— Сердце еще бьется, — послышался голос Романелли. — Дай сюда нашатырный спирт. Он продержится еще добрую четверть часа, и мне нужны ответы.

— Держись, Эшблес, держись, — прошептал Керрингтон, снова распахивая дверь. Он протянул руку, схватил Джеки за рукав и вытащил из клетки. Она брыкнулась, и он ударил ее по лицу так сильно, что у нее потемнело в глазах. — Пошли, — рявкнул он и потащил свою оглушенную пленницу через соседний зал под арку, ведущую в подземную пещеру.

За аркой его поджидала дюжина вооруженных людей, и один из них шагнул к Керрингтону.

— Ну что, шеф?

— Что? — буркнул Керрингтон. — Нет, еще не пора — время Эшблеса еще не истекло. Я скоро вернусь; отведу только Джеки в нижний тупик расплатиться по старому счету.

Человек непонимающе уставился на него.

Керрингтон ухмыльнулся, взялся за кончик усов Джеки и сорвал их.

— Старина Джеки, как выяснилось, у нас девица!

— Ч-что вы… но не сейчас же, шеф! Заприте ее обратно, пусть остается на сладкое! Боже, у нас ведь столько дел, вы не можете…

— Я скоро вернусь. — Он толкнул Джеки дальше; она поскользнулась и упала в грязь.

— Ради бога, шеф! — не сдавался человек, хватая Керрингтона за руку, когда тот наклонялся, чтобы поднять ее. — Во-первых, не можете же вы идти в нижний тупик в одиночку! Все беглые Ошибки живут там, и…

Керрингтон отшвырнул факел, повернулся и врезал говорившему под дых — тот захлебнулся, сел и откатился на бок. Керрингтон обвел взглядом остальных.

— Я скоро вернусь, — повторил он. — Ясно?

— Ясно, шеф, — неуверенно пробормотали двое-трое.

— Вот и хорошо. — Он подобрал факел, рывком поднял Джеки на ноги и погнал ее дальше, вниз по склону — в темноту. Пламя факела трепетало на сыром ветру и освещало только покрытые плесенью камни пола в паре футов от них; стены

и потолок терялись во тьме.

Они шли так несколько минут, успев по дороге пару раз упасть и извозиться в грязи, а свет факелов у арки не доходил до них даже слабыми отблесками. Наконец Керрингтон остановился, швырнул Джеки наземь, а сам опустился рядом на колени и воткнул факел в забитую грязью щель между камнями.

— Будь паинькой, и я убью тебя сразу же после этого, — пообещал он с ласковой улыбкой.

Джеки свела ноги вместе и ударила его — он с легкостью парировал удар локтем, но она сбила факел — тот, подпрыгивая, покатился вниз и вдруг с шипением погас.

— Хочешь выключить свет? — хохотнул Керрингтон в наступившей полной темноте. Он схватил ее за плечи и прижал коленом к камням. — Это хорошо — люблю застенчивых.

Джеки всхлипнула — он завозился сверху, потом замер на несколько секунд, дернулся и как-то странно, сдавленно охнул. Потом снова пошевелился, слабо царапнув ногтями ее лицо, опрокинулся на бок, и она услышала странный булькающий звук — словно вода вытекает из опрокинутого графина. В воздухе запахло нагретой медью, и она поняла, что это кровь струится

по камням.

Теперь она слышала то, что до сих пор заглушалось ее же собственным плачем: шепот тоненьких голосов.

— Вот жадная свинья, — взвизгнул один. — Все расплескал!

— Так подлижи с камней! — прошипел другой в ответ. Джеки попыталась встать, но что-то, похожее на руку с зажатым в ней живым лобстером, дернуло ее обратно.

— Не так быстро! — произнес еще один голос. — Ты спустишься с нами ниже — к самому нижнему берегу, — мы посадим тебя в ладью и пустим по течению. Ты будешь нашим подношением змею Апопу.

— Только глаза оставьте! — прошептал кто-то. — Она давно обещала их нам с сестрой.

Джеки закричала только тогда, когда чьи-то паучьи лапки начали шарить по ее лицу.

* * *

То, что Кольридж увидел в клетках, лишь подтвердило его подозрения, что он видит все это во сне, накурившись опиума. Правда, в очень ярком сне. Необычно ярком.

Когда его головная боль и спазмы в желудке

немного унялись, он с удивлением обнаружил, что находится в темной комнате — без всякого представления о том, как и когда попал сюда, — и когда он встал, потянулся за часами и не нашел даже стола, зато поразился тому, как темно в комнате, он вдруг понял, что находится вовсе не у себя в номере в «Гудзоне», а пошарив вслепую по маленькой клетушке, убедился в том, что он и не в доме Джона Моргана или Бейзила Монтегю, да и вообще ни в одном из известных ему мест. В конце концов он нащупал дверь, открыл ее и целую минуту стоял, слепо щурясь на освещенную факелами лестницу — архитектуру которой определил как провинциальную романскую — и прислушиваясь к отдаленным стенаниям и крикам.

Нереальность окружения вкупе со знакомым, хотя и необычно сильным, ощущением пустоты в голове и теплая вялость в суставах убедили его в том, что он снова принял слишком сильную дозу лауданума и теперь галлюцинирует.

Постояв немного, он вышел на лестничную площадку. Народное поверье, что приснившийся дом есть отражение собственного разума, показалось ему не лишенным здравого смысла, и хотя не раз в своих снах он плутал по нижним

этажам рассудка, ему ни разу не доводилось спускаться еще ниже, — в катакомбы. Жуткие звуки доносились снизу, так что, любопытствуя, что за чудища обитают на самом дне его разума, он начал осторожно спускаться по ступеням.

Несколько остерегаясь того, с чем может столкнуться, он все же гордился тем, что оказался способен на столь изощренную фантазию. Мало того что выветренные камни представлялись ему с необычайной четкостью, а шорох его шагов отдавался от стен и ступеней слабым эхом, но самый воздух, поднимающийся снизу, казался промозглым, затхлым и пах плесенью, водорослями и… да, конечно, зверинцем.

Чем ниже он спускался, тем темнее становилось, и когда он оказался на нижней площадке, его окружала абсолютная темнота, нарушаемая лишь слабым мерцанием — должно быть, это светили факелы, расположенные за несколькими поворотами коридора, а может, это были просто яркие пятна на его сетчатке.

Он медленно брел по неровному полу в том направлении, откуда доносились рычание и стоны, но когда ему оставалось до клеток всего несколько шагов, он застыл от громкого крика — столько в нем было боли и безнадежности. «А

это что, — удивился он, — мои амбиции, стреноженные и загубленные моей же леностью? Нет, вряд ли, куда вероятнее, это воплощение моего долга — в первую очередь моего таланта, — оставленного мною без внимания и заключенного в самые дальние, почти недосягаемые уголки моего сознания».

Он шагнул вперед и очень скоро уткнулся в холодные прутья ближайшей клетки. Что-то тяжело шлепнулось на пол, потом послышался звук, будто по камням волокут что-то сырое, и Кольридж сообразил, что порывы ветра, холодившие ему руки, — это чье-то прерывистое дыхание.

— Здорово, приятель, — услышал он неестественно низкий голос.

— Здравствуйте, — немного нервно откликнулся Кольридж. — Вы что, заперты здесь?

— Мы… мы здесь все взаперти, — согласилось невидимое существо, и из соседних клеток послышались одобрительные уханье и чириканье.

— Может, вы тогда, — пробормотал Кольридж, обращаясь скорее к себе самому, — мои пороки, которые я сумел обуздать? Вот уж не думал, что у меня их столько…

— Освободи нас, — произнесло существо. — Ключ в замке крайней клетки.

— А может быть, — продолжал Кольридж, — вы — мои способности, которые я так и не развил в себе из-за лени? Может, мое невнимание и небрежение извратили вас так?

— Не знаю… не могу сказать точно, приятель. Освободи нас.

— Но разве не страшнее извращенные силы и способности обузданного порока? Нет, друг мой, мне кажется, лучше уж оставить вас как есть. Ведь не случайно же так крепки прутья этих клеток. — Он повернулся и собрался уходить.

— Но не можешь же ты просто игнорировать нас!

Кольридж задержался.

— Не могу? — задумчиво переспросил он. — Что ж, может, ты и прав. Ибо не может быть успешным решение, если исключен хотя бы один из факторов проблемы — на этом уже обжигались пуритане. Хотя клетки эти — я убежден — суть обозначение моей воли, моего контроля над вами. Я не могу не принимать вас в расчет.

— Освободи нас — и увидишь.

С минуту Кольридж нерешительно стоял в темноте.

— Собственно, а почему бы и нет? — пробормотал он наконец и заковылял к последней клетке,

в замке которой все еще висел оставленный Керрингтоном ключ.

* * *

Едкие аммиачные пары снова выдернули Эшблеса из забытья, вернув его в эту жуткую, освещенную факелами комнатку с полом, залитым жидкой грязью.

В прошлое свое пробуждение он обнаружил, что способен отделяться от своего истерзанного, привязанного к столу тела — точнее, способен погружаться в недра своего горячечного сознания настолько, что все хирургические манипуляции Романелли воспринимались им как слабые щипки и толчки; так плывущий в глубине почти не ощущает возмущения воды на поверхности.

Эта перемена была приятна, однако, вернувшись в сознание на этот раз, он отчетливо понял, что умирает. Притом что каждое из причиненных Романелли увечий по отдельности не представляло смертельной опасности, для того, чтоб хотя бы остаться живым, Эшблесу необходимо было попасть в реанимацию 1983 года.

Единственным оставшимся у него глазом он уставился в стену напротив и без всякого удивления увидел на полке над водяной колонкой

шеренгу игрушечных человечков ростом в четыре дюйма, потом с трудом повернул голову и уставился в искаженное неверным светом факелов лицо Романелли. Должно быть, это все-таки альтернативный мир, отстраненно подумал он. Здесь Эшблес погиб в 1811 году. Ну что ж, он тоже умрет молча. Не думаю, чтобы ты, Романелли, смог вычислить расположение будущих окон во времени по известным мне прошлым окнам — но и этого шанса я тебе не дам. Можешь сдохнуть здесь вместе со мной.

— Вы перестарались, — послышался писклявый голос Хорребина откуда-то сзади. — Это вам не ящик вскрыть — не так просто и не так быстро. Вы его просто убиваете.

— Возможно, он тоже так думает, — прохрипел Романелли, стоявший в явно причинявшей ему немалые страдания паутине крошечных молний. — Но слушай меня, Эшблес: ты не умрешь, пока я тебе не позволю. Я мог бы отрезать тебе голову — правда, могу — и все же поддерживать жизнь в твоем теле с помощью магии. Ты, должно быть, надеешься, что умрешь до рассвета? Позволь мне огорчить тебя: я могу растянуть твою смерть на десятилетия.

Дверь располагалась как раз за спиной дво-

их чародеев, и когда Эшблес увидел, как в ней возникают и неслышно крадутся в комнату чудовищные фигуры, он отчаянным усилием воли заставил себя не выдать этого даже слабым движением глаза. Кто бы это ни был, подумал он, будем надеяться, они настоящие и убьют нас всех.

Однако он старался зря: на полке над колонкой послышался оживленный шорох, и одна из кукол вскинула крошечную руку и завизжала: «Ошибки вырвались на волю!»

Хорребин, как стрелка компаса, повернулся на своих ходулях, вытянул язык так, чтобы тот касался кончика его носа, и испустил пронзительный свист, отдавшийся болезненной вибрацией в оставшихся у Эшблеса зубах. Одновременно Романелли сделал глубокий вдох — звук был словно от раскрытого зонтика, который протаскивают вниз по дымоходу, — и, вытянув перед собой покрытые кровью руки ладонями вперед, выпалил три заклинания.

Одна из Ошибок — длинная мохнатая тварь с большими ушами и ноздрями, но без глаз — по-кошачьи метнулась на Хорребина, но наткнулась на невидимый барьер и с плеском упала в грязь.

— Избавься… от… них… — всхлипнул Романел-

ли. Из его носа и ушей струилась кровь. — Я… второй попытки… не могу…

С полдюжины Ошибок, включая огромную рептилию с сильно выступающей нижней челюстью и несколькими рядами клиновидных зубов, с шумом бросались на барьер и грызли его.

— Открой щели в полу, — беспокойно сказал Хорребин. — Мои мальчики с пальчик живо загонят их обратно в клетки.

— Я… не могу, — чуть слышно прошептал Романелли. — Если я попробую укрепить барьер… он просто… рухнет. — Кровь покатилась у него из глаз, словно слезы. — Я… я рассыпаюсь.

— Гляньте на штаны клоуна! — прорычало басом зубастое чудище.

Хорребин невольно опустил глаза и увидел, что его белые панталоны заляпаны грязью — это мохнатая Ошибка, падая, забрызгала их.

— Грязь проходит через него! — взревело чудище, схватило с пола булыжник размером с кулак и швырнуло.

Камень ударил Хорребина в живот, и тот пошатнулся на своих ходулях — и тут же в него попали еще два, один в руку, зато второй — прямо в белый лоб. Клоун опрокинулся назад и со смесью гнева и ужаса на лице уселся в грязь.

Мальчики с пальчик, размахивая игрушечными мечами, огромными кузнечиками попрыгали с полки и бросились сквозь барьер на врага, целясь в ноги Ошибок.

Романелли сложил изуродованную ногу Эшблеса, привязал лодыжку к бедру и, заскрежетав зубами от усилия, взвалил умирающего поэта на спину. Каждый шаг его сопровождался укусом кого-то из Ошибок, но Романелли, задыхаясь, дотащил Эшблеса до двери, вывалился из лаборатории, оставив шум и крики позади, и спустился по лестнице на ярус ниже.

Люди Керрингтона, сгрудившиеся у факела на стене, с возрастающим нетерпением ожидали своего командира, шепотом споря, не выступать ли им без него. Однако они замолчали и отпрянули в тень при виде едва переставлявшего ноги Романелли с ношей на плече. Не обращая на них внимания, тот прошел под аркой и исчез в темноте.

— Иисусе! — прошептал один, схватившись за кинжал. — Может, догнать его и прикончить?

— Ты что, ослеп? — буркнул другой. — Он и так труп. Пошли лучше разделаемся с клоуном.

Они двинулись к лестнице, когда с нее вывалилась стая ревущих Ошибок, преследуемых по

пятам роем мальчиков с пальчик.

* * *

Несмотря на все попытки чародея с помощью магии и медикаментов удерживать Эшблеса в сознании, тот все же провалился в предсмертное забытье, из которого выныривал только на короткие мгновения. То в какой-то момент ему показалось, что его тащат куда-то вниз по лестнице, то вдруг почудилось, что несущий его Романелли бездумно, прерывающимся голосом мурлычет веселую песенку; потом вещи начали путаться: в свете электрических разрядов он увидел тварь, напоминающую огромную жабу в треуголке, по одну сторону от них и шестиногую собаку с человечьей головой — по другую, и тут же воздух наполнился гудящими жуками, только это были не жуки, а крошечные злые человечки, размахивавшие крошечными мечами.

Потом Романелли оступился, и они оба покатились куда-то вниз по скользкому склону; последнее, что Эшблес успел увидеть, прежде чем потерял сознание, заставило его удивиться даже в этом состоянии: ему почудилось лицо Джеки, залитое слезами и почему-то без усов.

* * *

Искрящееся существо, столкнувшееся с Джеки, врезалось затем в Безглазых Сестер, отшвырнув их в темноту, и Джеки поднялась на колени как раз вовремя, чтобы увидеть, что разбрызгивавшая молнии фигура — человек и что следом за ним по склону скользит Вильям Эшблес, судя по всему, мертвый, а потом Джеки пришлось пригнуться, изо всех сил вцепившись руками и ногами в камни, ибо сверху на нее обрушилась лавина рычащих и мяукающих тел, невидимых в темноте, а за ними следом несся рой чего-то, напоминающего больших кузнечиков. Еще через пару секунд этот дьявольский зверинец исчез внизу, и она продолжила карабкаться вверх по склону.

Сверху тоже послышался шум: слабые крики, и визг, и безумный смех — все это, искажаясь, эхом гуляло в каменных стенах. «Что за безумие охватило Крысиный Замок этой ночью?» — вяло удивилась Джеки.

Немало минут прошло, прежде чем она снова почувствовала под ногами ровный пол и, подняв глаза, увидела далеко впереди свет факела. Людей Керрингтона поблизости не было; что бы ни тво-

рилось в Замке, это явно происходило не здесь, так что Джеки поднялась на ноги и из последних сил бросилась туда, где был виден свет.

Несколько минут она просто стояла, задыхаясь, в полукруге восхитительного желтого света, наслаждаясь иллюзией безопасности — словно на Королевском пятачке при игре в салки… она ведь так недавно играла в салки, — но в конце концов нехотя шагнула дальше, снова в темноту.

С пристани доносились встревоженные голоса, поэтому она бесшумно свернула по коридору направо, в сторону лестницы из подземелья, однако застыла, услышав голоса и там.

Охрана, подумала она, — скорее всего, люди Керрингтона, следящие за тем, чтобы никто не выбрался из этого разворошенного муравейника.

Она решила вернуться и переждать, пока охранники не вернутся на поверхность, а потом спуститься вплавь по подземной реке к Темзе, но не успела она сделать и шага, как крики усилились, и коридор осветился странным, отраженным светом. Он разгорался все ярче, словно люди с факелами вот-вот выбегут из-за угла. Джеки в панике оглянулась в надежде увидеть дверь, но двери не было. Она прижалась к стене.

Крик становился все громче, она расслышала торопливый деревянный постук, и из дальнего коридора вывалился Хорребин — горящий с ног до головы и бегущий на своих ходулях от того, что по шуму напоминало стаю крыс; в следующую секунду его преследователи вывернулись из-за угла и устремились на него, швыряя в него камни и заливаясь лаем, как свора гончих.

Джеки оглянулась на лестницу и увидела наверху два неясных человеческих силуэта, наводящих на весь этот клубок ружья. С этой стороны спасения нет, подумала она, падая у стены и закрывая лицо руками в слабой надежде на то, что все враждующие стороны примут ее за труп.

Два выстрела слились в один, и вспышка осветила на мгновение подземный коридор. От стен полетели каменные осколки, а пылающий клоун, пошатнувшись, остановился — картечь, разумеется, не причинила ему вреда, но задержала ровно настолько, чтобы его чудовищные преследователи смогли догнать его.

Какая-то часть мальчиков с пальчик была убита картечью, однако оставшиеся опомнились и атаковали разъяренных Ошибок, прижавших клоуна к стене и терзавших его ноги перепачканными в грязи зубами. Человечки бросались

прямо на клыки Ошибок, разя их своими игрушечными мечами в глаза, в глотки, в уши, нимало не заботясь о собственном спасении. Но и Ошибки дрались насмерть, не обращая внимания на мальчиков с пальчик, корчась под их ударами и все же прорываясь вперед, чтобы запустить зубы в любую доступную часть тела Хорребина или выбить из-под него ходули.

Это безумное действо разворачивалось всего в нескольких ярдах от Джеки, и она не могла не приподнять голову, чтоб хотя бы одним глазом взглянуть на него. Почерневший, всхлипывающий клоун горел уже не так ярко, как прежде, но света все же хватало, чтобы Джеки видела отдельные фрагменты схватки: одну из Ошибок, создание размером с пуделя, все в щупальцах, с обоими глазами, выколотыми маленькими гомункулусами, запускающее клыки в правую руку Хорребина и, мотнув мордой, отрывающее ее почти целиком; двух тварей, похожих на чудовищного размера слизней, пронзенных дюжиной мечей каждая, но все же забившихся между стеной и левой ходулей и последним усилием сдвинувших ее так, что клоун с грохотом обрушился на них. Стоило Хорребину оказаться на полу, как почти весь свет погас, так что все,

что Джеки видела, — это слабо копошащуюся массу умирающих тел, а все, что слышала, — это стихающие стоны, хруст, чавканье, всхлипы и тяжелое, прерывистое дыхание. Коридор заполнился вонью, как от горящего мусора.

Джеки вскочила и бросилась мимо этой груды тел дальше, в глубь лабиринта, но, не пробежав и двадцати шагов, оступилась и упала бы, не схвати ее кто-то за руку.

Она резко обернулась, гадая, достанет ли ей сил справиться с чем-либо еще, и застыла, услышав голос своего невидимого собеседника:

— Прошу прощения, сэр, кем бы вы ни были — Мыслью, Причудой или Беглой Добродетелью, не могли бы вы помочь мне выбраться на какие-нибудь бодрствующие этажи моего разума?

* * *

Эшблесу уже некоторое время казалось, что он лежит на дне лодки, направляемой нетвердой рукой доктора Романелли, но когда его сознание прояснилось в очередной раз, он заметил, что поверхность, на которой он лежал, изменилась. Прошлый раз, когда он приходил в себя, это было твердое, грубо оструганное дерево, теперь же это смахивало скорее на мягкую кожу, натянутую на

какой-то упругий каркас. Он открыл глаза и вяло удивился тому, что может видеть — при полном отсутствии света. Лодка плыла по огромному подземному залу, вдоль стен которого вертикально стояли саркофаги, зияющие угольной чернотой.

Он услышал, как Романелли закашлялся, и повернул голову в его сторону. Сухопарый чародей тоже излучал антисвет; он со страхом смотрел куда-то за спину Эшблеса. Тот с усилием приподнялся на локте, повернулся в ту сторону и увидел несколько высоких фигур, стоявших на корме, а посередине лодки — нет, ладьи! — небольшую гробницу, вокруг которой обвилась змея, держащая себя зубами за кончик хвоста. В гробнице стоял диск в человеческий рост, и он сиял такой ослепительной чернотой, что Эшблесу пришлось отвести взгляд, хотя ему показалось, что он успел заметить на нем рельефный силуэт жука-скарабея.

Когда он снова обрел способность видеть, он заметил, что Романелли облегченно улыбается, а по впалым щекам его катятся слезы.

— Ладья Ра! — шептал он. — Священная Месектет, на которой солнце проплывает двенадцать часов тьмы от заката до рассвета! И я плыву на ней — и на заре, когда мы вновь выплывем в мир

смертных, я буду плыть на ладье Манджет, ладье утреннего неба, и воскресну!

Слишком измученный, чтобы думать об этом, Эшблес откинулся на кожу, под которой, как ему показалось, пульсирует кровь. Плач, который он слышал всю ночь, стал отчетливее и как будто ближе, и теперь он звучал как мольба. Эшблес повернул голову и через низкий фальшборт взглянул на берег — там протягивали руки вслед проплывающей мимо ладье какие-то неясные фигуры; судя по всему, они-то и плакали. Через равные промежутки на берегу стояли высокие столбы — отмечавшие часы, как он понял, — со змеиными головами на верхушках; и каждый раз, когда ладья миновала очередной столб, змеиные головы на мгновение превращались в склоненные человеческие.

Эшблес сел и только тут заметил, что ладья, собственно, и не ладья, а огромный змей, расширяющийся примерно посередине наподобие развернутого капюшона кобры, а нос и корма — живые змеиные головы на тонких шеях.

«Вот оно, — подумал он. — Двенадцать Часов Тьмы. Вот о чем я писал. Я плыву в ладье, которую могут увидеть только умершие».

Он ощущал, что диск живой — то есть нет, разу-

меется, мертвый, но одушевленный — и что двое безбилетников ему безразличны. Высокие фигуры на корме — вроде бы люди, но со звериными и птичьими головами — тоже полностью их игнорировали. Эшблес снова откинулся на палубу.

Спустя некоторое время ладья проплыла в туманные врата, по сторонам которых высились два саркофага размерами с телеграфный столб, фигуры на берегу заметались и заплакали громче, и сквозь их жалобные стенания ему слышался негромкий металлический лязг.

— Апоп! — кричали призраки. — Апоп!

И тут он увидел, как еще одно черное пятно поднимается из воды, и понял, что это змеиная голова, такая гигантская, что по сравнению с ней их ладья показалась маленькой игрушкой. Из пасти свисало что-то похожее на человеческие тела, и змей, мотнув головой, расшвырял их во все стороны и, изогнувшись, навис над ладьей.

— Змей Апоп, — прошептал Романелли, — Апоп, чье тело покоится в глубинном царстве, где тьма сгущается настолько, что становится твердью. Апоп чует, что на ладье плывет душа, не достойная выплыть на рассвете. — Романелли улыбнулся. — Впрочем, ты мне больше не нужен.

Не в силах даже приподняться на локте, Эшблес беспомощно смотрел, как абсолютно черная голова заслоняет весь мир над ним. Воздух наполнился могильным холодом, и когда змей распахнул свою чудовищную пасть, ему показалось, будто он видит в глубине далекие черные звезды антимира, словно пасть эта была вратами во Вселенную абсолютного холода и отсутствия света.

Эшблес закрыл глаза и вверил свою душу любым милосердным богам, если таковые хоть где-то еще остались.

Пронзительный визг заставил его снова открыть глаза, в последний раз, как он надеялся… и он увидел распадающуюся фигуру доктора Романелли, падающую вверх, прямо в бездонную черную глотку.

* * *

Скорее для уверенности Джеки глянула сначала на темный запад, где широкая Темза сворачивала у Уайтхолла на юг, потом снова посмотрела на восток.

Да, небо определенно начинало светлеть. Она облегченно улыбнулась. На фоне предрассветного небосклона можно было уже разглядеть

темные арки Блэкфрайерского моста.

Она перевела дух и села на низкий каменный парапет. На илистом берегу чуть выше арок Адельфи становилось свежо — она плотнее запахнула пальто, но все равно ее пробирала дрожь. «Ясное дело, это совершенно безнадежно, — подумала она, — и все равно я дождусь рассвета, чтобы посмотреть, не вынесет ли Эшблеса куда-нибудь сюда — вдруг он еще не был мертв, когда падал мимо меня в том подземелье, вдруг он смог добраться до подземной реки и успел спуститься по ней, прежде чем началось это страшное… отвердение?»

Она зябко передернула плечами, для успокоения посмотрела на светлевший с каждой минутой горизонт и позволила себе вспомнить подробности бегства из подземелий.

Она взяла Кольриджа за руку и начала осторожно нашаривать дорогу обратно по коридору, когда ее поразила внезапная тишина. Стихли не только далекий плач, но и малейшие колебания воздуха, шорох от бесчисленных подземных сквозняков. Пробираясь мимо места, где — как она помнила — лежал труп Хорребина, она прижалась к правой стене — и чуть не закричала, когда из темноты послышался неестественно

низкий голос.

— Здесь не место людям, друзья мои, — произнес он.

— Э-э… да, — пискнула Джеки. — Мы уходим.

Она услышала шорох, шлепки и тихое звяканье металла о металл — и когда голос послышался снова, источник его находился прямо у них над головами.

— Я вас провожу, — произнес он. — Даже умирая от уколов клоунских карликов, Большой Кусака защищает тех, кто помог ему.

— Вы… вы нас проводите? — недоверчиво переспросила Джеки.

— Да. — Существо тяжело вздохнуло. — Я делаю это для твоего спутника, освободившего моих братьев, сестер и меня самого и давшего нам шанс отомстить перед смертью тому, кто нас создал такими. — Джеки заметила, что голос не отдавался эхом, словно они стояли не в коридоре, а в замкнутом помещении. — Не мешкайте, — добавил Большой Кусака, делая шаг вперед. — Тьма твердеет.

Необычное трио поспешило к лестнице и начало подъем. На первой площадке Кольриджу захотелось передохнуть, но Большой Кусака заявил, что отдыхать некогда, подхватил Кольри-

джа, и они продолжили свой путь.

— Не отставай, — предупредил их провожатый Джеки.

— Не буду, — заверила его Джеки, сообразив, что не слышит эха ни из коридора, из которого выходили, ни даже с нижних пролетов лестницы, по которым только что поднялись. Что там говорили ей Безглазые Сестры полгода назад? Тьма твердеет, словно густой ил, и мы хотим убежать отсюда, когда она сделается твердой, как камень… мы не хотим оказаться закованными навечно в камень и в ночь, когда тьма затвердеет! Джеки старалась не отставать от торопливого шага Большого Кусаки и радовалась, что он идет так быстро.

Когда они наконец поднялись на самый верх и вышли в ярко освещенную факелами кухню Крысиного Замка, к ним шагнули двое людей Керрингтона — и тут же отпрянули, увидев того, кто нес в мощных руках Кольриджа. Джеки посмотрела на Большого Кусаку и сама чуть не лишилась чувств. Их провожатый оказался огромной рептилией с пучками длинных щупалец — карикатурой на бороду и шевелюру — вокруг лица, глазами, напоминающими стеклянные пресс-папье, и свиным пятачком. Однако

самой поразительной деталью его лица являлся рот — двенадцатидюймовая щель, едва закрывающаяся из-за нескольких рядов огромных острых зубов. На нем было пальто древнего фасона, изорванное и окровавленное на груди.

— Эти паразиты вам не помешают, — спокойно сказал Большой Кусака. — Пошли.

Он осторожно поставил Кольриджа на ноги и проводил их до двери на улицу.

— А теперь ступайте, — сказал он. — Быстрее. Я подожду, пока вы не скроетесь из вида, но мне надо успеть спуститься вниз, прежде чем тьма окончательно затвердеет.

— Хорошо, — отозвалась Джеки, с наслаждением вдыхая относительно свежий предрассветный воздух Бьюкеридж-стрит. — И спасибо за…

— Я сделал это ради твоего друга, — буркнул Большой Кусака. — Идите же.

Джеки кивнула и повела Кольриджа по темной улице. Они без помех добрались до «Гудзона», и когда они поднялись в номер Кольриджа, Джеки уложила его в постель. Тот уснул, прежде чем Джеки тихо прикрыла за собою дверь. Она заметила пузырек лауданума на столике у изголовья, и ей показалось, что она понимает, почему меры предосторожности, предпринятые Керрингто-

ном, в случае со старым поэтом не сработали. В самом деле, откуда Керрингтону было знать о той стойкости, которую Кольридж выработал к опиуму?

Потом она спустилась к Темзе, туда, где у арок Адельфи сливалась с ней подземная река: вдруг из туннеля покажется Эшблес или то, что от него осталось?

Небо на востоке уже окрасилось в стальной цвет, и цепочка редких облачков над горизонтом осветилась еще не показавшимся солнцем. До восхода оставались считаные минуты, если не секунды.

Вода в глубине взбурлила, и Джеки глянула туда как раз вовремя, чтобы увидеть всплывающую на поверхность призрачную, полупрозрачную ладью. По мере того как горизонт окрашивался розовым, ладья становилась все прозрачнее, устремляясь на восток со скоростью, уверившей Джеки в том, что все это просто грезится ей по причине крайней усталости, однако в следующую же долю секунды она заметила две вещи: из-за далекого лондонского горизонта показался первый кусочек восходящего солнца, а в нескольких футах от берега с плеском вынырнул из воды человек, явно упавший в воду с ладьи в момент,

когда та окончательно дематериализовалась.

Джеки вскочила, узнав этого человека, устало плывшего к берегу.

— Мистер Эшблес! — крикнула она. — Сюда!

* * *

Когда ладья-змея проплывала меж двух столбов, увенчанных головами с фараонскими бородками, Эшблес ощутил разгорающийся в нем чудовищный жар, и до того мгновения, как очутился в ледяной воде Темзы, он не сомневался в том, что это и есть его смерть.

Он вынырнул на поверхность, откинул с глаз мокрые волосы, и до него дошло, что у него снова есть волосы… и оба глаза! Он поднес к глазам сначала одну руку, потом другую — и был рад увидеть, что все пальцы целы.

Возрождение, которого напрасно ждал доктор Романелли, случилось с ним. Воскресшее солнце живым и невредимым явилось на рассвете миру, а вместе с ним — бог знает почему — это позволили сделать и Эшблесу.

Он поплыл к берегу и тут услышал оклик. Он задержался, нахмурился, вглядываясь в берег, потом узнал человека, сидевшего на парапете, помахал и поплыл к нему.

Вода как-то странно плескалась под арками Адельфи, и когда он наконец смог встать на отмели и зашлепал к берегу по илистому дну, он понял почему: подземная река остановила свой бег в Темзу, словно где-то выше по ее течению закрыли огромный кран, и Темза теперь несла свои воды мимо места, где стоял Эшблес, так же спокойно, как выше или ниже по течению. Несколько речных птичек снизились, чтобы приглядеться к поднятой его ногами тине, быстро уносимой течением.

Он поднял взгляд на того, кто сидел на каменной стене.

— Привет, Джеки, — окликнул он. — Надеюсь, Кольридж тоже спасся?

— Да, сэр, — отозвалась Джеки.

— И, — продолжал Эшблес, взбираясь на берег, — готов поспорить, он не вспомнит ничего из того, что видел этой ночью.

— Ну, — ответила удивленная Джеки, когда мокрый бородатый великан вскарабкался по склону и уселся рядом с ней, — если на то пошло, вряд ли вспомнит. — Она пристально посмотрела на него. — А мне показалось, что вы уже умерли, когда скользили мимо меня по тому склону. Ваши… глаза, и…

— Да, — тихо ответил Эшблес. — Я умирал — но нынче ночью действовала магия, и не только магия зла. — Настал его черед посмотреть на нее. — Ты нашел время побриться?

— А… — Джеки потерла верхнюю губу. — Это… усы… обгорели.

— Боже праведный! Впрочем, я чертовски рад, что ты выбрался оттуда. — Эшблес откинулся назад, прикрыл глаза и глубоко вздохнул. — Буду сидеть здесь, — объявил он, — пока не просохну на солнце.

Джеки нахмурилась:

— Вы умрете от простуды — это будет обидно, учитывая то, что вы только что спаслись из… квинтэссенции кошмаров Данте.

Он улыбнулся, не открывая глаз, и покачал головой:

— Эшблесу еще предстоит переделать уйму дел, прежде чем умереть.

— Правда? И каких, например?

Эшблес пожал плечами:

— Ну… во-первых, жениться. Кстати, пятого числа следующего месяца.

Джеки беззаботно тряхнула головой:

— Что ж, очень мило. И на ком?

— На девушке по имени Элизабет Жаклин Ти-

чи. Славная девушка. Ни разу еще не встречался с ней, хотя видел портрет.

Брови Джеки изумленно поползли вверх.

— На ком?

Эшблес повторил имя.

Ее лицо поочередно то кривилось в обиженной улыбке, то хмурилось.

— Так вы ни разу не встречались с ней? И с чего это вы тогда так уверены, что она выйдет за вас?

— Я просто знаю это, Джеки, дружок. Можно сказать, у нее нет выбора.

— Значит, это свершившийся факт?! — сердито вскинулась Джеки. — То есть ваши широкие плечи и буйная шевелюра… лишат ее возможности сопротивляться, да? Или нет, молчите… ваши стихи, разве не так? Ну да, вы будете дурить ей голову несколькими строчками ваших проклятых «Двенадцати Часов» — я правильно понял? — и она, несомненно, решит, что раз уж не понимает ничего, то это и есть настоящее… искусство, да? Ах вы, самонадеянный сукин сын…

Эшблес изумленно открыл глаза и сел.

— О, черт побери, Джеки, что с тобой? Ну что я такого сказал? Я же не говорю, что собираюсь изнасиловать ее, я…

— О нет! Нет, вы просто предоставите ей един-

ственный в жизни шанс… как это… сочетаться законным браком?.. с самым настоящим поэтом. Вот повезло девице!

— Что ты несешь, парень? Я только сказал…

Джеки вскочила и встала на стене, вызывающе подбоченившись:

— Так познакомьтесь же с Элизабет Тичи!

Эшблес вылупил на нее глаза:

— Что ты имеешь в виду? Ты ее что, знаешь? О боже, верно, ты и в самом деле знаком с нею, правда? Послушай, я не хотел…

— Заткнитесь! — Джеки взмахнула рукой, распуская волосы. — Я — Элизабет Жаклин Тичи!

Эшблес смущенно засмеялся, потом сделал еще попытку:

— Боже мой! Ты… вы… правда?

— Это одна из… скажем, четырех вещей, в которых я абсолютно уверена, Эшблес.

Он огорченно всплеснул руками:

— Черт побери, простите меня, Дже… мисс Тичи. Я-то думал, вы просто… старый добрый Джеки, мой приятель по давним денькам в доме Капитана Джека. Я и не догадывался, что все это время вы…

— Вы никогда не были в доме Капитана Джека, — заявила Джеки. — Или вы?.. — добавила она

почти умоляюще.

— В некотором роде был. Видите ли, я… — Он осекся. — А что вы скажете, если мы продолжим этот разговор за завтраком?

Джеки нахмурилась, но, подумав, кивнула:

— Ладно, но только потому, что бедный Дойль так ценил вас. И это не означает, что я вам уступила, ясно? — Она улыбнулась, потом спохватилась и снова нахмурилась. — Пошли, я знаю одно заведение на Сент-Мартин-лейн, где вам даже позволят просохнуть у огня.

Она спрыгнула со стены, Эшблес поднялся, и они вдвоем, все еще дуясь друг на друга, зашагали в лучах утреннего солнца на север, к Стрэнду.

Эпилог
12 апреля 1846 г.

Не поздно никогда начать другую жизнь.
Удар веслом – и челн несет другой поток;
Ведь цель моя – спешить всегда вперед
Закатною тропой иль парус поднимать
Под небом, полным звезд Востока,
До часа смертного…

Лорд Альфред Теннисон

Почти целых четверть часа простояв в дверях и глядя на серые холмистые просторы Вулвичских болот под набухавшим дождем небом, Эшблес чуть было не снял плащ и не вернулся в дом. В конце концов, огонь в камине горел так уютно, и он не добил еще вчера эту бутылку «Гленливе»… Он нахмурился, поправил на своей седой шевелюре фуражку, дотронулся до эфеса меча, надетого так, на всякий случай, и запер за собой дверь. «Никак нельзя, ведь у меня долг перед Джеки, — подумал он, спускаясь с крыльца. —

Она встретила свой срок так… благородно — семь лет назад».

Последние пару лет жизни в одиночестве Эшблес порой с раскаянием ловил себя на том, что уже с трудом припоминает лицо Джеки — чертовы портреты казались похожими, пока были новыми и пока была жива она для сравнения, но теперь ему казалось, будто ни один так и не запечатлел ее настоящую улыбку. Однако сегодня, понял он, он мог вспомнить ее так отчетливо, словно она только утром села в дилижанс, отправляющийся в Лондон, — ее милую, чуть саркастическую улыбку, ее хмурящиеся на мгновение брови и ее обаяние мальчишки-беспризорника, что — на его взгляд — сохранилось у нее вплоть до смерти от лихорадки в возрасте сорока семи лет. «Возможно, — подумал он, пересекая дорогу и ступая на тропу, — знакомую ему за последние пару лет до последнего кустика, ибо он знал, что сегодня пойдет по ней, — возможно, я вспоминаю ее так отчетливо, потому как знаю, что сегодня присоединюсь к Джеки».

Тропа вилась между холмами, то поднимаясь, то опускаясь, но и через десять минут, когда он вышел к реке, его шаг оставался таким же упругим, ведь он годами поддерживал свою фи-

зическую форму и занимался фехтованием, имея твердое намерение хотя бы серьезно ранить того, кому намечено судьбой убить его.

«Я подожду здесь, — решил он, — на пологом склоне, откуда открывается хороший вид на заросший ивами берег Темзы. Они найдут мое тело ближе к воде, но я хочу сначала как следует разглядеть своего убийцу».

И кто, гадал он, может им оказаться?

Он заметил, что слегка дрожит, и заставил себя сесть и несколько раз глубоко вдохнуть. — Спокойно, старина, — сказал он себе. — Ты тридцать пять долгих и по большей части счастливых лет знал, что этот день наступит».

Он запрокинул голову и посмотрел на низкие, растрепанные тучи. «И почти все твои друзья уже умерли, подумал он. Байрон ушел — тоже от лихорадки — двадцать с чем-то лет назад в Миссолонги, а Кольридж отдал душу богу в 1834-м…» Эшблес улыбнулся и уже не в первый раз задумался, сколько из поздней поэзии Кольриджа, в особенности из «Лимбо» и Ne Plus Ultra, порождено смутными образами, вынесенными им из той ночи в апреле 1811 года. Некоторые строки до сих пор озадачивали Эшблеса: «Не самый лучший вид открылся Лимбо в клети той: Округлость стен

и сторож-дух, бесплотный часовой; Но пуще этого ночной кошмар, что явью стал…» или: «О столб во мраке ночи, О черный свет, слепящий тьмою очи… Сгустившаяся тьма и шторм подземный…»

Он протер глаза и поднялся — и застыл, а грудь его сковал ледяной холод, ибо пока он смотрел на небо, у берега появилась привязанная к иве лодка, а вверх по склону торопливо поднимался высокий, дородный мужчина с мечом в ножнах на правом бедре. «Забавно, — нервно подумал Эшблес, — левша, как и я».

О'кей, сказал он себе, а теперь спокойствие. Помни, тебя нашли с единственной раной — в живот, так что можешь не особенно стараться, защищая руки, ноги и голову. Парируй только удары, нацеленные в корпус… зная при этом, правда, что один-то удар ты так и не успеешь отбить.

Его правая рука провела по животу, словно пытаясь определить, в какое именно место пока целой и здоровой кожи через несколько минут воткнется несколько дюймов остро отточенной стали.

Через час все будет кончено, подумал он. Постарайся встретить этот час так же отважно, как это сделала Джеки. Ибо она тоже знала, что ей

суждено… знала с той ночи в 1815-м, когда ты был слишком пьян и один-единственный раз сдался на ее просьбы назвать ей дату и рассказать подробности ее смерти.

Эшблес расправил плечи и зашагал вниз по тропинке встретить своего убийцу на полпути.

Человек поднял глаза и, казалось, удивился идущему ему навстречу Эшблесу. Интересно, что у нас за ссора выйдет, подумал Эшблес. По крайней мере, он не молод — его борода так же седа, как моя. Судя по загару, ему тоже пришлось путешествовать. Черт, его лицо кажется странно знакомым.

Когда их разделяло только десять ярдов, Эшблес остановился.

— Доброе утро, — произнес он и порадовался тому, как ровно звучит его голос.

Другой человек моргнул и принужденно улыбнулся, и Эшблес чуть вздрогнул, поняв, что тот совершенно безумен.

— Ты — он, — хрипло выдавил из себя незнакомец. — Правда ведь?

— Кто — он?

— Дойль. Брендан Дойль.

Дойль ответил, и снова ему удалось скрыть свое изумление:

— Да… но я не пользовался этим именем больше тридцати пяти лет. Как? Мы знакомы?

— Я тебя знаю. И, — добавил тот, вытаскивая меч, — я пришел убить тебя.

— Я так и думал, — спокойно ответил Эшблес, отступая на шаг и выхватывая из ножен свой меч. — Могу я спросить, за что?

— Ты знаешь, за что, — ответил он, делая выпад одновременно со словом «знаешь». Эшблесу удалось отбить его.

— Но я правда не знаю, за что, — выдохнул Эшблес, пытаясь сохранить равновесие на скользком склоне.

— За то, — бросил человек, делая быстрый выпад и сразу же отступая назад; Эшблес парировал удар круговым движением, — что ты жив. — Меч его сверкнул в воздухе и устремился в грудь Эшблеса, и тому пришлось отступить еще на шаг назад. — А я — не могу! — Меч на излете задел правую руку Эшблеса ниже локтя, и Эшблес ощутил, как острие, прорвав куртку и рубаху, входит в его плоть, со стуком задев кость.

Эшблес был так поражен, что чуть не забыл отбить следующий удар. «Но это неправильно, — в отчаянии подумал он, — я же знаю, что меня не могут найти с раненой рукой!»

И рассмеялся, вдруг поняв все.

— Сдавайся, или умрешь! — почти весело крикнул он своему противнику.

— Сам умрешь! — буркнул загорелый человек, делая замах и прерывая его, как бы приглашая Эшблеса атаковать из неудобного положения. Но Эшблес не купился на этот трюк, он поймал лезвие меча противника на эфес своего, резко швырнул его в сторону и сразу же устремился вперед, погрузив свой меч в живот загорелого человека. Он ощутил, как его острие остановилось, упершись в позвоночник.

Человек сел на сырую траву, сжимая живот мгновенно ставшими скользкими от крови руками.

— Быстро! — прохрипел он. — Стань я тобою!

Эшблес смотрел на него сверху вниз; все возбуждение схватки куда-то испарилось.

— Ну же, — молил тот, роняя меч и начиная ползти к Эшблесу по траве. — Действуй! Где же обмен?!

Эшблес отступил на шаг. Его противник прополз еще ярд или два, потом вытянулся и затих.

Прошло несколько минут, прежде чем Эшблес тронулся с места, и когда он сделал это, он опустился на колени у бездыханного тела и мягко

положил руку ему на плечо.

«Если и существует награда после смерти, — подумал он, — для созданий вроде тебя, клянусь, ты заслужил ее. Бог знает, как ты добрался до Англии из Каира и как нашел меня. Может быть, тебя просто влекло ко мне — как призраков, по слухам, влечет на место, где они умерли. Ну что ж, в некотором роде ты все-таки станешь мною, войдя в мою биографию — в качестве трупа».

Немного спустя Эшблес вытер меч пучком травы, встал и убрал его в ножны, потом оторвал кусок шарфа и перевязал им порезанную руку. Холодный весенний ветер унес из его головы все мысли о прошлом, и с ожиданием приключения — ощущением, которого он не испытывал уже не одно десятилетие, — он спустился по тропе к привязанной лодке, оставив лежать на траве тело ка, созданного из него доктором Романелли так много лет назад.

«Начиная с этой минуты никто не знает, что со мной случится, — задыхаясь от восторга, думал он, отвязывая веревку. — Может, я через пять минут переверну лодку и утону, а может, проживу еще двадцать лет!»

Он шагнул в лодку и вставил весла в уключины, и в три гребка вывел лодку на чистую воду.

И гребя дальше, навстречу подлинной судьбе человека, что был Бренданом Дойлем, и Немым Томом, и Эшвлисом-сапожником, и Вильямом Эшблесом, и больше не был ни одним из них, он развлекал речных птиц всеми битловскими песнями, какие мог вспомнить…

…кроме Yesterday.